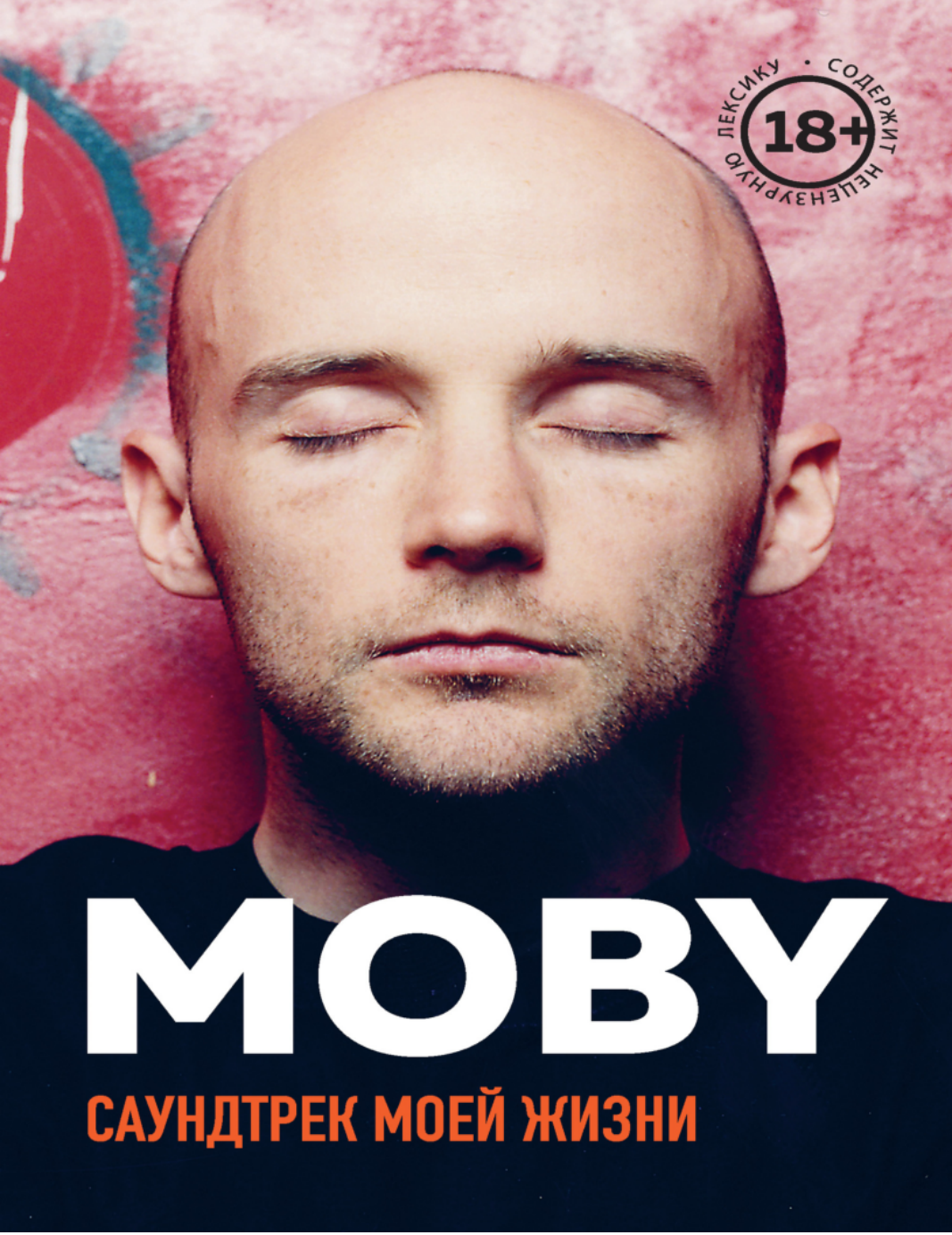

18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ
MOBY
САУНДТРЕК МОЕЙ ЖИЗНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автобиография одного из самых культовых музыкантов нашего времени – пугающе откровенная, чувственная, остроумная, грустная и смешная, охватывающая путь от беспросветной нищеты в трущобах до ошеломительного мирового успеха. Моби не должен был стать ди-джеем или музыкантом, не должен был стать звездой, и на это была тысяча причин. Время начала его карьеры было временем наркотиков, прогрессивной клубной музыки, а сам он был бедным подростком-христианином из Коннектикута, трезвенником, помешанным на здоровом питании и любви к животным. У него не было ничего, и он даже нашел пути, как с этим смириться. Но, возможно, именно те годы в Нью-Йорке как раз и были такими, когда только нищета могла сохранить жизнь. Не без трагедии и драмы Моби нашел свой путь и вырвался на вершины музыкального мира. Моби с поразительной честностью и романтической иронией пишет о любви и боли, взлетах и падениях, которые и составляют непредсказуемую амплитуду рок-славы.Книга содержит ненормативную лексику.

- Моби
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
  - Часть вторая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая

- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая

- Часть третья
  - Глава двадцать пятая
  - Глава двадцать шестая
  - Глава двадцать седьмая
  - Глава двадцать восьмая
  - Глава двадцать девятая
  - Глава тридцатая
  - Глава тридцать первая
  - Глава тридцать вторая
  - Глава тридцать третья
  - Глава тридцать четвертая
  - Глава тридцать пятая
- Часть третья
  - Глава тридцать шестая
  - Глава тридцать седьмая
  - Глава тридцать восьмая
  - Глава тридцать девятая
  - Глава сороковая
  - Глава сорок первая
  - Глава сорок вторая
  - Глава сорок третья
  - Глава сорок четвертая
  - Глава сорок пятая
  - Глава сорок шестая
  - Глава сорок седьмая
  - Глава сорок восьмая
  - Глава сорок девятая
  - Глава пятидесятая
- Часть пятая
  - Глава пятьдесят первая
  - Глава пятьдесят вторая
  - Глава пятьдесят третья
  - Глава пятьдесят четвертая
  - Глава пятьдесят пятая
  - Глава пятьдесят шестая
  - Глава пятьдесят седьмая
- Послесловие

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Моби
MOBY Саундтрек моей жизни

MOBY
MOBY PORCELAIN A MEMOIR

© 2016 by Moby Entertainment, Inc.

© Захаров А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог
Парковка, 1976
Будущее

Все магазины в гипермаркете «Док» в Стратфорде, штат Коннектикут, были закрыты на ночь, кроме прачечной самообслуживания «Фреш-н-Клин». Моя мама, одетая в синие джинсы и коричневую зимнюю куртку, купленную на распродаже «Армии спасения» за пять долларов, была в этой прачечной. Она стояла у покрытого растрескавшимся линолеумом столика под мерцавшими флуоресцентными лампами, курила сигарету «Уинстон» и складывала одежду. Что-то из этих вещей было нашим, что-то принадлежало соседям, которые иногда платили нам за стирку и складывание белья. Той мартовской ночью витрины магазинов были темны; на пустой парковке стояли только наша серебряная «Шеви-Веги» и еще чья-то машина. Холод был влажным и тяжелым, кучи снега в углах парковки посерели и постепенно таяли под дождем.

> Ее движения были яростны, во рту обязательно была сигарета, а на соседские футболки капали слезы. Мне было десять лет.

Каждые две недели я бывал в «Доке», чтобы стирать вместе с мамой. Я или помогал ей, или просто сидел на фиберглассовом стуле в прачечной, наблюдая, как крутятся гигантские сушилки – а крутились они по-особому, несимметрично. Моя мама уже больше года сидела без работы, а ее последние отношения закончились, когда бойфренд попытался пырнуть ее ножом. Я видел, как она плакала, складывая соседскую одежду. Ее движения были яростны, во рту обязательно была сигарета, а на соседские футболки капали слезы. Мне было десять лет.

После того как мы вместе сортировали стирку, я обычно выходил на улицу и гулял по пустой парковке. Я делал петлю вокруг гипермаркета, проходил мимо погрузочных площадок и ржавеющих мусорных контейнеров и спускался к разрушенному доку, благодаря которому торговый центр получил свое название. Док был черный и обгорелый; когда-то его использовали по назначению, но теперь он просто торчал, стоически покорившись судьбе, из темных вод реки Хусатоник. Иногда, если мне везло, я видел гигантских речных крыс, которые сновали среди нор в грязи.

Тем вечером в марте 1976 года было слишком холодно и дождливо, чтобы гулять, а в прачечной от сигаретного дыма стало нечем дышать. К тому же, сидя рядом со стиральными машинами на холодном фиберглассовом стуле и глядя, как мама курит, складывает одежду и рыдает, я особенно сильно ощущал, насколько мы бедны. Так что я провел тот вечер в машине, закутавшись в мокрую куртку из секонд-хенда и играя с радиоприемником. Дождь монотонно долбил по крыше «Веги», а я крутил туда-сюда настроечный диск AM-радио.

В музыке я был неразборчив: мне нравилось все, что звучало из динамика. Я считал, что люди, ставящие музыку на радио, точно знают, что делают, и ни при каких обстоятельствах не дадут в эфир что-то неидеальное. Каждую неделю я слушал хит-парад *American Top 40* от Кейси Кейсема и запоминал песни, которые он ставил. У меня не было любимых исполнителей – я обожал их всех одинаково, с почти религиозным благоговением: от Eagles и ABBA до Боба Сегера, Барри Уайта и Пола Маккартни с его группой Wings. Я просто считал, что вся музыка, которая играет по радио, достойна моего полного и безраздельного поклонения.

> Все, что связано с сексом или чувственностью, приводило меня в ужас и вызывало сильнейшее желание включить мультики «Луни Тьюнз».

Мои мокрые синие джинсы «Рэнглер» липли к виниловому сиденью холодной машины, но я с радостью слушал все, что играло. То была эпоха диско, рока, кантри-рока, прогрессивного рока, яхт-рока и баллад. Led Zeppelin спокойно сосуществовали с Донной Саммер, а Aerosmith жили в мире с Элтоном Джоном. А потом я услышал что-то новенькое: Love Hangover Дайаны Росс. Я знал жанр диско, хотя и не считал, что эта музыка слишком отличается от другой звучавшей на AM-радио. Но песня Love Hangover была особенной. Вступление – томное, соблазнительное, словно из другого мира, – напугало меня.

Все, что связано с сексом или чувственностью, приводило меня в ужас и вызывало сильнейшее желание включить мультики «Луни Тьюнз». Когда я смотрел с мамой телевизор и персонажи «Мод» или «Лодки любви» намекали на секс или интимность, я замирал и безмолвно ждал, пока сцена закончится.

Но Love Hangover была совсем другой. Во-первых, ее поставили на радио, а это значит, что песня хорошая. Во-вторых, она звучала футуристично. Я обожал «Звездный путь» и «Космос: 1999», так что решил, что мне нравится все футуристическое. Будущее было чистым и интересным, в нем не было места

печальным родителям, курящим «Уинстон», и прачечным самообслуживания. Поэтому даже зная, что Love Hangover – о сексе, я все равно дослушал ее до конца. То была футуристическая песня на радио, а меня пока что еще ни разу не подводило ни то ни другое.

Я сидел, глядя на размытый свет ламп прачечной через мокрое лобовое стекло, и постепенно понимал, что от этой песни мне неуютно, но она мне нравится. Она показывала мне мир, который я не знал, противоположный тому, где я жил сейчас, и который я ненавидел. Ненавидел бедность, сигаретный дым, наркотики, стыд, одиночество. А Дайана Росс обещала мне, что где-то есть мир, не запятнанный грустью и обреченностью. Другой мир – чувственный, механистический, гипнотический. И чистый.

Сидя в маминой «Шеви-Веге», я представлял блестящий город, находящийся на расстоянии целой жизни от этой парковки. Я видел, как люди уверенным шагом идут по этому блестящему городу, проходят мимо зданий с гигантскими стеклянными окнами, выходящими на диско-клубы и космопорты. Когда зазвучала лихорадочная диско-концовка Love Hangover, я представил, как люди танцуют, одетые в белое и похожие на роботов-ангелов.

Песня закончилась. Я выключил радио, вышел из машины под дождь и посмотрел вдоль парковки, тянувшейся до самой реки и пустой, за исключением тающего снега и луж. Через зеркальное стекло я снова увидел, как мама курит и складывает одежду, и почему-то даже не расстроился. Жизнь не ограничивалась только этим холодным, унылым торговым центром. Зернышко попало на благодатную почву и тайком проникло куда-то в мою ДНК. Диско-песня на АМ-радио подарила мне лучик надежды: когда-нибудь я покину этот мертвый пригород и найду город, в котором смогу забраться в самое чрево. Чревом будет дискотека, куда меня впустят и дадут послушать футуристическую музыку. Я представил себе, как открою двери диско-клуба на вершине самого высокого здания в мире, и тысяча человек поприветствует меня, улыбаясь.

Часть первая
Грязная мекка, 1989–1990

Глава первая
Сто квадратных футов

В семь часов утра петухи наконец-то заткнулись.

Вокруг заброшенной фабрики в миле от станции Стэмфорд, где я жил, часто повторялись четыре характерных звука.

1. Выстрелы. Торговцы крэком регулярно устраивали перестрелки, обычно – после захода солнца.

2. Церковные песнопения из колонок. Каждые выходные местные отделения доминиканской и ямайской церквей ставили неподалеку большие проповеднические шатры, пытаясь таким образом прогнать торговцев крэком.

3. Public Enemy. Или EMPD. Или Роб Бейс и диджей И-Зи Рок. Каждые пятнадцать минут мимо проезжала машина, из которой гремели песни Fight the Power или It Takes Two на такой громкости, что у меня тостер вибрировал.

4. Петухи. Все жители улицы напротив заброшенной фабрики держали на задних дворах петухов. Они начинали кукарекать где-то в четыре тридцать утра – как раз тогда, когда я пытался уснуть. Я держал рядом с кроватью старый радиоприемник и, когда мне нужно было поспать, настраивал его на частоту, где не было станции. Шипение помех едва-едва заглушало рассветные стаккато петухов, страдавших от переизбытка тестостерона с той стороны улицы.

Я переехал на этот заброшенный завод два года тому назад, и мне там очень нравилось. В девятнадцатом веке это была огромная фабрика скобяных изделий, состоявшая из двадцати или тридцати гигантских кирпичных зданий. Теперь же, в восемьдесят девятом, она превратилась в темную огромную массу в районе, славившемся самым большим количеством убийств во всей Новой Англии. Лет десять назад какой-то застройщик выкупил весь комплекс, окружил его забором и нанял охранников, чтобы присматривали за ним.

Некоторые охранники обеспечивали себе прибавку к зарплате, собирая по 50 долларов в месяц с разных странных личностей и разрешая им за это тайком жить или работать на заброшенной фабрике. Я зарабатывал около 5000 долларов в год, так что вполне мог позволить себе такую «арендную плату». Моя комнатка была маленькой, зажатой между киностудией по производству гей-порно и мастерской какого-то художника, но

она была моей и только моей: сто квадратных футов[1] заброшенной фабрики, где я мог жить и работать, пока охранники брали свои 50 долларов в месяц и притворялись, что меня нет.

> Моя комнатка была маленькой, зажатой между киностудией по производству гей-порно и мастерской какого-то художника, но она была моей и только моей: сто квадратных футов заброшенной фабрики, где я мог жить и работать, пока охранники брали свои 50 долларов в месяц и притворялись, что меня нет.

Стены я построил из выброшенной кем-то фанеры, которую мы с моим другом Полом нашли в мусорном контейнере. Мы с Полом вместе ходили в Дариенскую среднюю школу, где сдружились на почве любви к научной фантастике, а также того, что мы были единственными бедными детьми в Дариене, штат Коннектикут. Стены моего жилища в сто квадратных футов очень напоминали коричневое деревянное стеганое одеяло, а в летнюю жару они воняли так же, как мусорный бак, где мы их нашли. Еще у моего пространства была прекрасная прочная дверь, которую мы спасли из заброшенного дома близ Седьмого шоссе в Норуоке, а пол покрывал толстый, красивый ковер цвета слоновой кости, который я взял из гаража родителей друга. Разрешения я на это не просил, но уверял себя, что ничего страшного в этом нет, потому что если они когда-нибудь заметят пропажу, я тут же верну его обратно. Ковер я вообще не чистил, но он, как ни удивительно, выглядел совершенно нетронутым.

У меня была маленькая коричневая школьная парта, на которой стояли синтезатор Casio, драм-машина и секвенсер Alesis, четырехканальный микшер TASCAM и ужасный сэмплер Yamaha. На колонки у меня денег не было, так что слушать все приходилось через пару наушников из Radio Shack. Я готовил еду в тостерной печке и на одноконфорочной электрической плитке. И я был счастлив. Я обожал крошившиеся кирпичи, обонятельную нагрузку от столетия фабричных запахов и огромное окно, выходившее на юг; зимой оно пропускало бледный свет, летом – сильнейшие знойные лучи.

Фабричный комплекс занимал примерно миллион квадратных футов площади – он был настолько огромным, что я даже не представлял, сколько еще народу там живет, – и, несмотря на то что мне лично «принадлежали» лишь сто квадратных футов из этого миллиона, доступ я имел к каждой клеточке этого пространства. Я ездил на мотоцикле своего друга Джейми вверх и вниз по пустым фабричным этажам, иногда играя в «мотобоулинг»: ставил ряд бутылок в одном конце коридора и

пытался потом сбить их колесами мотоцикла. Когда мне становилось скучно, я устраивал поисковые экспедиции и находил старые канистры с пропаном, бочки промышленных химикатов, гигантские ржавые гаечные ключи, катушки стальных проводов, иногда – дохлых голубей.

Когда в гости приходили друзья и родные, они оставались разочарованы. Пятилетний кузен Бен, который приехал сюда вместе с моей теткой Энн, встал в дверях маленькой комнатки, где я жил, и объявил: «Это ужасно». Я пах как бомж – потому что, несмотря на то, что у меня как бы было жилище, с функциональной точки зрения я был бездомным. У меня не было ни проточной воды, ни туалета, ни отопления, зато было бесплатное электричество – а это единственная коммунальная услуга, необходимая для того, чтобы записывать музыку.

> Я пах как бомж – потому что, несмотря на то, что у меня как бы было жилище, с функциональной точки зрения я был бездомным.

Если мне надо было пописать, я находил пустую бутылку из-под воды. Ванной не было, так что мылся я всего раз в неделю – когда ходил домой к маме или в общежитие к своей девушке, меня пускали в душ. Обычно я вонял, но меня это не слишком беспокоило. Я обожал свою жизнь на заброшенной фабрике.

Ну, почти полностью. Мне совсем не нравилось, что я уже не один год работаю над музыкой, а живу до сих пор в маленьком городке в сорока милях от Нью-Йорка. Еще мне не нравилось, что ни один лейбл не проявил никакого интереса к моей электронной музыке, и что ее даже не слышал никто, кроме моей девушки. Но если не брать во внимание мое болезненное желание жить и записывать музыку в нижнем Манхэттене, заброшенная фабрика была идеальным местом.

Мой типичный день проходил примерно так: я просыпался около полудня, готовил овсянку на электроплитке, читал Библию и работал над музыкой. Когда мне хотелось отдохнуть, я ездил на скейте туда-сюда по пустым коридорам фабрики или шел в местную доминиканскую бодегу, чтобы купить еще овсянки и изюма.

Но сегодня я отправлялся в Нью-Йорк, в свою грязную мекку. У меня было несколько способов добраться туда. Иногда я ехал на своем старом мопеде до Дариена, где жила мама, и одалживал ее изношенную «Шеви-Шеветт». Дорогу, по которой я направлялся в город, мне показал дедушка, когда мне было восемь лет: он рассказал, как добраться до города, минуя платные дороги, хотя

для этого приходилось заезжать в самые преступные и наркоманские районы Нью-Йорка.

Иногда я находил кого-нибудь, кто собирался в город, и просил подвезти меня. Но чаще всего я садился на «Метро-Норт», электричку, соединявшую Нью-Йорк с пригородами. Я все детство провел, сбегая из Коннектикута на Манхэттен на «Метро-Норт». Мои друзья-панки и я надевали наши лучшие панк-рокерские футболки и ехали в город, надеясь, что там нас заметят настоящие панк-рокеры и одобрят наши футболки с Black Flag и Bad Brains. С утра по пути к вокзалу Гранд-Централ мы сидели рядом с сонными белыми бизнесменами; возвращаясь вечером домой, мы снова встречали их же, только пьяных и усталых.

Если, выходя с фабрики, я видел полицию, то выбирался через одно из огромных стеклянно-стальных окон, чтобы избежать общения со служителями закона. Сегодня по дороге ехал только грузовик, так что я вышел с черного хода и тут же съежился от холода. То был не сухой, а влажный, пронизывающий до костей холод, от которого носки становились тяжелыми. Три дня назад прошел снег, покрыв землю чистым, ангельским покрывалом – но его быстро испортил ледяной дождь. Я шел под серым небом по растрескавшемуся, изрытому асфальту бывшей парковки, пробираясь через лабиринт луж. Дойдя до сетчатого забора, я выбрался через дыру в углу и направился к станции Стэмфорд.

По пути туда я прошел мимо нескольких «магазинных церквей»[2] с вывесками ручной работы, продуктового магазина с пуленепробиваемыми плексигласовыми окнами и скидкой на солодовый ликер «Шлиц», бильярдного зала «Кавалер» и пары заколоченных, заброшенных зданий. Через несколько минут у меня уже замерзли руки и ноги. Местные жители на улице казались не то бездомными, не то чем-то перепуганными, и их немало озадачил вид плохо одетого белого парня, идущего по их району.

Следующий поезд до Гранд-Централа отходил лишь через полчаса, так что я зашел в бильярдный зал, чтобы сыграть партию с самим собой. В комнате было темно, лишь несколько тусклых лампочек освещали пять бильярдных столов. Даже маломощные лампы не могли скрыть того, что фетровое покрытие столов изорвано и обожжено – оно десятилетиями страдало от сигарет и пролитых напитков. Кроме меня, в зале были еще один посетитель, решивший поиграть в бильярд в полдень, и парень-кассир, который за полтора доллара давал в аренду кий и набор шаров. Я часто заходил в бильярдный зал по пути на станцию, хотя хорошим игроком меня не назовешь. Я утешал себя тем, что если бы играл в бильярд лучше, то очень быстро забивал бы все

шары, и игра была бы короче. Избегать совершенства в этом деле, как и во многих других, было полезно.

Бильярдную всегда наполнял сигаретный дым. Это не удивляло – я работал в барах и часто ходил в рестораны, где все курили. Несмотря на то что сам я был некурящим, а кроме меня, в зале находились всего два человека, вечная задымленность казалась нормальной. Я никогда не говорил ни с другими игроками, ни с кассиром, выдававшим кий и шары. Я надеялся, что когда-нибудь они скажут мне: «Привет, как ты?» или даже кивнут в знак приветствия, но они меня просто молча терпели. Не считая меня, единственными белыми в округе были ребята из пригородов, которые покупали крэк и героин. Ирония состояла в том, что я, пусть и был трезвенником, тоже считался частью проблемы: еще один белый парень-наркоман, который портит всем жизнь. В конце концов местные поняли, что я живу неподалеку; это, конечно, все равно не обеспечило мне дружеских улыбок, но, по крайней мере, враждебные взгляды прекратились.

Я закончил игру, надеясь, что если кто-то из присутствующих наблюдал за мной, то подумал, что я играю лучше, чем на самом деле. В тех редких случаях, когда мне удавался какой-нибудь хитрый или особенно громкий удар, я осматривался – вдруг кто-нибудь заметил? Но никто этого не видел. Тощий белый мальчишка был в здешних местах аномалией, но не настолько интересной, чтобы по-настоящему привлекать чье-то внимание.

Я надел зимнее пальто из секонд-хенда, теперь пахнущее сигаретным дымом и мокрой овцой, и поплелся к станции, до которой оставалось несколько сотен ярдов. Я прошел мимо одной из церквей; там как раз шла служба. Я слышал бубен, электроорган и пение хора. Иногда по воскресеньям, когда в церквях было особенно громко, я даже заходил и слушал с задних рядов. Или же, когда стояла хорошая погода и двери всех церквей были открыты, я шел по улице, и для моих ушей это было настоящее вавилонское столпотворение: из каждой церкви доносилась своя версия Евангелия, конкурирующая с другими. Пуэрториканские церкви стояли рядом с абиссинскими, по соседству с евангелическими и пятидесятническими конгрегациями и всеми другими брендами церквей, у которых было достаточно денег, чтобы арендовать закрывшийся магазин и купить несколько рядов пластиковых складных стульев. Если я стоял в дверях слишком долго, прихожанам становилось неловко, так что я обычно оставался чуть в стороне от входа, слушая орган Casio и громкие голоса.

Один из репортеров Interview сказал Джанет, что

новый ночной клуб под названием «Марс» ищет сотрудников, и если я потороплюсь, то успею оставить им кассету с миксом.

Сев в поезд, я тут же отправился в туалет: еще в школе я узнал, что можно не платить 5 долларов за проезд, если вовремя спрятаться там. Я ехал в Нью-Йорк, чтобы отвезти кассету с диджейским миксом в новый ночной клуб, о котором мне рассказала моя девушка Джанет; мы встречались уже несколько месяцев. Джанет выросла, катаясь верхом в Гринвиче, штат Коннектикут, но сейчас жила в общежитии Колумбийского университета, где училась на втором курсе, и стажировалась в журнале *Interview*. Она была похожа на Кэтрин Хэпбёрн времен «Филадельфийской истории», но ее героями были репортеры *Paper* и *Village Voice*, и она была одержима ночными клубами и картинными галереями.

Один из репортеров *Interview* сказал Джанет, что новый ночной клуб под названием «Марс» ищет сотрудников, и если я потороплюсь, то успею оставить им кассету с миксом. И теперь в рваном кармане мокрой куртки я вез 60-минутную кассету со своими лучшими диджейскими миксами: с одной стороны – хип-хоп, с другой – хаус. Я несколько дней работал над этой кассетой, сводя грувы на своем четырехдорожечном магнитофоне, а затем накладывая на них акапельные треки с малоизвестных пластинок в жанрах хип-хоп и диско. Я хотел выглядеть менее бездомным, чем обычно, так что под курткой из секонд-хенда прятался мой самый крутой прикид для ночных клубов: черный свитер с горлом, черные джинсы, черные туфли; все это было куплено в «Гудвилле» и «Армии спасения».

Я просидел в туалете электрички «Метро-Норт» сорок пять минут, вдыхая запах мочи и средства для дезинфекции и рассматривая оформление, нарисованное для кассеты моим другом Джейми. Достаточно ли оно клевое? Оно вообще хоть сколько-нибудь клевое? Джейми придумал для меня логотип со сложными завитками и острыми углами в стиле граффити. Он хотел стать художником-граффитистом, но при этом был белым парнем из Норуока, штат Коннектикут, и учился на бухгалтера в Коннектикутском университете. Кто-нибудь вообще об этом узнает? Может быть, логотип действительно клевый. Я вообще не понимал, так ли это.

Я стал отправлять похожие кассеты с миксами радиопромоутеру в Калифорнии. В одном диджейском магазине висело объявление: «Требуются кассеты с миксами для эфиров по НАЦИОНАЛЬНОМУ радио». Я позвонил по указанному номеру;

мне ответил какой-то угрюмый тип из Окленда, на фоне слышался детский плач. Он сказал, что сможет поставить мою музыку на радио, так что я отправлял ему тридцатиминутные хип-хоповые миксы. Я не получил за них ни копейки денег, он даже не сказал мне, поставил ли хоть один мой микс, но я продолжал отправлять кассеты, надеясь, что хоть кто-то, хоть где-то их слушает.

Поезд остановился на Гранд-Централе; я вышел из туалета и побежал, лавируя между другими пассажирами, по большому зданию вокзала в сторону метро. Через пятнадцать минут, перепрыгнув через два турникета, я уже бежал вниз по Четырнадцатой улице, вдоль окровавленных тротуаров Мясницкого района. Я добрался до «Марса», едва дыша от надежды и возбуждения. Ночной клуб «Марс» располагался на заброшенном складе, огромном, грязном и неуютном. Импресарио по фамилии Рудольф арендовал здание, намереваясь превратить его в самый большой и лучший на планете ночной клуб. С фасада открывался вид на Вестсайдское шоссе, несколько секс-клубов и садомазохистских заведений, а также на серую реку Гудзон. В Мясницком районе не было ни ресторанов, ни баров, но перед клубом собралась целая очередь: сотни клевых ньюйоркцев пришли искать работу. Я тоже встал в очередь в своей черной клубной одежде, надеясь, что другие не заметят, что на самом деле я просто маленький, плохо одетый белый парень, живущий на заброшенной фабрике в Коннектикуте.

> Мне хватило дерзости мечтать, что я смогу стать диджеем в «Марсе». Вот я дурак. А теперь я стою и таращусь на сломанный телефон-автомат, а мои ноги заливает смесь из дождевой воды и крови животных.

После часа ожидания очередь наконец дошла до меня. В фойе ночного клуба за большим складным столом сидели три человека и перебирали документы. Один из них спросил:

– Какую работу ищешь? Помощник официанта, бармен, охранник?

– М-м-м… а у вас есть вакансия диджея? – спросил я. Повисла неловкая пауза, затем они все расхохотались.

– Нет, у нас нет вакансии диджея, – ответил мне обескураживающе спокойный женский голос из-за стола. Ко мне обратилась красивая негритянка в длинном черном пальто поверх потрепанной футболки New York Dolls. – Юки уже нанял диджея, – объяснила она.

– Ох. Можно мне хотя бы оставить вам кассету? – спросил я. – Тут с одной стороны хаус, а с другой – хип-хоп. Вы не сможете

передать ее человеку, который нанимает диджеев?

Она с жалостью посмотрела на меня, но кассету все-таки взяла. А потом посмотрела на человека, стоявшего в очереди за мной. Я застыл.

– Ладно, спасибо, – сказал я. Ответа не последовало. – До свидания.

Я торопливо вышел и нашел на углу телефон-автомат, из которого собирался позвонить Джанет. Он оказался сломан. Я дошел до следующего телефона-автомата в квартале отсюда – он тоже был сломан. Шел дождь, я замерз, темные тучи висели низко, а я только что опозорился перед клевой, красивой женщиной в ночном клубе, который станет самым лучшим на планете. Мне хватило дерзости мечтать, что я смогу стать диджеем в «Марсе». Вот я дурак. А теперь я стою и таращусь на сломанный телефон-автомат, а мои ноги заливает смесь из дождевой воды и крови животных.

У меня было с собой несколько долларов, так что я пошел в магазин здоровой пищи на углу Тридцатой улицы и Восьмой авеню. Когда я торопился с фабрики в город, я был полон надежд, что наконец-то смогу стать настоящим диджеем в Нью-Йорке. А сейчас я шел под дождем, сгорбившись от холодного ветра, чтобы купить жратвы у местных хиппарей. Я взял соевое молоко и хлеб из пророщенного зерна, перепрыгнул турникет, чтобы сесть на линию F, подумал, что F – как раз самая удачная оценка для этой поездки в Нью-Йорк, пересел на поезд до Гранд-Централа на Сорок второй улице и даже купил билет обратно до Стэмфорда, чтобы не сидеть в туалете. В электричке я съел хлеб и выпил соевое молоко; временами я смотрел через поцарапанные окна на виды Южного Бронкса, временами – заглядывал в журнал *New York Rocker*, забытый кем-то на сиденье.

> Этот человек не спрашивал меня, не живу ли я на фабрике незаконно; он просто проложил провода и поставил телефонную розетку. Когда он уходил, я чуть не спросил его имя, чтобы потом назвать первенца в его честь.

У групп, о которых писали в *New York Rocker,* были контракты на запись, и они играли концерты. Давали интервью. Выпускали пластинки. Их фотографировали. Слушали их музыку. Обо всем этом я мечтал. Я хотел играть для настоящих зрителей. Хотел работать диджеем в темных, заполненных залах Нью-Йорка. Но на деле я был почти бездомным двадцатитрехлетним музыкантом-электронщиком, чьим единственным источником реального дохода была работа диджеем по понедельникам в маленьком баре

в Порт-Честере, штат Нью-Йорк, и по субботам – в клубе для всех возрастов в церкви Гринвича.

Когда я сошел с поезда в Стэмфорде, дождь усилился, и обратно на фабрику я бежал. Дойдя по длинному коридору до моей крошечной студии, я позвонил Джанет. Меня до сих пор изумляло то, что у меня вообще есть телефон. Переехав на фабрику, я позвонил в телефонную компанию и спросил, нельзя ли установить мне его. На следующий же день прислали техника, и через пять минут после его приезда у меня уже был работающий телефон. Этот человек не спрашивал меня, не живу ли я на фабрике незаконно; он просто проложил провода и поставил телефонную розетку. Когда он уходил, я чуть не спросил его имя, чтобы потом назвать первенца в его честь.

– Ну что, как все прошло? – возбужденно спросила Джанет. – Тебя взяли?

– Ну, в очереди было много народу, все искали работу, но я оставил кассету одной из женщин, которая там всем заведует, – ответил я.

– Отлично! Как себя чувствуешь?

– Хорошо, – соврал я.

Мы поболтали еще несколько минут, договорились, что в воскресенье сходим в церковь, и я положил трубку.

Я сделал все возможное, чтобы мне дали работу в «Марсе». Помчался в Нью-Йорк под дождем. Оставил кассету, украшенную представлением студента-бухгалтера о клевых граффити. А теперь все в руках Божьих. Ну, не кассета, конечно. Кассета, скорее всего, уже валяется в мусорном баке или стоит в чьем-нибудь автоответчике. Но вот ситуация – в руках Божьих. Так что я сделал то же самое, что и всегда: включил свою студию и начал работать над музыкой. До полуночи я сочинял тихий эмбиент-хаус, потом снял наушники и выключил оборудование. Приготовив овсянку, я стал читать потрепанную книгу по «Звездному пути» в бумажной обложке, поставив фоном кассету Дебюсси.

Сидя у окна и слушая, как дождь со всей силы хлещет по огромным фабричным окнам и отопительным трубам, я был счастлив. Я давно не мылся и вонял, жил на заброшенной фабрике в наркоманском районе, день вышел сплошным разочарованием, но я был спокоен и счастлив. В четыре утра я лег спать в свою маленькую кровать, все так же слушая дождь.

Я нажал «Пуск», кассета перемоталась, и я услышал, пожалуй, лучшее сообщение за всю историю автоответчиков:

– Привет, это Юки Ватанабэ звонит, из ночного клуба «Марс». Мне нужен диджей Моби.

Наутро дождь прекратился, но было по-прежнему холодно и пасмурно. Я снова приготовил овсянку на плитке, а потом достал из запасов несколько орешков миндаля и апельсин. Миндаль и апельсины были роскошью, но вчерашний день выдался довольно гадким, так что я хотел себя побаловать. У меня практически закончилась вода, поэтому после завтрака я сходил в бодегу вниз по улице и купил две большие пластиковые бутылки. Вернувшись на фабрику, я заметил огромные кучи грязи на пустой парковке; когда-то это были зачатки большого жилого комплекса, но сейчас они превратились просто в кучи грязи.

Вернувшись в студию, я увидел сообщение на автоответчике. Я нажал «Пуск», кассета перемоталась, и я услышал, пожалуй, лучшее сообщение за всю историю автоответчиков:

– Привет, это Юки Ватанабэ звонит, из ночного клуба «Марс». Мне нужен диджей Моби. Я послушал твою кассету. Позвони мне по поводу работы диджея в «Марсе».

Я застыл, ошеломленный. Потом еще раз прослушал запись. И еще раз.

Кто-то по имени Юки с сильным японским акцентом послушал мою кассету с миксами, и этот человек хочет, чтобы я стал диджеем в «Марсе». Я в четвертый раз переслушал сообщение, чтобы убедиться, что оно настоящее. Потом в пятый. Ну и для полного счастья – в шестой.

Снимая трубку, я был в ужасе. Мне нужно позвонить этому Юки и как-то убедить его дать мне работу диджея в клубе «Марс». Пожалуйста. Это все, что я мог сказать – ему, или Богу. Пожалуйста.

Я сжал трубку потной рукой и набрал номер.

– Здравствуйте, это Юки Ватанабэ, – медленно прогрохотал голос в телефоне.

– Алло, это диджей Моби, – очень быстро сказал я. – Вы звонили мне по поводу работы диджеем в «Марсе»?

– Да, я слушал твою кассету. Очень интересно. Можешь выйти на работу в пятницу ночью?

– Да. Да, я могу выйти в пятницу ночью.

– Хорошо. Будешь играть в подвале. С десяти вечера до четырех утра. Платим сто долларов.

– Спасибо! Увидимся в пятницу.

– Хорошо, диджей Моби.

Я повесил трубку и подумал об Уокере Перси. В его романе «Кинозритель» есть сцена, где главный герой после происшествия

оказывается в музее. Наступает момент ясности, и он вдруг видит маленькие пылинки в лучах солнца. Моя жизнь только что изменилась – причем я еще даже не осознавал масштаба перемен, – и я увидел пылинки в свете зимнего солнца, струившегося через огромные окна.

Я сел на ковер, все еще сжимая в руках телефон, мои нейроны кипели, словно кружащиеся атомы в образовательном фильме по каналу PBS. Это в самом деле произошло? Или у меня галлюцинации? Может быть, древние фабричные испарения повредили мне мозг? Я еще раз переслушал запись на автоответчике: да, она настоящая. Меня только что взяли диджеем в подвал самого крутого клуба на планете.

Мир вокруг меня исчез. Я больше не видел заброшенной фабрики, и телефона, и даже неба, обрамленного окном. В моем воображении был лишь подвал «Марса». Я представил себе комнату, покрашенную в черное, с низким потолком и идеальной звуковой системой. Темное место, полное демонически клевых людей, а я стою в диджейской будке и играю для них хип-хоп и хаус.

Я позвонил Джанет. Ее не было дома, но я смог поговорить с автоответчиком.

– Джанет, ты не поверишь, что произошло! – выпалил я. – Позвонил Юки из «Марса». Я выхожу на работу диджеем в «Марсе» в пятницу ночью. Не могу поверить, не могу. Позвони мне! Не могу поверить.

Я повесил трубку.

Мне нужно было поблагодарить Бога, так что я встал на колени на украденном ковре.

– Спасибо тебе, Господи, – прошептал я. – Спасибо. Вот и все – спасибо.

Глава вторая
Веганское печенье

– Кто-то застрелил Джейми? – спросил я, стоя у заброшенной фабрики в Стэмфорде солнечным днем в пятницу и разговаривая с таким же «нелегалом», как я сам.

– Не, его зарезали, – ответил нелегальный жилец по имени Педро. – Вчера вечером кто-то услышал крики, а потом увидел, как двое каких-то ребят бегут по коридору. Заглянули в комнату Джейми, а он валяется на полу в луже крови.

Педро был фотографом и художником-граффитистом. Его работы были по всей фабрике – в лифтах, на мусорных контейнерах, на каждом дюйме погрузочной платформы. Он всегда носил старую мотоциклетную куртку из коричневой кожи и жил на фабрике уже лет десять.

– Да ты шутишь, – сказал я. – Мы же вчера виделись. Смотри, даже его мотоцикл еще здесь.

Педро посмотрел на «Триумф» Джейми, припаркованный между двумя мусорными контейнерами.

– Думаешь, его кто-нибудь заберет? – спросил он.

– Я удивлен, что он еще здесь, – сказал я.

– Могу я его стащить, если Джейми мертв?

Повисла долгая неловкая пауза, в течение которой мы оба разглядывали мотоцикл. Наконец я сказал:

– Думаю, с ходу на это не ответишь.

> Другие нелегалы и я не боялись, что и нас кто-то убьет; куда больше мы опасались, что полиция поймет, что тут происходит, и выселит нас.

Одним из достоинств жизни на фабрике было то, что никому не было дела, чем занимаемся мы, нелегалы. Кроме сочинения электронной музыки и диджейства, я играл на барабанах в панк-роковой группе под названием The Pork Guys и стучал по металлическим банкам в индастриал-группе Shopwell; когда нам нужно было репетировать, мы приносили аппаратуру в какой-нибудь пустующий зал фабрики и шумели сколько вздумается. Никто не жаловался. Это, в конце концов, заброшенная фабрика в наркоманском районе. Пока мы никого не убивали, нас оставляли в покое.

Но в прошлом месяце кто-то убил бомжа на парковке, а теперь еще и зарезали Джейми. Другие нелегалы и я не боялись, что и нас кто-то убьет; куда больше мы опасались, что полиция

поймет, что тут происходит, и выселит нас. Трупы на заброшенной фабрике – не самое лучшее средство для поддержания анонимности.

– Если нас прогонят, куда ты пойдешь? – спросил я у Педро.

– Не знаю, – ответил он. – Бруклин, может быть? Или Нижний Ист-Сайд? У меня есть друзья в брошенном доме на Авеню Си. Но там крысы водятся.

Большинство нелегальных жильцов обитают в заброшенных многоквартирных домах – и, поскольку в этих домах ранее жили люди, обычно там кишмя кишат крысы и тараканы. Одно из главных достоинств жизни на заброшенной фабрике, не считая миллиона квадратных футов неиспользуемого промышленного пространства, – как раз отсутствие этой живности.

– А ты? – спросил Педро. – Куда ты пойдешь?

– Вернуться домой я не могу, – сказал я. – Наверное, как-нибудь переберусь в Нью-Йорк.

– А у тебя деньги на это есть? Или там тоже будешь бомжевать?

– Если я буду больше работать диджеем, то, скорее всего, смогу платить за аренду даже сто пятьдесят долларов в месяц.

– Немало, – сказал он.

– Знаю, но я должен жить в Нью-Йорке.

– Понял. Ладно, еще увидимся, – сказал Педро. – Смотри, чтобы тебя не порезали.

– Бедный Джейми, – сказал я, в последний раз посмотрев на его «Триумф», словно каким-то образом мог попрощаться с Джейми через его мотоцикл.

В четыре часа дня я должен был быть в Гринвиче для изучения Библии, а после этого – ехать в епископальную церковь, где я работал диджеем по вечерам в субботу, чтобы подержать микрофон для своего друга Криса, который снимал студенческий фильм. На мопеде я мог доехать до Гринвича примерно за полчаса. Я надел шлем и двинулся на запад, мимо бильярдного зала, магазинных церквей и наркодилеров. Я выбрался на Первое шоссе, проехав мимо старого клуба «Антракс», где в начале восьмидесятых видел Circle Jerks, Agnostic Front и кучу других хардкорных групп. Потом я миновал «Вилла-Бар», где частенько напивался, когда мне было шестнадцать.

Однажды в школе я вырубился прямо в туалете «Виллы». Двое полицейских не при исполнении подняли меня с пола, плеснули воды в лицо и выкинули на тротуар. Я пришел в себя, услышав, как подруга Китти выкрикивает мое имя.

– Что? – спросил я, открыв глаза и пьяно оглядевшись вокруг.

– Я думала, ты умираешь, долбо*б! – заорала она на меня. Я

задумался над ее словами.

– Мне надо выпить, – сказал я.

– Назад тебе нельзя. Копы тебя изобьют.

– Но я же люблю копов. Может, поедем в Порт-Честер и там выпьем?

Порт-Честер находится в штате Нью-Йорк, и бары там открыты до четырех утра. Мы сели в машину Китти и доехали до Порт-Честера, где мне налили еще спиртного. Потом меня снова вырвало, и я вырубился. С утра я очнулся на шезлонге у бассейна родителей Китти в Нью-Канаане. Шестнадцатилетний, с жуткого бодуна, но гордый.

Проехав немного на запад от Стэмфорда на мопеде, я попал в один из самых богатых городов США: Гринвич, штат Коннектикут. Дешевые магазинчики и домики Стэмфорда превратились в украшенные листвой магазины садоводческих припасов и усадьбы, прячущиеся за гигантскими фигурными живыми изгородями. Я приехал в дом, где должна была пройти библейская лекция, и припарковал мопед – двенадцатилетний зеленый «Пежо» – между «Порше-Каррерой» и универсалом «Мерседес». Сняв шлем, я стал чесать голову, чтобы избавиться от кусочков засохшей пенорезины в волосах. Я купил шлем в магазине «Армии спасения» в Дариене; он был новым примерно в 1975 году, не подходил мне по размеру, и каждый раз после того, как я его надевал, у меня на голове оставалась резиновая «перхоть».

Библейская лекция проходила в доме Катарины. Она была робкой, милой старшеклассницей из Гринвичской средней школы, которая каталась верхом и слушала The Cure. Семья Катарины переехала в Штаты из Бельгии несколько лет назад; финансовая компания ее отца сняла им восьмикомнатный особняк с бассейном, теннисным кортом, конюшней и участком площадью шесть акров[3]. Сегодня в подвале я должен был учить ее толковать Библию.

На этом уроке я собирался поговорить о Проповеди на поле из Евангелия от Луки. Это практически сборник лучших хитов Иисуса: «любите врагов ваших», «не судите, и не будете судимы», да еще плюс к этому «горе вам, богатые» и «горе вам, пресыщенные ныне».

Видите ли, я был христианином, но еще я был сволочью. Я был бедняком, жил на заброшенной фабрике, тратил на еду 10 долларов в неделю. Так что, читая стихи «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь», я был очень доволен собой и был уверен, что

мои действия оправданы и одобрены Богом.

Обычно я считал себя довольно-таки посредственным христианином и предполагал, что Бог во мне весьма разочарован. Я недостаточно проповедовал среди бездомных. Я все еще мечтал о карьере музыканта. У меня были похотливые мысли. Но если смотреть с точки зрения бедности, то тут у меня как раз было все в ажуре. Я никогда не встречался с человеком, который был бы беднее, чем я сейчас. Даже у нищих, которые жили с нами по соседству в моем детстве, все-таки была и проточная вода, и стены, сделанные из материала покрепче, чем украденная из мусорки фанера.

> Видите ли, я был христианином, но еще я был сволочью.

Так что я с весьма самодовольным видом ходил по домам миллионеров в Гринвиче, чтобы осуждать богатых детей и заставлять их печалиться из-за того, что они родились богатыми. Меня не беспокоило их духовное здоровье. Я не хотел с любовью подвести их к пониманию ошибочности их пути. Мне просто нравилось, что они чувствуют себя виноватыми из-за того, что у них есть деньги. А еще я хотел, чтобы они аплодировали моим лекциям, потому что, в конце концов, я многие часы провел в маленькой комнатке на заброшенной фабрике, запоминая наизусть стихи из Библии и придумывая новые интересные способы использовать христианство, чтобы заставить людей чувствовать себя виноватыми.

А еще я был экспертом в деле использования христианства против самого себя. Три недели назад я решил, что я недостаточно христианин: мне казалось, что я просто жулик какой-то, потому что я вроде бы христианин, но дом у меня есть. Да, конечно, домом мне служила маленькая комнатка на заброшенной фабрике, но это все-таки был дом. Я прочитал поучения Христа и понял из них, что должен быть бездомным. Христос хотел, чтобы я отказался от своего имущества и отправился в странствия, чтобы проповедовать другим. Я на самом деле подумал, что это мое призвание. Однажды я решил забрать свою веру из заточения и уйти в мир, оставив себе лишь одежду и Библию.

Я взял свою Библию, вышел из комнаты и закрыл входную дверь. Я поднес ключ к замку, потом уставился на него. Я подумал: *«Если я вставлю ключ в замок и поверну его, то уйду и не вернусь. Я обреку себя на жизнь странника, который будет помогать тем, кому больше всех нужна помощь: бедным, голодным, отчаявшимся. Я уйду и отвернусь от дома, карьеры,*

амбиций, от всего».

Ключ остановился в дюйме от замка. В воображении я услышал, как ключ скользит в замочную скважину и поворачивается. Я представил, как иду по коридору, выхожу с фабрики через черный вход и с телефона-автомата на углу звоню маме. Я говорю: «Мам, окажи мне услугу. Я ухожу странствовать и проповедовать. Пожалуйста, продай все мои вещи и раздай все заработанные деньги беднякам».

Но я не смог этого сделать. Я стоял у двери, по-прежнему не вставив ключ в замок, и молился: «Боже, если это твоя воля, прошу, дай мне силы это сделать». Призвание казалось совершенно ясным, но шли минуты, а я все еще стоял у двери. Я не мог отказаться от того, что мне знакомо, пусть и предельно скромного, ради неизвестности. У меня не было никакого руководства или личного опыта нищенства. Я убрал ключ обратно в карман, вернулся в комнату и сел на фиберглассовый школьный стул, который мы с Полом выудили из мусорного контейнера.

Я снова стал молиться. «Боже, прости меня. Я не могу. Не могу бросить все и уйти проповедовать. Прости, Боже». Я казался себе жуликом. Я знал, в чем мое призвание – уйти, отказаться от мирского имущества, проповедовать, – но не смог ему подчиниться. Но, тем не менее, все равно хотел осудить богачей и их избалованных детишек.

Младшая сестра Катарины открыла мне, и я спустился по лестнице в подвал особняка. У подножия лестницы стоял бильярдный стол, покрытый красным фетром, а чуть поодаль – удобные диванчики и кресла, составленные кругом. Здесь были семь из восьми человек, регулярно посещавших библейские лекции, чистые и улыбчивые. Они все жили со своими родителями и по-прежнему спали в тех же спальнях, что и в детстве. Мальчики носили рубашки «Брукс Бразерс» с пуговицами, девочки – джинсы «Кальвин Кляйн» и свитера «Фейр Айл». Мы сели, и одна из девочек произнесла молитву:

– Боже, спасибо, что собрал нас здесь, и спасибо, что подарил нам это место для встречи и учебы. Пожалуйста, помоги Моби, который рассказывает нам о твоем учении. Аминь.

– Аминь, – эхом ответили мы все.

– Хорошо, теперь давайте откроем Евангелие от Луки, стих 6:12, – сказал я. – Тори, ты начнешь?

Мы ходили по комнате, по очереди читая стихи, пока не дошли до седьмой главы. И я был готов. Моя нестираная одежда еще пахла фабрикой. В моих волосах были кусочки засохшей резины из древнего мотоциклетного шлема. Я был готов

низвергнуть праведный гнев Божий на этих избалованных христианишек из пригорода. Я ложился спать под звуки выстрелов; они, как мне представлялось, – под звуки храпа золотистых ретриверов. Мы разве только что не прочитали «горе вам, богатые»? Я чувствовал себя полностью оправданным в своих эмоциях, во мне зрело священное негодование.

> Я был готов низвергнуть праведный гнев Божий на этих избалованных христианишек из пригорода. Я ложился спать под звуки выстрелов; они, как мне представлялось, – под звуки храпа золотистых ретриверов.

А потом я посмотрел на стол, где мама Катарины поставила для нас печенье и лимонад. Катарина перехватила мой взгляд.

– О, хотите печенье? – спросила она. – Мама сходила в магазин здоровой еды и купила вам веганское печенье.

– Спасибо, – сказал я и остановился. Ветер осуждения покинул мои паруса. Сделал ли я хоть что-то самоотверженное сегодня? Был ли я добр к кому-либо? Накормил ли голодного?

Нет. Вот он я, пламенный христианин, самопровозглашенный голос осуждающего Бога, смотрю на свои недостатки, принявшие форму тарелки с веганским печеньем. Мама Катарины пошла в какой-то непонятный магазин здоровой еды, чтобы купить какие-то совсем уж странные веганские печеньки другу ее дочери, которого даже не видела никогда. И после этого добрый христианин – я?

Мне пришла мысль из книги Осии: «Я милости хочу, а не жертвы». Так что я отринул свой гнев и вместо того, чтобы осудить добрых христиан, собравшихся вокруг меня, рассказал о своем опыте трехнедельной давности – когда я почувствовал, что меня призвали отказаться от мирского имущества и помогать бедным, и, подумав, что разочаровал Бога, попросил у него прощения. Затем я рассказал, что можно искать божественное в больших жестах – пафосных заявлениях и отречениях, – но есть некая тихая божественность и в малых поступках, например, купить странное веганское печенье для незнакомца. Или пустить человека в свой дом и накормить его. В тот момент малые поступки казались мне более важными и даже более божественными.

– Так что спасибо вам всем, что собрались здесь ради меня, – закончил я. – И, Катарина, пожалуйста, передай маме спасибо за веганское печенье.

Я умолчал о том, что печенье было сухое и отвратительное на вкус.

– А Мартин Скорсезе будет в церкви? – спросил я у Криса. – Наверное, – ответил Крис. – Наверняка для того, чтобы в стиле Тома Сойера заставить нас работать бесплатно.

После библейской лекции мы все пошли в Гринвичскую Церковь Христа, чтобы помочь сыну епископального священника Крису снять несколько сцен для его студенческого фильма. Крис учился в Нью-Йоркском университете, и его мастером курса был Мартин Скорсезе.

– А Мартин Скорсезе будет в церкви? – спросил я у Криса.

– Наверное, – ответил Крис. – Наверняка для того, чтобы в стиле Тома Сойера заставить нас работать бесплатно.

Я подъехал к Церкви Христа в сумерках и припарковал мопед под раскидистым вязом, рядом с кладбищем восемнадцатого века. Крис стоял с группой актеров и статистов рядом с портиком, прикрывавшим вход в одну из старых каменных часовен, и объяснял добровольцам, что нужно делать. Я был музыкантом, так что меня отрядили держать микрофон.

– Крис, а это кто? – спросил я, показав на длинноволосого парня, который кругами ходил по сочной лужайке и говорил сам с собой. Он был одет в темное зимнее пальто и энергично жестикулировал, словно пытаясь что-то доказать привидению.

– А, это Вигго Мортенсен. Он мой однокурсник и играет в фильме главную роль, – объяснил Крис.

– Почему он ходит кругами? У него что, коровье бешенство?

– Ха! Нет, он просто очень сосредоточен, – ответил Крис. – Готовится к съемкам, вот и все.

Мы поднялись по старинной деревянной лестнице часовни и следующие пять часов снимали сцену с Вигго на крыше. Он вместе с исполнительницей главной женской роли повторял одно и то же, а Крис заставлял их слегка менять реплики. Стоял поздний вечер, ветер усиливался, и уже сильно похолодало.

– Я-то думал, кино – это круто, – сказал мне один из школьников, усталый и дрожащий от холода.

Я держал микрофон на длинном телескопическом шесте. Один из друзей Криса, тоже студент-киношник, спросил меня:

– Ты работаешь ассистентом-крановщиком?

– Ассистент-крановщик – это кто? – спросил я в ответ.

– Ха, значит, нет, – ответил он и ушел.

В час ночи, после того как мы сняли сцену несколько десятков раз, Крис объявил: «Все, съемки закончены». Мы все поаплодировали сами себе – мне раньше такого делать не доводилось.

Я подошел к Вигго, который за весь вечер так ни с кем и не заговорил.

– Хорошая работа, Вигго, – сказал я, протянув ему руку. Он пожал ее, напряженно взглянул мне в глаза и ответил:

– Правда?

Глава третья
Ночные движения

– Нельзя быть диджеем в Нью-Йорке и жить в Стэмфорде, – сказал мне Дамьен, и он был прав.

– Но у меня нет денег, чтобы жить на Манхэттене, – пожаловался я.

– Ну, тогда переезжай в Нью-Йорк и найди больше диджейской работы, – сказал он.

И он снова был прав. Я был испуган и беден, но он был прав. Так что мы с ним начали расчищать мое маленькое гнездышко на заброшенной фабрике. Оставив только фанерные стены и дверь из заброшенного дома, я упаковал все свое имущество в мамину машину и переехал в Нью-Йорк с Дамьеном, его девушкой Алиссой и нашим другом-диджеем Роберто.

Я познакомился с Дамьеном пару лет тому назад в клубе для всех возрастов в Гринвиче, где работал диджеем. Он был высоким и светловолосым и хотел стать художником. Он курил дорогие британские сигареты и всегда носил черную одежду а-ля «новая волна». Все поклонницы «новой волны» в Коннектикуте были в него влюблены. Ему не хватало денег, чтобы поступить в художественную школу, поэтому он ходил по картинным галереям, пытаясь понять, как люди рисовали в восемнадцатом веке. Его девушка Алисса была высокой и худой как богомол моделью-азиаткой, только что окончившей Колумбийский университет. Наш друг Роберто был хип-хоп-диджеем, его родители торговали современным искусством. Роберто ходил на свидания с прекрасными женщинами, диджеил в хип-хоп-клубах в центре города и проводил отпуска на юге Франции на семейной вилле.

Несколько недель назад Алисса стала искать съемное жилье в журнале *Village Voice*. Ей приглянулся двухквартирный дом на углу Четырнадцатой улицы и Третьей авеню с тремя комнатами и большой гостиной за 1200 долларов в месяц. В нижнем Манхэттене была куча дешевого жилья, потому что он был грязным и опасным местом, и там почти никто не хотел жить.

Дамьен и Алисса пребывали в каких-то странных, но отношениях, поэтому забрали себе самую большую комнату, в подвале. В этой «спальне» не было света и пахло дешевыми стройматериалами и плесенью. Поскольку там постоянно царила темнота – или, может быть, потому что они ненавидели друг друга и страдали от депрессии, – Алисса и Дамьен обычно спали

до трех-четырех часов дня. У Роберто было больше всего денег – он работал диджеем, а его родители владели виллой и галереей, – так что он забрал себе большую комнату в дальней части квартиры, в которой даже светило солнце, примерно полчаса в день.

Я был самым бедным из всех, так что мне досталась самая маленькая комнатка, которая, впрочем, все равно была больше, чем мой кубик в сто квадратных футов на заброшенной фабрике. Полы в моей новой комнате были покрашены в серый, стены – в выцветший зеленый, а два грязных окна выходили на замусоренную вентиляционную шахту между нашим домом и соседним. Мои ящики с книгами («Звездный путь», Артур Кларк, Кьеркегор) стояли на полу, а пластинки и диски (Joy Division, Деррик Мэй, Public Enemy) валялись в углу. Я снял двери с большого шкафа и установил в него свою маленькую MIDI-студию. Денег на кровать у меня не было, так что мой двухместный матрас лежал прямо на полу. В квартире пахло мусором, не было света, а по соседству были наркопритон и мексиканский ресторан, где готовили *кучифритос* [4], но мне даже это казалось раем.

> Я был самым бедным из всех, так что мне досталась самая маленькая комнатка, которая, впрочем, все равно была больше, чем мой кубик в сто квадратных футов на заброшенной фабрике.

Нью-Йорк уже давно был для меня «темным городом на холме», затянутым тенями, зловещим, но идеальным. Я родился на 148-й улице в Гарлеме в 1965 году и очень долго жил в Коннектикуте, мечтая вернуться в Нью-Йорк – словно почтовый голубь, скучающий по далекому дикому острову, откуда он родом. Перестрелки между бандами, СПИД и передозировки наркотиками были для нас не просто заголовками в таблоидах – у всех нас были знакомые, которые погибли в Нью-Йорке слишком молодыми. Тем не менее Дамьен, я и наши соседи поселились в грязном эпицентре самого удивительного города на планете.

Моя доля арендной платы составляла 285 долларов – немалая сумма, учитывая, что раньше мне приходилось платить всего 50 долларов в месяц охранникам заброшенной фабрики. Но, работая диджеем в «Марсе» и соглашаясь на любые другие предложения, я получал практически 800 долларов в месяц.

За неделю до переезда в город я одолжил мамину машину и пересек мост Таппан-Зи, чтобы отработать диджеем на свадьбе в Найеке, штат Нью-Йорк. Церемония проходила без согласия родных, поэтому жених с невестой на собственные деньги сняли

подвал в общественном зале Найека. В подвале было холодно и влажно, и двадцать гостей, сидевших на складных пластиковых стульях, дрожали от холода. У молодоженов не было средств арендовать диджейский пульт, так что я играл музыку с двух кассетников, которые они одолжили у друзей – даже поставил свадебный марш на кассетном сингле, когда невеста шла к алтарю. Мне заплатили 70 долларов, и было даже как-то неудобно брать столько денег. Но одной из главных целей, которые я поставил себе в Нью-Йорке, было не стать бездомным проститутом, а для этого мне нужны были любые способы зарабатывания денег – даже если для этого приходилось работать диджеем на свадьбе с кассетниками вместо пульта и брать деньги с бедных молодоженов.

> Я бросил пить два года тому назад, в восемьдесят седьмом. Впервые я попробовал алкоголь в десять лет, в последний день 1975 года.

Через месяц после переезда мы решили устроить вечеринку. Я ставил пластинки и кассеты с «новой волной» и хаусом в углу комнаты, гости танцевали, и все, кроме меня, напились.

Я бросил пить два года тому назад, в восемьдесят седьмом. Впервые я попробовал алкоголь в десять лет, в последний день 1975 года. Семья моего друга Артура жила в Дариене, в особняке возле пролива Лонг-Айленд, и его мама пригласила меня на их новогоднюю вечеринку. В какой-то момент вечером подвыпившая мама Артура протянула мне бокал шампанского. После этого я пошел на их огромную отделанную мрамором кухню и стащил еще два бокала шампанского из-под носа двух европейских студентов по обмену, которые у них работали. После трех бокалов вся моя тревога куда-то улетучилась, и впервые в жизни я почувствовал себя по-настоящему счастливым. Когда после полуночи я поднялся в комнату Артура, тот уже спал на нижнем ярусе двухъярусной кровати. Я с пьяной неловкостью забрался наверх и накрылся одеялом с изображением звездного крейсера «Галактика».

– Я всегда хотел, чтобы мне было так хорошо, – обратился я к комнате. Артур ничего не ответил: он спал.

В средних и старших классах я ходил по вечеринкам и пил все, до чего удавалось дотянуться. Я воровал вино и пиво у мамы и ее бойфрендов. Я воровал водку и ром из баров родителей моих друзей. И, для полного счастья, когда мне было двенадцать, мой друг Джим и я пили винный кулер[5] и принимали нейролептические таблетки, которые прописывали его брату, лежавшему в психушке.

«Я – алкогольный энтузиаст», – говорил я друзьям – иногда в тот самый момент, когда швырял мусорный бак в припаркованную машину, плакал пьяными слезами или блевал на тротуаре. Будучи очень нетрезвым, я разбил несколько машин и потерял девственность в шестнадцать лет, причем вообще не помню, как это произошло.

> Мои друзья из старших классов учились в университетах «Лиги плюща» и сидели под столетними дубами, обсуждая Канта и Фуко, а я через год после окончания школы стал девятнадцатилетним недоучкой, который спал на старом мамином диване.

Еще я любил напиваться и ходить на стрейтэджерские концерты. Стрейтэдж – это движение, основанное хардкор-группой из Вашингтона Minor Threat. Большинство ребят-стрейтэджеров наносили большие буквы «X» на тыльные стороны ладоней, не пили, не курили и не принимали наркотики. Мне нравилась музыка, а еще нравилось чувство, что я принадлежу к тайному обществу, но, будучи подростком, я не слишком-то интересовался собственно философией.

Когда мне было семнадцать, я пошел на концерт Minor Threat в «Грейт-Гилдерсливз», рок-клубе в нижнем Манхэттене в одном квартале от «CBGB». Я, как требовалось, нарисовал букву «X» на тыльной стороне ладони, а на пути в клуб напился рома вместе с другом Биллом. После концерта я уже практически лыка не вязал, но познакомился с Яном Маккэем, певцом Minor Threat. Он как раз загружал аппаратуру группы в фургончик.

– Мистер Маккэй, – пьяным голосом сказал я, – я хочу сказать, что я тоже стрейтэджер, и мне очень нравится ваша группа.

Он пожал мне руку и настороженно сказал «спасибо».

В 1983 году я поступил в колледж и продолжил пить, частенько просыпаясь на полу своей комнаты в общежитии в луже собственной блевотины. А еще у меня начались изнурительные приступы паники. Они были настолько ужасными, что я даже не мог выйти из комнаты, не говоря уже о том, чтобы пойти на учебу, так что я отчислился и уехал домой. Мои друзья из старших классов учились в университетах «Лиги плюща» и сидели под столетними дубами, обсуждая Канта и Фуко, а я через год после окончания школы стал девятнадцатилетним недоучкой, который спал на старом мамином диване.

Несмотря на то что мне было всего девятнадцать и по закону мне пить запрещалось, я сумел найти работу диджея в баре под названием «Бит». В других барах пьянство на работе, возможно,

вряд ли кому-то понравилось бы, но в «Бите» начальство смотрело сквозь пальцы на то, что я пью так много и часто, как получится. Я выпивал пинту водки, потом меня рвало алкоголем и желчью в туалете, потом, опустошив кружку пива, я шел обратно в диджейскую будку работать.

Я был молод, так что похмелья были короткими и в чем-то даже очаровательными – я чувствовал себя похожим на Дилана Томаса и Чарльза Буковски. Но постепенно последствия от выпитого начали накапливаться, и в восемьдесят шестом, в двадцать один год, я понял, что я алкоголик – или, по самой меньшей мере, у меня проблемы со спиртным.

В 1987 году я стал веганом, начал читать лекции о Библии и решил, что разбивать машины и просыпаться в собственной блевотине – не самые лучшие ценности. Мой отец умер от алкоголизма. Мама моего друга Пола умерла от алкоголизма. Бóльшая часть насилия, которое мне доводилось видеть, была вызвана спиртным. Так что в один прекрасный день в 1987 году я сел на диван в маминой комнате и позвонил Полу, который всегда был стрейтэджером. Я сказал ему:

– Пожалуй, с меня хватит. Я больше не собираюсь пить.

С тех пор я больше не пил, и наша с Полом общая трезвость, а также любовь к «Звездному пути» и Дэвиду Линчу стали фундаментом для крепкой дружбы.

В два часа ночи вечеринка в честь новоселья наконец-то начала стихать, я включил свет и завершил ночь кассетой Night Moves Боба Сегера. Мои пьяные друзья стали подпевать, потом допили пиво и разошлись по домам. Я лег спать и поставил будильник на семь часов, чтобы успеть собрать все пустые банки и бутылки до того, как их кто-нибудь выбросит.

Проспав несколько часов, я встал на рассвете, наполнил три мусорных пакета бутылками и потащил их по Четырнадцатой улице к «Фуд-Эмпориуму». Несмотря на ранний час, там уже собралось около дюжины бездомных, выстроившихся в очередь к машинам для переработки. Стояло холодное мартовское утро; я был одет в армейскую куртку времен Вьетнама, джинсы из магазина распродаж, старые рабочие ботинки и черную вязаную шапочку.

Начал накрапывать дождь, мои мусорные пакеты пахли пивом, а посетители «Фуд-Эмпориума», входя и выходя из магазина, с жалостью смотрели на меня и бездомных, стоявших в очереди. Когда настал мой черед, я взялся терпеливо вставлять бутылки и банки в машину для переработки; наградой мне служили громкий треск и пятицентовая монетка в металлическом

поддоне. Через несколько минут мои пакеты были пусты, а карманы наполнились мелочью. Я заработал целых пять долларов и чувствовал себя богачом. Все, что я сделал, – встал пораньше и собрал мусор, который иначе бы просто выкинули. Я засунул его в машину, которая дала мне денег. Я ощущал себя алхимиком, правда, превращавшим не свинец в золото, а пивные бутылки в монеты.

> Я хотел похвастаться, что у меня теперь есть три пакета соевого молока и апельсин, но у его родителей была вилла в Провансе, так что мои приобретения вряд ли впечатлили бы его.

В девять утра, с новообретенным богатством в карманах, я отправился в магазин здоровой пищи «Прана» на Первой авеню. «Прана» была единственным таким магазином в районе, и она нисколько не изменилась с 1970 года. Там пахло овсянкой, пивными дрожжами и залежавшимся шпинатом, а все сотрудники были угрюмыми, худыми и больше всего напоминали беженцев с парковки на концерте Grateful Dead. У них даже был классический хипповский кот, который спал на большой коробке с семенами кунжута. Я потратил деньги на свое любимое роскошное лакомство – ванильное соевое молоко по 1,49 доллара за пакет. Ворчливому хиппи за прилавком пришлось долго ждать, пока я пятицентовиками отсчитаю 4 доллара 90 центов за три пакета ванильного соевого молока и органический апельсин. Вот так я стал дважды алхимиком: превратил пивные банки и бутылки в соевое молоко и апельсин.

Я прошел по Первой авеню до дома и вернулся как раз ко времени, когда проснулись мои соседи. Роберто, пошатываясь и явно страдая от похмелья, ходил по кухне в трусах «Кальвин Кляйн» и сандалиях «Адидас».

– Ты убрался? – недоуменно спросил он.

– Я отнес все бутылки и банки в машину для переработки рядом с «Фуд-Эмпориум», – гордо сказал я.

– Чувак, да ты прямо как бомж! – сказал он.

Я хотел похвастаться, что у меня теперь есть три пакета соевого молока и апельсин, но у его родителей была вилла в Провансе, так что мои приобретения вряд ли впечатлили бы его.

– Слушай, что ты там за отстойный рок поставил под конец вечеринки? – спросил он.

– Night Moves Боба Сегера? – спросил в ответ я.

– Отстойное говно.

Я хотел было встать на защиту Боба Сегера, но ничего не сказал – только убрал еду в холодильник. Роберто вырос в Нью-

Йорке, и у него было свое понимание клевости, совершенно недоступное мне. Мы оба были диджеями, но он обожал малоизвестный джаз и «Кози Бургер», а я – Боба Сегера и соевое молоко.

– Эй, поделишься апельсином? – спросил Роберто.

Моим апельсином. Он, между прочим, стоил сорок центов, или восемь пивных банок.

– Хорошо, – ответил я. – Он органический.

– В противоположность синтетическому?

Я очистил апельсин, мы сели на грязный матрац и начали играть в «Супер Марио» на нашем «Нинтендо».

– Диджеишь в «Марсе» сегодня? – спросил он.

– Ага, в подвале. На первом этаже – Кларк Кент, на втором – Ред Алерт.

– О, хорошо. Можешь меня вписать?

– Конечно. Тебя плюс двоих?

– Ага, спасибо, – сказал он.

Мы сидели на матраце, ели мой органический апельсин и смотрели, как Марио прыгает по гигантским грибам. Я бросил взгляд на серую стену дома напротив и улыбнулся. Впервые с 1967 года я снова стал ньюйоркцем.

Глава четвертая
Руки вверх

Мы с Джанет стояли на коленях на полу ее комнаты в общежитии Колумбийского университета и молились. У нас только что был секс. Мне было двадцать четыре, ей – двадцать, и мы встречались, но старались быть добрыми христианами и не поддаваться похоти.

– Боже, нам жаль, что мы согрешили. Пожалуйста, прости нас и помоги исполнить свою волю, – вместе сказали мы. – Во имя Иисуса, аминь.

> Джанет запрещалось водить мальчиков в комнату – мы нарушали не только закон Божий, но и правила общежития Колумбийского университета, так что, одевшись, я тайком выбрался через окно и пошел на метро.

Джанет украсила свою комнату в общежитии плакатом с альбомом U2 *War* и фотографией Андре Кертеса, изображавшей улицы Парижа. Комната была маленькая, в ней стояла лишь одна односпальная кровать, которую мы делили – или, если на меня нападал аскетизм или клаустрофобия, я спал на полу. Прошлой ночью мы лежали в постели и начали целоваться, но сумели остановиться, прежде чем заняться любовью. Я слез с кровати и лег на пол, потом взял за руки Джанет, которая осталась лежать в постели.

– Я рада, что мы не переспали, Моби, – тихо сказала она в темноте.

– Я тоже, Джанет. Спокойной ночи. А утром, проснувшись, я забрался в ее постель. Мы все-таки согрешили и занялись любовью. После посткоитальной молитвы о прощении мы легли в постель и обнялись.

– Думаешь, мы сможем воздерживаться? – спросил я, зарывшись лицом в ее волосы.

– Надеюсь, Моби, – сказала она. – Я очень хочу поступить правильно.

Джанет запрещалось водить мальчиков в комнату – мы нарушали не только закон Божий, но и правила общежития Колумбийского университета, так что, одевшись, я тайком выбрался через окно и пошел на метро. Ее общежитие сторожили охранники Колумбийского университета, но оно по-прежнему стояло на 120-й улице, так что, покинув здание, я вернулся в

Гарлем, в район, где я родился. В переулках сновали бездомные в грязной зимней одежде, окруженные старыми мешками для мусора, где лежало все их имущество.

Я перепрыгнул через турникет на остановке «125-я улица» и прошел мимо тощих крэковых наркоманов, которые стояли, опершись на стену, – почти мертвых мужчин и женщин, худых, как спицы, спавших на ходу и торговавших всем, что попадет под руку. Сегодня на платформе метро продавали использованную зажигалку, журнал *People* пятилетней давности, кассету Пата Бенатара и ботинок без пары.

Я выудил из мусорки свежие *New York Post* и *Daily News* и в ожидании метро прочитал написанный аршинными буквами заголовок «Город убийств». Оказывается, 1989 год стал рекордным по числу убийств за всю историю Нью-Йорка. В *Post* была статья о подростках, которые бегали по Таймс-скверу и кололи туристов инфицированными шприцами. Все казалось нормальным: изможденные наркоманы, ежедневные убийства, жестокие, одичавшие тинейджеры. Нью-Йорк никогда не был чистым или безопасным, но в восемьдесят девятом он был грязнее и опаснее, чем даже два года назад.

А еще он был моим домом. И я никогда не был счастливее.

> Там не было полиции, и подростки частенько бегали по вагонам, резали пассажиров ножами и воровали у них часы, кошельки, цепочки и кроссовки.

Приближался поезд – сначала он проявил себя едва заметным изменением атмосферного давления. Затем я почувствовал запах: характерное сочетание дезинфицирующих моющих средств, старой цементной пыли, крысиного яда и грязного воздуха. Потом вдали показался маленький белый огонек, который быстро рос в размерах. И вот станцию уже заполняет шум и визг тормозов. Я отошел на несколько шагов – почти каждую неделю я читал, как кого-то столкнули на рельсы прямо под поезд, – и задумался: сразу ли ты умрешь, попав под состав, или же еще будешь лежать, зажатый колесами, а крысы, наблюдающие за твоей предсмертной агонией, будут стоять и думать, можно уже к тебе подойти и откусить кусочек, или пока рано.

Двери поезда открылись, и я вошел. Вагон был старый и весь в граффити – и нарисованных на стенах, и вырезанных на стекле. На фиберглассовых скамейках сидели несколько пассажиров, но в одиннадцать часов холодного вторничного утра народу было немного. Я удостоился нескольких взглядов от людей, живших в еще более отдаленных районах, – доминиканцев, гаитян и ямайцев в огромных пальто; они смотрели на меня с опаской.

Скорее всего, они подумали, что я наркоман – с чего бы еще тощему белому парню с длинными тонкими волосами садиться на поезд линий 1/9 на 125-й улице? Никто не смотрел ни на кого слишком долго – это могло привести к летальному исходу. Людей убивали даже за кроссовки и наушники, так что в 1989 году ничей взгляд в метро не задерживался на ком-то дольше, чем пару секунд.

Поезд направился на юг; его металлические колеса громко скрипели о рельсы каждый раз, когда мы останавливались на станции. В метро я всегда ездил стоя, держась за ремень или поручень и постоянно оглядываясь, чтобы удостовериться, что вокруг безопасно. Там не было полиции, и подростки частенько бегали по вагонам, резали пассажиров ножами и воровали у них часы, кошельки, цепочки и кроссовки. Так что я всегда стоял и внимательно смотрел на двери, ни с кем не контактируя взглядами, оставаясь анонимом, к которому никто не лез с ножом.

Я хотел сходить в «Винилманию», так что сошел на Хьюстон-стрит и направился на восток. На тротуарах таял снег, и таксисты неслись прямо по черным грязным лужам, окатывая всех, кто стоял на пешеходных переходах.

Внутри «Винилмания» выглядела так же, как любой другой диджейский магазин в Нью-Йорке: все было раскрашено черным, на стенах висели металлические полки с новыми пластинками хип-хопа и хауса, а на полу стояли длинные деревянные корзины с двенадцатидюймовыми синглами. В глубине магазина располагались местные диджеи, упихавшие свои вертушки и огромные дискотечные колонки в пространство размером с маленький гараж в пригороде. В диджейских магазинах никогда не бывало тихо. Иногда один сотрудник ставил новые хип-хоп-пластинки на оглушительной громкости, в пяти футах от него другой включал новые дэнсхолл-пластинки на оглушительной громкости, а в десяти футах третий – новые хаус-пластинки, конечно, тоже на оглушительной громкости.

Лучшим – или, может быть, худшим – временем посещения любого диджейского магазина в Нью-Йорке был день пятницы. Именно тогда в магазины завозили новые пластинки, и все диджеи города отправлялись на шопинг в Манхэттен. По пятницам я заходил в «Винилманию», или «Дэнс-Трэкс», или «Диск-О-Раму» и видел толпу из сотни диджеев, собравшихся вокруг магазинного диджея, который на большой громкости ставил новые релизы. Все собравшиеся понимали, хороша ли новая пластинка, буквально за тридцать секунд. Можно было буквально почувствовать, как все собравшиеся вздрагивают от

интереса и возбуждения, слушая новую музыку. А потом все диджеи вскидывали руки вверх, спеша приобрести новую пластинку, от которой люди на танцполах будут визжать.

У меня было два недостатка: я был маленьким и белым. Большинство остальных диджеев были латиноамериканцами или неграми, причем довольно высокими. Я стоял вдалеке и надеялся, что продавец, поставивший новую пластинку, увидит мою маленькую белую ручку и, может быть, снизойдет до того, чтобы продать мне копию Break 4 Love группы Raze или Definition of a Track группы Precious.

Иногда по пятницам пластинки покупали Ред Алерт, или Фрэнки Наклз, или Джуниор Васкес, или еще кто-нибудь из легендарных нью-йоркских диджеев. Легенду всегда пропускали прямо к диджейской будке. Магазинный диджей ставил новую пластинку, тревожно смотрел на легенду, и если тот хотя бы едва заметно кивал, то все в магазине тут же кидались на новый винил, получивший благословение.

Я освоил искусство слушания сразу трех или четырех невероятно громких пластинок одновременно, просматривая корзины с ними и решая, во что вложить деньги на этой неделе. Двенадцатидюймовые пластинки были дорогим удовольствием. Я зарабатывал 800 долларов в месяц и тратил примерно 350 из них на еду и арендную плату. Соответственно, 450 оставались на пластинки, студийное оборудование и носки. Новая американская пластинка стоила 5,99, а импортная – 9,99. Достаточно было купить десять пластинок, чтобы потратить на музыку за раз больше, чем на еду за целый месяц. Так что, покупая пластинки, нужно было быть очень избирательным и проявлять стратегический подход. Я не просто слушал музыку и решал, нравится ли она мне: я еще и думал, как она будет звучать в «Марсе» и поможет ли сохранить мне работу.

В одиннадцать тридцать утра во вторник в «Винилмании» было лишь несколько диджеев, лениво просматривавших содержимое корзин. Я смотрел корзину лейбла DJ International и тут услышал, как хип-хоповый диджей поставил новую пластинку. Все рэперы начали выпускать треки в жанре хаус, чтобы попасть в плейлисты и в хипхоповых, и в хаус-клубах. Новый смежный жанр даже получил вполне предсказуемое имя «хип-хаус». У Jungle Brothers был большой хит I'll House You, и даже Биг Дэдди Кейн снизошел до выпуска хип-хаусовой песни.

Я послушал новый трек. Некоторые хип-хаусовые записи были очень клишированными и предсказуемыми, но эта была тонкой и недосказанной – и, как ни странно, она была построена вокруг сэмпла латиноамериканских колокольчиков. Я подошел к

будке и обратил на себя внимание диджея.

– Эй, что это? – крикнул я. Он посмотрел на меня, затем ответил:

– Дуг Лэйзи.

– Можно мне копию?

Он, не говоря ни слова, протянул мне двенадцатидюймовую пластинку в пластиковой обертке. Я поднял ее и прочитал надпись на упаковке: Дуг Лэйзи, Let It Roll.

– Когда песня вышла? – спросил я.

– Сегодня.

– Спасибо! – ответил я, даже побледнев от радости. Я купил еще пару двенадцатидюймовок с лейблов Strictly Rhythm и DJ International, но инстинкт подсказал мне, что круче всего пойдет именно Let It Roll.

Расплатившись за пластинки, я дошел по Кармин-стрит до Шестой авеню. Парк на пересечении Блекер и Кармин был полон грязного снега и крэковых торчков. Кто-то снял рейки с парковой скамейки и жег их в бочке. Я пошел дальше.

> Я был трезвенником-христианином, работавшим в ночных клубах, где без наркотиков никуда. Я жил в грязном городе, терзаемом наркотиками, СПИДом и бандами всех мастей.

Я очень обрадовался новому винилу, поэтому зашел в «Везувий», чтобы отпраздновать покупку чашечкой кофе и маленькой буханкой хлеба. «Везувий» – это маленькая пекарня, которую основали в районе Сохо еще в девятнадцатом веке. Сколько я туда ходил, столько за прилавком стоял старик-итальянец в белом фартуке, улыбающийся и обсыпанный мукой.

– Вам цельнозерновой? – весело спросил он.

– Маленький, пожалуйста. И черный кофе.

Он улыбнулся еще шире, завернул мой хлеб в тонкую бумагу и налил мне кофе.

– Два доллара, – сказал он.

– Вот, – ответил я, протягивая ему три доллара и ощущая себя Рокфеллером, – сдачу оставьте себе.

– Спасибо, джентльмен! – сказал он, убирая деньги в шумный металлический кассовый аппарат.

Я сел за один из двух маленьких столиков возле двери и взялся за хлеб и кофе. В Сохо было тихо – большинство картинных галерей еще не открылись, – так что я посмотрел на пластинки в свете солнца, отраженном от окон галереи напротив.

Я был трезвенником-христианином, работавшим в ночных клубах, где без наркотиков никуда. Я жил в грязном городе,

терзаемом наркотиками, СПИДом и бандами всех мастей. Но сейчас я сидел в тихом районе Сохо в отраженном солнечном свете и пил кофе в старинной пекарне, владелец которой улыбался мне. Я был так счастлив и доволен. У меня была идеальная новая пластинка, которую можно поставить. Идеальный кусок хлеба, который я собирался съесть. И я жил в идеальном городе.

Глава пятая
Замусоренная вентиляция

Пятничная толпа ворвалась в клуб «Марс» в десять вечера, как только его открыли. Я начал работу на первом этаже, когда распахнулись двери, но по-настоящему интересным вечер стал в районе полуночи, когда танцпол заняли «дома вога» с окраин.

Вог был как раз на пике популярности после выхода сингла Мадонны Vogue, но само движение началось еще несколько лет назад. Вогеры – это геи (черные и латиносы), которые горделиво расхаживали туда-сюда по танцполу, превращая его в своеобразный подиум. Вог на самом деле не был танцем как таковым – скорее он напоминал некий идеализированный показ мод. Объясняя явление другу, который играл на барабанах в спид-метал-группе, я сказал ему, что «дом вога» – это на самом деле не здание.

– Это примерно как «дом Шанель» или «дом Диора», – сказал я. – Они вдохновляются французскими домами мод.

– То есть они делают одежду? – спросил он.

– М-м-м, нет, – ответил я и еще раз попытался объяснить.

После полуночи в ту пятницу я ставил хаус-песни для прекрасных «вог-королев», и тут в будку вбежал мой друг Мануэль. Одними ночами он был помощником официанта, а другими играл роль «дрэг-квин». В «Марсе» он надевал черные штаны и черную футболку и носил пластиковые подносы с пустыми пивными бутылками и размякшими окурками. В свои выходные, однако, он превращался в Карлу, изящную латиноамериканскую травести с длинным мундштуком и темными глазами, подведенными сурьмой.

В прошлом месяце я сходил в дрэг-клуб возле Таймс-сквер, чтобы посмотреть на выступление Карлы. «Она» стояла на маленькой сцене и весьма элегантно и томно исполняла арию «Бали Хай». После шоу я сказал: «Это было здорово! Ты такая красотка!» Карла захлопала ресницами, поцеловала меня в щеку и удалилась, оставив за собой запах духов.

Теперь же Мануэль в образе помощника официанта вбежал в мою будку и крикнул:

– Эй, Моби! На твоем танцполе Вилли Ниндзя!

Вилли Ниндзя был его богом. Или богиней. Вилли Ниндзя возглавлял один из самых знаменитых домов вога в Нью-Йорке, так что выступление его дома во время моей диджейской смены вполне можно было назвать официальным благословением.

«Марс» был сложным местом – и с демографической, и с музыкальной точки зрения. Прошлой ночью, когда я работал на втором этаже, Кул Кит и Ultramagnetic MCs забрали микрофон и пьяными голосами зачитали совершенно безупречный фристайл под хип-хоп-треки. Сегодня Вилли Ниндзя и его дом манерно расхаживали по танцполу под звуки хауса, высоко подняв головы и хвастаясь точеными скулами.

Пока они устраивали свой «подиум», я поставил песню Love Is the Message коллектива MFSB. Толпа зааплодировала, а Вилли Ниндзя лучезарно улыбнулся мне с другого конца комнаты. Я натурал, но он был так прекрасен, а его улыбка – так широка, что в тот момент я был готов на нем жениться. Ночь шла своим чередом, танцпол оставался заполненным, и в четыре часа утра я закончил свой сет, поставив Set It Off группы Strafe. Передо мной было счастливое, потное море людей – черных, латиноамериканцев, белых, азиатов, натуралов, геев. Песня закончилась, включился свет, и все вышли из «Марса» в ошеломительный город.

Я натурал, но он был так прекрасен, а его улыбка – так широка, что в тот момент я был готов на нем жениться.

Вернувшись около пяти утра домой, я почитал немного Артура Кларка, свернулся в маленькой постели и попытался уснуть – а потом кто-то в здании напротив на третьем этаже начал орать.

– Иди на хер! – крикнул он заплетающимся языком. – Иди на хер, я это сделаю!

Я запер окно, чтобы не слышать воплей – это еще и помогло частично заглушить вонь мусора с улицы. Вентиляционная шахта шириной около четырех футов между нашим домом и наркопритоном была забросана мусором, причем высота кучи составляла не меньше ярда: прогнившие ящики, остатки еды, алюминиевые банки, манекен, чемодан… Я спросил домовладельца, почему нельзя это все расчистить, и он ответил, что формально шахта принадлежит соседнему зданию – а поскольку это наркопритон, никто и ничего расчищать не собирался. А раз шахту никто не расчищал, все жители и нашего здания, и самого притона выкидывали мусор прямо в окно, заваливая ее все выше и выше.

– Иди на хер, я это сделаю, – все надрывался человек в соседнем доме.

– Заткнись! – крикнул кто-то в нашем здании.

– Да заткнись ты уже к х*ям! – согласился еще один

заспанный голос.

– Иди на хер, иди на хер, я это сделаю! – крик раздался уже примерно в двухсотый раз. А потом он действительно это сделал.

Я услышал женский вопль, и кричавший человек прыгнул в шахту с третьего этажа. В падении он успел издать странный стон, а потом с тошнотворным хрустом приземлился. Я вскочил с постели и открыл окно. В двух футах от меня лицом вверх на куче мусора лежал окровавленный, стонущий человек.

– Антон, Антон! – кричала женщина из окна наркопритона.

– Ты в порядке? – спросил я Антона. Он застонал; его окровавленные губы двигались, но не издавали членораздельных звуков. – Держись, я позвоню 911.

Дозвонившись, я очень громко и быстро сообщил оператору, что из окна выпрыгнул мужчина и приземлился в вентиляционной шахте рядом с моей квартирой.

Я услышал, как девушка-телефонистка затянулась сигаретой и выдохнула дым.

– Адрес назовите, – скучающим тоном произнесла она. Я дал ей адрес и сказал, что сам впущу медиков.

– Антон! Антон! – все надрывалась женщина из соседнего дома. Я высунул голову в окно и крикнул:

– Он жив! «Скорая» уже едет!

Кто-то еще из моего окна ответил:

– Заткнись!

– Я тут уснуть пытаюсь! Заткнись на хер!

– Тут какой-то парень помирает! – объяснил я.

– Да заткнись уже, бл*! – ответил один из голосов. Люди, которые очень хотят спать, обычно не отличаются особым милосердием, даже если в нескольких футах от них кто-то умирает.

– Антон, – спросил я, – ты меня слышишь? Ты в порядке?

Он лишь застонал.

Я услышал женский вопль, и кричавший человек прыгнул в шахту с третьего этажа. В падении он успел издать странный стон, а потом с тошнотворным хрустом приземлился.

– «Скорая» уже едет, – сказал я. – Держись.

Он опять застонал. Он был весь мокрый – то ли от крови, то ли от пота, то ли от дождя. Или, может, от всего сразу. Выглядел он так, словно потел нефтью.

Через несколько минут в квартиру позвонили.

– «Скорая помощь»! – крикнул кто-то в шипящий домофон. Я открыл дверь, и трое фельдшеров с алюминиевыми носилками

прошли по коридору. Я провел их на нижний этаж, открыл черную железную дверь пожарного выхода и пропустил их в вентиляционную шахту. Я пошел обратно домой, а они ловко полезли вверх по мусору, не выпуская носилок.

Вернувшись в спальню, я выглянул в окно: фельдшеры проверяли Антону пульс и светили фонариком в его расфокусированные глаза. Я высунулся из окна и спросил:

– С ним все будет нормально?

Один из фельдшеров засмеялся.

– Ага, долбаный мусор спас ему жизнь.

– Вы о чем?

– Если бы вентиляционная шахта была чистой, он бы приземлился на бетонный пол. И сразу бы умер.

Они пристегнули Антона к носилкам и вынесли его к машине «Скорой помощи». И все стихло. Никто больше не кричал. Я посмотрел вверх через вентиляционную шахту, разделявшую наши здания, и увидел серое рассветное небо.

Глава шестая
Ведро из козьей шкуры

Работая в «Марсе» дважды в неделю, я встречался с кучей незнакомых людей, и некоторые из них предлагали мне работу диджея в разных местах. На прошлой неделе я крутил пластинки в подвале ресторана под названием «Кейв-Канем», где несколько пьяных женщин плясали голышом в грязном джакузи. Еще неделей ранее я работал диджеем на выпускном вечере негритянского профессионального училища в Мамаронеке, штат Нью-Йорк. А сегодня, в среду, холодным ноябрьским вечером, мне предстояло работать сразу в двух местах. Первым мероприятием должна была стать балеарская вечеринка в украинском культурном центре; принимая предложение, я даже не знал, что означает «балеарский». Второе место – секс-вечеринка в лофте в Челси. До украинского культурного центра от моей квартиры можно было дойти пешком. Но у меня с собой было три ящика пластинок, а винил – тяжелая штука. Несколько лет назад я придумал отличную систему перевозки пластинок: ставил ящики на скейт и очень медленно и осторожно толкал его вперед. Несколько месяцев назад, поздней дождливой ночью, я толкал свою «виниловую башню» по тротуару рядом с «Марсом». Ящики зашатались, в попытках их удержать я вывихнул лодыжку, и сотни пластинок разлетелись по грязи и крови Мясницкого района. Уже всходило солнце, и я потратил минут двадцать, хромая под дождем с вывихнутой лодыжкой и пытаясь собрать двенадцатидюймовки в мокрой, кровавой грязи Тринадцатой улицы. После этого я стал толкать нагруженный винилом скейт с куда большей осторожностью.

– Моби! Мы принесем в Нью-Йорк любовь и экстаз!

Еще одним достоинством моей системы было то, что скейт оставался в моем распоряжении в течение всего времени, что я нетерпеливо ждал прихода посетителей. Обычно я приезжал в ночной клуб или бар в девять вечера, раскладывал пластинки, проверял, работает ли оборудование, и ждал. Иногда я сидел у барной стойки и читал какой-нибудь фантастический роман. А иногда – катался на скейте по пустому танцполу. Это развлекало и меня, и официантов – особенно, когда я, как часто бывало, падал со скейта и растягивался на танцполе.

Я вышел из квартиры со своей шаткой виниловой башней и направился на восток по Четырнадцатой улице. Стоял идеальный

нью-йоркский осенний вечер – из тех, когда люди держатся за руки и влюбляются, прогуливаясь по парку и перешагивая через бомжей. Я толкал скейт вдоль опавших деревьев, мимо магазина париков и государственного банка, мимо ливанского ресторанчика и заброшенного театра, а потом повернул на Вторую авеню. Подул ветер, устроив ист-виллиджское па-де-де с участием опавших листьев и мусора.

Заведение под названием «Хитрый лис» было частью Украинского национального дома. Открыв парадную дверь «Хитрого лиса», я услышал звук, которого боятся все диджеи: громкую танцевальную музыку в пустом зале. Я завез пластинки внутрь и увидел, что первый диджей уже на сцене и играет пластинку Inner City для аудитории из пяти человек – своей девушки, подружки своей девушки, промоутера, делового партнера промоутера и хмурого бармена.

Промоутер был хиппи с Гоа, который когда-то, возможно, был турком, или французом, или швейцарцем, но сейчас его новой родиной стал Ист-Виллидж. У него были длинные отбеленные дреды, и по пятницам он тусовался в «Марсе». Однажды он подошел ко мне, пока я работал, вскинул руки и закричал:

– Моби! Мы принесем в Нью-Йорк любовь и экстаз!

– Хорошо, – ответил я, нервно улыбнувшись.

Он арендовал «Хитрого лиса» и разрекламировал мероприятие как первый в истории Нью-Йорка балеарский рейв. (Позже я узнал, что Балеарскими называются острова в Средиземном море, и в их числе находится Ибица – испанский центр рейв-культуры.) Проблема состояла в том, что балеарская музыка по большей части была мягкой, ведущими инструментами были акустические гитары или клавишные, что не слишком-то подходило для антиутопичного Нью-Йорка образца 1989 года. Ньюйоркцам больше нравились грязные звуки хип-хопа, дэнсхолла и лоу-фай хауса.

> Я понимал, что в качестве нью-йоркского диджея выгляжу чужаком: белый двадцатичетырехлетний парень, который играет хип-хоп и хаус в негритянских, латиноамериканских и гей-клубах.

Сейчас промоутер, уже под кайфом от грибов, сидел на сцене «Хитрого лиса» и играл на каком-то этническом перкуссионном инструменте, больше всего напоминавшем ведро, покрытое старой козьей шкурой. Он стучал по своему козьему ведру, закрыв глаза – либо в экстазе, либо, подобно страусу, желая скрыться от того факта, что зал пуст и балеарский рейв потерпел полный провал.

У меня сердце защемило: он был очень хорошим парнем, пытался сделать как лучше, и я действительно желал, чтобы у него все получилось. Я хотел войти в «Хитрого лиса» и увидеть сотни потных рейверов из Великобритании и Австралии, которые скачут под хаус, размахивая светящимися палочками, и обнимаются со всеми подряд. Я читал о рейвах, я слышал, что светящиеся палочки используют не только на уроках физики и при автоавариях, так что думал, что мне удастся побывать на настоящем рейве всего в нескольких кварталах от моего дома. И, может быть, я даже почувствую себя в рейв-культуре как рыба в воде.

Я понимал, что в качестве нью-йоркского диджея выгляжу чужаком: белый двадцатичетырехлетний парень, который играет хип-хоп и хаус в негритянских, латиноамериканских и гей-клубах. По большей части я потерял интерес к «белой» музыке, и мне нравилось жить в мире, который не был моим собственным. Иногда в свои выходные я тоже ходил в клубы: стоял в углу, радуясь, что представляю собой меньшинство из одного человека – единственного белого натурала, и благодаря судьбу, что мне удалось выбраться из пригородов в Коннектикуте. Несколько лет назад я прочитал цитату Рембо «Я – это Другой» и наклеил ее на маленькое зеркало в спальне. Я обожал эти миры, полные чернокожих, латиноамериканцев и геев, и я даже завязал там несколько знакомств, но всегда знал, что я – это Другой.

Может быть, на рейв-сцене, о которой я столько слышал, я почувствую себя не таким чужим?

Пока промоутер стучал по барабану, его деловой партнер подошел ко мне и сказал:

– Эй, Моби! Я уверен, позже тут будет побольше народу.

Но у меня не было «позже»: мой сет начинался через пятнадцать минут. Может быть, «позже» произойдет, пока я буду стоять за вертушкой: зал внезапно заполнится прекрасными загорелыми людьми с Гоа (я вообще не представлял, где находится Гоа – может, это еще один из Балеарских островов?), приехавшими ради волн любовного экстаза. Надежда умирает последней, особенно когда ты диджей и готовишься играть пластинки перед пустым залом.

«Хитрого лиса» построили украинские эмигранты в девятнадцатом веке. Больше ста лет этот зал использовался для свадеб и профсоюзных собраний. Деревянные полы были изношены, истоптаны тысячами украинцев, которые приходили сюда, чтобы пожениться, организовать профсоюз или устроить хоровод, поздравляя себя с жизнью в этом суровом городе, где иногда находились надежда и изобилие. «Хитрый лис» был

привычен к большим скоплениям людей, но я был уверен, что через несколько минут нынешний диджей и его девушка уйдут, и в зале останется всего четыре человека.

Диджей играл свою последнюю песню, поэтому я поступил согласно правилам диджейской вежливости и встал позади него с наушниками; он с важным видом кивнул и посмотрел на аппаратуру. Когда осталась минута, он повернулся ко мне, отключил наушники, пожал руку, сказал: «Рад знакомству, удачи тебе» и отошел от вертушек.

Я включил свои наушники, достал первую пластинку – Bang Bang You're Mine группы Bang the Party, подготовил диск и постепенно убрал хаус-трек, который он играл. Я снял иголку с его пластинки и, завершая наш «менуэт», осторожно протянул ее ему. Как и ожидалось, он забрал пластинку и сбежал вместе с девушкой, скорее всего, надеясь, что хотя бы с ней ему сегодня вечером повезет.

> Каждую ночь люди умирали на улицах, и Нью-Йорк в буквальном смысле сжигал себя: домовладельцы поняли, что дешевле будет оставить пустые многоквартирные дома в огне, чем платить за них налоги.

В зале остались четыре человека: обдолбанный промоутер с дредами, его стойкий и полный надежды деловой партнер, мрачный бармен и я. Мне предстояло играть целый час – долгий, болезненный час.

Но затем, во время второго трека, в зал вошли четыре веселых человека с дредами, подбежали к промоутеру и обнялись с ним. Через несколько минут пришли еще люди. А потом еще. Минут через двадцать в «Хитром лисе» собралось уже человек тридцать – кто-то стоял по углам, но большинство танцевало под хаус. Промоутер по-прежнему играл на своем непонятном ударном инструменте, но теперь его глаза были открыты, и он бегал по танцполу, размахивая своими белыми дредами во все стороны.

К одиннадцати тридцати вечера в «Хитром лисе» собралось уже пятьдесят человек. Это на самом деле трудно назвать респектабельным кворумом для дискотеки, особенно учитывая, что зал вмещал четыреста, но все-таки народу было достаточно, чтобы мне не пришлось печально смотреть в пустоту. Кроме того, люди танцевали. Если вокруг танцуют, то диджею всегда хорошо. Я играл хаус-треки, которые вышли за последний год и стали большими хитами в танцевальном андеграунде: Break 4 Love (Raze), A Day in the Life (Black Riot), It's Just A!!! (House Without a Home II), Follow Me (Aly-Us). То были замечательные,

эйфорические синглы, вышедшие на независимых лейблах, продававшиеся только в магазинах независимой музыки и написанные странными ребятами вроде меня в маленьких студиях с драм-машинами, синтезаторами и сэмплерами. Вне Нью-Йорка об этих песнях никто не знал, но здесь они были значимыми, практически культовыми хитами.

А еще они были органичны: сделаны не большими продюсерами, которые работают на многонациональные корпорации, а такой же молодежью, которая ходит по ночным клубам. Музыкальными магазинами владели ребята, которые записывали и ставили пластинки. Одежду делали друзья ребят, записывавших пластинки. Наркотиками торговали соседи ребят, которые делали одежду и пластинки. Каждую ночь люди умирали на улицах, и Нью-Йорк в буквальном смысле сжигал себя: домовладельцы поняли, что дешевле будет оставить пустые многоквартирные дома в огне, чем платить за них налоги. И почему-то все, кому было немного за двадцать и кто жил к югу от Четырнадцатой улицы, реагировали на все это одинаково: игнорировали отчаяние и страх и шли танцевать до пяти утра.

Мой час в «Хитром лисе» заканчивался, так что я поставил свою любимую на этой неделе пластинку – Git on Up, ремикс от Фаст Эдди, выпущенный DJ International. Пятьдесят человек в «Хитром лисе» весело танцевали, промоутер крутился со своим козьим ведром, а незадолго до того, как мой трек закончился, я отошел и уступил место следующему диджею, который, соблюдая правила диджейской вежливости, встал позади меня с наушниками.

Я собрал свои пластинки, пожал руки нескольким людям и пошел искать друга промоутера, который должен был мне заплатить.

– Хорошая работа, – отметил он, – но, как видишь, дела у нас сегодня шли не очень.

Я стоял, держась за свою виниловую башню на скейте.

– Вот тебе двадцать долларов, – сказал он, протягивая мне смятую купюру. – Мы устроим новую вечеринку и в следующий раз сможем заплатить тебе больше.

– Ладно, хорошо, – ответил я, пожал ему руку и забрал двадцатку.

Разговор об оплате у нас вообще не заходил, но двадцать долларов – это вполне хорошие деньги. На них можно два раза съездить на такси через весь город, сложив пластинки в багажник. Или устроить обед на двоих в «Анджелика-Китчен». Или купить еды на неделю. Гонорар в двадцать долларов меня совершенно не оскорбил. Я жил в Нью-Йорке, делал музыку, и хиппи с Гоа

приглашали меня работать перед пустыми залами.

Следующая остановка – Челси. Неделю назад я работал в «Марсе», и тут ко мне подошел престарелый афроамериканец по имени Морис и спросил, не хочу ли я поработать диджеем на ежемесячной свингерской вечеринке, которую он устраивает. Я сказал «да», потому что диджеем я был готов работать где угодно. Если бы ко мне подошел ассенизатор из Квинса и спросил, не хочу ли я поработать диджеем в его гостиной для него и его бабушки, я бы, наверное, ответил: «Да, но только если ты не станешь мне платить».

– Какой пароль?

– «Прикоснуться к классному», – снова сказал я, чувствуя себя запачканным и находящимся в совершенно абсурдном положении одновременно.

Я хотел работать диджеем в самых больших клубах в самые лучшие дни. Я хотел быть прославленным диджеем и музыкантом. Но еще я был совершенно неразборчив в работе, на которую соглашался. Я не отвечал «нет» ни на одно профессиональное предложение до 2002 года. Я боялся, что если скажу «нет», то вселенная отправит меня обратно в Коннектикут, чтобы там я всю оставшуюся жизнь опустошал мусорные баки в «Арбис». А еще я не знал, что такое свингерская вечеринка. Бывает ли на ней настоящий секс? Кто там собирается – молодые сибариты или унылые старики? Я остановил такси возле «Хитрого лиса». Таксист открыл багажник, и я поставил туда два ящика пластинок и скейт. Я сел на потрескавшееся виниловое заднее сиденье и сказал:

– Угол Девятнадцатой улицы и Десятой авеню, пожалуйста.

Во всех нью-йоркских такси был маленький плексигласовый дисплей, где размещалась лицензия водителя. Я вел своеобразное соревнование с друзьями: у кого будет таксист с самым крутым именем. Неделю назад одного друга вез таксист по имени Саддам аль-Хусейн. В первую неделю в Нью-Йорке я вообще попал в такси к Мухаммеду Али. Но сегодня у меня случился настоящий джекпот, вершина причудливых таксистских имен. Моего водителя звали Фук Ман.

Фук Ман повез меня по городу. В 1989 году Челси был пустынным районом – длинные, почти заброшенные кварталы к западу от реки Гудзон. По большей части там не было ни баров, ни ночных клубов – только заколоченные лофты и склады. Никто не жил так далеко к западу, и единственными, кого я видел на улицах, были проститутки-транссексуалы и бездомные, которые

всячески старались остаться незаметными.

Я нашел лофт, где устроили свингерскую вечеринку, позвонил в домофон и сказал пароль, который мне сообщили: «Я здесь, чтобы прикоснуться к классному». Дверь открылась, и я затолкнул скейт в лифт. Старый лифт громыхал – несомненно, он был сильно изношен после того, как в нем десятилетиями вверх-вниз возили швей и одежду, которую они шили. Двери закрылись, и я медленно поднялся наверх.

Я вышел на восьмом этаже; в глубине коридора с рядами кабинетов слышался тихий стук басового барабана. Я постучал в нужную дверь. Огромный лысый латиноамериканец приоткрыл ее на дюйм и спросил:

– Какой пароль?

– «Прикоснуться к классному», – снова сказал я, чувствуя себя запачканным и находящимся в совершенно абсурдном положении одновременно.

– Хорошо, входите.

Я прошел в лофт площадью четыреста квадратных футов. С одной стороны был танцпол, окруженный несколькими диванами. У окон – бар, за баром по полу были раскиданы матрасы, а в дальнем углу стояло джакузи. У диджея играл старый диско-сингл, а несколько пухлых свингеров в садомазохистском убранстве танцевали в свете красных полицейских мигалок и одинокого стробоскопа из Radio Shack.

Ко мне подошел промоутер Морис.

– Моби! Спасибо, что пришел! Давай я познакомлю тебя с Жаком, нашим диджеем.

Мы прошли к будке; диджей не обратил на нас никакого внимания. Затем, весьма хреново смикшировав два трека между собой, он все-таки медленно поднял голову.

– Жак, это Моби. Он сегодня работает вместе с тобой.

– Угу, – равнодушно ответил Жак.

– Моби играет в «Марсе», – сказал Морис.

– Угу. Морис спросил, не хочу ли я выпить.

– Если можно, воды. Спасибо, – ответил я, и он ушел. Жак поставил еще одну песню, потом сказал:

– Можешь начать в два. Посмотрим, как все пойдет.

– Ладно, хорошо.

Потом он снова перестал обращать на меня внимание и очень плохо смикшировал трек Peech Boys с Heartbeat группы Seduction. Я разложил в углу свои пластинки. Вернулся Морис и дал мне воды.

– Жак уже много лет работает у меня диджеем, – сказал он. – Он крутой!

– Хорошо, – ответил я.

– Ну, веселись. Спасибо, что пришел.

Морис ушел. Я стоял рядом с диджейской будкой, якобы внимательно наблюдая за ужасным микшированием Жака, но на самом деле пытаясь понять, можно ли мне смотреть на свингеров в комнате. Наконец я набрался смелости и пошел искать туалет. Я предполагал, что на секс-вечеринках есть некий кодекс поведения, но даже не представлял, каким он может быть. Можно мне смотреть? Что говорить, если кто-то захочет заняться сексом со мной? Можно ли отказаться на том основании, что я натурал? Или, может, меня вообще изрубят на куски и выкинут в мусорный контейнер? Все эти вопросы казались мне вполне серьезными и легитимными.

> На втором матрасе женщина-доминатрикс стегала ремнем по заднице пухлого белого мужика с завязанными глазами, а несколько человек на них смотрели.

Я прошел к туалету, тайком посматривая на полдюжины свингеров, лениво двигавшихся по танцполу. На диванах вяло обжимались латиноамериканские и чернокожие пары, лапая друг друга между ног. Диваны были старые и черные и, скорее всего, насквозь пропитанные телесными жидкостями. Четыре человека стояли у бара и пили коричневый ликер и игристое вино, а в окне за ними огромным фаллическим символом высился Эмпайр-Стейт-билдинг.

За баром лежали матрасы – затененная область, освещенная лишь несколькими новогодними гирляндами, свисающими с потолка. Первый матрас был занят латиноамериканкой, сидевшей сверху на негре, который безучастно смотрел в потолок. На втором матрасе женщина-доминатрикс стегала ремнем по заднице пухлого белого мужика с завязанными глазами, а несколько человек на них смотрели. Она говорила: «Свинья! Сраная свинья!» На третьем матрасе очень худая латиноамериканка занималась сексом с крупным латиноамериканцем, а рядом стоял худой белый парень и мастурбировал. Судя по лицам, они явно скучали.

Еще там был четвертый матрас, и пятый, и шестой, и на всех шли апатичные занятия сексом. Я никогда раньше не видел публичного секса. Я и приватного-то секса почти не видел. В течение большей части жизни, занимаясь любовью, я очень стыдился и был совершенно уверен, что делаю все неправильно и гневлю Бога. Секс, который сейчас был перед моими глазами, не казался извращенным. В нем не было никакого энтузиазма или

страсти. Люди, занимавшиеся сексом, выглядели безжизненными, как и те, кто за ними наблюдал. В лофте было много ароматических свечей и благовоний; если закрыть глаза, могло показаться, что ты в каком-нибудь свечном магазинчике распродаж. Я ожидал, что секс-клуб будет угрожающим, развратным, искушающим местом. Но происходящее больше напоминало обеденный перерыв у особенно озабоченных сотрудников Министерства транспорта.

Я прошел в туалет, весьма испуганный и тем, что видел чужой секс, и тем, насколько скучным он показался. У раковины стояла женщина – самая красивая голая женщина из всех, что я видел: нордической внешности, с короткими светлыми волосами, высокая, с идеальным телом. Она отмывалась с помощью старого полотенца и мыла. Я был покорен. Она повернулась, пренебрежительно посмотрела на меня и продолжила счищать с себя то, что на ней оставили обитатели матрасов.

Я прошел к туалетной кабинке, раздумывая, не спрыгнут ли с сиденья унитаза какие-нибудь страшные болезни, чтобы поскорее забуриться ко мне в уретру? Насколько я понял, нордическая богиня отказала мне. Или это тоже часть протокола секс-клуба? Отказывать всем, пока не найдется кто-нибудь, кто проявит достаточно дерзости и завоюет ее? Наберусь ли я такой дерзости? Нет. Во мне не было ни дерзости, ни завоевательского желания.

Когда я вышел из кабинки, ее уже не было. Я вернулся в диджейскую будку; Жак был явно раздражен.

– Ты вообще где шатаешься? – спросил он. – Начинай работать. Я ухожу.

У него играла French Kiss Лила Луиса, и я увидел, что до окончания песни осталось пятнадцать секунд. Я пробормотал: «Извините», решив умолчать о том, что никогда раньше не видел людей, которые спят друг с другом при всех, а в туалете встретил свою перемазанную спермой нордическую Дульсинею и понял, что никогда не познаю истинного счастья, потому что она пренебрегла мной. Вместо этого я взял пластинку Break 4 Love и каким-то образом сумел идеально смикшировать ее с последними четырьмя секундами French Kiss.

– Ха, – только и сказал Жак, потом удалился.

Я поставил свои хаусовые, хип-хоповые и дэнсхолловые хиты. Когда зазвучала Kiss Принса, мне даже удалось заставить танцевать около десяти человек, что можно было считать успехом. С матрасами и джакузи конкурировать было крайне тяжело.

Около четырех утра в лофте осталось всего человек десять; пришел Морис и сказал, что я могу заканчивать. Я поставил Sign

O’ the Times Принса и в последний раз обошел лофт. На одном из матрасов моя нордическая богиня трахалась сразу с двумя толстыми мужиками, которые в свободное от осквернения любви всей моей жизни время, похоже, работали в какой-нибудь забегаловке. Ее глаза были закрыты. Казалось, что им всем скучно. Небольшая частичка моей души в тот момент умерла.

Я представлял, как стану ее Холденом Колфилдом, как спасу эту женщину от демонов, заставивших ее прийти на секс-вечеринку «Прикоснуться к классному» в грязном лофте поздно вечером в среду. Я хотел, чтобы мы вместе завтракали в нашей чистой и солнечной квартире, чтобы она читала Беккета, ела тосты и смотрела на меня с любовью. Но на самом деле мы не обменялись ни единым словом, сейчас она лежала под каким-то потным незнакомцем, а песня Принса уже заканчивалась.

> На одном из матрасов моя нордическая богиня трахалась сразу с двумя толстыми мужиками, которые в свободное от осквернения любви всей моей жизни время, похоже, работали в какой-нибудь забегаловке.

Подошел Морис, сказал: «Отличная работа, спасибо большое» и протянул мне пятьдесят долларов. Двадцатка с предыдущей вечеринки окупила поездку на такси, так что пятьдесят долларов стали моей чистой прибылью. Я чуть не спросил Мориса о нордической богине, но потом понял, что посетители таких вечеринок вряд ли хотят, чтобы их имена знали. Я забрал пластинки и дотолкал скейт до лифта.

Я в последний раз оглянулся на дверь, надеясь, что она распахнется и нордическая богиня в слезах бросится за мной по коридору, говоря: «Я всем сердцем чувствовала, что люблю тебя. Я не знаю, что делаю со своей жизнью – помоги мне». Но дверь осталась закрытой. Я спустился на лифте и вышел на улицу.

Выходя из здания, я услышал вдалеке грохот мусоровоза, напомнившего мне, что все мои знакомые сейчас спят.

Глава седьмая
Крестики-нолики с курицей

К осени наша квартира превратилась в хостел. Алисса, девушка Дамьена, съехала, и ее вскоре сменила его новая девушка Кристина, девятнадцатилетняя кореянка с экономического факультета Нью-Йоркского университета. Кристина прожила в темном подвале с Дамьеном около месяца, потом тоже уехала. После ее отъезда в квартиру заявился друг Дамьена Энди с парой ящиков и поселился с ним.

В октябре уехал Роберто, и его комнату занял мой друг Ли. Ли был нердом-христианином, но, в отличие от меня, он пил и не стыдился спать со своей девушкой. Мы познакомились в христианском клубе для всех возрастов в Коннектикуте, где я когда-то работал диджеем, и он отлично вписался в коллектив наших нескладных друзей-христиан благодаря очкам с толстыми линзами и любви к «Звездному пути».

Каждый вечер на тонком черном матрасе в гостиной кто-то спал. Мой приятель, приятель Ли или приятель Дамьена спал на матрасе, играл в «Супер Марио», слушал Jane's Addiction или занимался сексом. Вскоре мы с Ли поставили замки на наши двери, потому что в квартире постоянно ночевали совершенно незнакомые люди. Кроме того, мы не полностью доверяли Энди, новому соседу Дамьена по комнате.

Энди вырос в Нью-Джерси, и несколько лет назад его выгнали из школы. Теперь он жил в городе, перебивался случайными заработками, думал о поступлении в художественную школу и тусовался с торговцами крэком. У него были кудрявые рыжие волосы, и он очень редко мылся. Однажды днем мы с Ли сидели в гостиной и играли в «Нинтендо», и тут на лестнице из подвала появился Энди. Он стоял там в одних трусах и ничего не говорил – только оглядывался, почесываясь.

– М-м-м… Эй, Энди, – сказал Ли.

– Эй.

– Что происходит? – спросил я. Он задумался.

– Я только что понял, что просидел в подвале сорок восемь часов. Подумал, что надо бы выйти погулять.

Он постоял еще, моргая, пару раз оглядел комнату, а потом, не сказав ни слова, спустился обратно по черной металлической лестнице в подвал.

– Ли, – шепнул я, отложив джойстик, – Энди стал совсем странным.

Ли ничего не ответил – он только что заново запустил «Супер Марио». Мы много играли в «Супер Марио», потому что это была единственная игра, которая шла в комплекте с «Нинтендо» (мы иногда называли ее «Ноу-френдо»). С месяц назад я вернулся домой и увидел, как Пол, Дамьен и Ли сидят на диване и смотрят «Супер Марио» по телевизору. Ли вывел игру на новый уровень: записал ее на видео, а потом все сели и стали ее смотреть, как кино. Иногда мы обсуждали, не купить ли какую-нибудь новую игру, но картриджи стоили 15 долларов, а ни у кого из нас таких лишних денег не было. Так что мы сидели на матрасе и в своей нищете снова и снова играли в «Супер Марио».

– Жалко, что ты сумасшедший, – шепнул Пол.
Я засмеялся.

Через неделю после того, как Энди вышел из подвала, Пол (он поступил в Университет штата Нью-Йорк в Перчейзе) приехал в город и остановился со мной и Ли. Мы все снова сидели на матраце и играли в «Супер Марио». Пол внезапно встал, отключил «Нинтендо» и сказал:

– Надо устроить вечеринку с танцами.

Он подошел к магнитофону и включил кассету Jane's Addiction. Комнату заполнил громкий лай собак – заиграла песня Been Caught Stealing.

У нас было правило: если кто-то говорит: «Надо устроить вечеринку с танцами», то танцуют все. Без исключения. Скача по гостиной под музыку, мы услышали, как Энди орет что-то из подвала. Мы не понимали ни слова, но решили еще попрыгать, потому что нам показалось забавным доводить Энди до белого каления.

Потом Энди взбежал вверх по металлическим ступенькам.

– Заткнитесь! Заткнитесь на хер! – заорал он, когда вышел в комнату. Пол выключил магнитофон.

– Сука, ненавижу это место! – заорал Энди. – Ненавижу это все! Заткнитесь! Просто заткнитесь, бл*! Идите на х*й! Мудаки!

Он повернулся и убежал обратно в подвал. В гостиной повисла тишина. Мы пораженно переглянулись.

– Ваш сосед что-то по виду не очень доволен, – сказал Пол.

– И, по-моему, не очень здоров, – сказал Ли.

– Ну что, дальше танцуем? – спросил я. – Ставим Black Flag?

Пол засмеялся.

– Не, – ответил он. – Пойдем лучше в «Беннис» и поедим бурритос.

Мы на цыпочках вышли из дома.

– Пока, Энди, – прошептал Ли, пока мы шли по коридору.

– Жалко, что ты сумасшедший, – шепнул Пол. Я засмеялся.

– Пожалуйста, не режь нас, безумец.

Купив в «Беннис» веганские буррито за 4 доллара, мы пошли в наш любимый зал игровых автоматов в китайском квартале, чтобы поиграть в крестики-нолики с курицей. Я был веганом и борцом за права животных, но просто не мог не сыграть партию в крестики-нолики с курицей в ее плексигласовой коробке с надписью «Курица выигрывает!». Игровой зал располагался в глубине китайского квартала, и я решил, что курица, играющая в крестики-нолики, скорее всего, счастливее, и за ней лучше ухаживают, чем за курами, которых ощипывают и вешают на витринах ресторанов на Пелл-стрит. За прошедшие годы мы с друзьями сыграли бесчисленное количество партий в крестики-нолики с курицей, и по какой-то причине курица всегда выигрывала.

– Я вчера ночью пошел и купил бензина, – сказал Энди. – Собирался сжечь вас обоих во сне, ребята.

Несколько раз проиграв курице, мы пошли обратно по Мотт-стрит и Четвертой авеню и вернулись домой около одиннадцати. Дамьен сидел в кухне и курил с довольно обеспокоенным видом.

– Ребята, Энди очень расстроен. Что произошло? – спросил он.

– У Энди случился срыв, – сказал Ли.

– Просто не стесняйте его, хорошо? – сказал Дамьен, туша сигарету в раковине.

– Он нас не зарежет во сне? – спросил я. И тут послышался голос из подвала.

– Я тебя *слы-ы-ы-ышу*, – распевно произнес Энди.

– Поеду-ка я обратно в университет, – сказал Пол и направился к двери.

– Трус, – крикнул Ли ему вслед. Дверь за Полом закрылась, и в доме повисла полная тишина.

– Ну и что нам делать? – спросил я у Ли.

– Играть в «Нинтендо»? – предсказуемо ответил он. Мы включили телевизор и приставку и стали тихо играть в «Супер Марио». Я подошел к лестнице, ведущей в подвал.

– Дамьен? Энди? – вежливо позвал я. – Ребята, не хотите поиграть в «Нинтендо»?

Снизу доносились звуки Cocteau Twins.

– Дамьен? – снова позвал я. Он вышел к лестнице, куря сигарету.

– Нет, спасибо, – ответил он и вернулся в свою комнату в подвале. Я сыграл еще одну игру в «Супер Марио» с Ли, потом

пошел в комнату, запер дверь и до двух ночи работал над тихим эмбиентом.

Утром я вышел в гостиную. Энди сидел на матрасе, Дамьен стоял у двери в кухню. Рядом с Энди были две банки бензина. Он смотрел в пол.

– Приведи Ли, – тихо сказал он.

Я постучал в дверь Ли. Он открыл, в одних трусах и полусонный.

– Что такое? – зевнув, спросил он, потом увидел банки с бензином. Ли быстро вышел в комнату и скрестил руки на груди; сна у него уже не было ни в одном глазу.

– Энди, что тут творится? – громко спросил он.

Энди по-прежнему смотрел в пол. Дамьен закурил сигарету.

– Тебе точно стоит курить, Дамьен? – спросил я, показав на бензин. Он ничего не ответил.

– Я вчера ночью пошел и купил бензина, – сказал Энди. – Собирался сжечь вас обоих во сне, ребята.

Я посмотрел на Ли, Ли – на меня. Оба мы вознесли безмолвные молитвы богу запертых дверей.

– Но когда я вернулся, двери у вас были заперты, так что я сел тут на матрасе и уснул.

Мы с Ли переглянулись, не зная, что делать или говорить в присутствии психопата, который, возможно, сейчас возьмет и убьет нас на месте. Тишину нарушил Дамьен.

– Мы с Энди поговорили. Ему тут не нравится. Мы съезжаем.

– Ладно, когда? – спросил я.

– Сегодня мы пойдем смотреть квартиры. Так что как только что-нибудь найдем, так сразу.

– Энди, извини, если мы тебя вчера расстроили, – сказал Ли.

– Да, Энди, извини, – добавил я.

– Поздновато для этого, – пробормотал он, не поднимая головы.

– Энди, – тихо сказал Дамьен, – пойдем смотреть квартиры, хорошо?

Энди выпрямился и многозначительно посмотрел на банки с бензином. Потом встал и перевел взгляд на меня и Ли.

– Вы должны были сгореть в огне, – сказал он и ушел в коридор. Дамьен последовал за ним.

– Бл*! – только и смог сказать я, когда они вышли из дома.

– П*здец вообще псих! – добавил Ли.

– Думаешь, он нас слышит? – тихо спросил я.

– Он п*здец псих, – прошептал Ли. – Что нам делать с бензином?

– Не знаю. На улицу выставить?

У нас это было универсальное решение. Если надо избавиться от ужасной книги, или старой пары обуви, или ручки Bic, в которой осталась одна восьмая дюйма чернил, можно просто положить эту вещь на Четырнадцатой улице, и минут через пять кто-то ее стащит в надежде продать и купить на эти деньги крэк. Четырнадцатая улица напоминала грязную речку, которая утаскивала с собой все, что оставляли на берегу. Мы взяли банки с бензином, вынесли их на улицу и поставили на тротуар возле станции линии метро L.

> – Я дам объявление. «Требуются соседи в съемную квартиру. Трехкомнатный дуплекс с видом на закиданную мусором шахту вентиляции. Убийцам-психопатам не беспокоить».

День выдался прекрасным: высокие белые облака на фоне бледно-голубого места. Какой хороший день, чтобы не сгореть заживо.

– Думаешь, он бы действительно это сделал? – спросил я.

– Не знаю, – сказал Ли. – Наверное?

Мы пошли по Четырнадцатой улице на запад.

– Где нам взять новых соседей? – спросил Ли.

– Я дам объявление. «Требуются соседи в съемную квартиру. Трехкомнатный дуплекс с видом на закиданную мусором шахту вентиляции. Убийцам-психопатам не беспокоить».

Глава восьмая
Машинист на линии L

Майкл Элиг был королем ночной жизни Нью-Йорка и лордом-сеньором всех клубных ребят. Он сотворил в нижнем Манхэттене блестящий декадентский мир – за несколько лет до того, как убил и расчленил своего наркодилера и попал в тюрьму. На клубных вечерах Майкла в «Лаймлайте» можно было увидеть тинейджеров-трансвеститов, старых и давно сторчавшихся геев, соревнования по питью мочи, людей, одетых гигантскими курами, буквально ведра наркотиков, валяющихся без сознания на грязных диванах знаменитостей, случайный секс в туалетах и любую другую форму грешного поведения, которую Майкл и его ребята могли выдумать, позаимствовать или украсть.

В Ист-Виллидже бывали беспорядки, люди повсюду умирали от СПИДа, крэка и рук бандитов – а посреди разрушенного города сиял Майкл, испорченный вундеркинд, похожий на херувимчика из Индианы.

Я начал временами работать диджеем в «Лаймлайте» в 1990 году, и мы с Майклом даже стали типа друзьями. «Типа» – потому что я на него работал, а еще потому, что я был натуралом, трезвенником и христианином, а он – геем, наркоманом и, насколько я мог понять, состоял в сговоре сразу с несколькими дьяволами средней руки. У нас было странное дружеское взаимопонимание, и «Лаймлайт» был нашим общим миром.

«Лаймлайт» был церковью девятнадцатого века, которую в начале восьмидесятых переделали в огромный элитный ночной клуб. К концу восьмидесятых он уже растерял былой блеск и считался унылым местом, получавшим основной доход от ретро-вечеринок для туристов. А потом в 1989 году в «Лаймлайте» появился Майкл Элиг и превратил его в место встречи клубных ребят, рейверов и готов. Большинство клубных ребят были горожанами и геями, рейверы – натуралами из пригородов, а готы жили в подвалах среди паутины. Рейверы и клубные ребята обожали техно и экстази, а готы – электронную музыку и старые церкви. В общем, «Лаймлайт» стал домом для всех трех «племен».

На одной из вечеринок Майкла в 1990 году я оказался в задней комнате, окруженный двадцатилетними клубными ребятами и рейверами под экстази и кетамином. Клубные ребята носили обтягивающую диско-одежду с толстым слоем блесток. Рейверы были одеты в гигантские мешковатые штаны и футболки большого размера с изуродованными корпоративными

логотипами. Готы во всем черном пили по углам водку. Я стоял перед плексигласовой кабинкой, разглядывая самую прекрасную женщину из всех, что доводилось видеть. Она была танцовщицей гоу-гоу с длинными светлыми волосами и ангельским лицом без единого изъяна. Я был буквально загипнотизирован ее танцем под песню Deee-Lite в теплом оранжевом освещении; тут ко мне подошел Майкл.

– Красавица, а? – спросил он, потягивая коктейль.

– Потрясающая, – согласился я. – Никогда не видел таких красивых женщин.

– Возможно, она в тебя влюблена.

– Что? Правда? – пролепетал я. Танцовщица мило улыбнулась мне.

– Ага. А еще у нее самый классный член из всех, что мне приходилось сосать, – сказал он и ушел. Танцовщица послала мне воздушный поцелуй.

Позже той ночью я увидел, как на главной сцене клуба она пописала в стакан и убедила какого-то обдолбанного биржевого брокера выпить ее (его?) мочу под аплодисменты зрителей и Беспечной курицы Клары. Брокер улыбался во весь рот под дискотечным освещением, его зубы были еще мокрыми от мочи трансвестита, а потом он стал обжиматься с «ней» под музыку Lords of Acid, которую поставил диджей Кеоки.

> Мне выдали очень простую инструкцию: «Встречаемся на линии L в девять вечера в среду. Тащи наркоту и музыку».

Все обитатели мира Майкла Элига в 1990 году были молодыми и счастливыми, и даже дегенеративное поведение казалось чем-то милым и безвредным. Они все принимали невероятное количество наркотиков и занимались сексом с незнакомцами, но все равно выглядели невинными. Майклу каким-то образом удалось создать свободный от последствий островок «не таких, как все», где обитали студенты Нью-Йоркского университета и Технологического института моды, обсыпанные блестками и накачанные метамфетаминами. Я был трезвенником и христианином, так что основная часть декаданса была мне недоступна, но, тем не менее, меня тоже считали за своего – «не такого, как все».

Примерно раз в месяц Майкл организовывал несанкционированную вечеринку: они с его деловым партнером Стивом Льюисом находили какую-нибудь публичную площадку, которой никто не пользовался, брали напрокат большую звуковую систему и приглашали тысячу ближайших друзей покайфовать

вне ночного клуба. Они устраивали несанкционированные вечеринки под мостами и в торговых центрах, но в начале девяностого решили повеселиться в вагоне метро. Мне выдали очень простую инструкцию: «Встречаемся на линии L в девять вечера в среду. Тащи наркоту и музыку».

> Когда состав отошел от станции, некоторые из пассажиров, накачавшихся экстази, решили, что будет прикольно проехаться в метро голышом, они сняли одежду и начали плясать голыми и прыгать по сиденьям.

Для меня и Ли это был идеальный вариант, потому что остановка «Третья авеню» была буквально в пятнадцати футах от нашего дома на Четырнадцатой улице. Мы вышли из квартиры в 8:50, спустились в метро и перепрыгнули через турникет, а потом стали ждать на платформе вместе с еще несколькими сотнями человек. Вскоре после девяти вечера на станцию медленно вкатился поезд. Мы увидели, что вагоны уже заполнены сотнями разгоряченных клубных ребят и рейверов, играющих техно на гигантских бумбоксах. Когда открылись двери, мы втиснулись внутрь. Люди дули в свистки, стучали по сиденьям, повисали вниз головой на поручнях, закрепленных на потолке. Поезд не двигался, и каждые несколько минут машинист объявлял по громкой связи:

– Конечная остановка. Всем пассажирам выйти из вагонов.

Клубные ребята и рейверы игнорировали его – они лишь включали музыку еще громче и продолжали плясать на сиденьях. В конце концов машинист закрыл двери и повел поезд дальше; танцоры попáдали друг на друга, когда он резко свернул, направляясь к Юнион-сквер.

Когда поезд добрался до Юнион-сквер, последние перепуганные цивилы сбежали, и в него влезло еще несколько сотен рейверов и клубных ребят. Когда состав отошел от станции, некоторые из пассажиров, накачавшихся экстази, решили, что будет прикольно проехаться в метро голышом, они сняли одежду и начали плясать голыми и прыгать по сиденьям. Царил полнейший бедлам. Тридцать разных треков в жанрах хаус и техно играли из тридцати разных бумбоксов. Голые рейверы устраивали приватные танцы для Беспечной курицы Клары. Люди снюхивали дорожки кокса и кетамина прямо с фиберглассовых сидений метро.

– Это потрясающе! – воскликнул Ли, пытаясь перекричать сразу несколько разных оглушающих техно-треков.

Поезд снова пришел в движение, и несколько клубных ребят начали скандировать: «Нью-Йорк! Нью-Йорк!» Ли, я и все

остальные в вагоне присоединились к ним – сто пятьдесят клубных ребят, рейверов и гигантских кур одновременно топали ногами и кричали «Нью-Йорк! Нью-Йорк!» в сопровождении какофонии из техно и хауса.

Я стоял на оранжевом фиберглассовом сиденье и кричал: «Нью-Йорк! Нью-Йорк!» вместе с другими такими же сумасшедшими, и тут какой-то клубный парнишка, покрытый серебряной краской, схватил меня за бедра и укусил за член через штаны.

– Ай! Ты что творишь? Зачем? – закричал я. Он лишь улыбнулся мне.

– Не знаю! Я просто должен был это сделать!

Поезд остановился на станции «Шестая авеню». Мы выбежали из вагона и, поднявшись по лестнице, ушли в ночь.

Глава девятая
Оранжевая натриевая лампа

Как-то в пятницу вечером я работал диджеем на первом этаже «Марса», и ко мне в кабинку зашел белый парень в очках с толстыми линзами. Когда я поставил трек Jungle Brothers, он протянул мне визитную карточку и сказал:

– Я Джаред Хоффман, и я открываю свой лейбл. Мне интересно – ты когда-нибудь свою музыку сочинял?

Я провел всю взрослую жизнь и почти всю подростковую, сочиняя музыку и пытаясь добиться контракта на запись. Последние лет пять все свободное время я либо сочинял музыку, либо разъезжал по Нью-Йорку с сумкой, полной демо-кассет. Словно добросовестный курьер, я оставлял свои кассеты в Wild Pitch, Strictly Rhythm, Big Beat, Warlock, Profi le и всех остальных независимых танцевальных лейблах Нью-Йорка. Никто ни разу не ответил. И тут вдруг в мою кабинку заходит целый президент лейбла.

– Да! – крикнул я чуть ли не громче музыки. – До того как стать диджеем, я был музыкантом.

> Я бы подписал даже салфетку или потрепанный листочек бумаги для заметок, если бы сверху было написано: «Контракт на запись».

Позже на той неделе я встретился с Джаредом в его квартире на Четырнадцатой улице. В его доме был привратник, и это меня весьма впечатлило – я еще никогда не бывал в многоквартирных домах с привратниками. Мы сидели в гостиной Джареда, из которой открывался вид на центр Нью-Йорка и Всемирный торговый центр. Он дал мне стакан воды, я поставил ему несколько своих треков. Он внимательно слушал, постукивая пальцами по подлокотнику черного кожаного дивана.

– Это хорошо, Моби, – сказал он после того, как я поставил ему техно-песню Rock the House, над которой работал.

На следующий день он позвонил мне и сказал, что хочет подписать со мной контракт для своего нового лейбла. Я никогда не представлял себе, что действительно стану диджеем в Нью-Йорке – и точно так же никогда не представлял, что какой-нибудь лейбл захочет подписать со мной контракт.

Впрочем, было несколько «но». Во-первых, у его лейбла не было ни офиса, ни сотрудников, ни денег, ни других артистов, ни даже имени.

– Но мы собираемся назвать его Instinct, – сказал он мне. – Мой деловой партнер Дейв даже нарисовал логотип.

Он дал мне контракт, и на следующий день я его подписал. Я бы подписал даже салфетку или потрепанный листочек бумаги для заметок, если бы сверху было написано: «Контракт на запись». Подписав договор, я получил ровно 0 долларов аванса, но я был в экстазе уже от того, что у меня вообще есть контракт. Они не выпускали дисков, и, не считая пары панк-роковых синглов, которые я записал еще в школе, я тоже не выпускал дисков, так что мы были в равном положении.

Джаред предложил мне перенести свою студию к нему в гостиную, чтобы мы занялись реальной работой – завершили несколько моих песен и выпустили их.

Через неделю после подписания контракта с Instinct я говорил с Джаредом, и он как ни в чем не бывало сказал мне:

– Нам надо съездить в Ньюарк и послушать диджея Тони Хамфриза в «Занзибаре».

В 1990 году все клубы, которые я знал – «Лаймлайт», «Туннель», «Марс», «Билдинг», «Неллс», «Палладиум», «Шелтер», «Пирамида», «Ред Зоун», «Саунд Фэктори», – располагались на Манхэттене, ниже Пятидесятой улицы. Исключением был «Занзибар» в Ньюарке, штат Нью-Джерси. А единственным диджеем не из Нью-Йорка, которого я знал, был Тони Хамфриз – он работал диджеем в «Занзибаре» и жил в Ньюарке.

Фрэнки Наклз изобрел жанр хаус, жил в Нижнем Ист-Сайде и был обожествлен при жизни. Джуниор Васкес владел этажом в «Саунд Фэктори», где играл двенадцатичасовые сеты, – он был живой легендой и жил в Челси. Дэнни Теналья входил в пантеон хаус-музыки: он тоже играл долгие, интересные сеты и жил в центре города. Ларри Леван был богом танцевальной музыки и недавно стал резидентом клуба «Чойс» в Ист-Виллидже. Дейв Моралес считался самым крутым хаусовым диджеем Нью-Йорка: он владел этажом в «Ред Зоун» и жил в центре – это считалось довольно неортодоксальным.

Но вот Тони Хамфриз существовал в каком-то странном, мифическом собственном мире. Его сеты были длинными и легендарными, ремиксы – безупречными, а жил он в неизвестных закоулках Ньюарка, штат Нью-Джерси. Располагавшийся на другой стороне реки Гудзон Ньюарк был настоящей зоной боевых действий, по сравнению с которой Нью-Йорк выглядел идиллическим пригородом. Здания в Манхэттене, возможно, и горели, но базовая инфраструктура Нью-Йорка хотя бы работала, пусть и на последнем издыхании.

Ньюарк, с другой стороны, напоминал несостоявшееся

государство. Все слышали рассказы о том, как в Ньюарке звонили 911, а полиция не приезжала, как ньюаркские пожарные пили пиво и смеялись, пока горели здания, как санитары в комнатах первой помощи насиловали пациенток. У Ньюарка была репутация самого ужасного города на Восточном побережье. Но именно там жил и работал диджей Тони Хамфриз.

> Они все были больны и едва живы, заслуживая моей христианской симпатии, а не совершенно нехристианского вожделения.

Когда Джаред предложил поехать в Ньюарк и послушать Тони Хамфриза, у меня сразу возникло множество вопросов: *«Ты на самом деле знаешь Тони Хамфриза? «Занзибар» существует, или это мифическая страна, хаус-версия легендарного Бригадуна? Нас там не убьют?»* Но я не хотел портить веселье своими неврозами. Вместо этого я лишь спросил:

– А как мы туда доберемся?

– А, я одолжу мамину машину, – сказал Джаред. – Она держит ее в гараже на окраине.

В пятницу в десять вечера я пришел домой к Джареду. Вместе с нами в паломничестве в «Занзибар» участвовала его подруга Роми, прекрасная девушка из Квинса арабо-латиноамериканского происхождения, с темными короткими волосами и идеальными черными глазами. Весь мир Роми состоял из хаус-музыки и ночных клубов. Она дружила с Ларри Леваном, часто тусила с Джуниором Васкесом в диджейской кабинке «Саунд Фэктори» и, по словам Джареда, даже была знакома с Тони Хамфризом. Роми ходила по клубам пять дней в неделю, принимала много экстази, пила много воды, танцевала до шести утра, и у нее никогда не было настоящей работы.

Я был одет в утилитарную клубную одежду: черные джинсы, черная футболка, кроссовки. Джаред оделся так же неброско. Роми, однако, выглядела потрясающе. Она зачесала волосы назад и надела тонкую белую футболку, облегающие (но не слишком тесные) джинсы и пару кроссовок «Адидас» из тех, что продают либо японским туристам, либо людям просто стратосферной крутости. Я даже захотел влюбиться в Роми, но она казалась слишком недоступной. Я подумал, что она, вполне возможно, асексуальна или вообще лесбиянка. Или, даже если ее и интересуют мужчины, она вряд ли захочет встречаться с нервным белым музыкантом, у которого едва хватает денег на соевое молоко. В общем, никаких романтических чувств между нами не было – лишь безответное обожание с моей стороны.

Роми и Джаред сели на переднее сиденье большого «Олдсмобиля», и мы поехали вверх по Десятой авеню, обсуждая диджеев, которые им нравятся, записи, которые они обожают, и людей, с которыми встречались. Я сидел на заднем сиденье и смотрел в окно. Мы ехали по Челси, мимо высоких пустых зданий и заколоченных складов, а потом добрались до Линкольновского туннеля. По сторонам туннеля стояла небольшая армия отчаявшихся проституток. Они все были худыми и немытыми, их серая кожа словно впитывала свет оранжевых натриевых ламп. Тем не менее они все равно выглядели сексуально.

Я почувствовал себя ужасно, признав это. Они все были больны и едва живы, заслуживая моей христианской симпатии, а не совершенно нехристианского вожделения. Но само то, что они стояли здесь и в открытую предлагали секс, казалось сексуальным. В моем мире секс скрывался вплоть до того момента, когда им занимались – неуклюже, на дешевых матрасах или в спальнях пригородных домиков. А тут передо мной стояли проститутки, сообщая всему миру, что доступны для секса. Я хотел быть добрым христианином и состоять в любовных отношениях, а не человеком, которого где-то в глубине души заводили изможденные проститутки, стоящие стайкой перед Линкольновским туннелем в надежде заработать немного на дозу крэка.

Мы проехали туннель и выехали из ярко-оранжевого моря света в темноту Нью-Джерси. Я знал Нью-Джерси, потому что каждое лето в детстве ездил в гости к бабушке в дом престарелых в Вестфилде. Но этот Нью-Джерси был мне незнаком: то была страна пустых заправок, заброшенных зданий и пустынных парковок. Сюда люди уезжали, чтобы окончательно сдаться, купить наркотиков, открыть магазин подержанных вещей или умереть где-нибудь за мусорным контейнером.

Джаред откуда-то знал, как добраться до Ньюарка – это меня просто изумляло, потому что мне казалось, что все дороги там либо представляют собой бесконечную петлю, либо ведут прямо в болото, полное трупов. Мы съехали со скоростного шоссе в Ньюарке и медленно двигались по неосвещенным улицам. Большинство светофоров не работали, но это было нормально, потому что других машин на дорогах мы все равно не встретили. Нью-Джерси явно выбрали для испытаний апокалипсиса.

Мы проехали несколько круглосуточных ресторанов; их флуоресцентные бледно-голубые вывески прятались за плотным пуленепробиваемым плексигласом. К тому времени, когда Джаред нашел парковку у «Занзибара», Роми едва ли не подпрыгивала от возбуждения.

– Обожаю «Занзибар», он такой классный! – пропела она. Я попытался придумать какой-нибудь умный ответ, но вместо этого лишь с улыбкой кивнул ей с заднего сиденья как вежливый турист.

Роми побежала ко входу, обняла охранника и сказала: «О, Марсель, они со мной». Марсель посмотрел на Джареда и меня как на пару старых вонючих носков, но внутрь все же впустил. Роми исчезла где-то в глубинах «Занзибара», обнимаясь с приятелями. Когда мы с Джаредом вошли в клуб, стало ясно, что мы там единственные белые. Высокий негр гомосексуального вида недобро посмотрел на меня и сказал:

– О, сегодня у нас вечер Ку-клукс-клана?

Я хотел как-то оправдаться: *«Нет! Я люблю негритянскую музыку! Я не расист! Извини, что я белый!»*, – но вместо этого просто прошел по коридору на танцпол. Я думал, что «Занзибар» – это настоящая Шангри-Ла среди ночных клубов, но в одиннадцать тридцать вечера в пятницу он выглядел просто еще одним клубом. Да, громким клубом, но просто клубом.

> Я стал танцевать и тут почувствовал у себя на спине что-то странное. Потрогав рукой спину между лопаток, я понял, что это чья-то слюна. На меня плюнули.

Мы с Джаредом направились к бару, стараясь не выделяться из толпы – но прежде чем мы успели туда добраться, Роми схватила Джареда, сказала: «Обязательно посмотри диджейскую кабинку!» и убежала с ним. Я заказал «Кока-колу» и встал на краю танцпола. Там я мог немножко танцевать и в то же время наблюдать за диджейской кабинкой. Роми уже прошла туда и заговорила с диджеем, который явно не был Тони Хамфризом. Я слышал о таком явлении: диджеи-суперзвезды обычно зовут на разогрев других диджеев, которые играют в первые и последние несколько часов. Суперзвезда обычно приходит в полночь или в час ночи, когда зрители уже готовы. Пока Роми болтала, Джаред стоял позади нее, скрестив руки; ему явно было не по себе.

На танцполе звучали простенькие хаусовые треки с обратных сторон синглов, ничего особенно интересного. Посетители вяло танцевали, не слишком напрягаясь, потому что знали, что их ждет марафон. Легендарные клубы вроде «Саунд Фэктори», «Занзибара» или «Парадиз Гараж» закрывались лишь в восемь или девять утра, и диджеи нередко играли по десять или двенадцать часов подряд.

Я стал танцевать и тут почувствовал у себя на спине что-то странное. Потрогав рукой спину между лопаток, я понял, что это чья-то слюна. На меня плюнули.

Я испытал отвращение, но не оскорбился. На каком-то глубинном уровне я чувствовал, что быть белым в черном окружении постыдно. Когда меня впускали в хип-хоповые или хаус-клубы, я был благодарен. Я не хотел ходить в клубы для белых гетеросексуалов, где люди, с которыми я рос, пили пиво «Роллинг Рок» и отпускали осторожные ироничные комментарии о статьях в журнале *New Yorker* и песнях Pavement. Я хотел быть на танцполе, чтобы меня окружали чернокожие, латиноамериканцы и геи, охваченные эйфорией, которая, казалось, возникает только тогда, когда начинает играть идеально подобранная песня, и пятьсот человек кричат с такой радостью, какой я никогда не слышал у белых. Если в цену за посещение входит то, что на тебя плюют и обзывают членом Ку-клукс-клана – пусть будет так. У меня были друзья в Нью-Йорке, которые умерли от СПИДа или ножевых ранений, так что плевки и неприятные эпитеты со стороны пышно разодетых геев я как-нибудь выдержу.

> Я хотел ласкать ее на заднем сиденье машины по пути в ее квартиру в Вест-Виллидж и проснуться рядом с ней днем, уверенным в себе и не таким белым».

Наступила полночь, но Тони Хамфриза еще не было. Час ночи: Тони Хамфриза еще не было, но в меня снова плюнули. В половине второго все вдруг посмотрели на диджейскую кабинку – и там стоял Тони Хамфриз, размерами вдвое превышавший диджея, игравшего на разогреве. Он посмотрел на толпу, словно благодушный диктатор, подошел к вертушкам и поставил двенадцатидюймовую пластинку с трайбл-хаусом, то подмиксовывая ее к треку диджея-разогревщика, то убирая ее в миксе на задний план. Люди бросились на танцпол, показывая пальцами на диджейскую кабинку и крича: «Тони!». Тони стоял, ласково улыбаясь вертушкам.

Затем он перешел к песне New Beats the House Грейхауса, и толпа просто с ума сошла. Вот в чем гениальность лучших диджеев: они берут простой, очевидный трек и делают его грандиозным. Они находят пластинки, которые остальные игнорируют, и дают нам понять, что мы все просто филистеры. Тони по очереди ставил две копии New Beats the House в течение пятнадцати минут; он взял этот монотонный электрохаусный трек и превратил его в экстатическое прославление жизни. Танцующие потели и дергались. Освещение было не очень крутым, звуковая система и вовсе едва тянула, но в тот момент во всем мире не было места лучше «Занзибара».

Когда Тони медленно перешел от New Beats the House к

легкой недосказанности ритма Just Want Another Chance Риза, Джаред постучал мне по плечу.

– Он потрясающий, правда? – спросил он.

– Я так рад, что мы приехали, – восторженно ответил я. – Обожаю его.

– Хорошо. Пора уезжать.

Я был поражен. Играл Тони Хамфриз, и я вообще не хотел отсюда уходить. Никогда.

– Уезжать? – почти пропищал я.

– Да, мне в девять уже вставать и ехать на север штата, – объяснил Джаред.

Я огляделся.

– Где Роми?

– О, она останется тут. Ее кто-нибудь подвезет домой часов в шесть или семь утра.

Я очень хотел остаться и тоже поехать домой часов в шесть-семь утра, желательно – вместе с Роми. Я хотел ласкать ее на заднем сиденье машины по пути в ее квартиру в Вест-Виллидж и проснуться рядом с ней днем, уверенным в себе и не таким белым. Но вместо этого я ответил:

– Ладно, поехали.

Когда мы с Джаредом вышли на площадку, я сказал ему, что на меня несколько раз плюнули.

– Фу, отвратительно, – сказал он. – Можешь отчиститься?

– Думаю, нет. У меня нет салфеток.

– Ты уверен? Не хочу, чтобы мамина машина была в слюнях.

Я снял оплеванную футболку, свернул ее в комок и выкинул в мусорный контейнер на углу парковки «Занзибара». Мы вернулись в город, и Джаред припарковал машину возле своего дома.

– Ты пойдешь домой прямо так? Без футболки? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Ну да, наверное.

Он задумался – возможно, над тем, не предложить ли мне одну из своих футболок, – но, в конце концов, просто сказал:

– Ладно, поговорим еще.

Я пошел домой. Было три часа ночи, я весь пропах сигаретным дымом, и на мне не было футболки. Нижний Манхэттен был полон пьяниц и любителей поклубиться, но они все обходили меня по широкой дуге. Если ты в 1990 году шел по Нью-Йорку с голым торсом, это значило, что ты сидишь на крэке: наркоманы продавали все, включая последнюю одежду, ради новой дозы.

Я тихо напевал про себя на ходу New Beats the House. Мне не

терпелось поскорее добраться домой, включить свою аппаратуру и сочинить какой-нибудь трек, который Тони Хамфриз будет пятнадцать минут играть в «Занзибаре».

Глава десятая
Четвертаки на иголках

К лету 1990 года «Марс» превратился в место тусовки рэперов и наркодилеров. Дилеры заходили развязной походкой, заказывали бутылки шампанского и, напившись, совали мятые 20-долларовые бумажки диджеям, чтобы те играли Top Billin' группы Audio Two или Raw Биг Дэдди Кейна. Наркодилеры приходили ватагами по десять-двадцать человек, и все они были вооружены, так что это были не просьбы, и я ни разу даже не подумал отказать. Когда звучали их любимые песни, наркодилеры отбрасывали свою браваду и на несколько минут превращались в счастливых детишек, подпевая Raw или Scenario.

Еще в «Марсе» собирались молодые негры и латиноамериканцы нетрадиционной ориентации из близлежащих районов. Они приходили в десять тридцать вечера, одетые в легкие вещи, и отплясывали вплоть до закрытия в четыре или пять утра. Им нравились популярные мелодичные хаусовые треки: A Promise, The Poem, Break 4 Love. Когда приходили наркодилеры и требовали хип-хоп, ребята-геи из пригорода выглядели обиженными и даже убитыми горем, но они все понимали. Продавцам крэка нельзя отказывать на улице, нельзя игнорировать их требования и в ночном клубе.

Было даже несколько песен, которые одинаково нравились и дилерам, и ребятам-геям: I'll House You (Jungle Brothers), Let It Roll (Дуг Лэйзи) и практически все творчество группы De La Soul. Когда диджеи ставили эти песни, на танцполе царила практически идиллия.

Однажды в пятницу в полночь я работал на втором этаже, ставя хаус и хип-хоп, и тут по залу пробежала дрожь. Терренс, официант со второго этажа, подбежал ко мне с сияющими глазами и крикнул:

– Эй, Моби, *Кейн здесь!*

Я посмотрел на бар – там, словно полубог, стоял Биг Дэдди Кейн с бокалом шампанского в руке. Кейн и Раким были самыми большими звездами Манхэттена; все ставили их пластинки и восхищались ими. Раким, может быть, был чуть лучше как рэпер, но Кейн считался настоящим королем.

В предыдущие несколько месяцев в мою диджейскую кабинку заходили ребята из 3rd Bass, De La Soul и Ultramagnetic MCs. Они напивались, потом брали микрофоны; я ставил инструментальные вещи с обратных сторон синглов, и они читали

под них фристайл. Я хотел, чтобы Кейн прочитал рэп под один из моих треков, так что взял в руку микрофон и попытался привлечь его внимание. Он лишь облокотился на стойку бара; со своей прической в стиле «фейд» и в льняном костюме он выглядел как Фрэнк Синатра от хип-хопа, только еще круче.

Через полчаса Кейн ушел, на выходе встретившись с Джо и Дэррилом из Run-DMC. Я глазам не мог поверить. Вот мы, простые смертные, видим трех крутейших рэперов Нью-Йорка, которые жмут друг другу руки в дверях зала. Run-DMC были самыми крутыми звездами хип-хопа на планете, но в 1990 году в Нью-Йорке их уважали совсем не так, как Кейна, Ракима или De La Soul. Несколькими месяцами ранее, впрочем, они выпустили на обратной стороне сингла трек Pause, и он в определенной мере восстановил доверие, утраченное из-за коммерческого успеха. Эту песню ставили Кларк Кент, Дюк оф Денмарк, Ред Алерт – в общем, ее полюбили, и она считалась вполне «санкционированной».

Дэррил прошел к диджейской кабинке и сказал:

– Йоу, парень, дай мне микрофон!

Я тут же послушался. У меня в сэмплере как раз был кусочек из The 900 Number, я поставил его, и он начал фристайл. Большинство рэперов во время фристайла говорят одно и то же – стандартные вещи типа «Oh shit!» или «Поднимаем руки высоко!», но Дэррил был уникумом. Он вырос на фристайле и был просто безупречен. Я перешел к барабанному лупу из Funky Drummer, и он потерялся в потоке – с каждой строчкой этот фристайл становился все круче. Зрители кричали, торговцы крэком плясали и размахивали в воздухе бутылками шампанского, даже сладенькие ребята-геи из Квинса весело улыбались. Потом я поставил инструментал Pause, и толпа просто взорвалась – это был его хит. Дэррил вспотел, в его глазах горел маниакальный огонек. Он исполнял свою партию из песни; зрители кричали и танцевали, я и сам начал танцевать и случайно задел вертушку.

> Я стоял перед толпой, широко раскрыв глаза от стыда, и мне показалось, что душа улетучивается прямо через волосы.

Пластинка сбилась. Не просто заикнулась, а прямо сбилась: иголка подпрыгнула и оказалась в «мертвой» пустой зоне в конце пластинки.

Я убил праздник. Разом уничтожил всю радость. Толпа недовольно гудела, а Дэррил посмотрел на меня с раздражением и презрением.

– Что это за х*йня? – спросил он, бросил микрофон и ушел.

Толпа продолжала кричать. Я попытался хоть как-то восстановить атмосферу, поставив I'll House You, но никто из пятисот человек в зале не хотел танцевать. Наркодилеры громко кричали:

– Белый придурок! Засрал DMC!

Я стоял перед толпой, широко раскрыв глаза от стыда, и мне показалось, что душа улетучивается прямо через волосы. Можно мне спрятаться? Хоть где-нибудь? Подошел официант, похлопал меня по плечу и сказал:

– Братец, ты обосрался.

Я и так знал, что обосрался. Все. Жизнь кончена. Меня уволят, я уеду обратно в Стэмфорд и, может быть, даже смогу вернуться на заброшенную фабрику. Или, может быть, брошу матрас в мамином подвале и буду спать там. Ну хоть такие варианты еще есть.

Я продолжил ставить треки, пусть и без особого энтузиазма, и в конце концов ночь закончилась. Я собрал пластинки и сэмплер и поплелся наверх за гонораром. О тяжелом характере Юки ходили легенды. Он орал на всех, даже на тех, кто на него не работал. Однажды я видел, как он орал на потенциального сотрудника минут пять, не прерываясь. Бедняга стоял, опустив голову, а Юки все кричал и кричал. А ведь он просто пришел на собеседование по работе.

Юки сидел в кабинете с несколькими друзьями. Увидев меня, он сказал:

– Слышал, ты облажался с DMC?

– Да, – смущенно сказал я. – Толкнул вертушку, когда он рифмовал под Pause.

После этих слов я приготовился к худшему. Но Юки улыбнулся и сказал:

– Ха, может, DMC был пьян? Может, это он виноват?

Напряжение тут же спало. Сегодня Юки был в хорошем настроении: судя по всему, подобрал как раз нужное сочетание алкоголя и наркотиков. Так или иначе, он меня не уволил, не пырнул ножом и даже орать не стал. Он просто заплатил мне, и я ушел домой.

Разложив пластинки и аппаратуру по спальне, я пошел к Ли и его друзьям в гостиную; они сидели на матрасе, курили травку и слушали кассету с миксами Кларка Кента. Я рассказал им, что произошло, и они изумились.

– Правда?

– Это что, шутка такая?

А потом кто-то из друзей Ли спросил:

– А ты приклеиваешь четвертаки к иголкам?

– Четвертаки? – переспросил я.

– Ну да, все хип-хоповые диджеи приклеивают четвертаки к звукоснимателям. Они становятся тяжелее и никогда не сбиваются. Можно и пятицентовые монетки использовать, но четвертаки мне нравятся больше.

Так вот в чем хитрость. Приклеивай четвертаки к иголкам, и пластинки никогда не будут заикаться. Я поклялся, подобно Скарлетт О'Харе, если бы она была диджеем с тонкими волосами, а не великосветской дамой довоенного периода, что у меня больше не заикнется ни одна пластинка.

> Местный диск-жокей Моби, больше всего известный тем, как у него заикнулась пластинка, когда самый легендарный рэпер мира читал фристайл, умер на прошлой неделе.

Было уже пять тридцать утра. Я облажался на глазах пятисот человек, включая одну из главных мировых звезд хип-хопа, но меня не выгнали с работы, и я узнал кое-что полезное: к звукоснимателям надо приклеивать четвертаки. Мне уже пора было спать, чтобы покончить наконец с этой ужасной ночью, но для начала я хотел сходить в туалет. Я пошел туда, сел на унитаз и взял туалетную бумагу.

Из втулки рулона выпал огромный таракан и схватился за мой член.

– А-а-а-а! – заорал я, пытаясь прихлопнуть таракана, который все равно упорно держался за мой член и не собирался его отпускать. Наконец мне удалось сбить его в унитаз, и я сразу же спустил воду. В тот момент я послал к чертям свою философию непричинения вреда животным: больше всего мне хотелось отправить этого гигантского таракана-мутанта куда подальше от моего дома и члена.

Я пошел спать, все еще толком не придя в себя после генитальной встречи с гигантским тараканом. Я попытался успокоиться, представив свой некролог в *New York Times*:

«Местный диск-жокей Моби, больше всего известный тем, как у него заикнулась пластинка, когда самый легендарный рэпер мира читал фристайл, умер на прошлой неделе. Он был сокрушен страхом и унижением после того, как таракан схватил его за пенис. Его смерть оплакивают мать, кот Такер и несколько друзей, с которыми он играл в "Супер Марио"».

Глава одиннадцатая
Окровавленные колеса скейта

Зазвонил телефон. Это был Юки, и я сразу пришел в ужас.

– О, э-э-э, Моби, ты можешь сыграть редкий грув? – спросил он.

– Конечно, обожаю редкий грув, – ответил я, вообще не представляя, что значит «редкий грув».

– Хорошо, сегодня ты играешь на крыше. Вези пластинки с редким грувом!

– Отлично, спасибо!

Я повесил трубку и запаниковал. Что вообще такое «редкий грув»?

У меня есть хоть одна пластинка с редким грувом?

Я позвонил Дамьену.

– Я сегодня работаю на крыше «Марса», мне сказали играть редкий грув. Ты знаешь, что такое редкий грув? – спросил я.

– Это группа такая?

– Так, ты тоже не знаешь. Ладно, потом поговорим.

Я мог позвонить Роберто. Он-то точно знает, что такое редкий грув, но скажет ли он мне? Если я приеду в «Марс» и поставлю не те пластинки, меня уволят, а после этого он может пойти в «Марс» и занять мое место. Но кого-то надо спросить. Он взял трубку на втором гудке.

– Роберто, ты знаешь, что такое редкий грув? – спросил я.

– Подожди, – ответил он. Я услышал, как он кричит, обращаясь к кому-то на заднем плане, потом он опять заговорил со мной. – Мы думаем, что это Джеймс Браун и фанк семидесятых, – сказал он, – но не уверены. А для чего тебе?

– Ну, я работаю на крыше «Марса», а Юки хочет, чтобы я играл там редкий грув, – сказал я.

– Ну, удачи. Если тебя уволят, сообщи мне.

> – О, э-э-э, Моби, ты можешь сыграть редкий грув? – спросил он.
>
> – Конечно, обожаю редкий грув, – ответил я, вообще не представляя, что значит «редкий грув».

Я повесил трубку. Может быть, кто-нибудь в «Винилмании» знает? Вдруг если знают, даже мне расскажут? (Я работал, предполагая, что сотрудники «Винилмании» со мной разговаривать не будут – в основном потому, что когда я ходил туда, со мной никто никогда не говорил.) Я дошел до Кармин-

стрит. Днем посетителей было немного, и диджей-продавец выглядел не слишком занятым.

– Привет, извините, – вежливо сказал я диджею, – вы не знаете, что такое редкий грув?

Он уставился на меня.

– Что?

– Редкий грув. Это жанр такой… вы знаете, что это?

– Конечно, знаю, – сказал он с явным отвращением к моему невежеству. Выйдя из-за вертушек, он провел меня в самый дальний уголок магазина. – Вот, – сказал он, показывая на отдел фанка и соула.

– О, значит, редкий грув – это фанк и соул? – спросил я.

– Вроде того, – ответил он и ушел.

У меня на самом деле было немало пластинок Джеймса Брауна и несколько старых записей северного соула. Хватит ли мне этого? Сегодня мне должны были заплатить 100 долларов, так что я вполне мог купить пластинок с редким грувом на 100 долларов. Я просмотрел ряды пластинок: Isley Brothers, The Meters, Funkadelic. Все эти альбомы у меня уже были. Я что, сам того не зная, уже стал диджеем в жанре редкого грува? Я купил несколько малоизвестных фанковых компиляций и пошел домой, практически уверенный в том, что поставлю нужную музыку и сохраню работу.

В три часа утра я сидел на крыше «Марса» и играл песню Лин Коллинз. Ночь была теплая и ветреная; я приклеил четвертаки к звукоснимателям, чтобы их не сдуло с пластинок. Фли и Энтони из Red Hot Chili Peppers встали передо мной и пьяно уставились на пластинку, которую я играл.

– Это клево, – сказал Фли. – Что это?

– Лин Коллинз, – авторитетно заявил я. – Это редкий грув.

– Что такое редкий грув? – заплетающимся языком спросил он, слегка покачиваясь; Энтони уже куда-то оттащила красивая девушка с высветленными волосами.

– Ну, фанк и соул, – сказал я. – Наверное.

– Клево. О, я Фли.

Он протянул мне руку, я пожал ее.

– Привет, я Моби.

Он кивнул и отошел. Песня Лин Коллинз закончилась, и я поставил Cissy Strut группы The Meters. Люди на крыше зааплодировали, а Фли и Энтони пустились в пьяные танцы со своими подружками. Юки вышел на крышу, увидел танцующих и улыбнулся мне. Похоже, в этот раз меня тоже не уволят.

Я посмотрел на часы. Через четыре часа мне уже нужно было

быть в пути на Мартас-Винъярд: я собирался поехать с моей «временами все еще девушкой» Джанет и несколькими ее друзьями на ретрит[6], организованный «Братством христиан в университетах и школах». Я буду спать на двухъярусных кроватях с другими мужчинами-христианами, а Джанет – с женщинами, в другом конце ретрит-центра. Во время христианского ретрита все должны были выполнять какую-то работу, и я уже подписался мыть посуду.

Но сейчас я играл редкий грув на крыше «Марса». Снова подошел Фли.

– Офигенная песня, чувак! – воскликнул он и снова пожал мне руку. Я решил, что сыграю что-нибудь более очевидное, так что поставил Thank You (Falettinme Be Mice Elf Again) группы Sly and the Family Stone. Подошел Расселл Симмонс из Def Jam, пошатываясь и опираясь на пьяную модель-азиатку на высоких каблуках. Расселл подписал и продюсировал Run-DMC и LL Cool J. Он был легендой, и именно он одобрительно кивнул мне за то, что я поставил пластинку Слая Стоуна. Юки улыбался, Расселл Симмонс кивал, Фли и Энтони танцевали, а над рекой Гудзон дул теплый ночной ветер.

Мой скейт въехал в лужицу крови.

В «Марсе» переставали продавать спиртное в четыре утра, но музыка иногда шла еще целый час; на шум никто и никогда не жаловался, потому что в Мясницком районе и даже поблизости от него просто никто не жил. Полиция держалась подальше от окрестностей «Марса», за исключением случаев, когда кого-то зарежут или подстрелят. Около половины пятого утра, на рассвете, я сыграл последнюю песню, For the Love of You группы Isley Brothers. На крыше к тому времени осталось двадцать или тридцать пьяниц; некоторые из них закончили свою ночь медленным танцем под Isley. Я собрал пластинки и спустился вниз за гонораром.

Забрав 100 долларов, я отправился домой, как всегда, толкая пластинки на скейте. Если я смогу провезти скейт девять кварталов до своего дома на углу Четырнадцатой улицы и Третьей авеню, то сэкономлю 10 долларов на такси. Солнце поднималось над горизонтом, и Четырнадцатая улица пошла длинными оранжевыми полосами света. Мясники уже принимались за работу, разгружая говяжьи и бараньи туши, а я ехал мимо них на скейте. Я прочитал про себя маленькую молитву за всех мертвых животных. *«Простите»*, – подумал я, смотря, как мясник заходит в холодильный склад с мертвой свиньей на плече. *«Простите»*.

Мой скейт въехал в лужицу крови. Как я могу смотреть на этот ужас – все эти мертвые тела животных, которые бросают туда-сюда, – когда мое лицо освещено утренним солнцем, и я только что провел идеальную ночь, играя пластинки на крыше «Марса»? Толкая скейт через еще одну лужицу крови, я поклялся про себя: *«Покончить со страданиями животных – вот что будет делом всей моей жизни, что бы ни случилось».*

В конце концов я добрался домой, убрал пластинки и пятьдесят минут поспал. Будильник сработал в семь часов; я, покачиваясь, выбрался из кровати, сделал бутерброд с желе и арахисовым маслом, схватил рюкзак и поехал на вокзал Гранд-Централ. Я вышел из электрички в Гринвиче и увидел Джанет, которая ждала возле красной «БМВ», купленной отцом на ее восемнадцатилетие.

– Привет, мистер диджей, – сказала она, когда я спустился с платформы. – Я и не думала, что ты на самом деле приедешь.

– Я очень устал, – только и ответил я. Сев в машину, я оглянулся: на заднем сиденье плечом к плечу сидели три семнадцатилетние блондинки и улыбались мне. Они были одеты в шорты цвета хаки, кроссовки «Эсприт» и футболки мягких пастельных цветов.

– Привет, я Моби, – сказал я. – Надеюсь, вам не покажется это слишком грубым, но я попробую в пути поспать.

Они вежливо улыбнулись, и одна из них ответила:

– Давайте помолимся, прежде чем ехать.

Мы склонили головы, и она сказала:

– Боже, спасибо тебе за время, которое мы проведем вместе, и спасибо тебе за возможность узнать тебя лучше. Пожалуйста, присматривай за нами в этом приключении. Во имя твоего сына, аминь.

Через пять часов мы пересели на паром, который ходил из Вудс-Хоула на Мартас-Винъярд. Три девушки-христианки сели в кружок и стали молиться, закрыв глаза. Их светлые волосы блестели на солнце, а небо было бескрайне-синим; тут и там на нем виднелись белые как кость облака. Когда паром остановился, Джанет спросила:

– Как у тебя дела, Моби?

– Нормально, – сказал я; мои глаза были красными и сильно чесались. – Очень устал.

Я немного подремал на шоссе I-95, но за последние тридцать шесть часов я спал в общей сложности примерно семьдесят пять минут.

Мы все собрались возле пристани парома в Винъярдской гавани. Рядом с несколькими пассажирскими фургончиками

стоял один из лидеров нашей христианской группы, но не тот, которого я ждал. Парень, которого я предполагал увидеть, был невысоким, темноволосым и заурядным, но считал себя по меньшей мере бывшей моделью Ralph Lauren. Он чуть не потерял работу в прошлом году, когда обнаружилось, что он спит с несколькими девушками-христианками, чей духовный рост был вверен ему. Но после слезливой *mea culpa* ему разрешили сохранить и работу, и дом. Я обрадовался, что, по крайней мере, на ретрите в Мартас-Винъярд этого благочестивого волокиты не будет.

Он чуть не потерял работу в прошлом году, когда обнаружилось, что он спит с несколькими девушками-христианками, чей духовный рост был вверен ему.

Мы разместились по автобусам и поехали по извилистым, тенистым дорогам мимо красивых домов, построенных еще в девятнадцатом веке. Когда мы переехали мощеную дорожку, я понял, что всего двенадцать часов назад я ставил пластинки для Расселла Симмонса и толкал скейтборд через лужи крови. Я посмотрел на молодых «пригородных» христиан, ехавших со мной в автобусе, – восемь человек, все очень добрые, чистенькие и откормленные. Если конкретно – откормленные мясом животных вроде тех, чьи туши я видел на плечах мясников. Я хотел произнести пламенную речь против замкнутой в себе новоанглийской духовности, которая занималась абстрактными вопросами, хотя в мире вокруг нас полно ужасов и страдания. Я хотел закричать на весь фургон: «Вы все жулики! Ваша вера – это примерно то же самое, что послать свитер L.L. Bean в концентрационный лагерь!» Вместо этого я разглядывал особняки и высокие каменные ворота, пока мы прыгали по освещенной солнцем винъярдской дороге. Я услышал, как фургон врезался во что-то маленькое, и водитель воскликнул:

– Блин!

– Что случилось? – спросил я.

– Мы наехали на белку, – сказал он.

– Нет! – воскликнули все юные христиане в фургоне. Они все горевали по маленькому существу, которое мы только что убили. Я сидел на заднем сиденье, молчаливый и гневный, и думал: *«Вы съедаете по несколько сотен мертвых животных в год, но расстраиваетесь из-за единственной белочки, которую сбила взятая напрокат машина?»*

Джанет с беспокойством взглянула на меня.

– Все в порядке, Моби? – спросила она.

– Я просто не очень люблю нас, – сказал я.

– Нас?

– Нас, людей в этом фургоне. Наш биологический вид.

Лаура, кудрявая подружка Джанет из Гринвича, повернулась ко мне и сказала:

– Но Бог так нас любит, что послал к нам Своего единственного сына.

> Все, чего мы касаемся, страдает и умирает. Мы – чума этой планеты, и если Бог любит нас, значит, Он заблуждается.

Джанет покачала головой, словно говоря: «Не надо». Я согласился. Я не хотел спорить с веселой девятнадцатилетней девчушкой, чье мировоззрение сформировали закрытые загородные клубы и частные школы. Я в самом деле был не в том положении, чтобы осуждать ее. Но я очень хотел ее осудить. Я хотел остановить фургон и закричать: «Что с нами не так? Все, чего мы касаемся, страдает и умирает. Мы – чума этой планеты, и если Бог любит нас, значит, Он заблуждается».

Но вместо этого я уставился в пол. Я не стал кричать и кого-то осуждать. По крайней мере, вслух. В конце концов мы доехали до ретрит-центра. То был охотничий домик двадцатых годов, больше всего похожий на идиллическую декорацию для фильма, где целую компанию подростков жестоко расчленяют.

– Когда из леса выйдет убийца с топором? – спросил я у Джанет.

– Тс-с-с, мы здесь на ретрите, – шепнула она.

Я нашел мужскую спальню и бросил рюкзак на пустой матрас металлической двухъярусной кровати. Я очень хотел лечь и проспать день-другой, но по плану нас ждало собрание в общей комнате. Я нашел ее: большая комната со стенами, отделанными деревянными панелями, в которой собралась сотня молодых белых христиан. Нас поприветствовал гладко выбритый христианин, который демонстрировал, что молод и похож на нас, надев футболку R.E.M. Все замолчали, и он начал говорить добрые, неоспоримо дружелюбные вещи о том, что ретрит – это время обновления, веры и сопричастности. Он улыбнулся, и молодые христиане улыбнулись в ответ.

> Я вышел на улицу, чувствуя, что мой расплавленный мозг вот-вот польется из глаз и ушей.

В окна проникли лучи закатного солнца, и в их свете старый каменный камин казался позолоченным. Но я в своем воображении все еще видел кровь на колесах своего скейта,

который вез по Мясницкому району. Ничего не изменилось, и ничего не изменится, если я что-нибудь не сделаю. Я поднял руку. Джанет встревоженно посмотрела на меня и покачала головой.

Добрый христианин в футболке R.E.M. улыбнулся мне.

– Вы хотите что-то сказать?

– Привет, я Моби. – Я глубоко вдохнул. – Я не хочу никого оскорбить, но что мы здесь делаем? Это место прекрасно, и все люди здесь замечательные – я это вижу. Но вокруг нас – целый мир, полный невыразимых страданий. Мне кажется, что наша вера призывает нас выйти в мир и сделать его лучше. Надеюсь, мы не будем об этом забывать, пока остаемся здесь.

Я услышал, как несколько человек пробормотали: «Кто это вообще?»

– Спасибо за это напоминание, – дипломатично ответил ведущий. – Эти выходные будут посвящены диалогу и обмену. Так что после ужина мы соберемся здесь, чтобы рассказывать истории и играть.

Когда толпа разошлась, Лаура прошла прямо ко мне.

– Ты что, не можешь просто расслабиться, Моби? – спросила она.

– Лаура, – ответил я, – двенадцать часов назад я шел по лужам крови в Мясницком районе и смотрел, как люди тащат туши мертвых ягнят и свиней на холодильные склады. Так что нет, я не могу «просто расслабиться».

Она отвернулась и поспешно ушла.

– Все здесь хотят сделать как лучше, – тихо сказала Джанет. – Хорошо?

– Ты права, – ответил я. – Хорошо.

Я взял ее за руку, и мы пошли в столовую. На доске у входа мелом было написано меню:

Суп из говядины или жареная курица
Картофель фри
Зеленый салат «Джелло»

Я прочитал меню, и у меня в мозгах что-то щелкнуло. Мне очень захотелось найти немного «Семтекса» или С-4 и взорвать весь этот ретрит с мясом и «Джелло», отправив его обитателей – пригородных христиан – к Богу по самой короткой дороге. Но я лишь тихо сказал:

– Джанет, мне надо выйти прогуляться.

Я вышел на улицу, чувствуя, что мой расплавленный мозг вот-вот польется из глаз и ушей. Как можно сохранить здравый

рассудок в мире, который равнодушен к крови на тротуарах? Как я могу быть христианином, если христиане набивают свои розовые ротики говяжьим супом и жареной курицей? Я отошел еще дальше от ретрит-центра, направляясь прямиком в темный лес. В конце концов я ушел так далеко, что перестал слышать какие-либо звуки, издаваемые людьми, – только пение птиц и дуновение ветра в верхушках сосен.

Я присел на старое упавшее дерево. На другом его конце сидела белка, что-то ела и смотрела на меня.

– Извини, – сказал я белке, и она сбежала. Я не был уверен, приняла ли она мои извинения.

Я огляделся. По деревьям пробегали последние лучи заходящего солнца.

– Боже, – громко сказал я, – что я должен делать?

Я прислушался, но услышал только звуки леса: тихий шум, производимый ветром, белками и миллионом насекомых. И подумал: *«Я должен делать то, что могу»*. Здесь, в лесу, у всех было свое место, и все делали то, что должны.

Я не обязан поджигать или взрывать лаборатории, проводящие тесты на животных. Я не обязан сбрасывать со скал вивисекторов, владельцев скотобоен и христиан, которые едят мясо. Мир полон боли, причем по большей части – боли, которой можно было бы избежать. Смерть неизбежна, а вот страдания – другое дело.

Я стал молиться:

– Боже, помоги мне сделать то, что ты хочешь, чтобы я сделал. Твое желание будет исполнено.

В сумерках я вернулся обратно в ретрит-центр. Если я собираюсь всю жизнь бороться за права животных, понял я, мне нужно быть умным и мыслить стратегически. Я хотел только кричать на людей и говорить им, что они неправы. Но чем громче кричишь, тем меньше тебя слышат.

Я вернулся обратно в столовую, и ко мне подошла Лаура.

– Извини, что разозлилась на тебя, Моби, – сказала она.

– Извини и ты меня, Лаура, – сказал я.

– Смотри! – воскликнула она, показав на блюдо с салатом, картошкой фри и «Джелло». – Я ем по-вегетариански!

Я не решился рассказывать ей, что «Джелло» делают из соединительной ткани, связок и копыт коров, так что лишь ответил:

– Отлично, Лаура!

Через час я, надев фартук, мыл посуду в лагерной кухне. Я отмывал тарелки, покрытые говяжьим и куриным жиром, и кидал косточки и сгустившийся жир в переполненные мусорные мешки.

«Это моя работа, и она отвратительна», – сказал я себе, снимая синие посудомоечные перчатки, чтобы завязать черный пакет, полный куриных костей и жирных бумажных тарелок. *«Я хочу, чтобы эта работа была легкой*, – подумал я, унося перемазанный жиром мешок в мусорный контейнер, – *но она нелегка»*.

Глава двенадцатая
Мокрые носки на батарее

В Нью-Йорке повсюду можно было встретить бездомных, а Иисус дал христианам довольно ясное указание ухаживать за бездомными: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Поэтому каждый день я выходил из квартиры с мешком четвертаков, готовый отдать их каждому, кто попросит денег. У меня была регулярная работа диджея, я зарабатывал около 8000 долларов в год, так что решил, что могу себе позволить отдать пятьдесят центов или даже целый доллар любому, кто просит милостыню.

Некоторые бомжи были душевнобольными – они ходили по улице и проклинали воздух: «Иди на хер, проваливай на хер, заткнись, я сказал! Заткнись, сука бл*дь, заткнись уже!» Сумасшедшие бомжи редко с кем-то говорили, кроме своих личных демонов. Они пугали своей непредсказуемостью. Иногда, помогая им, можно было увидеть, кем они были до болезни. Но потом их лицо искажалось гримасой боли, и они начинали орать: «Не подходи ко мне, сатана! Отойди от меня! Е*ать нах*й!» Я отходил, поднимая руки в универсальном жесте, обозначающем «Я не желаю тебе зла, безумец, пожалуйста, не надо резать меня ножом». Кроме того, меня как христианина весьма задевало, когда меня называли сатаной.

Самыми дружелюбными были бездомные пьяницы. Иногда они говорили: «Можешь немного помочь мне с деньгами? Я хочу поесть». Сразу становилось ясно, что они врут, потому что если предложить им вместо денег еду, они тут же оскорблялись: «Эй, просто дай мне денег, а?» Иногда они даже пробовали совершенно честный подход: «Дружище, я бы мог тебе наврать, но мне нужны деньги на пиво».

Сумасшедшие бомжи редко с кем-то говорили, кроме своих личных демонов. Они пугали своей непредсказуемостью.

Труднее всего было общаться с крэковыми наркоманами: они уже потеряли свою жизнь и душу и больше всего напоминали шатающиеся трупы. Истощенные, совершенно убившие свой организм, с мертвыми взглядами и открытыми ранами на ступнях. Они стояли на платформах метро и пытались продать все, что им удавалось найти. Но я все равно хотел исполнить волю Бога, а Библия говорила, чтобы я давал милостыню всем. Я

не был Богом, не обладал всезнанием, и мне ясно дали понять, что я не в том положении, чтобы осуждать. Я должен лишь всегда иметь при себе мелочь, чтобы отдать нуждающимся.

Мы с Джанет говорили о том, как стать более хорошими христианами и больше делать для бездомных. Одним дождливым воскресным вечером мы решили встретиться в моей квартире, приготовить сандвичи, а потом раздать их бездомным в моем районе.

– Мне просто кажется, что неправильно будет давать им деньги, – сказала Джанет. – Я не знаю, на что они их потратят.

Мы сидели в квартире, куда только что переехали мы с Ли, слушали кассету Ника Дрейка и готовили сандвичи с арахисовым маслом и желе. Наш план был таким: сложить сандвичи в бумажные пакеты вместе с веганским печеньем и раздать их всем бездомным, которых встретим.

Обычно бомжи ненавидели веганскую еду. Я, бывало, шел по улице с остатками продуктов из «Анжелика Китчен», самого старого и знаменитого нью-йоркского веганского ресторана, и видел какого-нибудь бездомного у «Купер-Юниона» на Сент-Маркс-плейс.

– Есть мелочь? – спрашивал он.

– У меня есть немного еды, – отвечал я. – Не хочешь?

– Да ну на хрен, я не жру это говно, – отвечал он. – У тебя есть доллар, я хоть в «Попайс» схожу?

Однажды какой-то мужик у станции 6-й линии метро возле Лафайет-стрит и Астор-плейс взял мою веганскую еду, но, заглянув в пакет, явно пал духом.

– Эх, мужик, я-то думал, у тебя будет немного козлятины, – сказал он. – Козлятина – это вегетарианская еда.

Я хотел сказать ему: «Нет, козлятина – тоже не вегетарианская еда», но вместо этого просто ответил: «Благослови тебя Бог» и ушел по Лафайет-стрит, оставив его печально разглядывать остатки фасоли адзуки с гарниром из бурого риса.

Сандвичи с арахисовым маслом и желе и печенье казались нейтральным вариантом: веганская еда, но не откровенно веганская. Может быть, если нам повезет, никто хотя бы не кинет это на землю и не скажет: «Проваливайте». Джанет купила большой пакет из магазина J. Crew; мы наполнили его сандвичами и печеньем и вышли.

В восемь вечера поздним осенним днем было холодно. То был не резкий канадский холод, а тяжелый, влажный холод, от которого у меня болело лицо. Мы повернули направо на Мотт-стрит, потом налево на Блекер-стрит. На Блекер-стрит всегда были бездомные… но по какой-то причине именно сегодня их не

было. Шел мелкий дождик, и пакет из J. Crew стал промокать. Наши лица онемели от холода, ноги промокли, но мы все блуждали по нижнему Манхэттену в поисках бездомных, которых можно покормить.

– Прямо как в «Хранителях», – сказал я.

– В чем? – спросила Джанет.

– Это комикс такой, – ответил я. – Все бездомные исчезли. Или, может быть, как в «Зеленом сойленте»? Иронично будет: мы кормим бездомных, а потом их перерабатывают в еду.

– Фу, какая гадость, Мо.

Мы прошли на запад по Четырнадцатой улице, и мне вспомнилась песня Television под названием Venus, где Том Верлен пел «Бродвей выглядит так по-средневековому»: сегодня весь Нью-Йорк выглядел по-средневековому. Город был окутан холодным туманом, и все фонари выглядели как гало, а все здания – как черные замки.

– Где все бомжи? – спросил я, пока мы шли по Юниверсити-плейс.

– Может быть, в парке Вашингтон-сквер? – предположила Джанет.

– Не уверен, что там безопасно.

– Ну, посмотреть-то можно.

Парк Вашингтон-сквер просто сочился угрозой. Мы видели там несколько человек, но это были наркодилеры, а не бомжи. Дилеры, скорее всего, вряд ли обрадуются, если какие-то белые ребята из Коннектикута двадцати четырех лет от роду станут совать им сандвичи с арахисовым маслом и желе в бумажных пакетах. Особенно учитывая то, что большинство наркодилеров зарабатывают куда больше, чем большинство двадцатичетырехлетних белых ребят из Коннектикута. Мы прошли к востоку и сели на мокрую каменную скамейку возле высоких зданий Нью-Йоркского университета в Мерсере. Мы так и не раздали ни одного сандвича, а на каменной скамейке было еще и очень холодно.

> В двадцать четыре года должна быть сильная страсть и секс по десять раз в день.

Мы с Джанет встречались с перерывами два года. Познакомились мы несколько лет назад в группе по изучению Библии в Коннектикуте и с тех пор пытались быть добрыми христианами, которые встречаются. Наши отношения были дружескими, но не страстными. Мы никогда не бегали по улицам с криками: «Я влюблен!» Никогда не тосковали друг по другу. У нас были спокойные, в основном целомудренные отношения. А

где-то в глубине души я понимал, что в двадцать четыре года отношения не должны быть спокойными и целомудренными. В двадцать четыре года должна быть сильная страсть и секс по десять раз в день. Нам было по двадцать четыре, но мы занимались сексом раз в месяц и после этого молились Богу о прощении.

> – Я хочу, чтобы мы расстались, – сказал я. Она уставилась на землю, ссутулив плечи под мокрым красным пальто.

Сидя на холодной мокрой скамейке, я наконец признался себе в том, о чем долго боялся думать: отношениям нужно положить конец. Я немного помолчал, надеясь, что, может быть, сейчас чудесным образом вмешается Бог и устроит конец света, чтобы мне не пришлось заводить разговор о расставании, но нет. Я нарушил печальное молчание.

– Джанет, мне надо кое-что сказать.

– Ой, – ответила она дрожащим голосом. – Что же?

– Я очень не хочу так говорить, но у нас ничего не получается.

– Кормить бездомных?

– Да, это тоже не получается. Но я говорю о наших отношениях. По-моему, они никуда не ведут.

– Что ты имеешь в виду? – Джанет повернулась ко мне, у нее в глазах стояли слезы.

Я замолчал. Джанет была такой доброй, и она любила меня, но я хотел остаться один.

– Я хочу, чтобы мы расстались, – сказал я.

Она уставилась на землю, ссутулив плечи под мокрым красным пальто.

– Прости, – добавил я.

Она просто сидела на скамейке и тихо плакала. Я огляделся. Нью-Йорк был пуст. Холодный туман превратился в довольно сильный прохладный дождь. Моя шляпа была мокрой, а перчатки насквозь промокли.

– Прости, – снова сказал я, – но мне кажется, что именно этого я хочу.

– Тебе *кажется*? – с неожиданным ядом произнесла она. – Ты говоришь мне, что хочешь со мной расстаться, потому что тебе *кажется*, что ты этого хочешь?

Я сглотнул.

– Нет. Я знаю, что хочу этого.

Она громко заплакала, по-прежнему смотря на землю.

– Блин, – сказал я. – Блин.

Она перестала плакать и посмотрела на меня, судя по всему, обнаружив в себе какие-то внутренние резервы силы.

– Ну, ты знаешь, чего хочешь, – сказала она, – так что, пожалуй, нам надо идти.

Она встала и отряхнула капли с пальто.

– Хочешь расстаться – мы расстаемся, – бесстрастно сказала она. Я взял мокрый пакет с сандвичами и печеньем.

– Проводить тебя до метро? – спросил я.

– Да, Моби, проводи меня до гребаного метро, – сказала она. Мы пошли на восток, не говоря ни слова. Ни одного бездомного мы так и не встретили. Пакет с сандвичами и печеньем был мокрым и тяжелым.

– Хочешь забрать их? – спросил я.

– Нет, – сказала она и взяла у меня пакет. – Да ну все на хрен, – сказала она и вышвырнула его в переполненный мусорный бак возле «Макдоналдса».

Я оскорбленно уставился на нее.

– Я мог бы кого-нибудь этим накормить, – сказал я.

– Тут некого кормить, Моби, – ответила она. – К тому же все уже промокло.

Мы стояли у входа на станцию линии N на углу Бродвея и Сент-Маркс-плейс. Дождь все усиливался.

– Думаешь, пойдет снег? – с надеждой спросил я. Джанет лишь окинула меня раздраженным взглядом.

– Ну? – спросила она.

– Я не знаю, что делать, Джанет, – сказал я.

– Мы расстались, Моби. Тебе не надо ничего делать.

Она отвернулась и пошла вниз по лестнице метро, ее мокрое красное пальто блестело в резком белом свете флуоресцентных ламп.

Я был свободен. Печальный, мокрый и свободный. Я не знал, как встречаться, не знал никого, кто согласился бы встречаться со мной, но я был свободен.

Я повернулся и пошел вниз по улице, прислушиваясь к звукам мокрых шин такси на Бродвее. Мое лицо замерзло от холодного дождя, а шляпа пахла мокрой псиной. Я сделал это – расстался с Джанет. Но почему мне больно? И почему вообще быть одному лучше, чем быть с кем-то, кто тебя любит?

Я пошел на юг, мимо закрытых магазинов электроприборов и обуви. На углу Бродвея и Блекер-стрит стоял какой-то бездомный и курил сигарету.

– Слушай, помоги, а? Мелочи не найдется? – спросил он.

– Вот тебе, – ответил я и отдал ему все четвертаки, которые мы взяли с собой.

– Эй, спасибо, мужик! – сказал он.

– Благослови тебя Бог, – ответил я.

– Я пойду куплю что-нибудь в KFC, спасибо! – воскликнул он и торопливо пошел куда-то под дождем.

Я прошел мимо станции 6-й линии на углу Лафайет-стрит и Блекер-стрит. Фонари над входом были разбиты, и эта конструкция очень напоминала приоткрытый от усталости стальной рот. Я повернул направо на Мотт-стрит и дошел до дома. Прежде чем вставить ключ в замок, я посмотрел налево и направо: всегда нужно осматриваться в обе стороны, потому что, пока ты открываешь свою дверь, на тебя из тени может кто-нибудь наброситься, затолкнуть в дом, после чего пырнуть ножом или ограбить. Но сейчас было десять вечера, воскресенье, и шел сильный дождь, так что на улице никого не было.

Старая китайская семейная пара в соседней квартире готовила что-то, что пахло как собачья еда вперемешку с алюминиевой фольгой. А через дверь доносились их приглушенные голоса – они о чем-то спорили. Может быть, им стоило расстаться лет пятьдесят назад, чтобы в семьдесят лет не спорить друг с другом в маленькой квартирке?

Батареи у меня дома подрагивали от горячей воды и пара. Я положил шляпу, перчатки и пальто на батарею в гостиной, и вскоре вся квартира пахла как стайка мокрых собак. Все, теперь я не в отношениях. Это разве не должно привести к сексу, любви, неудачным свиданиям и прогулкам за ручку в «Кони-Айленде»? Я лично считал, что раз я один, то теперь мне не надо разговаривать с девушками, и я могу спокойно спать один, почитав на ночь «Дюну».

Я подумал, как Джанет пересаживается на другую линию на Таймс-сквере. Как она плачет по пути в Гарлем. Представив, как она плачет в метро под мигающей флуоресцентной лампой, я невыразимо огорчился. Я сел на матрас и снял носки; они были мокрыми, и им тоже была прямая дорога на батарею. Я просто ужасен. Я сделал больно человеку, который этого совсем не заслуживал. Я хотел, чтобы следующие мои отношения были вечными. То будут отношения с небольшой болью, может быть, даже с большой, но не с такой финальной болью, из-за которой я остался в квартире наедине с мокрыми носками на батарее, а моя бывшая плакала до самой Сто двадцать пятой улицы на 9-й линии.

Глава тринадцатая
Смазанный черный маркер

«Палладиум» был самым большим клубом в Нью-Йорке. В «Ред Зоун» была лучше музыка, в «Туннеле» – архитектура, «Марс» был более крутым и странным, «Неллс» – более гламурным. Но «Палладиум» оставался вершиной всей клубной жизни города. Он был самым большим, с самой громкой звуковой системой, самой большой сценой. А еще он больше всего пугал.

Вечерами по выходным тротуар Четырнадцатой улицы перед «Палладиумом» всегда был полон клубных ребят, студентов, начинающих рейверов и молодых людей из пригородов, разодетых в лучшую манхэттенскую клубную одежду и всячески пытающихся преодолеть бархатные веревочные заграждения и попасть внутрь. Разочарованные клубные ребята называли его «Потрахиум», потому что он был рассадником дешевого, бессмысленного секса. Осенью 1990 года, впрочем, для меня не существовало никаких рассадников секса – ни дешевого и бессмысленного, ни ценного и осмысленного.

Разочарованные клубные ребята называли его «Потрахиум», потому что он был рассадником дешевого, бессмысленного секса.

Я жил буквально в тени «Палладиума», потому что он стоял всего в нескольких сотнях ярдов от моей первой квартиры на Четырнадцатой улице. Каждый день я проходил мимо входа и думал: *«Выступлю ли я там когда-нибудь? Поработаю ли там диджеем? Впустят ли вообще меня туда в следующий раз, когда я встану в очередь?»*

Я стал ходить в «Палладиум», когда еще учился в школе, а вместо клуба там был театр. В середине восьмидесятых «Палладиум» был отличным местом проведения панк-роковых и нью-вейвовых концертов – один из запущенных, но еще сохранивших прежнюю величественность театров. У меня с моими школьными друзьями-панками была целая традиция посещения «Палладиума»: сесть на поезд «Метро-Норт» в Дариене и попытаться спрятаться в туалете, чтобы не платить за проезд. Если туалет был занят или выглядел слишком отвратительно, мы тратили деньги, заработанные на стрижке газонов, чтобы купить билет до Манхэттена за 4,25 доллара.

На Гранд-Централе мы тихо поздравляли себя с тем, что нас впустили в Нью-Йорк; для подростков-панков из Коннектикута

даже дышать манхэттенским воздухом казалось чем-то из ряда вон выходящим. Мы несли на себе клеймо пригородного разочарования и одиночества; по всему выходило, что нас, в наших джинсах «Рэнглер», должны были остановить на границе Манхэттена и отправить обратно в Коннектикут с поджатыми нью-вейвовыми хвостами.

Мы несколько часов бродили вокруг Гранд-Централа, теряясь на концах платформ и исследуя подземные этажи вокзала, куда посторонних обычно не пускают. Гуляя по закрытым нижним этажам, мы надеялись найти там племена зомби-троглодитов, как в «Человеке Омега», но единственными живыми существами, с которыми мы там встречались, были крысы и (реже) бомжи, совсем не радостные от того, что их кто-то нашел.

Джим был басистом в нашей школьной панк-группе The Vatican Commandos и нашим лидером. Он носил косуху и кожаный ремень с шипами и знал, как работает нью-йоркское метро. Мы ходили за ним по разным крутым местам центра города: он вез нас по 6-й линии от Гранд-Централа до Канал-стрит, и мы шли в «Канал Джинс». У нас никогда не было ни на что денег, но нам очень нравилось смотреть на панк-рокерские футболки и прекрасных сотрудниц с пурпурными ирокезами. Мы стояли, спорили о наших любимых группах и футболках и спрашивали себя, сможем ли мы когда-нибудь выпросить у родителей достаточно денег, чтобы купить себе футболку Crass или Agnostic Front.

> На Гранд-Централе мы тихо поздравляли себя с тем, что нас впустили в Нью-Йорк; для подростков-панков из Коннектикута даже дышать манхэттенским воздухом казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Потом мы отправлялись в Юнион-Сквер-парк. Родители всегда давали нам одинаковые указания, когда мы ехали в город: «Возвращайтесь последним поездом и держитесь подальше от парков». Так что мы ходили вокруг Юнион-Сквер-парка, в котором было полно торчков и высохших деревьев. Потом шли в расположенную по соседству кафешку «Нейтанс» за хот-догами и «Кока-колой», садились за грязные пластиковые столы и пялились на наркоманов, панк-рокеров, копов и трансвеститов. Просидев несколько часов, тщательно храня «Колу» в бумажных стаканчиках, мы проходили пятьдесят футов от «Нейтанс» до «Палладиума». Скучающий сотрудник «Палладиума» отрывал контроль с наших билетов, и мы со всех ног бежали к сцене, надеясь встать в первый ряд.

Неважно, на кого мы шли: Boomtown Rats, Simple Minds, OMD

или The Clash – мы безоговорочно обожали их всех. Они были настоящими музыкантами на настоящей сцене. Они записывали пластинки и приезжали из другой страны. Простояв пять часов у сцены, отплясывая под панк-рок и «новую волну», мы ехали по 6-й линии обратно на вокзал Гранд-Централ. В полночь Гранд-Централ выглядел пустой пещерой, где жили только бездомные, несколько наркодилеров и пьяные бизнесмены, спешившие на последние поезда до Ларчмонта, Брюстера и Дариена.

Мы садились на поезд «Метро-Норт», он приходил в движение, и наш друг Чип блевал. Это случалось каждый раз. На концертах в «Палладиуме» мы все пили «Кока-колу» и воду из фонтанчика в мужском туалете, но Чип шел в бар, покупал пиво и напивался. На выезде из Нью-Йорка всегда слышался звук полупереваренных хот-догов и пива, исторгаемых на пол поезда под ноги Чипу. После того как его рвало, мы отсаживались от него на несколько сидений и притворялись, что не знакомы с ним.

Когда поезд останавливался в Норотон-Хайтс, я сходил с него и бежал домой. В ушах звенело, от хот-догов и «Кока-колы» болел живот, но я просто сиял – я шел с концерта панк-рокеров и считал Нью-Йорк самым идеальным городом на планете.

Сейчас же шел 1990 год, и Юнион-Сквер-парк потихоньку расчищали; мертвые деревья увезли прочь, а за больными пытались ухаживать. Наркоманы переселились в Томпкинс-Сквер-парк и Ист-Ривер-парк. А «Палладиум» переделали из театра в самый большой ночной клуб в мире.

Я сидел на грязном матрасе в нашей гостиной и завтракал, и тут зазвонил телефон.

– Здравствуйте, – послышался женский голос с британским акцентом. – Мне нужен Моби.

– Это Моби.

– О, привет, это Оливия из «Палладиума». Джаред Хоффман дал мне ваш номер.

– Здравствуйте, как ваши дела? – профессиональным тоном ответил я.

– Все хорошо. Я хотела узнать: вы не хотите выступить на разогреве у Snap!? Они играют у нас свой первый в США концерт.

Моему мозгу срочно требовался разговор с самим собой. Сыграть на разогреве у Snap!? Они несколько месяцев назад выпустили сингл The Power, который занял первые места по всему миру и сделал их одной из самых крутых танцевальных групп на планете. Мой первый сольный сингл еще не вышел, и я отыграл ровно один сольный концерт перед аудиторией из пятнадцати человек.

Оставив эти мысли при себе, я ответил:

– Хорошо, в качестве музыканта или диджея?

– Живой концерт. Джаред говорит, у вас отличное живое шоу. Джаред так и сказал?

– Звучит хорошо, – спокойно сказал я.

Оливия рассказала мне подробности. Повесив трубку, я спокойно прошел на кухню с тарелкой из-под каши и поставил ее в раковину. Я встал у холодильника, совершенно парализованный; мой мозг горел.

Я дам концерт в «Палладиуме».

Для нескольких тысяч зрителей.

Через несколько минут я понял, что нужно позвонить всем, кого знаю: Дамьену, Джанет, Полу, Джареду, Дейву, маме. Но нашим телефоном я воспользоваться не мог: его уже занял Ли и тихо разговаривал со своей мамой о чем-то важном.

Я взял горсть четвертаков и выбежал на улицу, к телефону-автомату рядом со станцией 6-й линии. Я позвонил Дамьену; его не было дома, так что я оставил ему сообщение на автоответчик. Я позвонил Джанет, несмотря на то, что мы расстались, и тоже оставил сообщение. Трубку вообще никто не брал. Мама и Пол жили в Коннектикуте, а это уже считалось междугородним звонком, на который моих четвертаков бы уже не хватило, так что я решил пойти в офис лейбла Instinct (он же квартира Джареда) и позвонить им оттуда.

> Мои легкие промерзли насквозь, но я не мог перестать бежать; меня вела мантра «Я выступаю в “Палладиуме”!»

Я пробежал по Лафайет-стрит, потом по Четвертой авеню и вскоре оказался у дверей «Палладиума». Я посмотрел на гигантский фасад, совершенно не изменившийся со времен, когда я учился в школе. Через несколько недель я буду стоять на той же сцене, что и The Clash. Я побежал на запад по Четырнадцатой улице. Увернувшись от нескольких машин на Бродвее, я пересек Пятую авеню. Мои легкие промерзли насквозь, но я не мог перестать бежать; меня вела мантра «Я выступаю в “Палладиуме”!»

Привратник Джареда впустил меня – я был частым гостем в доме, – и я взбежал по лестнице. Я открыл дверь его квартиры и закричал: «Привет!», но никого не было. Меня охватило такое возбуждение, что показалось, что все мои клетки сделаны из стекловаты. Я вышел на балкон Джареда, с которого открывался вид на нижний Манхэттен и башни-близнецы, и закричал:

– А-а-а-а-а-а-а!

Это было очень приятно. Я снова закричал:
– А-а-а-а-а-а-а!
Кто-то этажом ниже открыл окно и угрюмо сказал:
– Эй, заткнись.
Конечно. Это же Нью-Йорк, мой дом.

> Каждый день я ходил мимо гигантских желтых плакатов на улице и изумлялся им. Мое имя – на рекламе концерта в Нью-Йорке!

В следующие три недели я работал над своим двадцатипятиминутным концертным сетом, решая, какие песни мне играть и в каком порядке. Я решил, что для наилучшего звучания мне нужно привезти все оборудование и установить свою студию на сцене «Палладиума». Еще я практиковался прыгать перед зеркалом и пробовал разные сценические костюмы.

За две недели до концерта повсюду появились огромные желтые постеры. Они были очень простыми: надпись большими буквами «Первое выступление в США – Snap!» И маленьким шрифтом внизу: «А также Моби». Каждый день я ходил мимо гигантских желтых плакатов на улице и изумлялся им. Мое имя – на рекламе концерта в Нью-Йорке!

И вот наступил день шоу. Дамьен встретил меня дома у Джареда и помог вынести аппаратуру на улицу. Мы поставили все на заднее сиденье такси и проехали пять кварталов до «Палладиума». Мы вынесли все на сцену, и я встал там, глядя на пустой ночной клуб. Со сцены «Палладиум» казался огромным и неподвижным. Он вмещал три тысячи человек, но сейчас в зале было лишь два уборщика, подметавших пол, и один официант, работавший за стойкой бара.

Я поставил складной стол, нашел розетку и заново построил свою студию на сцене. Я подключил MIDI-кабели от секвенсера к драм-машинам, сэмплеру и синтезаторам. Потом я подключил аудиокабели, соединявшие шестнадцатиканальный микшер с синтезаторами, звуковым модулем Oberheim, сэмплером и драм-машиной. Потом я подключил процессор эффектов Alesis QuadraVerb к микшеру. И наконец включил все. Самой долгой частью процесса была загрузка сэмплов в сэмплер. У меня был тормозной сэмплер Yamaha, и чтобы он работал, мне нужно было загрузить в него четыре дискеты. Каждая дискета была размером три дюйма и требовала минуту или две для загрузки; я стоял на сцене, вставляя их в сэмплер одну за другой. Через пять минут все было готово. Я надел наушники, нажал «Пуск» на Alesis, и все чудесным образом заработало.

Я выставил уровни на микшере и пошел искать

звукорежиссера. Оливия сказала мне, что его зовут Джонн, и он приходит в четыре часа. Я нашел его в диджейской кабинке, где стояли четыре вертушки, – я еще никогда не видел сразу четыре вертушки в одном месте. Кабинка висела в тридцати футах над танцполом и была уставлена новенькой аппаратурой. То было священное место.

– Привет, ты Джонни? – спросил я. Он повернулся ко мне, длинноволосый и весь в татуировках.

– Ага, чем могу помочь?

– Я Моби, играю на разогреве у Snap! сегодня.

– Так, хорошо, что у тебя за аппарат? – безучастно спросил он. – Пленочный? DAT-магнитофон?

– Нет, я привез всю студию. Уже поставил все на сцену.

Эти слова привлекли его внимание – он рассмеялся.

– Ты прикалываешься надо мной? Всю студию?

Когда мы спустились на сцену, я сказал:

– Вроде бы все уже готово. Мне нужно только два XLR-кабеля и микрофон. У вас есть микрофон?

Он засмеялся.

– Да, думаю, где-то микрофон завалялся.

На сцене он с улыбкой посмотрел на мою аппаратуру.

– У тебя есть Oberheim-1000? Отличная штука. А что насчет Roland 106? Он похож на Prophet?

Пока он искал XLR-кабели и микрофон, мы обсуждали аппаратуру. Я подключил кабели к микшеру.

– Так, я пойду в будку и включу тебя, – сказал он. Я стоял на сцене, пытаясь вдохнуть одновременно все молекулы кислорода в комнате. Я предполагал, что звукорежиссер будет угрюмым или враждебным – уж точно не веселым парнем, которому нравились аналоговые синтезаторы.

Джонни из диджейской кабины прервал мои размышления:

– Хорошо, включай!

Я нажал «Пуск». Джонни сделал громче. Потом еще громче. И еще.

Звуковая система «Палладиума» была легендарной. Во всем Нью-Йорке не было звука громче, а может быть – и во всем мире. А теперь весь пустой зал сотрясался от моей музыки. Я был слишком поражен, чтобы улыбнуться. Джонни сделал потише и крикнул:

– Звучит отлично!

Я нажал «Стоп», и музыка закончилась; лишь эхо еще недолго звучало в комнате. Джонни вернулся на сцену.

– Ну как?

– Потрясающе! Я еще никогда не слышал своей музыки в

большом зале!

– Круто. Snap! используют только минусовку и два микрофона, так что можешь оставить аппарат на сцене до самого выхода.

– С ним все будет в порядке? Он опять засмеялся.

– Я прослежу, чтобы его никто не спер.

– Эй, Моби! – услышал я чей-то крик из-под сцены. Там стоял мой босс из «Марса», Юки, с каким-то другом. Я спустился в зал, не очень понимая, что Юки делает днем в пустом «Палладиуме».

– Привет, Моби, я пришел сюда на деловую встречу и услышал твой саундчек, – сказал он, с улыбкой пожимая мне руку. Он показал на невысокого человека, стоявшего рядом с ним, и сказал: – О, Моби, познакомься – это Майлз Дэвис.

Я посмотрел на Майлза Дэвиса, который стоял в нескольких футах от меня средь бела дня в пустом «Палладиуме» и слушал мой саунд-чек. Он был ниже, чем я себе представлял; на нем был темно-коричневый шелковый костюм, который, наверное, стоил больше, чем я заработал за последние десять лет. Он стоял неподвижно и выглядел почти как хищник.

– Привет, Майлз, мистер Дэвис, – сказал я, протянув руку.

Майлз Дэвис посмотрел на меня, едва заметно кивнул, но руки его остались неподвижны.

– Ладно, Моби, желаю отлично отыграть сегодня! – сказал Юки, повернулся и ушел вместе с Майлзом Дэвисом.

Я поднялся обратно на сцену и посмотрел вслед Юки и Майлзу Дэвису, которые вышли через одну из боковых дверей «Палладиума».

– Что здесь делал Юки? – спросил Дамьен.

– Вообще не представляю, – запинаясь, ответил я, – но он был с Майлзом Дэвисом.

Я поблагодарил Дамьена, и мы вышли через служебный вход, сообщив скучавшему охраннику, что позже вернемся. Мы пошли на восток, к «Анжелика Китчен», безуспешно пытаясь понять, что же Майлз Дэвис делал на моем саундчеке.

> Мои длинные волосы были зачесаны назад, я был одет в свои лучшие черные джинсы, на груди был большой черный крест. А мои зрачки были сужены от вполне рационального страха.

Мы пообедали и вернулись обратно в мою квартиру на Мотт-Стрит. Я решил надеть на сцену черные джинсы без футболки. Почему-то я решил, что выйти с голым торсом перед тремя тысячами человек на первом концерте – хорошая идея. Я достал маркер и неуклюже попытался нарисовать крест у себя на груди.

Дамьен в конце концов раздраженно сказал:

– Ладно, дай мне попробовать.

Когда он закончил, я посмотрел на себя в зеркало ванной комнаты. Мои длинные волосы были зачесаны назад, я был одет в свои лучшие черные джинсы, на груди был большой черный крест. А мои зрачки были сужены от вполне рационального страха.

Мы пошли к выходу.

– Не хочешь надеть куртку? – спросил Дамьен. – На улице холодно.

– Нет, я не хочу смазать крест, – сказал я. – Пойдем.

В «Палладиуме» охранник вспомнил нас и неохотно открыл служебный вход. Вскоре меня нашел Джонни.

– Твоя гримерка внизу, – сказал он. – Сейчас покажу тебе.

Он отвел нас в подвал.

Я лишь один раз в жизни был в гримерке. В 1985 году я пошел на концерт Sonic Youth в «CBGB» с Маргарет, своей тогдашней девушкой. Мы напились, тайком пробрались в их гримерку и украли у них пиво. Мы даже думали, не переспать ли прямо на отвратительного вида диване в гримерке, но прежде чем мы успели начать раздеваться, нас заметил тур-менеджер Sonic Youth, наорал на нас и прогнал.

Эта гримерка – моя гримерка! – была маленьким желтым кубиком в подвале с зеркалом и старым кожаным диваном.

– Выходишь в десять вечера, – сказал Джонни. – Сломай ногу[7]!

Мы с Дамьеном сели на кожаный диван. Я встал, посмотрелся в зеркало и сел обратно.

В дверь постучали. То была Оливия – женщина лет тридцати с небольшим, одетая во все черное.

– Привет, Моби, – сказала она своим рубленым британским говором. – У меня плохая новость. Snap! опоздали на самолет, так что сегодня они не выступают.

– Э-э-э… что?

– Snap! сегодня не будет, так что ты сегодня выступаешь один.

Я моргнул.

– И что это значит?

– Ты – единственный, кто сегодня выступает, – терпеливо произнесла она, словно объясняя тупице очевидные вещи.

– А люди денег назад не потребуют?

– Нет, они просто хотят хорошо провести вечер. У нас еще будет сегодня несколько диджеев. Ты выходишь на сцену в одиннадцать. Удачи!

Когда она ушла, мы с Дамьеном переглянулись.

– Ты хедлайнер в «Палладиуме»! – сказал он.

– Никто об этом не знает! – закричал я. – Это будет катастрофа!

– Успокойся, – сказал он. – У тебя отличный сет. Народу понравится.

Я стал расхаживать по комнате. Потом – расхаживать по коридору. Потом я решил поговорить с моим новым другом-любителем аналоговых синтезаторов, Джонни. Я поднялся в диджейскую кабинку. Люди уже начали собираться в зале, и за вертушками сидел Марк Каминс, легендарный диджей, открывший Мадонну.

Джонни увидел меня.

– Эй, я слышал, Snap! отменили концерт. Знаешь Марка?

Марк Каминс повернулся.

– Ты Моби, диджей из «Марса». Рад встрече.

– Я тоже рад, – сказал я, изумленный тем, что он вообще меня знает.

– Хочешь выпить, или, может, травки немножко? – спросил Марк.

– Нет, спасибо, я не пью.

Он посмотрел на меня как на ящера-инопланетянина и отвернулся обратно к пульту.

– Джонни, – сказал я, – может, мне тоже отменить концерт?

Тот чуть не рассмеялся.

– Нет, Моби, – мягко сказал он. – Народ просто хочет оторваться. Поверь мне, все у тебя будет хорошо.

> Я выбежал на сцену, к своей аппаратуре. Толпа громко свистела и кричала: «Snap! Snap! Snap!» Кто-то кидал в меня пластиковыми стаканчиками и дольками лаймов.

Я вернулся в гримерку и начал бегать на месте, подпрыгивать, в общем, всячески пытался себя отвлечь и не поддаться панике. Наконец часы показали 10:55. За мной пришла Оливия.

– Так, хорошо, выходи.

Я прошел к входу на сцену и посмотрел на зрителей. «Палладиум» был полон, на стенах светились стробоскопы и цветные фонарики, а Марк Каминс играл Vibrations группы Supernova. А я был готов сдохнуть.

Музыка смолкла, зрители зааплодировали. На сцену вышел ведущий и взял микрофон.

– Леди и джентльмены, – сказал он. – Плохая новость. Snap!

опоздали на самолет и сегодня здесь не выступят. – Он перевел дыхание, и толпа ответила недовольным гулом. – Но сейчас вас ждет выступление Моби – он отсюда, из Нью-Йорка. Встречайте Моби!

Я выбежал на сцену, к своей аппаратуре. Толпа громко свистела и кричала: «Snap! Snap! Snap!» Кто-то кидал в меня пластиковыми стаканчиками и дольками лаймов. Я посмотрел на три тысячи человек, освистывавших меня, взял микрофон и сказал: «Я – Моби». А потом нажал «Пуск» на секвенсере.

Ничего не произошло. Зрители по-прежнему свистели. Я еще раз нажал «Пуск». Опять ничего.

В английском языке не хватает одного слова. Может быть, оно есть в других языках, не знаю. Это слово описывает невыразимую, непостижимую панику, которая охватывает тебя, когда ты стоишь на сцене на своем втором сольном выступлении перед несколькими тысячами враждебных фанатов, которые только что узнали, что хедлайнера не будет, а потом нажимаешь «Пуск» на секвенсере, и ничего не происходит.

Я начал смотреть, что не так. Все ли я подключил? Да. Все ли включено? О нет. Сэмплер отключен. Я включил его и начал затяжной пятиминутный процесс загрузки сэмплов. Левой рукой я скармливал ему дискеты, а правой – играл на синтезаторе барабанную партию.

Через пару минут зрители перестали недовольно гудеть. Они просто стояли и пытались понять, почему этот полуголый парень просто играет барабанные партии на синтезаторе. Я загрузил третью дискету, потом четвертую. Через пять минут, показавшихся вечностью, на маленьком жидкокристаллическом дисплее сэмплера загорелось слово «READY».

Я снова нажал «Пуск», и на этот раз музыка заиграла. Мой сет начинался с Electricity, песни в жанре техно-хип-хоп. Вся моя тревога и ужас внезапно покинули меня. Я схватил микрофон, выбежал к краю сцены и стал громко кричать в него. *«Можете меня ненавидеть,* – думал я, – *но теперь мне уже все равно. Хедлайнер отменил выступление. Аппаратура не сработала. Меня охватила паника и страх. Но сейчас я здесь, и я буду орать во все горло».*

Я доиграл Electricity, и зрители даже зааплодировали. Потом я сыграл Besame, со всей силы стуча по клавиатуре и крича, и они начали танцевать. Я весь вспотел, черный крест на моей груди смазался и стал похож на криво сделанную тюремную наколку. За Besame последовала новая песня, UHF, и она сработала – зрители танцевали, а кто-то даже радостно кричал под конец. В конце я сыграл: Rock the House и почувствовал, что зрители наконец

изменили отношение ко мне. Они поддерживали меня. Я ходил по сцене и кричал «Rock the house» вместе с сэмплом – и они кричали вместе со мной. Песня закончилась, и зрители зааплодировали.

Вышел ведущий и обнял меня за потные голые плечи.

– Поприветствуем Моби из Нью-Йорка!

И зрители снова зааплодировали.

Я вышел со сцены, изможденный, почти в кататоническом состоянии, и вернулся в желтую гримерку. Вошел мой новый друг Джонни.

– Чувак! Круто было!

– Правда?

– Правда! Все танцевали!

Когда он вышел, я пошел в туалет. Туалет был реликтом начала двадцатого века – раскрашенные в черное кабинки и побитая черно-белая кафельная плитка. Я прислонился головой к металлической кабинке, не зная, расплачусь я сейчас или меня вырвет; по моему лбу стекали капельки пота.

Через пару минут я вернулся обратно на сцену и разобрал свою аппаратуру. Марк Каминс снова вернулся за пульт, и клуб пульсировал, легендарная звуковая система «Палладиума» звучала подобно тысяче валькирий, летящих на войну. Когда я собрал аппаратуру, пришла Оливия и протянула мне двести долларов – первые деньги, которые я заработал, выступая вживую.

– Это было очень здорово, Моби! – сказала она, обняла меня и поцеловала в щеку. – Молодец! Приходи еще как-нибудь выступать!

Мне нужно было отвезти аппаратуру обратно в квартиру Джареда, но я хотел проявить благоразумие и сэкономить 10 долларов за проезд на такси.

– Оливия, ты не можешь одолжить мне какую-нибудь тележку?

– Без проблем.

Она попросила охранника найти четырехколесную пластиковую тележку для грязного белья. Мы с Дамьеном загрузили в нее мою аппаратуру и повезли ее вниз по улице к дому Джареда. После того как мы выгрузили аппарат в гостиной Джареда, Дамьен с очень серьезным видом пожал мне руку.

– Ты был очень крут, Моби, – искренне сказал он. – Я тобой горжусь.

– Спасибо, Дамьен.

– Ты же знаешь, что станешь знаменитым? – спросил он.

– Нет, – сказал я.

– Все будет очень странно, – сказал он. – Увидишь.

Часть вторая
Моби Гоу, 1990–1992

Глава четырнадцатая
Ямс

Став в 1987 году веганом, я одним ловким движением увеличил свою ожидаемую продолжительность жизни и разозлил большинство знакомых – прежде всего маму. Почти все мое детство мы с ней жили на продуктовые талоны и пособие по безработице, но она старалась делать все, чтобы я ел здоровую пищу. Однажды в восьмидесятом она даже набралась смелости и приготовила на ужин бурый рис с тофу и овощами. Я был в ужасе.

– Это полезно для тебя, – сказала она, держа в одной руке резиновую лопаточку, а в другой – сигарету.

Я рос в Коннектикуте и ел как типичный американский тинейджер из пригорода – потому что я и был американским тинейджером из пригорода. Я жил на мясных рулетах, пицце, мороженом, сандвичах с салями, сандвичах с бифштексом, тако с говяжьим фаршем, еще мороженом и еще пицце. Когда у меня были деньги, я ходил в «Бургер Кинг», «Макдоналдс», «Вендис» или «Чи-Чис». Я обожал макать картошку фри в молочные коктейли. Я обожал гамбургеры, жир с которых сочился прямо на пластиковые подносы. Как мама вообще посмела предлагать здоровую пищу единственному сыну? Это же просто издевательство над детьми.

– Просто попробуй, – умоляла она.

– Нет, – сказал я, разглядывая тофу и брокколи в сковороде. – Это отвратительно.

– Это полезно для тебя, – сказала она, держа в одной руке резиновую лопаточку, а в другой – сигарету.

– Мне все равно.

Она сердито посмотрела на меня, положила себе порцию риса с тофу и овощами и села перед телевизором, по которому шло «Маппет-шоу». Через минуту я ушел на кухню и разогрел в микроволновке пиццу пепперони на французском хлебе от «Стуфферс», потом сделал себе большой стакан шоколадного молока и сел рядом с ней перед телевизором. Мы ели в мрачной тишине, а на экране Маппеты пели с Кэрол Бёрнетт.

Теперь же, на день Благодарения в 1990 году, я был в Коннектикуте дома у бабушки. Бабушка продала большой дом в Дариене, полный антиквариата, и переехала в дом поменьше (тоже полный антиквариата) в соседнем Норуоке. Моя семья собралась в столовой, облицованной деревом. У стены стоял

буфет девятнадцатого века, уставленный веджвудскими тарелками с ветчиной, индейкой, мясным соусом, картофельным пюре и начинками. Мои тети, дяди и кузены счастливо ели и болтали друг с другом.

> Она выбежала из столовой; ее новый муж Ричард последовал за ней, чтобы утешить. Родные посмотрели на меня.
>
> – Что? Что я сделал? – спросил я.

В этот день Благодарения, мою трехлетнюю годовщину веганства, я решил ничего не есть. Это был странный эксперимент – поститься в тот день, когда большинство американцев едят от пуза, но это казалось хорошим способом отступить от чревоугодия, поскольку на день Благодарения мне все равно есть было особенно нечего. Я постился не потому, что был недоволен семейными обычаями, но мама была разъярена.

– Съешь хоть что-нибудь! – сказала она. – Я сделаю тебе сандвич, просто съешь что-нибудь!

Она была одета в коричнево-оранжевый домотканый свитер и шерстяные брюки. Ее светлые кудрявые волосы ниспадали по обе стороны лица.

– Нет, все в порядке, – ответил я. – Мне нравится поститься и смотреть, как вы едите.

– Это неправильно! – сказала она.

– Все нормально, – ответил я. – Я просто не ем.

Она выбежала из столовой; ее новый муж Ричард последовал за ней, чтобы утешить. Родные посмотрели на меня.

– Что? Что я сделал? – спросил я. Тетя Джейн отложила вилку.

– Просто иди и поговори с ней, – сказала она. Я вздохнул и встал. Мама сидела в гостиной с Ричардом и курила.

Они с ним познакомились в госпитале, где вместе работали. Пару лет они встречались и, в конце концов, в восемьдесят восьмом поженились. Ричард был республиканцем и мясоедом, но он был добрым человеком, и она была с ним счастлива, так что он мне нравился. На Ричарде была синяя рубашка на пуговицах и джинсы «Левайс», он сидел с мамой на бабушкином диване, украшенном желто-зеленым цветочным узором.

– Ты в порядке? – спросил я у мамы. Она выдохнула дым.

– Почему ты просто не можешь что-нибудь съесть? Сегодня же день Благодарения!

– Почему это для тебя так важно?

– Я твоя мать!

– Но я ничего не делаю! Я просто решил сегодня поститься.

– Сегодня день Благодарения! Это ненормально! – закричала она.

– Я не понимаю, почему для тебя это так важно.

Мы сидели на диване под гравюрой Карриера и Айвза, изображавшей гончих собак. Ричард смотрел в пол. Повисла долгая тишина.

– Если я съем сандвич с клюквенным соусом, ты будешь довольна? – спросил я.

– Да! – сказала она.

– Клюквенный соус веганский?

– Конечно, – ответила она, туша сигарету в хрустальной пепельнице.

Мы вернулись в столовую и сели за стол. Я сидел рядом с дядей Дейвом – бородатым, семи футов роста, в подтяжках; он как раз отправил в рот смазанный маслом рулет.

– Все нормально? – спросил он.

– Ага, – ответил я. – Я съем сандвич с арахисовым маслом и немного сладкого картофеля с клюквенным соусом.

– Моби ест крысу! – закричал Ной.

– Почему ты вообще веган? – спросил меня восьмилетний кузен Бенджамин.

– Ну, я люблю животных и не хочу, чтобы им было больно.

– Я тоже люблю животных, – сказал мой пятилетний кузен Ной.

– Но еще ты любишь индейку, – быстро сказала тетя Анна, его мама. Ной смущенно взглянул в тарелку.

– Ага, – ответил он.

– Я не понимаю, почему ты такой воинственный, – сказала мама. – Сегодня же день Благодарения. Ты что, не можешь слезть со своего пьедестала и поесть с семьей индейки хотя бы раз в год?

– Если честно, мое веганство для меня очень важно, – сказал я. – Можно мне просто сесть в уголок и поесть ямса?

Я взял клубень ямса с тарелки, пересел в угол столовой и начал его жевать.

– А можно мне тоже поесть в углу? – спросил мой шестилетний кузен Дэвид.

– Он только для веганов, – ответил я, склонившись над едой.

– Как твой ямс? – равнодушно спросила тетя Джейн. Она была одета в толстовку от L.L. Bean и похожа на Джоан Баэз.

– Не разговаривай со мной, – сказал я. – Я ем ямс.

– Прости, я не знала, что веганы такие чувствительные, – сказала она. Мои кузены смеялись.

– Ямс – это что-то типа веганской крысы, – объяснил я им.

– Моби ест крысу! – закричал Ной.

– А если ты случайно съешь немного индейки? – спросил Бенджамин.

– Меня тут же вырвет, – ответил я, практически дожевав ямс.

– Ой, хватит уже, – сказала бабушка. – Моби, иди обратно и садись за стол.

Бабушка исполняла роль почтенной матроны во главе стола. Несмотря на то что на дворе был только День благодарения, она была одета в красно-зеленый рождественский свитер. Она выросла в Шотландии и Индии и, несмотря на то что с возрастом она стала выглядеть уже не так внушительно, мы все безоговорочно ее слушались.

– Но, бабушка, я же сижу в своем уголке стыда для веганов, – сказал я.

– У нас нет никаких уголков стыда для веганов, – объявила она. – А теперь садись, и больше не спорьте, вы двое, – приказала она, показав на меня и маму.

Я сел за стол, притворяясь, что наказан.

– Как твоя индейка? – спросил я Джейн. – На вкус как страдание?

– М-м-м, страдание, – ответила она и откусила большой кусок.

– Прекратите, – притворно строгим тоном приказала бабушка.

Когда она отвернулась, Джейн состроила мне гримасу. Потом мой кузен Дэвид рассмеялся. Ной и Бен тоже засмеялись, и вскоре к ним присоединилась вся семья.

– Извини, бабушка, – сказал я. – Можно мне вернуться в угол и доесть свою ямсовую крысу?

– Нет, – ответила она. – Просто сиди здесь и будь нормальным.

– Ха, он не может быть нормальным, – сказала Джейн.

– Это *ты* не можешь быть нормальной, – парировал я.

– Нет, могу.

– Не можешь.

Я повернулся к Ричарду.

– Ты знал, во что ввязываешься, когда женился на маме?

Он отложил вилку и вздохнул.

– Даже не представлял.

Мы все снова рассмеялись.

После того как ужин завершился, Ричард и мама подвезли меня до станции. Я сидел на заднем сиденье, Ричард вел машину, а мама курила. Все магазины в Дариене уже были закрыты, а на уличных фонарях висели мерцающие рождественские гирлянды.

– Мам, извини, что я тебя расстроил, – сказал я с заднего сиденья.

– И ты меня извини, – ответила она, выдыхая дым. – Но я твоя мама. Я беспокоюсь за тебя.

– Спасибо. Но со мной все хорошо, – сказал я. – Помнишь, как ты пыталась кормить меня здоровой пищей, когда я рос?

– Ты ненавидел ее и обвинял меня в издевательстве над детьми, – засмеялась она.

– А теперь я не ем ничего, кроме бурого риса, тофу и овощей, – сказал я.

– Ах, какая ирония. Просто ешь достаточно белков, и я буду спокойна.

– Хорошо. Спасибо, что беспокоишься, мам.

– Всегда пожалуйста, – улыбнулась она.

– Не хочешь остаться на ночь? – спросил Ричард. – Кровать в твоей старой комнате постелена.

– Спасибо, Ричард, но я поеду обратно в город, работать над музыкой.

– Хорошо, но если ты захочешь у нас остановиться – добро пожаловать в любое время, – сказал он. – Это все еще и твой дом.

Он остановился у железнодорожной станции Дариена, и я вышел из машины.

– Пока, мам, – сказал я через открытое окно. – Извини, что поспорил с тобой.

– Пока, Моби. И ты меня извини, что поспорила с тобой. Я люблю тебя.

– И я тебя люблю. Увидимся еще.

Я пошел к платформе. Там стояли еще несколько человек, которые тоже возвращались в город после Дня благодарения, проведенного с семьей. Порыв ветра ударил мне в спину, когда подошел поезд, затолкнув меня внутрь, и я отправился домой.

Глава пятнадцатая
Скрещенные руки

– «Пале де Боте»? – переспросил я, не уверенный, что услышал правильно. Я был в гостях у своего друга Джиджи. Он был высоким французом-диджеем и недавно переехал в огромный лофт на углу Бродвея и Блекер-стрит вместе со своей женой Мариполь.

– Мариполь дружит с владельцем – можем устроить там вечеринку в следующий вторник, – сказал Джиджи. Он курил сигарету и пил эспрессо, и через окна, выходящие на запад, на него падал мягкий свет вечернего солнца.

– А времени на рекламу будет достаточно? – спросил я.

В комнату вошла Мариполь, стуча по полу каблуками-шпильками. Она тоже была француженкой, но намного более устрашающей, чем Джиджи.

– Времени достаточно, – объявила она. Затем, закурив сигарету «Житан», добавила: – У тебя есть список, у нас с Джиджи тоже есть список. Я позову Мадонну, будет полный зал.

– Ты играл в «Палладиуме» для трех тысяч зрителей, – сказал Джиджи. – А этот клуб вмещает всего пятьсот.

– Ты играл в «Палладиуме» для трех тысяч зрителей? – спросила Мариполь.

– Ну, да, – осторожно сказал я. – На разогреве у Snap!.

– Но они не приехали, – сказал Джиджи. – Так что Моби был хедлайнером.

> Она была изысканной европейкой с черными как смоль волосами, водила дружбу с Мадонной и Энди Уорхолом. А я – двадцатипятилетним парнем из Коннектикута, жившим в дешевой съемной квартирке, которая пахла сваренными во фритюре котами.

Мариполь настороженно посмотрела на меня. Она была изысканной европейкой с черными как смоль волосами, водила дружбу с Мадонной и Энди Уорхолом. А я – двадцатипятилетним парнем из Коннектикута, жившим в дешевой съемной квартирке, которая пахла сваренными во фритюре котами.

– А еще у Моби недавно вышла новая пластинка, – сказал Джиджи.

– У тебя новая пластинка? – спросила она.

– Ага, мой первый сингл, – сказал я.

– Какой лейбл? – скептически спросила она.

– Instinct Records. С Четырнадцатой улицы.

– Никогда о них не слышала, – ответила она и вышла из комнаты, оставив за собой шлейф французской парфюмерии и сигарет. Мы с Джиджи переглянулись.

– Так… значит, в следующий вторник? – спросил я.

– Да! – ответил он. – Будет круто! Я сделаю флаеры, можешь раздать их в «Марсе».

На следующий день я пришел в лофт Джиджи и Мариполь и забрал стопку флаеров. «Мариполь представляет: диджей Джиджи и Моби в Пале де Боте», – прочитал я.

В четверг и пятницу я сновал туда-сюда по лестницам «Марса», заходил в разные комнаты и раздавал флаеры всем встречным.

– Джиджи будет диджеить, а я – играть вживую! – снова и снова кричал я. – А еще там будет Мадонна!

Потом я стоял у выхода из «Марса» под дождем до пяти утра и совал флаеры тем, кто выходил из клуба. Большинство листков остались лежать на мостовой или на тротуаре, но несколько человек все-таки убрали их в карманы.

В субботу я работал в «Марсе» диджеем, так что я отдал стопку рекламок Полу и Дамьену, которые тоже обошли клуб от подвала до крыши и обратно, раздавая листовки. Обычно за раздачу флаеров конкурирующего клуба в «Марсе» выставляли за дверь, но по вторникам «Марс» не работал, так что Юки сказал, что все нормально. А еще ему, похоже, показалось очень милым, что его маленький диджей Моби выпускает двенадцатидюймовый сингл и подрабатывает клубным промоутером.

Прошло несколько дней, и как-то очень быстро наступил вторник. Я раздал около двух тысяч флаеров, Джиджи и Мариполь, должно быть, – еще пару тысяч. Мариполь знала всех, а Джиджи был крутым и гламурным французским диджеем, поэтому я предполагал, что вечер выйдет потрясающий. У меня было даже что-то вроде видения: я прихожу в «Пале де Боте» около десяти вечера, пробираюсь мимо длинной змеящейся очереди ко входу и слышу, как в толпе говорят: «О, это Моби. Он сегодня играет, а еще он промоутер». Я оказываюсь у двери, и прекрасная привратница говорит: «Моби, заходи, все уже в сборе!» Я играю концерт, и откуда-то сбоку его слушает Мадонна.

А когда я заканчиваю, она обнимает меня и восклицает: «Ты супер! Давай я тебе помогу! Я в тебя верю!»

В четыре часа я приехал в «Пале», располагавшийся на углу Бродвея и Девятнадцатой улицы, сложив все свое оборудование в багажник такси. Я попросил водителя подождать, подбежал ко

входу в клуб и постучался. Никто не ответил. Я постучался снова. Опять никого.

– Эй, доставай уже свои вещи из багажника! – крикнул таксист.

– Хорошо, ты мне поможешь?

– Мне нельзя выходить из машины, – сказал он, смотря прямо вперед через грязное лобовое стекло.

Я выгрузил все, поставил аппаратуру перед дверью клуба и расплатился с таксистом, а потом сел и стал ждать. Через полчаса я ради эксперимента решил опять постучаться: ответа снова не последовало.

Мимо проходил бомж; увидев меня, сидевшего на тротуаре в окружении аппаратуры, он остановился.

– Эй, сыграй мне песенку, – сказал он.

– Не могу. Электричества нету.

– Ладно, тогда я тебе сыграю песенку!

Он начал танцевать и петь свою версию White Wedding. Прохожие торопливо шли мимо, а он размахивал кулаками в воздухе и ухмылялся как Билли Айдол.

– It's a white wedding for you and me, can't you see, bay-bee, bay-bee, you and me!

Усталые офисные работники проходили мимо, игнорируя его.

Мимо проходил бомж; увидев меня, сидевшего на тротуаре в окружении аппаратуры, он остановился.

– Эй, сыграй мне песенку, – сказал он.

Посреди песни к клубу подошел Джиджи и кивнул мне.

– Эй, Моби, – сказал он.

– Ты разве не должен был встретиться со мной в четыре? – спросил я.

– О, а сколько сейчас времени?

Я посмотрел на часы.

– Пять. Я сижу тут уже час.

– О, извини. Пойдем внутрь.

Я дал певцу доллар, и Джиджи открыл входную дверь.

– Как тебя зовут? – спросил бездомный певец, убирая доллар в карман.

– Моби, – сказал я. Он ненадолго задумался.

– Свеженько звучит, – в конце концов решил он. – Моби.

Потом бездомный заорал во все горло:

– Эй, все! Это Моби! Моби!

Прохожие шли мимо, торопясь домой и стараясь смотреть вниз.

– Эй, Моби! – крикнул он. – Дай мне еще доллар, и я

заткнусь!

Я засмеялся.

– На, возьми. Как тебя зовут?

– Я Санчо Панса! – сказал он, забирая банкноту. – Я герой!

Я пожал ему руку, и он пошел куда-то вдаль по Девятнадцатой улице, распевая:

– Я Санчо Панса! Санчо Бонанса!

Мы с Джиджи прошли внутрь.

– Думаешь, кто-нибудь сегодня придет? – спросил я.

– Будет круто. Ты раздавал флаеры в «Марсе»?

– Ага, в четверг, пятницу и субботу. А ты где рекламировал?

– Ну, я оставил немного флаеров в «Тауэр Рекордс» и «Дэнс Трэкс».

Я немного опешил.

– А еще где?

– Ну, и все. Но Мариполь кое-кому позвонила, так что все будет круто.

Я три ночи бегал вверх-вниз по лестницам «Марса» и упрашивал людей хотя бы посмотреть на флаеры, а Джиджи просто «оставил немного флаеров» в паре музыкальных магазинов. Но Мариполь знала Мадонну, хотя вся ситуация сильно напоминала римейк пьесы «В ожидании Годо» – Мадонна исполняла роль Годо, а мы с Джиджи – Владимира и Эстрагона.

> – Мадонна придет? – спросил я, вполне в духе Сэмюэля Беккета.
>
> – О, не знаю, – ответил Джиджи. – Мариполь оставила сообщение ее секретарю.

Пройдя два лестничных пролета вниз, в лабиринте темных комнат я нашел маленькую сцену и диджейскую кабинку.

– Мадонна придет? – спросил я, вполне в духе Сэмюэля Беккета.

– О, не знаю, – ответил Джиджи. – Мариполь оставила сообщение ее секретарю.

Я нашел в подсобке складной стол и расставил оборудование на маленькой сцене. Я не знал, когда придет звукорежиссер, так что провел саундчек в наушниках. Все звучало нормально. Может быть, все шоу отыграть в наушниках, чтобы никто не слышал? Или пойти домой?

Джиджи подошел ко мне и посмотрел на аппаратуру.

– Ух ты, клево, – сказал он. – Покажешь, как это работает?

– Хорошо, – ответил я. – Секвенсер контролирует синтезаторы и сэмплеры. Клавиши дают MIDI-сигналы и звук. Звук из синтезаторов и сэмплеров идет через микшер, а QuadraVerb дает

ревер и дилей.

– Круто, – внезапно поскучнев, ответил он. – Ну, я пойду домой за пластинками. Увидимся потом.

– Ладно, я посижу тут и дождусь звукорежиссера.

Джиджи поднялся по металлической лестнице и запер дверь. Я надел наушники и прослушал песни, которые собирался играть. Через полчаса я услышал чей-то крик и снял наушники.

– Эй, ты вообще кто такой? – кричал какой-то мужчина из дальней части зала. – Тебе нельзя здесь находиться!

– А, я Моби. Я промоутер сегодняшнего концерта вместе с Джиджи и Мариполь.

– Так какого хрена ты сейчас здесь делаешь?

– Расставляю аппаратуру и жду звукорежиссера.

– У тебя группа, что ли?

– Нет, я пишу электронную музыку. Вы знаете, когда придет звукорежиссер?

– Да, – ответил он, успокоившись. – Часов в девять.

– Можно мне тут подождать?

– Да, конечно.

Я вернулся к работе над концертом. Не считая разозленного менеджера, клуб был пуст. В подземелье я чувствовал себя защищенным. Я знал, что над нами люди гуляют, едят, ссорятся, плачут, торопятся домой на холоде. Но здесь, в подвале, было тихо, как в темной утробе, где пахло разлитыми напитками.

Звукорежиссер пришел в восемь; мы соединили кабелями мой микшер и звуковую систему. В девять тридцать вернулся с пластинками Джиджи.

– Готов? – спросил он.

– Ага. Надеюсь, кто-нибудь придет.

– О, да все будет круто!

Я ушел ужинать на Двадцать вторую улицу, где продавали веганские буррито. Когда я вернулся в клуб, никакой очереди не было. Бродвей был холоден и пуст, а женщина на входе явно скучала.

– Привет, я Моби, – сказал я. – Один из сегодняшних промоутеров.

Она молча открыла дверь и впустила меня. Я спустился вниз в почти пустую комнату. Несколько человек храбро пытались танцевать. Я подошел к Джиджи, игравшему пластинки в диджейской кабинке.

– Как дела? – спросил я.

– Еще рано! – сказал он. – Не беспокойся!

И он поставил очередную пластинку с хаусом.

В одиннадцать пятнадцать явилась Мариполь в черном

виниловом платье, в котором выглядела еще более устрашающе и по-галльски. Она прошла прямо к Джиджи и стала на него орать, размахивая руками. Он смотрел на пластинки, которые ставил, и ничего не отвечал.

Потом она быстрым шагом прошла ко мне.

– Это п*здец! Никого нет! – закричала она, перекрывая музыку.

– Знаю, – ответил я. Я как раз собирался рассказать ей о двух тысячах розданных флаеров, но не успел – она исчезла, состроив разъяренную мину.

Я вернулся к диджейской кабинке.

– Когда мне начинать? – спросил я у Джиджи.

– Может, сейчас?

Он остановил пластинку прямо посреди трека и ушел. Я побежал к своему оборудованию, взял микрофон, сказал: «Я Моби» пустому танцполу и нажал «Пуск» на секвенсере. В почти безлюдном клубе зазвучала Electricity. Двадцать человек вышли из тени и неспешно прошли на танцпол, вмещавший двести пятьдесят тусовщиков. Я прыгал по сцене и кричал, стучал по клавиатуре и Octapad (электронному барабану, который выдавал восемь звуков в зависимости от того, в каком месте его ударить). После каждой песни слышался тихий шелест вежливых аплодисментов. Когда я дошел до последнего трека, Rock the House, Джиджи начал скрэтчить пластинки прямо поверх записи. Когда я посмотрел на него, он широко улыбнулся и показал мне два больших пальца, так что я улыбнулся в ответ и снова стал кричать в микрофон. Затем песня закончилась, и я получил еще одну порцию вялых аплодисментов.

> – Моби, Мадонна, – сказала Мариполь. – Мадонна, Моби.
>
> Я хотел пожать Мадонне руку, но она осталась стоять, скрестив руки на груди.

Я сошел со сцены и снял футболку; мои волосы были насквозь пропитаны потом. Мариполь стояла возле сцены, рядом с ней была Мадонна.

– Моби, Мадонна, – сказала Мариполь. – Мадонна, Моби.

Я хотел пожать Мадонне руку, но она осталась стоять, скрестив руки на груди.

– Привет, – сказал я, потный и смущенный. – Спасибо, что пришли.

Это была Мадонна, легенда из легенд, самая большая звезда в мире. Она была одета в черное, а осветленные волосы зачесала назад. Эта женщина была меньше, чем я представлял, и

выглядела не очень довольной. Она на секунду окинула меня взглядом – примерно как врач, осматривающий пораженный грибком палец ноги.

> – Я только что познакомился с Мадонной, – восторженно сказал я. – Она сказала, что я очень талантливый!

– Ты очень талантливый, – коротко сказала она и удалилась, Мариполь – за ней.

Я увидел у бара Дамьена – тот флиртовал со скучавшей барменшей-азиаткой, – и подбежал к нему.

– Я только что познакомился с Мадонной, – восторженно сказал я. – Она сказала, что я очень талантливый!

– Клево, – ответил он. – А я только что видел на танцполе О Джея Симпсона.

– О Джея, футболиста из рекламы проката машин Hertz? – переспросил я. – Здесь?

– Ага, он танцевал во время твоего концерта.

– О Джей Симпсон? Ты уверен?

Мы прошли на танцпол, и там действительно был О Джей Симпсон в бежевом костюме, довольно плохо танцевавший под хаус в компании белой женщины.

– О Джей Симпсон танцует как черный комик, имитирующий белых! – крикнул я Дамьену.

– Как и мы, – ответил Дамьен.

Я прошел к диджейской кабинке. Джиджи был явно подавлен.

– Хочешь поработать? – спросил он.

– Конечно. Можно взять твои пластинки?

– Хорошо. Я хочу напиться. Мариполь очень злится на нас.

«Она злится на нас? – подумал я. – *Я ходил три ночи – в четверг, пятницу и субботу, – раздал две тысячи флаеров, а она злится на нас?»* Но вместо ответа я просто просмотрел пластинки Джиджи и нашел ремикс Good Life от Mayday. Выбор был очевиден, песня нравилась толпе, да и мне самому. Я постепенно начал переходить к ней. Пустой клуб заполнили звуки барабанов, пущенные наоборот, и сэмплированные синтезаторные аккорды. О Джей и его девушка ушли с танцпола и направились к выходу.

Глава шестнадцатая
Серебряное радио

Джанет оставила мне сообщение на автоответчике: «Мо, это может показаться странным, но парень, с которым я встречаюсь, сегодня играет в «Син-и». Это фолковая музыка, но он очень хорош. Если ты свободен, приходи обязательно».

Мы с Джанет расстались несколько месяцев назад, а теперь у нее новый бойфренд-музыкант. Должен ли я ревновать? Я проинспектировал свой мозг и эндокринную систему в поисках ревности, но ничего не нашел. Я был болезненно одинок, но меня нисколько не беспокоило то, что Джанет с кем-то встречается.

«Син-и» – это ирландское кафе на Сент-Маркс-плейс, которым владел один из друзей Джанет. После того как мы расстались, она скрылась из моего мира хип-хопа и хауса – и, пожалуй, она ушла от клубных ребят, принимающих наркотики вместе с рэперами, так далеко, как это было возможно: в маленькое кафе для фолк-музыкантов, закрывавшееся в одиннадцать вечера, где подавали капучино.

Шел холодный вечер вторника, улицы были тихими и темными от дождя. Я вышел из дома и пошел по Второй авеню; холодный ветер трепал мои волосы и одежду. Мне нравились такие вечера. Дождь загнал большинство людей в дома, и Вторая авеню была практически пуста, за исключением редких одиноких такси. В лицо прилетел еще один порыв холодного ветра, едва не отпихнув меня назад.

> Я проинспектировал свой мозг и эндокринную систему в поисках ревности, но ничего не нашел.

Я дошел до квартала между Седьмой и Восьмой улицами, где размещался криминальный блошиный рынок. Именно там наркоманы и наркодилеры продавали крэк, мескалин, краденые велосипеды и, что казалось на общем фоне невинным, травку. Поскольку на улице было холодно и мокро, большинство представителей этого мира где-то попрятались. Но несколько исхудавших торчков и крэковых наркоманов все-таки сидели на тротуаре, пытаясь продать обувь и мокрые восьмидорожечные кассеты. Я посмотрел вниз и увидел, что один из наркоманов вместе с грязным розовым банным халатом продает старый басовый синтезатор Roland TB-303. У меня уже такой был, но я решил, что запасной мне не помешает.

– Почем TB-303? – спросил я. Наркоман уставился на меня

пустым взглядом.

Я попробовал еще раз:

– Сколько стоит драм-машина?

Он с непонимающим видом огляделся.

– Машина? – медленно переспросил он. – У меня нет машины.

– Нет, драм-машина, – сказал я, показывая на ТВ-303.

– А, радио?

Я задумался.

– Да, вот это радио.

– Это серебряное радио, – сказал он. – Десять долларов.

Один такой аппарат у меня уже был, так что я попробовал поторговаться.

– Возьму за пять, – сказал я. Он посмотрел на остальной свой порченный водой мусор, потом с мольбой взглянул на меня.

– Точно не дашь десятку? – робко спросил он.

– Ладно, – ответил я. – Дам десятку.

Я протянул ему десять долларов. Его глаза тут же загорелись.

– Спасибо, мужик, вот тебе радио!

– Спасибо, приятель, – сказал я, забрал ТВ-303 и ушел. Пройдя несколько ярдов, я повернулся. Он уже бежал по Второй авеню в направлении дома на Седьмой улице, где собирался купить крэк и накуриться. Я только что помог ему купить наркотики. Но, стал убеждать я себя, он обладает свободой воли, и я не должен принимать решения за других. Однако, продолжил я в сократическом духе, на самом деле свободы воли у него нет, потому что он наркоман. А потом я понял, что отчасти чувствую себя виноватым еще и потому, что купил себе запасной бас-синтезатор по пути на концерт фолк-музыканта.

Он уже бежал по Второй авеню в направлении дома на Седьмой улице, где собирался купить крэк и накуриться. Я только что помог ему купить наркотики.

Я вышел на угол Второй авеню и Сент-Маркс-Плейс.

– Эй, велик надо? – спросил какой-то парень. Я посмотрел на него: он вез старый ржавый велосипед с облупившейся краской и без переключателя передач. А, чего уж там.

– Пять долларов? – спросил я. Он кивнул.

– Пять долларов.

Я достал пятидолларовую бумажку из кошелька и отдал ему. Он ничего не сказал. Как только я взялся за руль, он сразу пошел куда-то по Второй авеню. Я потратил 15 долларов, но теперь у меня были ржавый велосипед и мокрый синтезатор Roland.

Велосипед был тяжелым и, похоже, не разваливался только

благодаря ржавчине, но шины были нормально накачаны, и он казался довольно крепким. Я сел на него и поехал по Сент-Маркс-плейс, убрав синтезатор за 10 долларов в карман куртки и чувствуя себя свободным на новом велосипеде. Доехав до «Син-и», я прислонил велосипед к окну. Замка у меня не было. Может быть, у кого-нибудь внутри найдется проволока или веревка?

Я вошел внутрь. Джанет была в углу, помогая новому бойфренду расставлять оборудование.

– О, привет, Мо, – сказала она. – Это Джефф.

– Привет, Джефф, – сказал я, пожав ему руку. – Рад встрече. Джанет, как думаешь, у кого-нибудь тут найдется веревка? Я только что купил велосипед и хочу привязать его к двери.

– Ты купил велосипед? Хороший?

– Нет. У него только одна передача, и он, ну, разваливается уже немного.

Она прошла за маленький бар и спросила своего друга Карла, нет ли у него веревки.

– Мне надо привязать велосипед, – объяснил я. Карл засмеялся.

– Думаешь, обдолбышей остановит какая-то веревка?

Я тоже засмеялся.

– Ну, если велосипед украдут, я просто лишусь пяти баксов.

Он заглянул в ящик.

– Нет, извини. Веревки нет.

Я стал искать, чем бы закрепить велосипед. Рядом с дверью стояла большая вешалка, на которой висело несколько проволочных плечиков для одежды. Я взял две штуки и скрутил из них некое подобие замков. По крайней мере, они не дадут вору стащить велосипед сразу, и у меня будет время выйти на улицу и вежливо попросить его не красть мой уже однажды украденный велосипед. Я привязал его к двери «Син-и», прошел внутрь и сел рядом с Джанет.

В кафе было немноголюдно – собралось, наверное, человек пятнадцать, – но накурили эти пятнадцать человек довольно сильно.

– Надеюсь, твой парень хорошо играет, – сказал я Джанет. – Воздух тут отвратительный.

– Ну, я лучше подышу чужим куревом с друзьями, чем чистым воздухом, сидя дома одна, – с легкой улыбкой ответила она.

– Правда? Как по мне, сидеть одному дома с чистым воздухом – вполне нормальный вариант.

Карл выключил магнитофон за баром, и мы все перестали разговаривать. Джефф пару раз постучал по микрофону.

– Всем привет, – сказал он, ему явно было неловко. – Меня

зовут Джефф Бакли. Спасибо, что пришли сегодня.

Он начал играть. Джанет сидела, восторженно-загипнотизированная. Я заметил, что и другие женщины в зале смотрели на Джеффа так же восторженно-загипнотизированно. Его голос был высоким и красивым, но он волновался, поэтому его исполнение было неловким и поспешным. Когда он закончил первую песню, все пятнадцать зрителей зааплодировали. Он сыграл вторую песню – мы снова вежливо похлопали.

Третьим номером он сыграл Hallelujah. Я повернулся к Джанет и прошептал:

– Это он написал? Я знаю эту песню.

Она лишь зашикала на меня. Играя Hallelujah, Джефф наконец-то успокоился. Гитарные партии стали ровнее, а голос раскрылся и заполнил комнату. На заднем плане мы слышали звуки города – дождь на тротуарах, далекие гудки автомобилей. Но пятнадцать человек сидели в маленькой задымленной пещерке с этим неловким мальчиком и его прекрасным звенящим голосом. Закрыв глаза, он сидел в кресле и пел для нас, для потолка и невидимых ангелов. Когда он закончил, мы аплодировали и свистели.

– Hallelujah – это песня Леонарда Коэна, – сказала Джанет. – Кавер.

– Ух ты. Круто.

Когда он начал следующую песню, я спросил:

– Вы давно встречаетесь?

Она опять стала шикать. Я выглянул в окно. Какой-то наркоман ходил вокруг моего велосипеда, пытаясь понять, можно ли его украсть. Я встал и вышел на улицу прямо посреди песни Джеффа.

> Она посмотрела на меня с таким видом, словно хотела зарезать на месте.

– Эй, парень, это мой велик, – сказал я.

– Ладно, хорошо, – ответил он. – Я так, смотрю просто. Говняный довольно велик.

Я засмеялся. Он заглянул в маленькое запотевшее окно.

– Это что вообще за место? – спросил он.

– Ирландское кафе.

– Там пиво продают?

– Нет, пива нет.

– Хреново, – ответил он и ушел. Я посмотрел ему вслед, ревностно защищая свой велосипед за пять долларов.

Когда я вернулся, Джефф как раз начал пятую песню.

– Я только что не дал какому-то хмырю стащить мой

велосипед, – сказал я Джанет.

– Тс-с-с!

– А еще я купил басовый синтезатор.

Она посмотрела на меня с таким видом, словно хотела зарезать на месте.

– Заткнись, Моби.

Джефф пел одну из собственных песен, закрыв глаза. На гитаре он играл в странной небрежной манере, но у него был красивый голос, а чудаковатый образ казался привлекательным. Когда он допел и все захлопали, я сказал Джанет:

– Он похож на парня из «Беверли-Хиллз 90210».

Она не ответила, игнорируя меня, чтобы я наконец-то замолчал.

– Или на Джеймса Дина, – добавил я.

Когда Джефф доиграл, мы все зааплодировали. Несколько человек пошли поздравить его, пока он собирал оборудование. Он широко всем улыбался и говорил:

– Эй, спасибо! Спасибо, что пришли!

Я подошел к нему.

– Это было просто здорово, – сказал я. – Красивый голос.

– Спасибо, Моби! – громко ответил он. – Джанет ставила мне некоторые твои песни – они классные!

– О, спасибо, – сказал я, думая, что бы еще добавить. – Кстати, пока я сюда шел, я купил вот эту бас-машину.

Я протянул ему TB-303.

> – Какого х*я? – заорал он. – Ты, бл*дь, в машину мою въехал, мудила!
>
> Ой. Похоже, его вовсе не интересовало, в порядке ли я.
>
> – Ты меня чуть не убил! – крикнул в ответ я.

– Ух ты, – сказал он. – Она *такая клевая*.

– У нее нет MIDI, но она стоила десять долларов, так что как я мог отказать?

Джефф засмеялся – немного громче необходимого.

– Джанет, спасибо, что пригласила меня, – сказал я. – Поговорим завтра. Рад был познакомиться, Джефф.

– Я тоже рад познакомиться, Моби! – ответил он, тряся мою руку.

Я отвязал проволочные плечики от велосипеда. Ветер усилился, дождь тоже пошел сильнее. Я поехал по Сент-Маркс-плейс и свернул на Авеню А, объезжая лужи и напевая про себя Hallelujah. Я раздумывал о том, как красив голос Джеффа, и тут на Хьюстон-стрит прямо передо мной выехало такси. Я нажал на

тормоз, но дорога была мокрая, так что я въехал прямо в бок машины.

Когда я врезался в дверь, раздался грохот, а потом я оказался на асфальте, а велосипед упал сверху на меня. Пока я вставал, таксист, хлопнув дверью, вышел из машины. Какой внимательный человек: решил посмотреть, все ли со мной в порядке.

– Какого х*я? – заорал он. – Ты, бл*дь, в машину мою въехал, мудила!

Ой. Похоже, его вовсе не интересовало, в порядке ли я.

– Ты меня чуть не убил! – крикнул в ответ я.

– Иди на х*й! – ответил он, пихнув меня. – Мудак сраный! Ты врезался в мою машину!

Я тоже хотел его толкнуть, но я считал себя пацифистом, к тому же вообще не умел драться.

– Посмотри, – ответил я, – с машиной все нормально.

Он посмотрел на дверь – на ней действительно не было ни царапинки. Он неохотно отошел от меня и вернулся к водительской двери.

– Надо было все равно тебя отп*здить, долбо*б! – крикнул он.

Такси, стоявшее позади, пару раз просигналило – судя по всему, водителю надоело ждать. «Мой» таксист быстро развернулся, как взбесившийся петух.

– На х*й иди, бл*дь! – заорал он на другое такси. – И ты тоже на х*й иди, – добавил он мне на прощание, сел в машину и резко тронулся с места, визжа шинами.

Я оттащил велосипед на тротуар. С ним вроде было все в порядке – наверное, он вообще неубиваемый, решил я. Потом я вытащил на тротуар себя. Я, напротив, неубиваемым вовсе не был, но сначала все равно подумал, что со мной тоже все в порядке. Я подтянул штаны и увидел кровь, сочившуюся из свежих ссадин. Из-за адреналина я этого не заметил.

Я проверил синтезатор, лежавший в кармане, – он не сломался. Я сел обратно на велосипед и поехал домой, не съезжая с тротуара. Мое сердце колотилось, и где-то в глубине души мне хотелось найти этого таксиста и избить его до беспамятства монтировкой. Но я был христианином, а христиане вроде как не должны избивать людей до беспамятства монтировками.

Я доехал до Мотт-стрит и стал решать, куда бы поставить свой велосипед за пять баксов. Он был слишком тяжелым, чтобы тащить его вверх по четырем лестничным пролетам. А если я попытаюсь оставить его под лестницей, меня убьет сумасшедший управдом. Я припарковал его у входа и побежал наверх, чтобы спросить Ли, нет ли у него велосипедного замка.

– Ну, как все прошло? – спросил Ли. Он сидел на матрасе и

болтал по телефону со своей девушкой из Лондона. – Встретился с новым бойфрендом Джанет?

> «Спасибо, что пригласила в «Син-и». Твой парень вроде приятный, мне нравится его голос. На обратном пути меня сбило такси, но не беспокойся, я не умер. Спасибо еще раз».

Ли познакомился с девушкой в «Макс Фиш», новом баре на Ладлоу-стрит, и по пьяни влюбился в нее. Она недавно переехала в Великобританию, и он по часу говорил с ней каждый вечер, тратя все деньги на международные звонки.

– Все хорошо, приятный парень, я купил велосипед, меня сбило такси, у тебя есть замок? – ответил я.

– Что?

– У тебя есть замок для велосипеда? – снова спросил я.

– По-моему, да, подожди.

Ли договорил, потом пошел в комнату и вернулся со старым велосипедным замком на цепи.

– Тебя сбило такси?.. – начал было он, но я сбежал вниз, прежде чем он успел закончить вопрос.

Перед нашим домом росло старое высохшее дерево, и я привязал велосипед к нему. В большей безопасности велосипед на улицах Нью-Йорка в 1991 году все равно быть не мог. Я вернулся обратно в квартиру.

– Тебя сбило такси? – снова спросил Ли, когда я закрыл дверь.

– Ну, формально, это я в него врезался, но виноват он. Он меня подрезал. Я хочу найти его и убить монтировкой.

– Ха, – ответил он. – Так, подожди, а что за история с парнем Джанет?

– Его зовут Джефф Бакли, он фолк-певец. Он очень хороший парень, но какой-то несуразный немного.

– Не родственник Тима Бакли?

– Сомневаюсь, – сказал я, – но было бы клево.

– Тим Бакли вроде написал Song to the Siren на альбоме This Mortal Coil? – спросил Ли.

– Вроде бы да, – ответил я, потом прошел в комнату и выглянул в окно, чтобы проверить, на месте ли велосипед. Его уже не было. Я расхохотался, потом побежал обратно на улицу, Ли – за мной. За пять минут, что мы говорили, кто-то вырвал сухое дерево с корнем и украл мой велосипед – а также замок Ли, который, возможно, стоил даже дороже этого велосипеда. Сухое дерево валялось на тротуаре.

– Я-то думал, крэковые торчки слабые, – сказал я.

– Хочешь пойти обратно на перекресток Второй и Седьмой и опять его купить?

– Нет, владеть этим велосипедом суждено не мне, – сказал я. – Его забрали боги крэка.

Я вернулся в квартиру и оставил сообщение на автоответчике Джанет: «Спасибо, что пригласила в «Син-и». Твой парень вроде приятный, мне нравится его голос. На обратном пути меня сбило такси, но не беспокойся, я не умер. Спасибо еще раз».

Глава семнадцатая
Черный лак

Летом 1990 года я спродюсировал медленный ритм-энд-блюзовый сингл под названием Time's Up для певца Джимми Мэка. Он разошелся тиражом менее 250 копий. Когда я выпустил свой первый сольный сингл, Mobility, его продажи составили 1500 копий – по сравнению с Time's Up это казалось огромным успехом.

На обратной стороне Mobility вышел минималистичный техно-трек под названием Go. Он был плохо сведен, и его не ставил ни один диджей. Даже я сам не ставил его, когда работал диджеем. Он был слишком мягким и слишком плохо сведенным, чтобы ставить его вместе с любыми другими треками в жанрах техно или хаус.

Джаред вел переговоры с Outer Rhythm, британским лейблом; главе репертуарного отдела почему-то понравилась Go, и он хотел ее выпустить. Джаред предупредил меня:

– Они выпустят песню, только если ты сделаешь какие-нибудь новые миксы, чтобы запись не была похожа на старую.

Подписав контракт с Instinct, я перенес студию к Джареду. У него была большая однокомнатная квартира; в гостиной располагались офис Instinct Records и моя студия. Стены были покрашены в розовый и увешаны черно-белыми фотографиями бостонских инди-рок-групп, которые он снимал в начале восьмидесятых.

Оборудовать студию в его большой гостиной было более логичным шагом, чем пытаться сочинять музыку в кладовке моей маленькой спальни на Мотт-стрит. Джаред работал полный день оператором ввода данных в Citibank и зарабатывал 80 000 долларов в год. Так что с девяти утра до шести вечера по будням, пока он был на работе, я шел к нему на квартиру, где писал музыку, занимался офисными делами или убирался на кухне.

Утром в понедельник я пошел домой к Джареду и приготовил себе овсянку с изюмом в его микроволновке. Сев за его черный лакированный обеденный стол, я задумался, какой бы ремикс Go сделать для Outer Space. Доев овсянку, я поставил тарелку в раковину, прошел мимо черного кожаного дивана Джареда к своей аппаратуре и загрузил в нее сэмплы Go, все еще не представляя, что же делать.

Сначала я попробовал еще более минималистичный подход, убрав все, что еще можно было убрать, и добавив реверберации на

бас.

Звучало интересно, но кто такое поставит? Станет ли Тони Хамфриз это играть? Я решил, что нет, так что после пары часов работы отказался от этой версии.

Потом я попробовал сочинить трайбл-хаус версию, добавив кучу бонго и конгас и сделав трек еще более однообразным. Я сел в черное офисное кресло Джареда и добавил на перкуссию немного цифрового дилея. Звучало почти хорошо – такое, возможно, даже поставит какой-нибудь диджей. Но нужно было что-то еще. Может быть, брейкбит? Я прошел к вертушке и стал играть на ней компиляционные брейкбитовые альбомы, одновременно переслушивая трайбл-версию Go. Ничего подходящего долго не находилось… но в конце концов нашлось.

Этот брейкбит был слишком медленным, но я засэмплировал его, ускорил, и он каким-то образом вписался в музыку. Басовый барабан для нового ремикса отбивал традиционный ритм 4/4. В басовой линии было очень мало низких частот, и она больше напоминала перкуссивный бас, сыгранный на аналоговом синтезаторе. Этот новый брейкбит тащил песню. Она была еще не закончена, но я записал ее на кассету, чтобы отнести домой и послушать на свежую голову.

> Но я был счастлив: я жил в Нью-Йорке и зарабатывал 8000 долларов в год диджейством, так что жаловаться мне было не на что.

Я посидел над ремиксом, а теперь пора было заниматься офисной работой. Я вставлял конверты в франкировальную машину, надписывал картонные коробки для промопластинок и наклеивал на них марки, разбирал факсы и раскладывал их по папкам «входящие» на столе Джареда. Потом я проверил автоответчик, чтобы посмотреть, нет ли сообщений, на которые надо ответить мне. После этого – помыл тарелку из-под овсянки и поставил ее сушиться. По сути, я был офис-менеджером Instinct Records пять дней в неделю и записывал для него музыку, несмотря на то, что за год, прошедший с момента заключения контракта, мне не заплатили ничего. Но я был счастлив: я жил в Нью-Йорке и зарабатывал 8000 долларов в год диджейством, так что жаловаться мне было не на что.

Было уже три часа, и я хотел добраться до UPS, FedEx и почтового отделения до того, как они закроются. Я сложил в две почтовые сумки рекламный винил, который отправят диджеям, дистрибьюторам и на радиостанции. Я вышел из здания и повернул за угол возле станции линии L на пересечении Четырнадцатой улицы и Восьмой авеню. Я поднял голову, и тут

прямо в меня вошел великан. Он был ростом около двух метров, в грязной рабочей одежде. Раздался звон. Я посмотрел на землю: он уронил свою литровую бутылку солодового ликера «Олд-Инглиш», и в его глазах горело красное пламя ярости. С ним был мелкий приятель, похожий на Рэтсо Риццо, и он тут же накинулся на меня:

– Эй, ты попал, чувак! Ты разбил его пиво!

Я стал извиняться.

– Простите, простите.

– Какого хрена? – низким голосом сказал великан. – Ты разбил мою бутылку.

– Мне очень жаль, – ответил я. – Это вышло случайно.

– Эй, – сказал его приятель, – купи ему новую бутылку.

– Ладно, – сказал я. – Пойду в магазин и куплю вам бутылку «Олд-Инглиш».

– Да ну на хрен, – пророкотал великан. – Просто дай мне пять баксов.

– Хорошо. Вот, – я достал кошелек и отдал ему пять долларов. Он взял деньги и гневно затопал прочь.

– Смотри, где ходишь, чмошник, – сказал его дружок и тоже удалился. Мое сердце колотилось; я посмотрел на разбитую бутылку на тротуаре и понял, что ее содержимое не похоже на пиво. Ни пузырьков, ни пены. Обычная вода. Меня обманули.

> Я был довольно-таки уверен, что все жители Нью-Йорка больны синдромом Туретта. Я хотел крикнуть ему в ответ что-нибудь в таком же туреттовском стиле, но мне надо было отправить пластинки, а почтовое отделение скоро закрывалось…

Я улыбнулся. Они купили бутылку «Олд-Инглиш», выпили ее, наполнили водой, а потом специально врезались в хилого парня, который шел по улице. Уронили бутылку, запугали меня и заставили отдать пять долларов – и, скорее всего, пошли и купили себе еще «Олд-Инглиш». Мне даже захотелось их догнать и поздравить с удачной аферой. Молодцы, мелкие жулики – на какое-то мгновение мне в самом деле показалось, что вы сейчас мне руки оторвете.

Владелец магазина вышел на улицу и злобно посмотрел на меня.

– Ты уберешь эту бутылку? – спросил он. Блин, ты шутишь, что ли?

– Нет, ее разбил не я, а они, – ответил я.

– Я все видел! Ты разбил бутылку, убирай стекло! – закричал он.

– Нет, мне надо идти, – сказал я и перешел на другую сторону Восьмой авеню.

Он стал орать мне вслед:

– Эй, мать твою! Убери бутылку! Иди на х*й, урод! Сука!

Его голос постепенно исчез вдали.

Я был довольно-таки уверен, что все жители Нью-Йорка больны синдромом Туретта. Я хотел крикнуть ему в ответ что-нибудь в таком же туреттовском стиле, но мне надо было отправить пластинки, а почтовое отделение скоро закрывалось… кстати, на почте всегда хорошо пахло.

Когда мне было семь лет, я часто ходил с бабушкой в ее кабинет в пресвитерианской церкви в Норотон-Хайтс, где она на волонтерских началах составляла еженедельный циркуляр церковных новостей. Я сидел в шкафу с канцелярскими принадлежностями и играл с ручкой и бумагой, а она печатала на машинке еженедельную церковную информацию и загружала ее в мимеограф. Мягкий запах картона и старого камня в почтовых отделениях служил мне «мадленкой Пруста», заставляя вспоминать о шкафе с канцелярскими принадлежностями в бабушкином кабинете в церкви. Я зашел в почтовое отделение на перекрестке Четырнадцатой улицы и Восьмой авеню и встал в очередь. Через двадцать минут очередь дошла до меня, и я отдал свои сумки женщине за прилавком.

– Знаете, вам не обязательно было стоять в очереди, чтобы отправить это, – сказала она.

Знал ли я об этом? Или, может быть, просто решил об этом позабыть, чтобы постоять в очереди и насладиться запахом почтового отделения?

– Ладно, хорошо! – сказал я.

> Ну а в самом низу был я, шестнадцатилетний белый парень, который мыл посуду, шесть часов в день обжигался кипящей застоявшейся водой и после этого вонял как пакет протухших омаров.

Когда мне было пятнадцать, я хотел пойти на работу в химчистку в Дариене, потому что мне очень нравилось, как там пахнет. Однажды я зашел туда и спросил, нет ли вакансий. Старый итальянец за прилавком был озадачен.

– Ты хочешь тут работать?

– Да, я всегда хотел тут работать, – искренне сказал я (впрочем, не добавив «…потому что тут приятно пахнет»).

– Хорошо, приходи в субботу.

Я был так рад: я буду работать в месте, где мне очень нравится запах – в химчистке возле станции Норотон-Хайтс. Я

пришел в субботу, готовый работать, и тут он спросил:

– О, а лет-то тебе сколько?

– Пятнадцать, – сказал я. Он печально покачал головой.

– У нас можно работать только с шестнадцати. Возвращайся через год.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я снова пошел туда, но вакансий уже не было, так что моя первая настоящая работа стала другой: я мыл посуду в ресторане торгового центра. Я был в самом низу ресторанной иерархии. На вершине находился менеджер-афро-американец, чуть ниже – белые официанты, еще ниже латиноамериканцы – помощники официантов и повара. Ну а в самом низу был я, шестнадцатилетний белый парень, который мыл посуду, шесть часов в день обжигался кипящей застоявшейся водой и после этого вонял как пакет протухших омаров.

Выйдя с почты, я отправил несколько посылок по FedEx и направился обратно к Джареду. Когда я зашел в квартиру, зазвонил телефон. Я взял трубку.

– Instinct Records, чем могу помочь?

– Привет, Моби, это Джаред.

– Привет, Джаред, как дела?

– Хорошо. Есть сообщения?

– Парень из Outer Rhythm прислал факс, звонила твоя мама, еще звонил кто-то из *Mixmag*, Дейв прислал факс, а еще есть факс от какого-то дистрибьютора в Калифорнии.

– Круто, спасибо. Кстати, ты вчера смотрел «Твин Пикс»?

– Нет, меня не было дома, а у нас с Ли нету видеомагнитофона. Надеюсь, Пол записал серию – я пойду к нему в общежитие и посмотрю.

– О. Я записал серию, так что можешь ее посмотреть сейчас.

– Правда? Спасибо! Когда ты возвращаешься?

– Часов в семь, наверное. Потом поговорим.

Он повесил трубку.

Я побежал к телевизору. «Твин Пикс» был моей религией. Ну, «Твин Пикс» и христианство. Но сейчас «Твин Пикс» побеждал. Я любил Бога, но на тот момент я был больше одержим Бобби, Дейлом Купером и Одри Хорн. Я перемотал кассету Джареда, сел на его черный диван и нажал «Пуск». В комнате зазвучала музыка Анджело Бадаламенти, и я был счастлив. Следующий час я готов был провести в голове Дэвида Линча.

Птица сидела на дереве. Кто-то точил пилу. Над гостиницей «Грейт-Нортерн» виднелись каскады водопадов. Камера дала план темной, неподвижной воды. Когда действие перешло в дом Леланда Палмера, заиграла тема Лоры Палмер – самая лучшая и мрачная музыка во всем сериале «Твин Пикс». Мне нужно было

что-то добавить в ремикс Go, над которым я работал, и я всерьез задумался, не получится ли засэмплировать тему Лоры Палмер и использовать ее.

Когда серия закончилась, я пошел к коробке с дисками Джареда и достал оттуда саундтрек к «Твин Пикс». Тема была слишком медленной и длинной, потому что мой сэмплер Akai S950 не мог записывать сэмплы дольше восьми секунд. Но, может быть, я сам смогу это сыграть? Вроде бы все просто: три ноты модулирующегося ми-минорного аккорда и низкая «ми» на фортепиано.

> Мама воспитала меня так, что я был готов делать любую необходимую работу. Когда я сидел на матрасе и заигрывался в «Нинтендо», я чувствовал себя бесполезным слизняком-веганом. Работать было весело, к тому же я ощущал прилив сил и мог считать себя добродетельным.

Я начал изучать теорию музыки в десять лет и продолжал до четырнадцати, когда впервые услышал The Clash. Влюбившись в панк-рок, я решил забыть о дорийских и миксолидийских ладах и вместо этого научиться играть трехаккордовые песни The Damned и Sex Pistols. Кое-что из музыкальной грамоты, впрочем, у меня в голове сохранилось, и я разбирался в голосоведении аккордов и транспонировании.

Я включил синтезатор Yamaha SY22 и нашел звук струнных, который мне понравился. Я сыграл три ноты темы Лоры Палмер, и они прозвучали практически так же, как на записи Анджело Бадаламенти. Запустив трайбл-ремикс Go, над которым я работал, я начал играть поверх него тему Лоры Палмер. И все хорошо сработало. Аккорды были длинными и томными, но они хорошо сочетались с игривой басовой линией и барабанным лупом.

Впрочем, кое-чего не хватало: низкого, гулкого фортепиано, как у Бадаламенти. Я добавил эту партию с помощью фортепианного модуля Oberheim, и ремикс внезапно собрался. Теперь ему требовалась аранжировка. Так, я начну ремикс со струнных и пианино из «Твин Пикс». Потом поставлю басовый барабан. Потом – перкуссию и остальные ударные. Потом струнные замолкают, и звучат странные синтезаторные звуки. И вот, все готово.

Или нужно еще что-нибудь. В конце восьмидесятых случился недолгий период популярности итальянского хауса, где ведущим инструментом было громкое, упругое диско-фортепиано. Особенно хорошо эти записи шли на британской рейв-сцене;

практически во всех британских рейв-треках было это пианино. Я открыл середину ремикса, заглушил струнные и наимпровизировал несколько ми-минорных септаккордов на фортепиано.

Ремиксу Go ничего особенного больше не требовалось. Я добавил высоких частот на струнных, немного реверберации на вокальных сэмплах, чуть-чуть низких на басовый барабан. С долгими, медленными аккордами на струнных ремикс звучал странно, но мне показалось, что он неплох. Я нажал «Пуск» и записал его на DAT-кассету, которую оставил на столе Джареда, прикрепив к ней записку: «Я сегодня записал ремикс Go, что думаешь?»

Я посмотрел на часы. Уже почти семь. Джареду очень не нравилось, когда он, приходя с работы, заставал в квартире меня. Я знал, что музыканты, подписанные на лейблы, обычно не работают бесплатно, не убираются на кухне, не ходят на почту и не отправляют факсы, но я все же уважал его желание не видеть меня, приходя домой.

Я работал бесплатно, но, с другой стороны, я был единственным артистом лейбла Instinct. Когда я ходил в FedEx и на почту, чтобы разослать по адресам винил, обычно это были мои собственные пластинки. А еще мне нравилось трудиться. Мама воспитала меня так, что я был готов делать любую необходимую работу. Когда я сидел на матрасе и заигрывался в «Нинтендо», я чувствовал себя бесполезным слизняком-веганом. Работать было весело, к тому же я ощущал прилив сил и мог считать себя добродетельным.

Я выключил студийное оборудование, убрал тарелку из-под овсянки в шкаф, выключил свет и ушел домой.

В восемь часов мой телефон зазвонил.

– Моби? Это Джаред.

Он немного помолчал.

– Этот ремикс Go очень сильный.

– Правда? Я его сделал после того, как посмотрел «Твин Пикс».

– Он готов? Могу я отослать его Гаю?

– Ну, если тебе кажется, что он хорошо звучит, – конечно. Думаешь, ему понравится?

– Посмотрим. О, а как нам его назвать?

– Может быть, Woodtick Mix?

Джаред, похоже, опешил и ответил не сразу.

– Woodtick Mix? – наконец переспросил он.

– Когда Дейла Купера подстрелили, он задрал бронежилет, потому что искал древесного клеща. Поэтому Woodtick Mix, –

объяснил я.

– Хорошо. Слушай, повторюсь еще раз: этот ремикс очень сильный.

– Спасибо, Джаред. О, ты получил все сообщения и факсы?

– Да, спасибо. Завтра придешь?

– Часов в десять. Мне надо будет сходить на почту?

– Нет, весь винил уже разослали. Пожалуй, до четверга или пятницы ничего отсылать не буду.

– Ладно, хорошего вечера.

– И тебе. Послушаю еще разок.

Джаред впервые говорил таким возбужденным тоном и впервые позвонил, чтобы сказать, что ему нравится какая-то моя песня. Я сомневался, что хоть один диджей захочет поставить этот ремикс Go, но, по крайней мере, он понравился Джареду.

Глава восемнадцатая
Детское питание

Я стоял в гостиной Джареда и держал в руках сообщение по факсу. Оно было от британского лейбла Outer Rhythm и гласило: «Go – очень крутой трек! С любовью, Гай».

Я снова перечитал первые слова. «Go – очень крутой трек!»

Ремикс Go вышел несколько месяцев назад, и он становился все более и более крутым хитом. Я понял, что что-то произошло, когда пошел в «Лаймлайт» послушать диджейский сет Деррика Мэя, и он поставил Go – в варианте Rainforest Mix. Примерно в это же время Гай из Outer Rhythm прислал факс: «Go – большой хит! Приезжайте в Англию!» Так что с помощью Гая я организовал свое первое британское турне: мне предстояло два месяца играть в клубах и на рейвах. На настоящих рейвах! Я видел фотографии рейвов в журналах: десять тысяч человек под экстази на большом поле на рассвете, отплясывающие под 808 State, Adamski, Гуру Джоша и Orbital, все – в футболках со смайликами, размахивают светящимися палочками и обнимаются. И, в теории, перед этой толпой на сцене буду я. В Англии. Где я не бывал ни разу: я всего дважды покидал страну – в 1987 году ездил во Францию, а в 1989 – в Канаду, на озера.

> Простая, легко транспортабельная, органическая еда – хотя, конечно, было что-то странное в том, что двадцатипятилетний мужчина ест детское питание на пути через Атлантический океан, чтобы играть на лондонских рейвах, где все на наркоте.

Я собирался две недели. В моем багаже содержались:

книги по «Звездному пути»;
другие научно-фантастические книги;
Библия в красной виниловой обложке, которая была у меня с шестого класса;
DAT-кассеты;
пластинки;
футболки;
носки;
джинсы;
свитер;
синтезатор;
драм-машина;

Octapad;
MIDI-кабели.

А в ручной клади:

новенький паспорт;
билет туда-обратно эконом-класса в Air Pakistan;
еще одна книга по «Звездному пути»;
веганское печенье;
сандвич;
детское питание.

Я зашел в магазин здоровой пищи на Принс-стрит и стал думать, что бы взять с собой поесть в самолет. Я стоял у витрины с органическим детским питанием и решил купить «Лучшую в мире органическую овсянку с бананами», состоявшую из овса, бананов и воды. Я взял одну баночку, попробовал дома – вкус был просто обалденный. И я купил несколько баночек в самолет. Простая, легко транспортабельная, органическая еда – хотя, конечно, было что-то странное в том, что двадцатипятилетний мужчина ест детское питание на пути через Атлантический океан, чтобы играть на лондонских рейвах, где все на наркоте.

На следующий день я вынес кейс для синтезатора, чемодан, рюкзак, футляр для пластинок и сумку с ручной кладью на тротуар возле моей квартиры. Я вызвал такси и поехал по Лафайет-стрит и Парк-Авеню; выйдя у вокзала Гранд-Централ, я пересел на автобус до аэропорта. Я засунул багаж в нижнее отделение автобуса и сел, едва не подпрыгивая на месте от паники и возбуждения. Мы проехали через Мид-таун-туннель и наконец добрались до аэропорта имени Кеннеди.

Проходя на регистрацию, я почувствовал себя странно: я был один, а практически все, кто летел рейсом Air Pakistan, похоже, привезли с собой всю родню. Люди плакали и обнимались, повсюду бегали дети, какой-то человек спорил с сотрудником аэропорта, который не разрешил ему взять в багаж холодильник. Я целый час прождал в длинной, змеящейся очереди и в конце концов дошел до стойки регистрации эконом-класса. Я сдал весь багаж, получил билет на среднее место и пошел к выходу на рейс. Жуя сандвич с яблочным маслом и бананом, я увидел Лори Андерсон, читавшую журнал. То было знамение. Она была святой покровительницей странных ньюйоркцев, и если она тоже летела в Лондон моим рейсом Air Pakistan, то, получается, мое путешествие было благословлено.

Полет прошел не очень комфортно, но без происшествий;

я добрался до Лондона усталым и наевшимся органического детского питания. Я попытался поспать в самолете, но был слишком взволнован и каждые несколько минут просыпался. Затем я прошел миграционный контроль, взял багажную тележку и отвез свои пожитки к станции метро «Хитроу». Мне сняли домик в Вуд-Грине, районе на севере Лондона. Когда я согласился поехать на гастроли, Ли и Джанет тоже решили отправиться в Лондон. Ли собирался навестить свою девушку, а Джанет поехала просто в качестве туристки; мы все поселились в одном доме. То был старый викторианский особняк, в котором жила Салли, публицист Outer Rhythm, со своими собаками, детьми и друзьями, которые в данный момент были в городе.

Я затащил багаж и аппаратуру в метро, несколько раз сменил линии и в конце концов к двум часам добрался до Вуд-Грина, потный и изможденный. Когда я подошел к дому, в дверях стояли Салли и Джанет. Салли была одета в длинную батиковую юбку и держала в руке чашку травяного чая. На Джанет была теннисная куртка женской команды Колумбийского университета поверх концертной футболки Police.

– Добро пожаловать в Лондон! – сказала Салли.

– Привет, Мо, – сказала Джанет.

Рядом с ней стояла, с любопытством смотря на меня, кудрявая светловолосая четырехлетняя девчушка. Она жевала носок и держала потрепанного плюшевого медведя Паддингтона.

– А это Синнамон! – сказала Салли.

Синнамон взяла меня за руку и отвела в мою комнату. Там она помогла мне разобрать багаж и оборудование. Потом девчушка снова взяла меня за руку и провела на кухню. Все это время она не выпускала изо рта носок и что-то мычала про себя.

Синнамон выдвинула из-под кухонного стола мой стул, а Салли протянула стакан апельсинового сока.

– Как себя чувствуешь? Готов к большим гастролям? – спросила она.

– Устал и еще не могу поверить, что я в Лондоне, – ответил я. – О, а где Ли?

– Он в пабе со своим другом Адамом, – сказала Джанет.

– В пабе? – удивился я. Для него как-то рановато.

– У него депрессия, Мо. Когда он приехал, девушка с ним рассталась и сказала, что спит с гитаристом своей группы. С тех пор он еще не просыхал.

Зазвонил телефон: это был Гай, и он искал меня.

– Слушай, я знаю, что ты только что приехал, – сказал он, – но не хочешь сегодня вечером подиджеить?

– Сегодня? Хорошо, где?

– Мой приятель с Kiss FM устраивает вечеринку в клубе в Сохо и очень хочет, чтобы диджеем работал ты, – сказал он.

– Откуда он меня знает? – спросил я. Гай засмеялся.

– По Kiss FM десять раз в день крутят Go.

После того как я поспал несколько часов, Гай заехал за мной, чтобы отвезти на вечеринку своего друга. Я сел в машину Гая с сумкой через плечо, в которой были пластинки с техно и хаусом. Гай был фанатиком танцевальной музыки; он диджеил в андеграундных клубах и владел Outer Rhythm, одним из самых крутых танцевальных лейблов в мире. Моего роста, с короткими светлыми волосами, он был одет в черную рубашку-поло, ветровку в цветах «Арсенала» и новенькие кроссовки «Адидас».

> Я смотрел в окно и думал: *«Я в Лондоне. Я в Лондоне»*. Когда я рос, я был просто одержим всем британским: Joy Division, Sex Pistols, Бенни Хиллом, «Монти Пайтоном»…

Мы поехали по Лондону в его «Рено», слушая то Kiss FM, то другие, пиратские радиостанции. Лондон, как и вся остальная Великобритания, был полон таких радиостанций. Существовали и официальные, лицензированные радиостанции, обычно – довольно консервативные, где звучали песни из «Топ-40» и классическая музыка. А пиратские, которые тоже прятались где-то на частотах, располагались в заброшенных офисах и складах, и на них ставили самую современную танцевальную музыку и рэгги.

Пока Гай ехал, а в колонках звучало радио Kiss FM, я смотрел в окно и думал: *«Я в Лондоне. Я в Лондоне»*. Когда я рос, я был просто одержим всем британским: Joy Division, Sex Pistols, Бенни Хиллом, «Монти Пайтоном», Питером Сэвиллом, Питером О'Тулом, Джоном Пилом. А теперь я в Англии и болтаю с Гаем, проезжая мимо британских супермаркетов и британских автобусных остановок. Солнце в Лондоне уже два часа как село, а в Нью-Йорке, где я был всего сутки назад, еще только начинался вечер. Все это казалось какой-то межконтинентальной магией.

А потом по радио заиграла Go.

– Ха, вот видишь! – сказал Гай, сделав погромче. Мы неслись по Лондону и слушали Go. Мы проехали мимо старинного паба, и тут зазвучал брейкбит, который я засэмплировал. Проехали станцию метро, и заиграло диско-фортепиано. То самое диско-фортепиано, которое я записал в квартире Джареда, пока сохла моя тарелка из-под овсянки. Я пытался выглядеть утонченным и пресыщенным жизнью, но на деле мне хотелось открыть окно и закричать во все горло: «Я в Лондоне, и это моя песня! На радио!

Даже не на кассете, а на радио!»

– Вот видишь, – сказал Гай, – они ставят ее десять раз в день.

Мы подъехали к клубу в Сохо и припарковались в переулке. Клуб был маленьким и потрепанным и благоухал все теми же сырыми феромонами, к которым я привык за все время, проведенное в других клубах: сигаретами и разлитыми напитками с небольшой ноткой мочи и чистящих средств из туалетов.

– В субботу ты играешь на настоящем рейве, – сказал Гай, – так что считай это разминкой.

– Сколько народу будет на рейве? – спросил я.

– Не знаю, – ответил он. – Пять тысяч? Десять тысяч? Большой рейв, недалеко от Бата. Обязательно поставь там Go! Люди просто с ума посходят.

Я начал работать на вечеринке в полночь, и это ничем не отличалось от любого ночного диджейства в Нью-Йорке, не считая того, что все в этом британском клубе были белыми гетеросексуалами. В час ночи я поставил Go, и двести человек, собравшихся в маленьком клубе, зааплодировали.

Подвыпивший друг Гая с Kiss FM подошел ко мне и хлопнул меня по плечу.

– Офигенная тема, дружище! – крикнул он мне в ухо. Вечеринка закончилась около двух ночи, и Гай отвез меня обратно в Вуд-Грин.

– Ну, что думаешь? – спросил он.

– Все хорошо, но было так странно работать для белых натуралов, – ответил я.

– О, это, конечно, не мое дело, – спросил он, – но ты что, гей?

– Нет, я и сам натурал, но в Нью-Йорке танцевальная сцена в основном состоит из негров, латиноамериканцев и геев.

– Я жил в Нью-Йорке, помню. Впрочем, не уверен, что местные ребята об этом знают, – ответил он, останавливаясь возле дома Салли. – Увидимся завтра рано утром. У тебя интервью в офисе Outer Rhythm в девять часов.

– Это четыре утра по нью-йоркскому времени, – устало сказал я.

В доме Салли было темно, но Джанет не спала. Она пила чай и читала при свете тусклой лампочки, сидя за красным кухонным столом.

– Привет, Мо, – сказала она. – Как все…

Ее прервал Ли, который, шатаясь, прошел на кухню и рухнул на пол. Он был одет в мокрую от пива футболку Jesus and Mary Chain и не брился уже неделю.

– Б*я, она меня ненавидит, – простонал он заплетающимся

язы ком.

– Ли? – спросил я. – Ты в порядке?

Он посмотрел на меня расфокусированным взглядом, потом поднялся и стал бить себя по лицу.

– Б*я, она меня ненавидит, – повторял он с каждым ударом.

– Вот черт, – сказал я.

> – Джанет, с тобой все нормально? – спросил я. Она сидела на полу, держась за лицо в том месте, куда случайно попал Ли. – Меня еще никогда не били, – пораженно ответила она.

Джанет подбежала к нему, он случайно ударил ее по лицу, она свалилась на стул и с грохотом упала с ним на пол.

Я подбежал и схватил Ли за руки, чтобы он не бил себя. Тогда он начал биться головой о стену.

– Ли! – крикнул я. – Ли! Ты пьян, прекрати!

– Почему она меня ненавидит? – спросил он и расплакался. Я от пустил его, и он снова лег на пол, плача и повторяя: – Почему она меня ненавидит?

– Джанет, с тобой все нормально? – спросил я. Она сидела на полу, держась за лицо в том месте, куда случайно попал Ли.

– Меня еще никогда не били, – пораженно ответила она.

– Здесь все в порядке?

Я поднял глаза. В дверях кухни стояла заспанная Салли в тренировочных штанах и футболке Primal Scream. Рядом с ней была Синнамон, которая все так же держала во рту носок, а в руках – мишку Паддингтона.

– Не совсем, извини, – сказал я. – Ли пьян.

Она посмотрела, как он плачет на полу, и покачала головой, похоже, уже жалея, что пустила в дом американцев.

– Постарайся уложить его спать, – сказала она. – Детям через несколько часов в школу.

Они с Синнамон ушли обратно спать.

– Давай отведем его в комнату, – сказала Джанет. Мы подняли Ли и под руки отвели по коридору в спальню. Положили его на бок, чтобы тот не захлебнулся рвотой, если его стошнит во сне. Он тут же вырубился.

– Мы можем помолиться, Мо? – спросила Джанет.

Мы встали на колени возле кровати Ли и попросили Бога присмотреть за ним. Пока мы молились, Ли пукнул и захрапел.

– Наши молитвы услышаны, он жив, – объявил я. Ли снова пукнул.

– Добро пожаловать в Лондон, – сказала Джанет.

Глава девятнадцатая
Гигантская связка ключей

– Поставь еще раз.

Я сидел на нашем потрепанном черном матрасе, а Ли стоял возле автоответчика. Он нажал кнопку перемотки, затем «Пуск». Из маленькой колонки послышался раздраженный, почти истерический голос:

– Это ваша домовладелица, вам нельзя менять е*аные замки! Это моя квартира! Я вас отп*зжу, если вы не смените замки обратно, бл*дь! Нельзя так делать, слышите?

Ли нажал «Стоп» и посмотрел на меня.

– По-моему, у всех в Нью-Йорке синдром Туретта, – сказал я.

Девятью месяцами ранее мы с Ли переехали с Четырнадцатой улицы в двухкомнатную квартирку на Мотт-стрит, за которую платили 800 долларов в месяц. Она находилась в тихом квартале, у нас было по маленькой комнатке с окнами, выходящими на юг. Мы подписали договор на год, но квартира нравилась нам обоим, и мы думали, не остаться ли там и дальше.

> А вчера мы с Ли вернулись домой и увидели, что кто-то пытался попасть в нашу квартиру с помощью фомки – сначала пробовал снять стальную дверь с петель, потом просто начал бить по ней.

Две недели назад до нас дошли слухи о том, что несколько квартир обнесли, так что мы позвали слесаря, и он поставил нам на дверь новый замок «Медеко». Слесарь сказал, что этот замок медвежатники пока вскрывать не научились. А вчера мы с Ли вернулись домой и увидели, что кто-то пытался попасть в нашу квартиру с помощью фомки – сначала пробовал снять стальную дверь с петель, потом просто начал бить по ней. Мы подумали, что это, должно быть, кто-то из дружелюбных крэковых наркоманов из соседнего двора, но теперь стало казаться, что это наша домовладелица.

– Давай рассмотрим все улики, – сказал я, стараясь подражать голосу телевизионных детективов. – Первая: ты видел нашу домовладелицу на улице несколько недель назад и сказал, что она сильно потеряла в весе. Вторая: вчера кто-то попытался взломать дверь в нашу квартиру. Третья: домовладелица позвонила нам впервые за шесть месяцев после того, как мы сменили замок.

– Значит, думаешь, это наша домовладелица попыталась

пробраться в квартиру? – спросил Ли.

– Формально говоря – наша домовладелица, подсевшая на крэк, попыталась пробраться к нам в квартиру, – ответил я.

– И что нам делать?

– Переезжать?

– Но мне нравится эта квартира. Куда нам идти?

– Вниз по улице я видел объявление об аренде лофтов, – сказал я. – Могу сходить и спросить.

– Мы что, расстаемся?

– Хнык, – сказал я. – Обними меня.

– Иди в жопу! Хочешь сходить в «Беннис Бурритос»?

> Я буду платить столько же, сколько плачу сейчас, только за это получу лофт площадью шестьсот квадратных футов с огромными красивыми окнами с видом на гигантские деревья и церковь девятнадцатого века.

После обеда я прошел к старому зданию на Мотт-стрит, где сдавали лофты. То было фабричное строение девятнадцатого века, стоявшее через улицу от старого собора святого Патрика. Я прошел по погрузочной площадке и постучался в дверь офиса в дальней стене.

– Войдите!

Я открыл дверь. Круглый итальянец лет шестидесяти сидел за ярко освещенным металлическим столом, читал *Daily News* и ел китайскую еду. На нем была светло-серая рубашка с короткими рукавами и несколькими шариковыми ручками в нагрудном кармане.

– Я по объявлению об аренде лофтов, – сказал я.

– Заходите, – он протянул руку. – Я Джо Кинничи. Мы с моим сыном Рассом – владельцы здания.

Мы пожали руки, и я сел за его стол.

– Чего вам подобрать? И, кстати, как вас зовут?

Он закрыл крышку пенопластового контейнера с китайской едой.

– Я Моби, музыкант. Я ищу место для небольшой студии электронной музыки, – сказал я.

– Электронная музыка? Это что такое? Она громкая?

– Она не очень громкая. Я в основном работаю в наушниках.

Он кивнул.

– Хорошо, хотите посмотреть доступные лофты?

Он взял гигантскую связку ключей, и мы вышли из офиса.

– Рассказать вам подробнее о здании? – спросил он.

– Конечно.

– Так вот, его построили в 1840 году, во время Гражданской войны оно служило тюрьмой и госпиталем. Потом лет семьдесят пять это был мясокомбинат – именно поэтому здесь все полы идут под уклоном, чтобы кровь стекала. Сейчас тут в основном студии художников, хотя в подвале играет немало групп. Может быть, вы даже кого-то из них знаете.

– Хм, может быть. Какие группы?

– Не знаю, если честно, – ответил он. – Так, вот первая комната, 201.

Он открыл дверь, и я вошел внутрь. Площадь комнаты составляла около шестисот квадратных футов, а четыре гигантских окна выходили прямо на церковный двор. Там было очень красиво; солнечный свет пробивался через листья огромных вязов на той стороне улицы. Оглядевшись, я увидел, что в комнате нет ни проточной воды, ни кухни, ни туалета, но она все равно казалась идеальной.

– Тут есть туалет поблизости? – спросил я.

– Вниз по коридору. Общий для всех, кто живет на этом этаже.

– А что по цене?

– Ну, тут шестьсот квадратных футов, хорошие окна, так что, может быть, пятьсот долларов в месяц?

Я платил 400 долларов в месяц за квартиру чуть выше по улице. Могу ли я позволить себе 500? И хочу ли опять жить на старой фабрике без туалета и проточной воды?

– Или, если вы заплатите вперед, скажем, за шесть месяцев, мы сможем договориться о скидке, – сказал он.

– Большая скидка?

– Не знаю, может быть, две с половиной тысячи за шесть месяцев? – спросил он, словно и сам не был слишком уверен.

Я буду платить столько же, сколько плачу сейчас, только за это получу лофт площадью шестьсот квадратных футов с огромными красивыми окнами с видом на гигантские деревья и церковь девятнадцатого века. Я заработал несколько тысяч на летних гастролях и положил все деньги в банк. У меня как раз было достаточно, чтобы отдать 2500 долларов за шесть месяцев аренды.

– Так, хорошо, я согласен. Мы подпишем договор? – спросил я.

– Нет, мы тут договоров не подписываем. У нас не такое здание.

– Это что, Игги Поп? – прошептал Ли.

– Похоже на то, – шепнул я в ответ.

– Что это вообще за место? – спросил он. – Мы попали в инди-роковый рай?

Мы были в Маленькой Италии, и я собирался арендовать лофт у толстого итальянца по имени Джо Кинничи. Может быть, не стоит задавать слишком много вопросов? Хотя об одном я все-таки спросил:

– Можно мне поставить решетки на окна? У меня много дорогого оборудования.

– Нет, вам не нужно ставить решетки на окна, – ответил он.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. Он задумался.

– Видите ли, этот квартал безопасен. Он защищен.

Я недоуменно посмотрел на него.

– В этом квартале живет много стариков-итальянцев, а их сыновья и внуки следят, чтобы с ними ничего не произошло. Этот квартал защищен.

О, я понял. Это квартал мафии, так что от него держатся подальше даже крэковые наркоманы и наркодилеры.

– Когда я могу заезжать? – спросил я.

– Не знаю. Сегодня? Вы вроде хороший парень на вид… Вот ключ, – он отдал его мне. – А теперь давайте я расскажу вам еще про здание, – продолжил он, похоже, наслаждаясь ролью домовладельца и экскурсовода. – Я вам уже сказал, что в Гражданскую войну это была тюрьма и госпиталь. А еще тут есть три подвальных этажа, которые мы сдаем группам и жильцам. Напротив вас живет парень, торгующий трюфелями, а чуть дальше по коридору – какая-то компания, которая делает одежду, 555 Soul. Еще вы тут встретите Джо, он управдом. Он говорит не очень много, но человек хороший.

Домовладелец тревожно переступил с ноги на ногу.

– Хорошо. Добро пожаловать в здание.

Мы снова пожали руки. Я вышел спокойным шагом, потом бегом ринулся по улице к прежней квартире.

– Ли! – закричал я, открывая дверь. – Я только что снял новый лофт!

Он сидел на нашем грязном матрасе и доедал обед.

– Когда? – спросил он; его рот был набит буррито.

– Только что! – крикнул я. – Хочешь посмотреть?

Мы прошли вниз по кварталу, пересекли Хьюстон-стрит и вошли в мой новый дом. Поднявшись по лестничному пролету, я открыл дверь комнаты 201.

– Ух ты, – сказал он, – отсюда видно церковь. И почем?

– Ну, я заплатил за полгода вперед, так что примерно 400 долларов в месяц. Не хочешь тоже снять себе местечко здесь?

Он огляделся.

– А где ты будешь мыться? – спросил он.

– В качалке на Бродвее.

– Проточной воды нету? А готовить будешь на электроплитке?

– Ага, все снова как в Стэмфорде.

– Предпочитаю квартиры с душем и настоящей кухней, – ответил он.

– Слабак. Не хочешь сходить в подвал?

Мы спустились по лестнице. Потолки первого подвального этажа были всего шесть футов высотой, а стены выложены из старых темных кирпичей. Мы прошли по длинному низкому коридору, освещенному несколькими двадцатипятиваттными лампочками, и добрались до еще одной лестницы вниз.

– Жутковато, – сказал Ли. Мы спустились и попали на второй подвальный этаж, где потолки были чуть повыше. За дверью из листового металла играла какая-то группа.

– Тут группы играют? – спросил Ли. – Знаешь, кто?

Я посмотрел на дверь; она была облеплена стикерами Sonic Youth.

– Sonic Youth? – предположил я.

– Клево.

Мы прошли по еще двум длинным кирпичным коридорам, заглянули в старую бойлерную и добрались до лестницы, ведущей еще ниже.

– Три подвальных этажа? – спросил Ли.

– Домовладелец так и сказал.

Мы спустились; кто-то шел по лестнице нам навстречу. Мы с Ли пробормотали: «Эй» и услышали в ответ такое же «Эй». Спустившись по лестнице, мы переглянулись.

– Это что, Игги Поп? – прошептал Ли.

– Похоже на то, – шепнул я в ответ.

– Что это вообще за место? – спросил он. – Мы попали в индироковый рай?

Мы прошли по еще нескольким узким кирпичным коридорам и добрались до лестницы, ведущей вверх. Вернувшись на второй подвальный этаж, мы исследовали еще один длинный коридор, который в первый раз не увидели. Похоже, площадь подвальных этажей тут превышала надземную площадь.

Очень высокий бородатый парень стоял в дверях и курил.

– Эй, – сказал он.

– Привет, – ответил я. – Извини, вы тут репетируете?

– Ага, – кивнул он, протягивая руку и почти формальным тоном представляясь: – Гибби Хейнс. Группа Butthole Surfers.

Я пожал ему руку.

– Моби. Только что переехал на верхний этаж.

– Ты художник?

– Нет, музыкант.

– О, клево. Добро пожаловать в здание.

– Знаешь, кто еще здесь обитает?

– Ну, тут мы, Игги, Sonic Youth, Helmet, Шон Леннон, Beastie Boys, еще какие-то ребята, – ответил он; у него за спиной послышался громкий звук заводящейся гитары. Затушив сигарету, он пошел обратно в репетиционную комнату. – Ладно, Моби, увидимся еще, – добавил он и исчез среди шума.

Мы с Ли поднялись по другой лестнице на первый подвальный этаж, а потом выбрались на поверхность. Когда мы наконец-то вышли на тротуар, он сказал:

– Мне показалось, что я пробыл там целый год.

– Ага, похоже на какие-то катакомбы. Как думаешь, что там еще есть внизу?

– Золото нацистов?

Через улицу от моего нового жилища в шезлонгах сидели несколько старых итальянок, а мужчины с заметными пивными брюшками играли на складном столе в домино. Какой-то парень в обтягивающей белой майке поставил прямо на тротуаре хибати и жарил на ней колбаски.

– Ты прямо живешь в «Славных парнях», – сказал Ли.

– Вместе с Butthole Surfers, – добавил я.

Глава двадцатая
Тонкие серые занавески

Я летел в Лондон в третий раз за два месяца, чтобы сыграть концерт для Kiss FM и впервые выступить на *Top of the Pops*. Go, странная песенка, которую я записал в гостиной Джареда на аппаратуре стоимостью в несколько сотен долларов, вошла в первую десятку поп-хитов Великобритании.

Я сидел в маленьком синем кресле самолета British Airways, читал книгу Артура Кларка и ел сандвич с арахисовым маслом и желе, который взял из дома.

Мой сосед читал развлекательную страницу британской газеты. Я заглянул ему через плечо и увидел анкету Брайана Адамса. Десять любимых фильмов. Десять любимых книг. Десять любимых альбомов. А в списке десяти любимых синглов я увидел Go – между Майклом Джексоном и Филом Коллинзом.

Мы летели где-то над Новой Шотландией; свет приглушили, чтобы пассажиры могли поспать над Атлантическим океаном. Я выключил лампочку над головой и закрыл глаза, слушая низкий рык самолета. Заснуть я не мог. Я ощущал себя обезьянкой под кристаллическим метамфетамином, мой мозг метался между слепым возбуждением и слепой паникой. Я выступаю на *Top of the Pops*, самом большом и культовом музыкальном телешоу в истории больших и культовых музыкальных телешоу.

Заснуть я не мог. Я ощущал себя обезьянкой под кристаллическим метамфетамином, мой мозг метался между слепым возбуждением и слепой паникой.

Попытки уснуть были безнадежны, так что я снова включил лампочку над головой. Может быть, я успокоюсь, почитав Артура Кларка? Меня отвлекут инопланетяне, и я забуду, что через тридцать шесть часов мне придется выступать под фонограмму со взятым напрокат синтезатором и сломанной драм-машиной. Я читал Артура Кларка, а мы летели над Исландией, над Ирландией и в конце концов приземлились в Хитроу.

Я стоял под яркими лампами в очереди на миграционный контроль, смотря на усталых путешественников, и думал, что сейчас меня отправят домой. То была моя новая фобия: я уже несколько раз летал в Европу и каждый раз, проходя миграционный контроль, боялся, что меня не пустят в страну, куда я прибыл. Но через полтора часа меня пропустили через границу Великобритании, и я вышел из аэропорта.

Лейбл прислал за мной машину. Я сел на заднее сиденье и стал смотреть вокруг. Британские автомобили с большими бело-желтыми номерами. Старые, вдохновленные эпохой Тюдоров дома между аэропортом и пригородами Лондона. Продавцы таблоидов с кричащими заголовками: «Премьер-министр изнасиловал папу римского в Белом доме! Шок! Мадонна ест младенцев-геев! Ужас!»

После двух часов в пробках мы остановились у гостиницы. Правда, гостиницей это назвать было трудно. То был печальный серый дом на грустной серой дороге в унылом районе Лондона. Примерно в таких местах британские режиссеры снимали мрачные фильмы о безнадежной жизни рабочего класса: «Заткнись, Вайолет, я не смогу вернуться на работу. Шахту закрыли».

Эрик, мой новый менеджер, встретил меня возле дома. Мы с ним познакомились в Нью-Йорке год назад, и я попросил его стать моим менеджером, хотя до этого он менеджером никогда не работал. Он был немцем, высоким и сразу располагающим к себе. А еще я никогда не встречался с настоящими менеджерами, для которых это было профессией.

– Добро пожаловать в солнечную Англию! – сказал он. На улице накрапывал дождик.

– Это гостиница? – спросил я.

– С ночлегом и завтраком. Тут поблизости мой офис, так что выбор показался мне удачным, – сказал он.

– Ладно, – ответил я, рассматривая фасад печального серого дома. Мы вошли, и старая женщина в прихожей отдала мне ключ. На ней было поношенное бежевое платье, она читала *Daily Mirror*.

– Вот ваш ключ, – каркающим голосом сказала она. – Ваша комната на втором этаже, уборная – вниз по коридору. Вот ваше полотенце.

Она протянула мне полотенце, которым явно пользовались во Вторую мировую войну, чтобы смывать кровь инфекционных больных с полов военных госпиталей.

Шок! Мадонна ест младенцев-геев!

– Так, поп-звезда, – сказал Эрик. – Я заберу тебя в час, и мы поедем на Kiss FM.

Сейчас было двенадцать.

– В час? – переспросил я. – Можно мне хоть немного поспать?

– А ты не спал в самолете? В час тридцать у нас большое интервью на Kiss FM.

Я посмотрел на него, не выпуская из рук потрепанного полотенца.

– Ладно, просто приму душ, – сказал я.

– Душ стоит пятьдесят пенсов за пять минут, – сказала женщина в бежевом платье. Я удивился. Душ стоит денег?

– Пятьдесят пенсов? – спросил я.

– Вставляете пятьдесят пенсов в душ – пять минут идет вода, – довольно грубо ответила она.

Я поднялся по лестнице. В комнате было холодно, а единственное окно выходило на стену соседнего дома. Я спустился обратно.

– М-м-м, как мне включить отопление в комнате? – спросил я.

– Отопления еще нет. Мы включаем его только зимой.

Хозяйка вернулась к внимательному чтению таблоида. Я чуть не ответил: «Но на дворе ноябрь, и уже холодно», но не хотел, чтобы она насмехалась надо мной, изнеженным американцем.

Я вернулся обратно в комнату. Там стояли две односпальные кровати, между ними – тумбочка, местами пожженная сигаретами. Освещалась комната только маленькой лампочкой наверху и солнцем из маленького грязного окошка. *«Ладно, мне тут жить всего два дня»*, – подумал я, улегся в кровать и тут же уснул.

> Я даже хотел сказать ему: «Я страдаю из-за смены часовых поясов и из-за того, что остановился в каком-то склепе, который должны были снести еще до Второй мировой».

Через час в дверь постучал Эрик.

– Моби, вставай, надо ехать!

Я проснулся, совершенно дезориентированный. Где я вообще? Ах да, Лондон.

– Буду через минуту, – крикнул я.

Взяв зубную щетку, я прошел в общую уборную. Кто-то только что побывал там, так что в ней пахло сигаретами и поносом. Я быстро почистил зубы и спустился вниз.

– Ну как гостиница? – спросил Эрик.

– Это не гостиница, Эрик. Тут хуже, чем в диккенсовском работном доме.

Он засмеялся.

– О, у поп-звезды появились замашки примадонны?

Эрик с женой жили неподалеку в хорошем доме. Им не приходилось платить пятьдесят пенсов за пятиминутный душ и чистить зубы, вдыхая миазмы, оставшиеся после чьей-то диареи.

– Поехали, – сказал я.

На Kiss FM я сидел в кабинке в джинсах и толстовке с капюшоном, моргая и пытаясь составлять хоть сколько-нибудь

связные предложения. Диджей, скорее всего, подумал, что я с похмелья и очень устал после ночной вечеринки с групи в «Фор Сизонс». Я даже хотел сказать ему: «Я страдаю из-за смены часовых поясов и из-за того, что остановился в каком-то склепе, который должны были снести еще до Второй мировой».

После интервью мы пошли обедать в «Нилс Ярд». Я заказал веганскую выпечку, веганское печенье, веганский кускус и вообще все веганское, что нашел в меню. Несмотря на холод, мы сели есть на улице.

– Ты немало ешь для худого, – сказал Эрик. Я засмеялся.

– Может быть, когда-нибудь я стану большим и толстым, как ты.

Он тоже засмеялся.

– Какой у нас дальше распорядок? – спросил я.

– Так, сегодня у нас ужин с людьми из Outer Rhythm, потом концерт Kiss FM в одиннадцать вечера в «Астории». Завтра мы должны быть на *Top of the Pops* в девять утра, эфир начнется в восемь вечера.

Что-то тут было не так.

– Мы должны просидеть на *Top of the Pops* одиннадцать часов?

– Они так работают.

Мы доели, и Эрик отвез меня обратно в печальную серую ночлежку. Я решил все-таки инвестировать в душ – платный электрический водонагреватель, установленный в пропахшей плесенью виниловой душевой кабинке. Я вставил в нагреватель пятьдесят центов, и он начал греметь и гудеть. В конце концов из него пошла прохладная струйка. Я разделся и зашел в кабинку, стараясь лишний раз не дотрагиваться до стенок, но в результате лишь вымок и замерз. Выйдя из кабинки, я попытался обсушиться, гоняя холодную воду по коже жестким зеленым полотенцем.

Кто-то постучал в дверь и прорычал:

– Скорее!

– Минутку, – ответил я, одеваясь. На мне была футболка, которую я считал крутой и рейвовой, джинсы из Kmart и черная толстовка. Я открыл дверь; в коридоре стоял старик с огромной головой и хмуро смотрел на меня.

– Какого хрена ты так долго? – сказал он, отпихивая меня и проходя в уборную. Я вернулся в комнату, упал на кровать прямо в одежде и уснул мертвым сном.

Зрителям было все равно: три тысячи человек танцевали и во все горло кричали «Go!». Я стучал по клавишам неподключенного синтезатора и орал «Go!»,

хотя у меня не было микрофона.

Через несколько часов в дверь снова стал долбиться Эрик.

– Пойдем, поп-звезда! Пора ужинать!

– Секунду, – сказал я, обулся и открыл дверь. Эрик заглянул ко мне в комнату.

– Депрессивненько, – сказал он. Мы пошли в вегетарианский ресторан «Манна» на Примроуз-Хилл. Там было чисто, тепло, а половину меню составляли веганские блюда.

– Можно мне остаться здесь сегодня? – спросил я у Эрика.

– Не будь ребенком, – ответил он. После ужина мы поехали в «Асторию» на радиошоу. Моя гримерка оказалась маленькой кладовкой с черным пластиковым креслом и двумя лампочками над зеркалом.

– Так же депрессивно, как в твоей гостинице, – сказал Эрик, немецкий шутник. – Чувствуй себя как дома.

Я посмотрел на список выступающих. Моя очередь была через десять минут, после Dream Frequency и перед K-Klass.

– Я играю десять минут? – спросил я.

– Ага, – ответил Эрик. – Сыграй Go, а потом, наверное, еще раз Go.

– Я сыграю Go и Rock the House, – сказал я. – Как думаешь, хорошая идея?

– Ты у нас поп-звезда, ты и решай.

Мы с Эриком подошли к сцене. Шоу проходило в старом почтенном театре, но ощущения были как от рейва. В воздухе пахло лекарством «Викс», зрители размахивали светящимися палочками, дули в дудки и свистки. На сцене Dream Frequency играли свой хит Feel So Real. То была квинтэссенция рейвовых треков – с прыгучей фортепианной партией, завывающим диско-вокалом и синтезатором, звучавшим как циркулярная пила. На сцене была куча певцов, танцоров и клавишников, шоу было просто безумное. Песня звучала великолепно; я просто окаменел.

– Как мне выходить после такого? – спросил я у Эрика. Тот лишь ухмыльнулся.

– Да все нормально будет.

Dream Frequency доиграли Feel So Real, помахали публике и ушли со сцены. Ведущий воскликнул: «Круто! Топовые песни от Dream Frequency!» Пока он говорил, техники унесли оборудование группы со сцены и поставили вместо него мою одинокую Yamaha SY22, взятую напрокат.

– А теперь – Моби Гоу из Нью-Йорка!

Я уже привык, что меня называют Моби Гоу: из-за дизайна обложки моего сингла многие англичане считали, что «Моби

Гоу» – это мое имя.

Я выбежал на сцену, когда заиграла Go. Зрители взревели, но я запаниковал, потому что мой синтезатор не был подключен, а микрофона у меня вообще не было. Зрителям было все равно: три тысячи человек танцевали и во все горло кричали «Go!». Я стучал по клавишам неподключенного синтезатора и орал «Go!», хотя у меня не было микрофона.

Закончилась песня, и на сцену снова вышел ведущий.

– Круто! Топовая песня от Моби Гоу! Следующими идут любимцы Манчестера, K-Klass!

На сцену выбежали техники, схватили мой синтезатор и унесли со сцены. Я остался стоять в недоумении. Я разве не должен был сыграть вторую песню?

– Давай, приятель, вали уже со сцены! – рявкнул на меня один из техников. Я поспешно ретировался.

– Круто было! – сказал Эрик. – Им понравилось!

– Но мой синтезатор не подключили, микрофона не было, и вообще, а как же вторая песня? – спросил я.

– А, они отстают от графика, так что вторые песни вырезают. Мне об этом сказали, пока ты играл.

Я задумался.

– Песня была нормальная? – спросил я.

– Потрясающая! Ты что, не видел зрителей?

– Но я же на самом деле ничего не делал.

– Неважно. Им очень понравилось.

Я остался за кулисами и стал смотреть оставшуюся часть шоу: Orbital, 808 State, The Prodigy. Я словно переслушивал свою коллекцию пластинок. После концерта Эрик отвез меня обратно в заведение, притворявшееся гостиницей. Уже час ночи, а в восемь тридцать мне вставать и ехать на *Top of the Pops*. Неплохо было бы вздремнуть, но, несмотря на то, что в последние тридцать шесть часов я почти не спал, сейчас сна не было вообще ни в одном глазу. Я вышел погулять.

Я пошел на улицу, где, как говорили, всегда людно, но все магазины были закрыты. Мимо проехали несколько такси и автобусов, оставив за собой запах дизельного топлива. Я прошел где-то милю, и начался дождь. Работали только пакистанские универмаги – маленькие островки света на широких пустынных улицах. Там продавали молоко, сок, овощи, видеокассеты, журналы и кассеты с пакистанской поп-музыкой. Я зашел в один из магазинчиков, купил апельсинового сока, заглянул в несколько иностранных газет и отправился дальше.

– Поп-звезда! Сегодня твой большой день!

Просыпайся! – кричал из коридора Эрик. Я уже был одет, так что просто сунул ноги в мокрые кроссовки.

Я дошел до моста и посмотрел на железную дорогу внизу. Передо мной простирался спящий Лондон. Почему этот город такой тихий? Лондон – это место, где родилась музыка и откуда она распространилась по миру. В детстве мне представлялось, что Лондон похож на Таймс-сквер, где каждый дюйм пронизан шумом и беспокойством. Я вспомнил песню The Clash под названием London's Burning: «Я бегу по пустынной мостовой, потому что я совсем один», и наконец-то понял ее смысл.

Мимо проехал ночной автобус; немногочисленные пассажиры, смотревшие вперед, были освещены холодной флуоресцентной лампой. Мои ботинки промокли под дождем. Я погулял еще с час, потом вернулся в свою развалюху. Уже пять утра, через три часа вставать. Сквозь тонкие серые занавески пробивался тусклый серый свет. Не снимая одежды, я залез под изрытое оспинами одеяло и заставил себя уснуть.

– Поп-звезда! Сегодня твой большой день! Просыпайся! – кричал из коридора Эрик. Я уже был одет, так что просто сунул ноги в мокрые кроссовки.

Я вырос, видя по телевизору две разные Англии. Идиллическая Англия с остроумными студентами университетов, которые не спеша плавали на лодках среди водных цветов по живописным рекам и тихим прудам. И вот эта Англия – дождливая, холодная, где снимались все фильмы об отчаявшихся людях, которые жили в дешевых государственных домах и ждали смерти. Именно эта Англия породила Joy Division. Если бы Ян Кертис родился в Пало-Альто, то, скорее всего, стал бы управляющим сети органических кофеен и женился на преподавательнице йоги.

Я спустился на первый этаж, где меня ждал большой и радостный Эрик.

– Доброе утро! – сказал он. – Готов стать суперзвездой?

– Я хочу спать, – ответил я.

– Ой, да ладно тебе. Это ж *Top of the Pops*!

Мы сели в машину, и я закрыл глаза. Эрик включил Radio 1; там как раз играла Go.

– Видишь, это огромный хит! – воодушевленно воскликнул он. Я дремал в машине, пока мы ехали на студию BBC, и бился головой о холодное стекло. Когда мы добрались, нас встретила Салли с лейбла.

– Добро пожаловать на *Top of the Pops*! – сказала она. – Первый прогон через два часа, второй прогон – в час дня, потом

репетиция с камерой в четыре, последний прогон в шесть и шоу в восемь.

– Это нормально – устраивать столько прогонов? – спросил я.

– Ну… нет. Но это *Top of the Pops*.

Она отвела меня наверх в гримерку, и я чуть не расплакался от счастья. Комнатка была маленькая, но зато с теплой батареей, несколькими окнами, выходившими на крышу студии, и, что важнее всего, отдельной уборной и душем.

– Можно мне остаться тут на весь день? – спросил я. Салли засмеялась.

– Она твоя.

– Я приму душ и несколько минут посплю. Можно?

– Как будет пора на первый прогон, я тебя позову, – согласилась она. Я снял вонючую одежду для поездок и минут десять простоял под душем. Вода была горячая, и впервые за несколько дней я нормально помылся. Обсушившись, я лег на диван. По старым окнам стучал дождь, старая батарея позвякивала от пара, и я почувствовал полный покой. Я закрыл глаза, и тут постучали в дверь.

– Моби? Первый прогон через пятнадцать минут!

Мы прошли в студию по нескольким коридорам, в которых не было окон.

– Кто еще на шоу? – спросил я у Салли.

– Bizarre Inc., Dream Frequency, New Order, U2 и Фил Коллинз, – ответила она.

– U2? New Order? Серьезно?

– Вроде бы да. Через минуту все узнаем.

Мы подошли к гигантской двери, над которой мигала красная лампочка. Охранник сказал: «Добро пожаловать на *Top of the Pops*» и пропустил нас внутрь. Я еще никогда не бывал на телестудиях.

Студия была огромной, с сорокафутовыми потолками и шестью сценами. Повсюду стояли камеры, и операторы отрабатывали движения с гигантскими черными кранами. Эрик подошел к нам и протянул Салли листок бумаги.

– Это список, – сказала она. – Сегодня ты выступаешь с New Order, Bizarre Inc., Dream Frequency, Slipmatt and Lime, Филом Коллинзом, а U2 сыграют по спутниковой связи.

– То есть U2 тут нет?

– Нет, они в Нью-Йорке.

– Не считая Фила Коллинза, сегодня только танцевальная музыка, – заметил я.

Пригнувшись, я пролез под большим операторским краном и забрался на сцену, где мне предстояло выступать. Там стоял мой взятый напрокат синтезатор, одолженная у друзей драм-машина

и Octapad. Ни один инструмент не был подключен.

– Они подключают аппаратуру перед эфиром? – спросил я.

– Нет, – ответил Эрик. – Кто-то поет живьем, но вот инструменты все идут под фонограмму.

Я оглядел зал; на своей сцене репетировали New Order. Я до одержимости обожал Joy Division и точно так же безумно любил и New Order. А теперь Бернард Самнер, Питер Хук и Стивен Моррис стояли в сорока футах от меня. После New Order прошел саундчек Dream Frequency и Bizarre Inc.

Потом наступила моя очередь. Я встал за выключенный синтезатор, немного попрыгал и покричал «Go!» в выключенный микрофон. Я не понимал, зачем нужен саундчек, если все так или иначе играют под фонограмму, но я еще не бывал на телевидении, и, возможно, просто не знал каких-то тонкостей.

Закончив, я глянул на Фила Коллинза; тот с недовольным и непонимающим видом смотрел на меня. Он много раз выступал на *Top of the Pops*, но всегда вместе с группами, у которых были барабаны и гитары. А теперь его окружали диджеи с синтезаторами и диско-певцы. Через несколько месяцев он выпустил вместе с Genesis песню I Can't Dance; мне очень нравится думать, что его вдохновили именно эти съемки *Top of the Pops*, на которых его окружали музыканты-электронщики и в их числе я.

> Я недостоин даже счищать жвачку с их старых ботинок. Если бы я попытался с ними заговорить, то выпалил бы что-нибудь несуразное, а может быть, даже рухнул бы на пол, извиваясь, как баптист – дрессировщик змей.

Когда саундчек закончился, по громкой связи загремел чей-то голос:

– Леди и джентльмены, следующая репетиция в час дня.

Я пошел обратно в свою гримерку, притворяясь, что все нормально. Рядом со мной шли New Order. Я не смог с ними заговорить. Не смог даже посмотреть в их сторону. Это же New Order. Бывшая Joy Division. Я недостоин даже счищать жвачку с их старых ботинок. Если бы я попытался с ними заговорить, то выпалил бы что-нибудь несуразное, а может быть, даже рухнул бы на пол, извиваясь, как баптист – дрессировщик змей.

Я вернулся в свою маленькую гримерку и уснул. Три коротких сна и две репетиции спустя Салли пришла ко мне в гримерку в сопровождении Гая, приехавшего после работы.

– Одежда у тебя готова? – спросила она.

– Ага, дайте мне минутку, – ответил я. Я собирался надеть

желтые штаны, купленные в магазине «Армии спасения», и зеленую футболку, разрисованную стрелками. Я считал, что она выглядит клево и футуристично – может быть, именно ее надел бы Маринетти, если бы был лысеющим техно-музыкантом, а не будущим фашистом.

Я вышел из гримерки, и Эрик расхохотался.

– Ты собираешься в этом выступать? – спросил он.

– Да, – тут же стал оправдываться я, – а что такого?

– Ну, э-э-э… – сказал он. Салли с беспокойством взглянула на меня.

– Нормальная одежда? – спросил я. Она ничего не ответила. На помощь пришел Гай.

– Ребята из клуба «Раш» подарили тебе футболку. Не хочешь ее надеть?

Я снял футуристическую футболку со стрелками и надел протянутую мне футболку из «Раша».

– Так намного лучше, – сказал Эрик. – Выглядишь почти модерново.

Мы вернулись в телестудию для прямого эфира. Энергия была совсем не такой, как на репетициях: повсюду мигали лампы, все музыканты переоделись в сценическую одежду, а еще в зал впустили зрителей. В восемь часов отключили свет, и ведущие начали шоу.

– Тридцать седьмое место на этой неделе занимает New Order с песней World in Motion!

Зрители собрались вокруг сцены New Order, те отыграли песню, зрители захлопали, и ведущие перешли к следующей сцене. И вот наконец:

– Десятое место на этой неделе – Моби Гоу из Нью-Йорка!

Заиграла моя песня. Я прыгал по сцене, стучал по клавишам синтезатора, кричал: «Go!» и бил по Octapad. И через три минуты, прежде чем я успел осознать, что происходит, все закончилось. Меня быстро увел со сцены один из техников *Top of the Pops*, и я прошел по коридорам обратно в свою гримерку.

Через мгновение вошел Эрик.

– Ну как все прошло? – спросил я.

– Выглядело хорошо, но, может быть, в следующий раз тебе стоит меньше танцевать?

– Думаешь? А что мне тогда делать?

– Не знаю – может быть, больше играть на синтезаторе и бить по драм-машине?

– Ладно, – слегка пристыженно ответил я.

В гримерку зашли Гай и Салли.

– Здорово выступил! – сказал Гай.

– Молодец, Моби! – с улыбкой добавила Салли.

После всех поздравлений Эрик сказал:

– Ладно, мы оставим тебя одного, переодевайся.

Я снял свои футуристические желтые штаны и клубную футболку «Раша» и пошел под душ. Адреналин покинул меня, и я сдулся, как воздушный шарик после празднования чьего-нибудь шестилетия. Все казалось мне совершенно непонятным. Что я вообще здесь делаю? Жить на заброшенной фабрике в наркоманском районе – вот это понятно. Играть панк-концерты для десяти зрителей в грязном баре – вот это понятно. Гулять по Нью-Йорку и оставлять кассеты на лейблах – тоже понятно, хотя я и знал, что никто их даже слушать не будет. Но вот летать в Англию и выступать на телешоу – вот этого я совсем не понимал. *Top of the Pops* – это мир New Order. Это мир Фила Коллинза. Я любил его, может быть, даже очень сильно любил, но это был не мой мир.

Внезапно я почувствовал себя очень одиноким. Я представил, как бы прошел мой день, если бы у меня была жена или подруга, если бы она сидела сейчас со мной на диване в гримерке и гладила по голове, пока я пытался заснуть, несмотря на «поехавшие» часовые пояса и все тревоги.

Я встал на колени прямо в душе под струями горячей воды и стал молиться.

– Боже, я не знаю, что делаю. Прошу, помоги мне.

Работники Outer Rhythm повезли нас на ужин, а после Эрик отвез меня обратно в диккенсовскую ночлежку.

– Ты только что выступил перед половиной Англии, – сказал он с неожиданной искренностью. – Поздравляю тебя, Моби.

– Ты только что выступил перед половиной Англии, – сказал он с неожиданной искренностью. – Поздравляю тебя, Моби.

На следующий день я поехал в Хитроу, чтобы улететь обратно в Нью-Йорк. Я выступил на *Top of the Pops*, передаче, которая создавала кумиров. Я прошел на аэровокзал, ожидая, что меня окружит толпа охотников за автографами, но меня никто не заметил. Я зарегистрировался на рейс и пошел к своему самолету; никто не бросался мне под ноги, умоляя сфотографироваться или пытаясь хотя бы прикоснуться к моим джинсам из Kmart.

Мы сели в самолет, я занял свое место в эконом-классе и углубился в чтение Артура Кларка. Примерно через два часа после вылета все мои соседи либо спали, либо смотрели фильм «Робин Гуд: принц воров». Рядом со мной в проходе присела на

корточки стюардесса.

– Я не хочу устраивать сцену, – вполголоса сказала она, – но ты ведь Моби Гоу?

Я вздрогнул от неожиданности.

– Да, это я.

– Видела тебя на *Top of the Pops* вчера вечером. Я рейверша, и твой трек просто офигенный.

Она коснулась моего плеча и ушла.

Глава двадцать первая
Простыня с цветочным узором

Я внезапно ощутил себя настоящим профессионалом.

За шесть месяцев я шесть раз ездил в Великобританию с концертами и диджейскими сетами. Я возил свой синтезатор и Octapad в Калифорнию, выступая на рейвах в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Я бывал в Берлине, Париже и Амстердаме (дважды). На первом шоу в Амстердаме промоутер повесил над танцполом настоящие козьи головы, с которых на зрителей стекала кровь.

– Они подумают, что это бутафорские козьи головы, – шепнул он мне на ухо перед шоу, – но на самом деле они настоящие!

На него напал приступ смеха, а потом он убежал в подсобку, чтобы накачаться наркотиками вместе с подружкой-доминатрикс.

А теперь я летел в Кливленд, чтобы выступить там в клубе вечером воскресенья.

– В Кливленде есть рейв-сцена? – недоверчиво спросил я у своего тур-менеджера. Да, в самом деле есть.

Я поехал со своим синтезаторным кейсом на Гранд-Централ и сел на автобус до аэропорта Ла-Гуардия. Это второстепенный нью-йоркский аэропорт, более маленький и тесный, что-то типа хилого младшего брата аэропорта имени Кеннеди. Низкие потолки, выцветшие голубые стены – Ла-Гуардия больше походила на региональный автовокзал, чем на международный аэропорт. Собственно, международным аэропорт считался только потому, что там был один сорокапятиминутный рейс до Торонто. Из Ла-Гуардии нельзя было улететь в Париж или Токио, но вот в Кливленд – запросто.

> На первом шоу в Амстердаме промоутер повесил над танцполом настоящие козьи головы, с которых на зрителей стекала кровь.

Я сдал в багаж свой кейс, прошел регистрацию, сел в фиберглассовое кресло, стоявшее в аэропорту годов с семидесятых, и стал читать «Дюну» и есть сандвич с томатом, сделанный дома. Я был счастлив: у меня был сандвич, научно-фантастическая книга и новенький «Гейм-Бой» за 49 долларов. Я раскошелился на него еще вчера, но решил не трогать его до полета, потому что не знал, сколько продержатся батарейки.

Мы вырулили на взлетную полосу и взлетели в сторону солнца. У Райкерс-Айленда мы свернули налево, и я увидел

сверху весь Манхэттен, окруженный реками. Далеко на юге виднелись Зеккендорфские башни, самое высокое здание из всех располагавшихся поблизости от моего жилища. Мы пролетели мимо Верхнего Вестсайда, над Колумбийским пресвитерианским женским госпиталем в Гарлеме, где в 1965 году родился я.

Во втором классе я рассказал нескольким ребятам, что родился в женском госпитале. Они все рассмеялись и сказали, что я девчонка:

– В женский госпиталь мальчиков не пускают!

Логику семилетних опровергнуть очень трудно, так что я защищался как мог.

– Я не девчонка! – закричал я и обиженно ушел домой смотреть мультики.

Когда мы пролетали над Нью-Джерси, я включил «Гейм-Бой» и стал играть в «Тетрис». Я выключил игру, когда самолет пошел на снижение, забрал кейс с синтезатором из багажа и пошел искать человека, который довезет меня до места.

В 1991 году гастроли работали на надежде, хороших отношениях и факсах. По факсу сообщали все: информацию о гостинице, название зала, данные о рейсе. Я был особенно горд, чувствовал себя настоящим профессионалом, потому что у меня появился собственный факс, полный новенькой факсовой бумаги. Когда я куда-то летел, я выходил из аэропорта, держа в руках кучу факсов от промоутера. Обычно меня встречал какой-нибудь семнадцатилетний рейвер, слушавший техно-кассеты за рулем маминого микроавтобуса, и отвозил меня в гостиницу.

– Река все еще горит? Река вообще когда-нибудь горела? Как вообще реки могут гореть?

Когда я забрал багаж в Кливленде, мне помахала миловидная девушка лет двадцати пяти, одетая в футболку с альбомом Лу Рида *Transformer*.

– Ты Моби? – спросила она.

Я ответил, что да.

– Я Дженна, добро пожаловать в Кливленд.

Пока мы ехали в гостиницу, я засыпал Дженну вопросами о Кливленде:

– Река все еще горит? Река вообще когда-нибудь горела? Как вообще реки могут гореть?

Она засмеялась и объяснила, что в прошлом река Кайахога действительно не раз горела, но в последние лет тридцать пожаров на ней не было. Когда мы подъехали к гостинице, Дженна сказала:

– Тут неподалеку отличный вегетарианский ресторан, так что

я заберу тебя в семь, мы поужинаем и поедем в клуб, идет?

– Звучит отлично, спасибо, – сказал я.

Я остановился в ничем не примечательной гостинице для бизнесменов. В моей комнате висела картина, изображавшая уток на пруду, на кровати лежала бежевая простыня с цветочным узором, а в ванной – новенькое мыло Dial. Я помыл руки новым мылом, сел за стол и стал читать «Дюну».

В семь часов вместе с Дженной за мной приехали промоутер и его девушка и проводили меня в местный вегетарианский ресторан. До недавнего времени промоутер работал в жанре индастриал, устраивая концерты Skinny Puppy и Front Line Assembly. Потом, год назад, он побывал на рейве в Лос-Анджелесе, и его мир перевернулся. У него на руке все еще была татуировка Einstürzende Neubauten, но теперь он был чистым рейвером, в мешковатых штанах и футболке Fresh Jive с длинными рукавами. Его девушка больше напоминала индастриал-гота – асимметрично постриженные черные волосы, футболка Bauhaus. Они оба были вегетарианцами, так что мы заказали хумус и стали обсуждать рейв-сцену. Я только что с ними познакомился, но они были такими приятными ребятами, что я решил: они теперь мои новые лучшие друзья, и я обожаю Кливленд. Может быть, мне стоит уехать из Нью-Йорка, переехать сюда и каждый день есть с ними хумус?

Мы поехали в маленький танцевальный клуб «Флэтс», прятавшийся под огромными железными мостами в промзоне. Было девять вечера, до начала оставалось еще несколько часов, и я пошел прогуляться вдоль реки. Над головой по мостам проезжали грузовики, а темно-коричневая река безразлично текла вдоль меня, словно говоря обреченным тоном: «Знавала я и лучшие дни». Счастливый, я присел на пристани у самого края реки, вдыхая запахи химикатов и гниения.

В клубе уже собралось несколько сот человек, танцевавших под T-99, James Brown Is Dead и другие бельгийские рейв-треки. По углам клуба прятались готы с асимметричными прическами. Им не нравились элементы диско в рейве. У них, конечно, не было рейверских футболок со смайликами, и они не размахивали светящимися палочками, но вот новая электронная музыка начинала им нравиться, хотя, конечно, она была для них недостаточно мрачна.

Диджей поставил Energy Flash Джоуи Белтрама, и я начал танцевать среди небольшой толпы из нескольких рейверов, нескольких готов и одинокого хиппи с закрытыми глазами. Клевые рейверы освоили танцевальные движения, очень похожие на измерение рыбы или сколачивание коробки голыми руками. Я

просто вышел на танцпол; никакой рыбы я не измерял, лишь плохо танцевал под техно.

Там меня нашел промоутер.

– Эй! – крикнул он. – Одиннадцать часов, не хочешь начать?

– Конечно, хочу! – крикнул я в ответ.

Я вышел на сцену, и диджей вскоре перестал играть. Промоутер схватил микрофон и загремел:

– Кливленд! Сегодня у нас выступает Моби из Нью-Йорка!

Я начал свой сет с Ah Ah, затем сыграл Go (Rainforest mix), Electricity, Voodoo Child и Next Is the E и закончил выступление Rock the House. Я бегал по маленькой сцене, запрыгивал на синтезатор, избивал Octapad до полусмерти и орал во все горло. Зрители измеряли рыбу и размахивали светящимися палочками. Во время и после каждой песни они дули в свистки и аплодировали. После концерта я сошел со сцены, насквозь мокрый от пота.

Я стоял за кулисами, опираясь о стену, и тут ко мне подошла девушка-гот с ярко-красными крашеными волосами.

– Привет, я Ким, – сказала она.

– Привет, я Моби.

– Мне очень понравился твой концерт.

– О, спасибо, – ответил я. Я был весь потный и казался себе отвратительным.

– Можно купить тебе выпить?

– Я не пью, но можешь купить мне местной газировки.

Пока мы шли к бару, ко мне подошли еще несколько готов и рейверов и сказали, что им понравился концерт. Я сиял. Это было мое первое выступление в США за пределами Нью-Йорка и Калифорнии, рейверы радостно кричали, а теперь меня вела к бару привлекательная девушка-гот с пирсингом в щеках.

> Принесли наши напитки; она съела таблетку и запила ее шорле с белым вином, оставив на бокале следы темно-красной помады.

Подошла Дженна в своей футболке с Лу Ридом и, лучась радостью, стала рассказывать мне, как ей понравился концерт. А потом увидела Ким, и ее глаза сразу потухли.

– О, привет, Ким, – коротко сказала она.

– Привет, Дженна, – так же коротко ответила Ким.

Повисла неловкая пауза. Пытаясь показаться взрослым, я спросил у Дженны:

– Хочешь выпить?

– Нет, я пойду дальше работать. Если надо тебя подвезти, скажи мне.

– О, я его сама довезу, – сказала Ким таким тоном, словно защищала добычу.

Дженна ушла. Ким притянула меня к себе и спросила:

– Хочешь «Э»?

Я хотел ответить: «Ой, ха-ха, я наивный трезвенник-христианин, который читает книги по «Звездному пути». Я никогда не принимал экстази и не затевал романов на одну ночь в турне». Но вместо этого я лишь сказал:

– Нет, мне и так хорошо.

Принесли наши напитки; она съела таблетку и запила ее шорле с белым вином, оставив на бокале следы темно-красной помады. Потом она взяла меня за руку и сказала:

– Пойдем потанцуем.

Мы вышли на танцпол, окруженные рейверами и готами – потными, пьяными и под кайфом. Кто-то хлопал меня по спине и кричал: «Отличный концерт!» Все улыбались, и я почувствовал себя милым щеночком, купаясь во внимании этих счастливых кливлендских незнакомцев.

Диджей поставил Go (Woodtick Mix), и народ на танцполе весело закричал. Ким прижалась ко мне. Я чувствовал запах белого вина в ее дыхании, а ее груди упирались прямо в меня.

– Пойдем, хорошо? – сказала она.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, пытается ли она скаламбурить на тему названия песни или же действительно хочет уйти.

– Пойдем. В мою гостиницу? – спросил я. Она кивнула.

Ким увела меня с танцпола за руку. Мы прошли мимо бара, мимо охранников и вышли на парковку. Когда дверь клуба закрылась, внезапно повисла полная тишина.

– Как называется река? – спросил я, показав на темную речку, которая текла мимо парковки.

– О, я не знаю.

– Я слышал, река тут как-то горела? – спросил я, не очень зная, о чем вообще говорят перед тем, как переспать с малознакомой девушкой.

Она не ответила. Мы сели в ее синий «Сатурн», и она поставила в магнитофон кассету Nine Inch Nails.

– О, любишь индастриал? – спросил я. – Мне очень нравится Nitzer Ebb и Test Dept.

– Обожаю Трента, – ответила она, завела мотор и тронулась. По пути, подпевая Sin, она взяла меня за руку. Ее рука была потной, и она стала хватать мою ладонь, словно замешивая тесто для хлеба.

Мы доехали до гостиницы, и я не знал, что делать. Я был

холост, так что мне ничто не мешало заводить однодневные романы с кем угодно, хотя я и не был до конца уверен в теологических последствиях секса с незнакомками в гостиничных номерах.

Я набрался смелости и спросил:

– Хочешь подняться в номер?

Четыре простых слова, которые дались мне с большим трудом.

– Хорошо, – ответила она, заглушила двигатель и убрала ключи в черную кожаную сумочку.

Мы поднялись в комнату, и она спросила:

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– М-м-м, тут есть мини-бар.

Я открыл холодильник. Она заглянула внутрь, взяла маленькую бутылку «Джека Дэниэлса» и банку «Кока-колы» и приготовила себе коктейль, оставив банку и бутылку на туалетном столике рядом с моей зубной щеткой Tom's of Maine и зубной нитью.

Я был холост, так что мне ничто не мешало заводить однодневные романы с кем угодно, хотя я и не был до конца уверен в теологических последствиях секса с незнакомками в гостиничных номерах.

Ким посмотрела на меня; ее глаза были слегка расфокусированы из-за экстази, белого вина и виски. Она пахла какой-то дешевой парфюмерией, но я хотел поцеловать ее. Я не хотел влюбляться в нее или купить дом и поселиться там вместе с ней, воспитывая нескольких маленьких веганов. Я просто хотел поцеловать ее в губы, пахнувшие виски с колой, здесь, в моем тихом гостиничном номере. Я был христианином, но я хотел больше подобных ночей – с пьяными и обдолбанными девушками, которые бросают пустые бутылки из-под «Джека Дэниэлса» рядом с маленькими кусочками мыла Dial в ванной.

Ким села на коричневую простыню, сделала большой глоток из своего бокала и начала говорить. Она рассказала, что работает парикмахером. Еще рассказала о своем бывшем парне, с которым только что рассталась – он диджей «и настоящий м*дак». Потом была история о том, как она росла в Огайо и хотела уехать в Лос-Анджелес, но в то же время не могла бросить друзей в Кливленде. Я сидел на постели и слушал, думая, когда же стоит ее поцеловать.

Она перестала говорить, я наклонился вперед и поцеловал ее в ярко-красные губы. Она не ответила на поцелуй, и я отодвинулся, не понимая, что происходит.

– Я должна тебе кое-что сказать, – допив коктейль, проговорила она. – Когда я росла, ко мне приставал отчим.

– О Боже, – сказал я. – Мне так жаль.

Следующие полчаса она рассказывала мне, как росла в пригороде Кливленда и как к ней приставал отчим. Я сидел рядом, не говоря ни слова. Договорив, она встала и сделала себе еще одну порцию виски с колой. Выпив половину, она поставила бокал на прикроватный столик и спросила:

– Полежишь со мной в обнимку?

– Конечно.

Мы легли на простыню с цветочным узором, и я обнял ее сзади.

Через несколько минут я понял, что она плачет, погладил ее по жестким красным волосам и сильнее прижал к себе. В конце концов она перестала плакать, и мы просто лежали в странной тишине гостиничного номера в два часа ночи.

Ким встала, допила коктейль и поправила платье.

– Мне надо идти, – сказала она, потом, посмотрев на меня, добавила: – Пока, Моби. Ты милый.

Она забрала сумочку и ушла, тихо закрыв дверь. Мне она оставила бокал с отпечатками темно-красной помады, две пустых бутылки «Джека Дэниэлса» и полупустую банку «Кока-колы». Я чувствовал на своей футболке запах ее духов, смешанный с сигаретами и рейверским дымом из клуба.

Я пошел в туалет и вылил полупустую банку «Кока-колы» в унитаз.

Глава двадцать вторая
Свет сквозь деревья

Мой английский тур-менеджер решил, что устроить мне три концерта в одну ночь – хорошая идея. Играть один концерт за вечер – это же так лениво, традиционно и буржуазно. Его логика, насколько я понял, была такой: Англия довольно маленькая, в три часа ночи на дорогах пусто, а три концерта – это три гонорара.

Описываемые события происходили задолго до распространения мобильных телефонов, Google Maps и компьютерной навигации. То была эпоха бесконечных кружений по пригородным объездным дорогам, покупки карт на заправках и вопросов «Как доехать?», обращенных к бомжам-наркоманам, живущим под мостами Бирмингема.

Я жил в Майда-Вейле, в гостевой комнате Марка Мура. Он с группой S-Express выпустил танцевальный хит номер один Theme from S-Express и был самой крутой поп-звездой, с которой мне довелось нормально пообщаться. Как и все остальные на танцевальной сцене, он был молод, и успех пришел к нему случайно. Единственное условие, на котором он согласился пустить меня к себе пожить, – чтобы я для него готовил.

Мой английский тур-менеджер решил, что устроить мне три концерта в одну ночь – хорошая идея. Играть один концерт за вечер – это же так лениво, традиционно и буржуазно.

В первый свой вечер в Майда-Вейле я пошел в местный продуктовый магазин и купил тофу, бурый рис, имбирь, брокколи и кунжутное масло. Я приготовил ему овощное рагу. Он съел четверть своей порции, посмотрел на меня ненавидящим взглядом и сказал:

– Ладно, хорошо, можешь жить у меня, но, пожалуйста, больше никогда ничего мне не готовь.

Мы с Марком сидели в гостиной с его парнем и Джеффом Миллзом из Underground Resistance, обсуждая Берлин и новые техно-релизы. В дверь позвонили, и вошел мой водитель. На моего тур-менеджера работали несколько человек, чьей единственной задачей было возить диджеев и рейв-группы по клубам и рейвам Великобритании. Требований в должностной инструкции было два: 1) у тебя должна быть машина; 2) ты не должен спать за рулем.

Водитель вошел, увидел, как Марк держится за руки со своим парнем на диване, и коротко сказал:

– Я буду в машине.

– Ой-ой, дорогуша, твой водитель, похоже, гомофоб, – сказал Марк.

Я сложил аппаратуру на заднее сиденье машины и сел впереди, рядом с водителем. Ни он, ни я не стали говорить о том, что он, возможно, гомофоб, а я живу у гея – поп-звезды и его бойфренда. Единственной работой водителя было вовремя доставить меня на концерты и получить за это деньги. Если он гомофоб – это, конечно, отвратительно, но это не значит, что он недостаточно квалифицирован, чтобы возить меня по Англии посреди ночи.

Мы выехали из Лондона, выбрались на шоссе M25 и поехали на наш первый адрес – клуб «Мистер Би» в Эссексе. «Мистер Би» был легендарным местом для рейверов: The Prodigy и остальные танцевальные коллективы из Эссекса либо давали там свои первые концерты, либо принимали в «Мистер Би» наркотики, либо трахались на парковке клуба. Я должен был выйти в одиннадцать вечера, что на рейверском языке означало начало ночи, почти сумерки.

Машин на дороге было немного, так что в Эссексе мы были уже в десять пятнадцать. Мы припарковались, и я отнес свой кейс с синтезатором и Octapad в клуб. Я думал, что «Мистер Би» – это огромный рейвовый зал, что-то типа «Гасиенды» в Манчестере. Но это оказался диско-бар, словно застрявший в 1975 году, с угрюмыми охранниками, одетыми в черное, и очень громкой звуковой системой. Как и почти все остальные диско-бары в Великобритании, «Мистер Би» был полностью окрашен в черный цвет, а перепачканные красные ковры выглядели так, словно их стащили из какого-нибудь борделя в Хорватии.

«Мистер Би» был легендарным местом для рейверов: The Prodigy и остальные танцевальные коллективы из Эссекса либо давали там свои первые концерты, либо принимали в «Мистер Би» наркотики, либо трахались на парковке клуба.

Я поставил оборудование на сцену и зашел в каморку, которую один из охранников вежливо назвал «гримеркой». Там стояли два складных стула и маленький холодильник с полупустой банкой майонеза и пивом. Там было холодно; собственно, в Англии было холодно за кулисами любого клуба. В зале могло быть жарко, от разгоряченных рейверов почти всегда шел пар, но вот закулисье английских клубов было похоже на

грязный морг, где ты видел свое дыхание.

Я немного посидел один, потом в одиннадцать часов вышел на сцену и отыграл свой двадцатипятиминутный рейвовый сет. В «Мистере Би» собралось человек пятьдесят. Кто-то из них был одет в рейверские футболки с длинными рукавами и размахивал светящимися палочками. Другие посетители, тщательно причесанные, гладко выбритые, больше напоминали офисных работников. Клуб был на восемьдесят процентов пуст, но я прыгал, бил по Octapad, много раз крикнул: «Go!», сломал микрофон, а в кульминационный момент шоу залез на синтезатор. Пятьдесят человек вежливо похлопали и стали ждать, пока диджей поставит свежие техно-хиты.

После шоу за кулисы пришел промоутер. Он был немного старше меня и одет в тесную черную футболку. Он был настолько обдолбан, что скрежетал зубами, а его глаза были подвижны, как головастики, зыркая по комнате туда-сюда.

– О, блин, чувак, жалко, что народу так мало пришло, – с характерным «кайфовым» заиканием проговорил он. – Возвращайся в три часа ночи, вот когда тут все реально ох*ительно!

– Спасибо, но нам надо ехать в Ковентри и Бирмингем.

– Сегодня? Бл*, мужик, три концерта за ночь? Что это вообще такое?

Он смотрел то на дверь холодильника, то на меня.

– Хороший вопрос, – сказал я.

Он сильно хлопнул меня по плечу. Я собрал оборудование и положил его обратно в машину.

Мы поехали на концерт номер два, в клубе «Эклипс» в Ковентри. Великобритания – сравнительно маленькая страна, но она кажется невероятно огромной, когда ты два часа едешь по ней с лаконичным водителем-гомофобом, а радио молчит.

– Радио не работает? – спросил я.

– Кто-то украл ксмрзммгу, – ответил он. Я предположил, что это какой-то технический термин, связанный с автомобильными радиоприемниками, но так и не понял, что он означает.

– Украл что? – переспросил я.

– Ксмрзммгу, – снова сказал он.

– Ладно, – ответил я.

В «Эклипс» мы приехали в два часа ночи. Водитель припарковал машину и откинулся на сиденье, чтобы немного вздремнуть; я забрал аппаратуру и пошел внутрь. Клуб был забит битком. Диджеи играли невероятно быстрое техно, в воздухе сильно пахло куревом и мазью «Викс», все были очень потными. Я попытался пробиться сквозь толпу, наталкиваясь на большеглазых

рейверов под экстази. В конце концов я нашел охранника и вежливо, насколько это возможно при крике во все горло, спросил, где промоутер. Он спокойно показал на потного парня возле туалета, который как раз запустил руку в штаны какой-то пухлой рейверше.

Я подошел к ним и осторожно представился, прервав их увлекательное занятие.

– О, круто! Моби Гоу, офигеть! – сказал промоутер, зрачки которого были шириной с канализационные люки. – Найди Блэкки, он поможет тебе со звуком. Тебе надо немного «Э», или спидов, или «чарли»[8]?

– Нет, спасибо! – ответил я, перекрикивая трек Grooverider. – Где Блэкки?

– В конце зала, рядом с диджеем.

Он вернул руку в штаны пухлой рейверши. Я протолкнулся через толпу к диджейской кабинке и действительно обнаружил там Блэкки, который мирно спал на большой колонке.

В Нью-Йорке я иногда играл со своими клубными приятелями в игру под названием «Чем он удолбался?».

Если кто-то в ночном клубе трогает тебя за лицо и говорит, что ты красивый, можно биться об заклад, что он под экстази.

Если кто-то танцует медленно и смотрит на свои руки, освещенные софитами, скорее всего, он под кислотой.

Если кто-то сидит на полу и разглядывает свои ботинки, он, наверное, под кетамином.

Если кто-то белый говорит тебе, как обожает Хайле Селассие, он практически точно выкурил слишком много травки.

А если кто-то, в данном случае – звукорежиссер, спокойно спит на грохочущей колонке в два часа ночи, это верный знак, что он героинщик.

Я разбудил Блэкки и громко спросил его:

– Где ставить оборудование для концерта?

Он молча сидел и смотрел на меня, явно желая улечься обратно спать.

– Я Моби. Где мне ставить синтезатор? – снова спросил я.

Он вздохнул. По крайней мере, мне показалось, что он вздохнул – вздох усталого героинщика в ночном клубе в два часа ночи услышать просто невозможно. Он встал и медленно провел меня к сцене. Я достал синтезатор, драм-машину, Octapad и DAT-магнитофон и расставил все на больших металлических футлярах.

Диджей играл супербыстрый джангл с темпом 180 ударов в минуту, а мой сет состоял из техно с темпом 135. Я боялся, что даже несмотря на то, что у меня есть целых два хита в топ-40

английского танцевального хит-парада, мои более медленные песни превратятся в гири на ногах танцующих.

Я представил, как полторы тысячи рейверов на «Э» смотрят на меня с презрением, которое прорывается даже сквозь метамфетаминовый кайф.

> То была огромная, анархическая, безупречная дионисийская оргия с ароматом «Викс».

В два тридцать ночи диджей прекратил играть, и ведущий, одетый то ли как мим, то ли как бомж, представил меня:

– «Эклипс»! Ковентри! Из самого Нью-Йорка к вам приехал Моби Гоу!

Я отыграл свой двадцатипятиминутный сет, немного поменяв порядок песен, и он даже не превратился в гири на ногах, как я боялся. Накачанные таблетками зрители плясали как умалишенные. Свет был хаотичным и ослепительным, звук просто сносил. На сцене и танцполе было градусов сорок, и пот лился из всех смазанных ментоловой мазью пор. То была огромная, анархическая, безупречная дионисийская оргия с ароматом «Викс».

Полететь в Великобританию, питаться чем попало и отыграть три шоу за ночь – это внезапно показалось мне лучшим решением из всех, что я когда-либо принимал. Я закончил концерт полуголым и стоя на синтезаторе. Зрители аплодировали и свистели, а ведущий, который то ли мим, то ли бомж, кричал: «Моби Гоу! Нью-Йорк с нами!» Я вышел на парковку и разбудил водителя. Он направился в клуб за деньгами, а я убрал пропахшие по́том и рейверским дымом инструменты обратно в машину.

В полном безмолвии мы поехали на третий ночной концерт, где-то неподалеку от Бирмингема. Это шоу должно было стать самым крутым, потому что это был настоящий олдскульный рейв в чистом поле хрен знает где. Выступления на больших полях во многих милях вдали от любых населенных мест – это лучшая часть гастролей: едешь по проселочной дороге где-нибудь в Англии и вдруг слышишь издалека техно и видишь свет прожекторов, пробивающийся сквозь деревья; было в этом что-то волшебное и первобытное.

Я должен был выйти на сцену в пять утра, но в четыре тридцать мы потерялись где-то на окраине Бирмингема. Заблудиться в дороге – это тоже была неотъемлемая часть гастролей. Но на этот раз мы не просто свернули куда-то не туда – мы в буквальном смысле потерялись. Наша тридцатиминутная поездка из Ковентри к пригородам Бирмингема длилась уже часа

полтора. Мы десять раз проехали мимо одного и того же перекрестка с круговым движением. Водитель смотрел на карту и чертыхался.

– А тут холма поблизости нет? – спросил я. – Может быть, заедем на холм и сверху увидим что-нибудь похожее на рейв?

Мы в одиннадцатый раз проехали перекресток и нашли холм рядом со старой деревней. На вершине я забрался на крышу машины и увидел рейвовое освещение где-то далеко на горизонте, за деревьями и полями.

> Это шоу должно было стать самым крутым, потому что это был настоящий олдскульный рейв в чистом поле хрен знает где.

Водитель понесся по узким проселочным дорогам в направлении прожекторов, которые мы увидели, и в конце концов вдалеке мы услышали техно. Подъехав поближе, мы увидели свет прожекторов над деревьями. И внезапно мы оказались на месте, окруженные десятью тысячами людей на поле теплой британской ночью. Мы нашли техно-сцену, где я должен был выступать. Рядом с ней стояла хаус-сцена, чуть дальше – джангл-сцена, а на пологом склоне холма располагалась чиллаут-палатка, где сидела куча народу под экстази, держа друг дружку за руки и с любовью разглядывая друг друга.

В пять пятнадцать утра мои инструменты поставили на сцену, и диджей прекратил играть. Я посмотрел на людское море из тысяч рейверов, и ведущий в регги-одежде представил меня:

– Крутое техно! Из Нью-Йорка! Моби Гоу!

Я отыграл двадцатипятиминутный техно-сет, начав с Rock the House. Зеленые лазеры блуждали среди десяти тысяч зрителей и касались высоких деревьев на краю поля. Солнце уже вставало, а небо постепенно превращалось из серого в розовое, а потом в светло-голубое.

Толпа передо мной дергалась в экстазе как обезьяны. Они поднимали руки в воздух, а потом, когда мой сет закончился и я стоял на своем мокром и, похоже, слегка сломанном синтезаторе, стали кричать от восторга – именно такими я всегда и представлял восторженные крики. Такие крики можно было услышать на футбольном матче или концерте Bon Jovi. Я сошел со сцены под светом рассветного солнца и мягким восточным ветром.

В шесть утра, когда я сидел в машине и ехал обратно в Лондон, гомофобия водителя уже не казалась такой гадкой, а отсутствие радио – таким отупляющим. У меня в ушах звенело от радостных, одобряющих криков десяти тысяч рейверов на

рассветном поле.

Глава двадцать третья
Желтая каска

Я стоял на краю сцены на рейве в центре Манхэттена, без рубашки и весь потный. Я только что доиграл свой сет и пил воду из бутылки, и тут ко мне подошла девушка, одетая в маленький топик с завязкой на шее и мешковатые рейверские джинсы. Протянув мне руку, она сказала:

– Привет! Я Кара!

Она была высокой и красивой, с ярко-белыми волосами, так что, пожимая ей руку, я спросил, не модель ли она. Она ухмыльнулась и ответила:

– Нет, но я образцовая гражданка[9].

Я был покорен.

Кара была дизайнером одежды, которая пять вечеров в неделю ходила по рейвам и клубам. После месяца свиданий, рейвов и ночевок друг у друга в квартирах она отвезла меня в Луисвилл, штат Кентукки – в этом городе она выросла. Я познакомился с ее родителями и сестрой, и мы с Карой занялись любовью в той самой постели, где она спала, еще учась в средней школе. Ее комнату в Луисвилле по-прежнему украшали старые награды организации 4-H, а стены были увешаны плакатами с Дэвидом Хассельхоффом и New Kids on the Block. Но ее мама выращивала шиншилл на продажу, так что почти весь пол теперь был уставлен клетками с шиншиллами.

– Твоя мама не убьет шиншилл? – спросил я.

– Нет, скорее всего, просто оставит их тут в качестве питомцев, – сказала Кара.

И мы переспали в ее детской комнате, а потом уснули, окруженные лентами 4-H и облезлыми шиншиллами.

> И мы переспали в ее детской комнате, а потом уснули, окруженные лентами 4-H и облезлыми шиншиллами.

Под конец наших выходных в Луисвилле мы съездили на ферму к ее бабушке и дедушке. Ее высокий, немного славный дедушка показал мне пастбище; над сорговым полем садилось солнце. Мы остановились, любуясь одной из коров, и он спросил меня, откуда я.

– Я вырос в Коннектикуте, но я из Нью-Йорка.

– В Нью-Йорке одна проблема – слишком много евреев, – дружелюбно сказал он, гладя козу.

В аэропорту я сказал Каре:

– Ты мне нравишься, но твоя семья меня пугает.

Через день после того, как мы покинули шиншилл и дедушку-антисемита и вернулись в Нью-Йорк, я пошел в «Дэнс-Трэкс» на Третьей улице. Там сидел Фрэнки Боунз с сумкой, полной флаеров с рекламой бруклинского «Штормового рейва». «Штормовые рейвы» были легендарными, а сам Фрэнки Боунз – еще легендарнее. Он начал карьеру в восьмидесятых как хип-хоповый диджей в Квинсе, но постепенно превратился в самого известного техно-диджея во всем Нью-Йорке. Он протянул мне флаер на «Штормовой рейв».

– Если ты придешь, это будет честь для меня, – сказал он.

– Можно мне привести новую девушку и друга? – спросил я.

– Конечно, я впишу тебя и плюсы. Увидимся в субботу, – сказал он и пошел вниз по Третьей улице с сумкой флаеров.

«Штормовой рейв» проходил в отдаленном районе Бруклина, восточнее Уильямсберга. Шел 1992 год, и у меня не было ни одного знакомого, кто хоть раз бывал так далеко на востоке Бруклина. Я знал лишь одного человека, жившего в Уильямсберге, – он переехал туда в девяносто первом, потому что там было очень дешевое жилье. Он со своей девушкой снимал лофт площадью три тысячи квадратных футов с видом на Ист-Ривер за 750 долларов в месяц. Место они просто обожали, но за едой приходилось ездить по линии L в Манхэттен, потому что в районе не было ни продуктовых магазинов, ни ресторанов.

> Несколько ребят накинулись на ее друга, избили, ударили ножом и оставили истекать кровью на платформе. Люди просто проходили мимо, а одна женщина даже плюнула на него и сказала: «Тупой белый мальчишка».

Я никогда не был восточнее Уильямсберга, но «Штормовой рейв» проходил намного, намного дальше на восток, в той части Бруклина, о которой старинные картографы писали «Здесь живут драконы».

В субботу вечером мы с Карой и Полом сели на поезд линии L на Первой авеню. На станции мы посмотрели на карту метро.

– Куда мы едем? – спросила Кара. Я показал на самый конец серой линии L; о станции с таким названием я до этой недели даже не слышал.

– Вон туда, – сказал я, затем посмотрел на карту, нарисованную на флаере. – А потом пройдем несколько кварталов.

– Ты куда меня везешь? – печально спросила Кара, когда к

платформе подъехал поезд.

Через двадцать минут дороги на восток мы остались единственными пассажирами в вагоне, поэтому мы с Полом забрались на поручни и повисли на них вниз головой.

– Слезайте, вы же убьетесь! – засмеялась Кара.

Мы с Полом начали бороться, вися на поручнях вниз головой, как обезьяны, и напевая боевую музыку из «Звездного пути».

– Ха-а-ан! – заорал Пол. Мы засмеялись и слезли обратно.

– Мы уже приехали? – спросила Кара. Я посмотрел на карту метро, спрятанную за исцарапанным стеклом.

– Еще три остановки, – сказал я.

– Мы вообще еще в Нью-Йорке? – спросила она.

– Нет, уже в Род-Айленде, – сказал я.

– Никогда не бывала в Род-Айленде, – ответила Кара, а потом рассказала историю о друге, на которого на этой неделе напали в поезде линии F. Несколько ребят накинулись на ее друга, избили, ударили ножом и оставили истекать кровью на платформе. Люди просто проходили мимо, а одна женщина даже плюнула на него и сказала: «Тупой белый мальчишка».

– Но это было в Форт-Грине, – заметил я. – Здесь, на востоке Бруклина, у нас, скорее всего, сразу вырежут почки.

Поезд приехал на конечную. Мы вышли на полуразвалившуюся платформу, а потом поднялись на пустынную улицу.

– Сегодня суббота, время всего одиннадцать вечера, – сказала Кара, оглядевшись. – Тут что, все умерли?

Следуя карте, мы пошли еще дальше на восток, мимо брошенных складов и пустых парковок. Повернув за угол возле полуразрушенной фабрики, мы услышали *тумц-тумц-тумц* техно-музыки.

– Похоже, это рейв, – сказал Пол.

Десять или двадцать рейверов в гигантских штанах стояли возле какого-то склада и курили сигареты. Нас увидел Адам, кузен Фрэнки Боунза.

– Эй, Моби! – крикнул он. – Ты тут! Заходи!

Мы зашли на склад; внутри было душно из-за дыма и техно.

– Адам, кто играет? – крикнул я, перекрывая шум.

– Ленни Ди! – крикнул он в ответ.

Я увидел вертушки на платформе в углу огромного зала; Ленни Ди играл супербыстрое техно для тысячи рейверов. Рейверы из Бруклина и Квинса были полуголыми, мускулистыми ребятами с уложенными гелем волосами и золотыми цепями; рейверы из пригорода – худыми нердами в гигантских рейверских штанах и футболках со смайликами.

– Тут есть еще и хаус-зал! – закричал Адам. – Вниз по этому коридору!

– Спасибо! – ответил я. – Увидимся.

> – Посадить нас? – пробормотал Пол. – Куда? У вас тут специальная тюрьма для охранников? Мы оставили охранника дальше закипать от ярости и пошли обратно на рейв.

Мы вышли из главного зала, прошли по темному коридору и обнаружили комнату, где примерно сотня рейверов отплясывала под хаус.

– Мне тут нравится! – сказала Кара и начала танцевать. Мы с Полом – тоже. Диджей поставил Housewerk группы Airtight. Кара закричала «Моби! Я обожаю эту песню» и стала дергаться, как возбужденный Маппет.

Потанцевав еще под несколько хаус-треков, мы решили исследовать фабрику.

Мы прошли по еще одному длинному коридору, мимо нескольких рейверских парочек, обжимавшихся в темных уголках, и нашли большую несгораемую дверь. За ней оказалась парковка с кучей грузовиков и бульдозеров.

– Как круто! – сказала Кара и побежала к бульдозерам.

– Почему тут никого нет? – спросил Пол, оглядывая пустую парковку.

– Идите сюда! – крикнула Кара, забираясь на экскаватор. Она нашла старую желтую каску и надела ее поверх своих коротких осветленных волос. Она была обсыпана блестками и одета в маленький топик с лямкой на шее, сделанный из американского флага.

– Ты похожа на инопланетянку-строителя! – закричал я.

– В самом деле! – согласилась она. – О, смотри! Они оставили тут ключи. Может, заведем машину?

– М-м-м, – сказал Пол.

– Да! – сказал я.

Она повернула ключ в замке зажигания, и экскаватор зарычал, возвращаясь к жизни.

– Ву-ху! – закричала Кара. – Поехали!

Мы с Полом забрались в кабину экскаватора и стали разглядывать рычаги и педали.

– Как заставить его ехать? – спросил я.

– Я водил экскаватор на ферме у дяди, – сказал Пол. – Давай я попробую.

Кара слезла со старого винилового сиденья, и ее место занял Пол. Его волосы были окрашены в голубой и розовый, одет он

был в саронг и старую футболку Sex Pistols.

– Тут две педали тормоза, – сказал он, проверяя их ногой, – и одна педаль газа.

Он нажал на газ, и двигатель рыкнул чуть громче.

– А вот эти рычаги заставляют его ехать.

Он нажал на рычаг, и экскаватор качнулся вперед.

– Ура! – закричала Кара.

– А рулить можешь? – спросил я, когда мы медленно поехали в сторону сетчатого забора.

– Нет! – крикнул он.

Позади послышались крики, потом кто-то подул в свисток.

– Это что, рейвер? – спросила Кара.

Нас догнал запыхавшийся охранник.

– Какого х*я вы тут делаете? – заорал он.

– Воруем экскаватор, – сказала Кара.

– Слезайте! Быстро! – крикнул он.

Пол выключил двигатель экскаватора, и мы спустились.

– Вас, бл*дь, посадить надо! – продолжал надрываться охранник, брызгая в нас слюной.

– Посадить нас? – пробормотал Пол. – Куда? У вас тут специальная тюрьма для охранников?

Мы оставили охранника дальше закипать от ярости и пошли обратно на рейв.

– Давайте еще раз его угоним, пока этот парень не смотрит, – предложила Кара.

– И поедем на нем обратно в Нью-Йорк, – добавил я.

– Формально мы и так находимся в Нью-Йорке, – сказал Пол, когда мы прошли обратно через огромную металлическую дверь.

Мы еще немного потанцевали в хаус-комнате, а потом вернулись в гигантский зал для техно, где Фрэнки Боунз как раз поставил очень быстрое бельгийское техно. Я подошел поздороваться.

– Эй, Фрэнки! – крикнул я.

– Моби! Эй! – крикнул он в ответ и пожал мне руку, потом остановил вертушку и взял микрофон. – «Штормовой рейв», вы все здесь? – спросил он.

Ответом ему стал дружный крик тысячи бруклинских и пригородных рейверов.

– Я вас спрашиваю: вы здесь, в зале? – заорал он.

Тысяча бруклинских и пригородных рейверов снова дружно закричала в ответ.

– У нас сегодня в гостях Моби!

И рейверы закричали в третий раз, когда он поставил Go (Rainforest Mix).

Кара начала танцевать, а Пол сказал:

– Моби, это просто сумасшествие.

Я лишь улыбнулся. Всего несколько лет назад я блуждал по Нью-Йорку под дождем, таская промокший пакет с кассетами и пытаясь подписать контракт на запись или найти работу, ставя пластинки в баре или ночном клубе. А теперь тысяча рейверов танцует в задымленном зале под музыку, которую я написал, и кричит, что любит меня. Я оглядел старый склад и увидел свою прекрасную, улыбающуюся подругу, а потом счастливую толпу рейверов, отплясывавших в обнимку друг с другом. Я широко улыбнулся, и эта улыбка, казалось, заполнила все мое тело.

Мы танцевали до трех часов ночи, потом Пол спросил:

– Когда нам ехать обратно в город?

– Давай сопрем другой бульдозер! – сказала Кара.

Я был счастлив не только за себя – я был счастлив за нас. Никакие большие компании для нас ничего не делали; мы создали все это – тысячи «нас» из разных городов по всему миру. Мы научились сочинять электронную музыку, диджеить, делать виниловые пластинки, основывать рекорд-лейблы и компании по производству одежды. Мы арендовали клубы и склады и устраивали мероприятия для тысяч пляшущих в экстазе людей. Мы издавали журналы, открывали радиостанции, изобретали новые музыкальные формы: радостную, футуристическую музыку, которая стала саундтреком для нового мира, созданного нами. Я добился успеха как музыкант, не играя по правилам, придуманным десятилетия назад каким-то стариком: я добился успеха на музыкальном рынке, который вчера, весело смеясь, создали мои ровесники.

Go закончилась, и Фрэнки Боунз поставил более старую пластинку, Anasthasia группы T-99. Зрители взревели, и я закричал вместе с ними.

Мы танцевали до трех часов ночи, потом Пол спросил:

– Когда нам ехать обратно в город?

– Давай сопрем другой бульдозер! – сказала Кара.

Музыка становилась все быстрее. Рейверы вокруг нас насквозь пропотели, их зрачки были широкими и расфокусированными. Практически каждый вечер рано или поздно наступал момент, когда наркотики все-таки побеждали. Люди начинали танцевать невпопад или просто падали по углам. Разговоры становились медленнее, музыка – мрачнее. В такие моменты я обычно уходил домой.

– Хорошо, пожалуй, пора ехать, – сказал я.

На улице вокруг склада стояло около сотни ребят; они курили сигареты, и казалось, что им вообще не место в этой городской пустыне. Неподалеку было припарковано несколько полицейских машин, но полисмены, похоже, скучали. Я подошел к одному из них.

– Вы не знаете, где тут можно поймать такси?

– Ха! – обратился он к своему партнеру. – Ему нужно такси!

– Видел я тут однажды такси, году в семидесятом, – ответил его партнер.

– Значит, такси не будет? – спросил я. Полицейский смилостивился.

– Идешь пять кварталов в ту сторону, там будет ресторанчик. А за ним – гаитянский мини-таксопарк. Лицензий у водителей нет, так что пристегивайтесь покрепче.

– Спасибо, офицер, – сказал я.

– Как вечеринка? – спросил он.

– Отличная, – ответил я. – На самом деле крутая.

Он усмехнулся.

– Доберитесь до дома целыми и невредимыми, ребята.

Мы прошли пять кварталов по пустынным улицам и нашли ресторанчик, а потом и диспетчерскую обещанного «таксопарка» в помещении бывшего магазина.

– За сколько довезете до Манхэттена? – спросил я у гаитянина, сидевшего за пуленепробиваемым стеклом. Тот отложил сигарету и уставился на меня.

– Вы хотите ехать в Манхэттен? Сейчас полчетвертого утра! Манхэттен?

– Да, пожалуйста.

– Хорошо. Двадцать долларов?

– Пойдет, – согласился я.

– Эй, Жан, хочешь отвезти этих милых белых ребят в Манхэттен? – спросил он у водителя, который сидел в кресле и читал *Daily News*. Жан встал.

– Конечно.

– Ребята, что вы вообще делаете тут, в Бруклине? – спросил диспетчер.

– Мы были на рейве! – сказала Кара.

– На рейве? – переспросил он. – А что такое рейв?

– Большая вечеринка с наркотиками! – ответила она. Диспетчер нахмурился.

– Наркотики – плохо, всю жизнь вам испортят, – сказал он. – А теперь езжайте в Манхэттен и берегите себя.

Глава двадцать четвертая
Триллионы миль

Мой рейс Нью-Йорк – Брюссель приземлился в десять часов в море тумана. Я прошел миграционный контроль, сел на тротуар возле аэропорта, положив рядом кейс с синтезатором и небольшую сумку со сменной одеждой, и стал есть цельнозерновой хлеб, запивая соевым молоком. Вскоре подошел высокий, неторопливый человек в длинной коричневой куртке.

– Ты Моби? – спросил он.

– Да. Ты меня подвезешь?

Он ничего не сказал, только повернулся и пошел к машине. Я последовал за ним. Мы ехали около полутора часов с открытыми окнами, пока не оказались в какой-то маленькой бельгийской деревне, окруженной полями и коровами. Он высадил меня возле небольшой гостиницы, сказал: «Приеду в девять вечера» и ушел.

Гостиница была маленькой, а моя комната – совсем малюсенькой. Одна двуспальная кровать, деревянный стул, небольшое окно и ванная. Я поставил кейс в угол, лег на маленькую кровать и уснул. В шесть часов я проснулся, посмотрел на небольшую репродукцию Магритта рядом с кроватью и напомнил себе, что я в Бельгии. Я съел тарелку овсянки с соевым молоком и, поскольку стоял прекрасный летний вечер, вышел из гостиницы на прогулку.

– Блин, тут какая-то жуть стигийская! – воскликнул я, спустившись по лестнице под звуки техно.

В деревне все уже было закрыто, так что я быстро вернулся обратно и прочитал одну из поздних книг Фрэнка Герберта о «Дюне».

Девять часов: солнце село, водитель не приехал.

Десять часов: я съел немного хлеба и арахисового масла, которое привез из Нью-Йорка. Водитель не приехал.

Одиннадцать часов: я снова лег спать. Водитель не приехал.

Двенадцать часов: водитель приехал.

– Ты где был? – спросил я.

– Опоздал, – ответил он, закурил сигарету и пошел к машине. Мы молча поехали по пустым бельгийским проселочным дорогам и в конце концов остановились на парковке у реки.

– Где рейв? – спросил я.

– На лодке, – сказал он.

– На какой?

– Вон на той, – он показал на длинную баржу. Я достал кейс с синтезатором и пошел вместе с ним по парковке в сторону баржи.

– Никогда еще не играл на лодках, – сказал я. Он ничего не ответил.

Я поднялся по металлическому трапу, пересек палубу и открыл дверь. Из недр лодки доносились оглушающие звуки техно.

– Так, давай свой инструмент, – сказал водитель и понес его вниз по металлической лестнице, исчезавшей в искусственном тумане.

– Блин, тут какая-то жуть стигийская! – воскликнул я, спустившись по лестнице под звуки техно. Водитель посмотрел на меня, и я понял, что употребил довольно странное слово в разговоре с незнакомым бельгийцем. – Ну, стигийская, – неловко добавил я. – Как на реке Стикс.

– Я знаю, что такое «стигийский», – ответил он, и мы пошли по металлическому коридору.

Внутри лодка напоминала картину Иеронима Босха, а вот снаружи царила тихая, идиллическая ночь.

Я пересек оживленный танцпол с низкой крышей, оборудованный в трюме, и поставил синтезатор на импровизированную сцену. Подошел промоутер, представился, сказал, что я выхожу в четыре утра, и исчез в дыму. Потные танцующие тела извивались, звук был оглушительный, и я не видел ничего дальше, чем в пяти футах перед собой. В тумане виднелись какие-то руки, тела и лица, но очень расплывчато. У меня была еще пара часов до начала, и мне совсем не хотелось дышать дымом в трюме ржавой баржи, так что я нашел выход и выбрался на улицу. Внутри лодка напоминала картину Иеронима Босха, а вот снаружи царила тихая, идиллическая ночь.

Я отошел от лодки, и звуки техно позади постепенно стихли. Через пять минут я не слышал уже ничего – ни машин, ни техно, ни звуков города, только стрекот насекомых.

Кошелек и паспорт остались в гостинице; в карманах у меня были только ключ от номера, пара беруш и DAT-кассета. Я встал на берегу реки и задумался, что произойдет, если я нырну в реку и исчезну. Я не грустил. У меня не было депрессии. Я не хотел умереть. Я просто хотел упасть в реку, чтобы она вынесла меня в море. Быть живым – прикольно и обычно интересно. Но было что-то соблазнительное и в том, чтобы сдаться и погрузиться с головой в темную реку. С экзистенциальной точки зрения любой выбор кажется произвольным, и кто я такой, чтобы заявлять о том, что понимаю Вселенную, которой пятнадцать миллиардов

лет? Чем утонуть в реке хуже или лучше, чем не утонуть?

Я простоял в задумчивости на берегу, наверное, полчаса. Было что-то успокаивающее в том, чтобы стоять на одном месте, чувствовать дуновение ветерка на коже и не двигаться. Вдалеке я видел яркий свет; я предположил, что это Брюссель, но, прищурившись, притворился, что это Нью-Йорк. Если я упаду в реку, а потом открою глаза, перенесусь ли я волшебным образом на магистраль ФДР?

Нет. У меня галлюцинации из-за смены часовых поясов. Если я упаду в реку, то просто промокну и замерзну. Я повернулся и пошел обратно к лодке. Музыка стала еще громче, воздух – еще более душным. Промоутер нашел меня возле сцены.

– Готов? – спросил он, куря косяк.

Я вышел на сцену и проверил синтезатор. Потом постучал по микрофону – он был включен. Я посмотрел на танцующую толпу и представил, как трюм наполняется водой и мы все мирно тонем. Не бежим к выходам, расталкивая друг друга, а просто спокойно позволяем грязной речной воде наполнить наши легкие.

Пол только что снял экспериментальный фильм о жизни на другой планете. В конце его короткометражки все персонажи мирно утонули в своем космическом корабле. Утопление было представлено как благо. Задумавшись об этом, я даже захотел сыграть сегодня другой сет – длинный, медленный эмбиент. Даже не музыку. Просто длинные ноты а-ля Тони Конрад, которые эхом будут отражаться от подводного металлического подвала этой странной старой баржи. Под эти медленные, долгие ноты мы все опустимся на дно реки, и наши легкие наполнятся темной водой.

– Из Нью-Йорка! – Промоутер неожиданно выскочил на сцену и стал кричать в микрофон. – Моби!

Я прервал свои размышления и начал концерт с Ah Ah. Первые синтезаторные аккорды были громкими и угрожающими, а когда вступили барабаны, я стал стучать по Octapad. Я толком не видел зрителей, но сквозь туман мне удалось разглядеть, что они все-таки танцуют. Закончилась Ah Ah, началась Electricity. Я закричал и через непроницаемый туман услышал, как зрители, собравшиеся в трюме баржи, закричали в ответ. Go, Next Is the E, Rock the House, еще пара рейв-песен, и через полчаса сет закончился. Зрители хлопали, а диджей поставил Evolution Спиди Джея.

Я сложил в футляр синтезатор и Octapad, покрытые миазмами от тумана и пота, и отыскал водителя.

– В гостиницу? – спросил он.

– Да, спасибо.

Мы покинули стигийскую баржу и в пять утра были в

маленьком деревенском отеле.

– В семь часов я приеду за тобой и отвезу в аэропорт.

– Это очень важно, – сказал я. – Завтра вечером у меня большое шоу в Вашингтоне. Мне нельзя опаздывать на самолет.

– Хорошо, – ответил он и уехал.

Я не устал, солнце уже вставало, а через два часа мне предстояло уезжать. Так что вместо того, чтобы пытаться уснуть, я вышел из деревеньки по аллее, обсаженной деревьями. Минут через десять я дошел до пастбища с коровами.

– Привет, коровы, – сказал я, не зная, как вообще принято обращаться к коровам. Потом свистнул, надеясь, что они подойдут. Но они остались стоять, смотря на меня и жуя траву. Остался стоять и я.

> В Манхэттене сейчас половина первого, и миллионы ньюйоркцев напиваются, танцуют и занимаются сексом. А я стоял на поле в Бельгии в свете восходящего солнца и говорил с коровами.

Рейверы все еще были в трюме лодки, освещенные стробоскопами. В Манхэттене сейчас половина первого, и миллионы ньюйоркцев напиваются, танцуют и занимаются сексом. А я стоял на поле в Бельгии в свете восходящего солнца и говорил с коровами. Вскоре я посмотрел на часы: уже шесть утра.

– Пока, коровы, – сказал я. Они так и остались стоять, безучастно моргая.

Вернувшись в гостиницу, я сделал несколько сандвичей с арахисовым маслом для самолета и вынес синтезатор ко входу маленькой гостиницы. Шестидесятилетняя владелица отеля сидела за столом и пила кофе.

– Доброе утро, вам нужно такси? – спросила она.

– Нет, спасибо, меня подвезут.

Я вышел к дороге, сел на кейс с синтезатором и стал смотреть, как на той стороне улицы открывается продуктовый магазин. В семь пятнадцать я начал паниковать. Вчера водитель опоздал на три часа, а если он сегодня опоздает хоть на тридцать минут, я не успею на самолет.

Я прошел обратно в гостиницу и спросил:

– Вы можете вызвать мне такси в аэропорт?

Владелица отеля куда-то позвонила и сказала в трубку несколько фраз по-фламандски; через десять минут у гостиницы остановилось желтое такси «Мерседес».

– Вам в аэропорт? – спросил пожилой водитель, куривший сигарету.

– Да, и, пожалуйста, побыстрее.

Мы домчались до аэропорта, и я даже успел на самолет за несколько минут до окончания регистрации. Устроившись у окна, я начал вить себе гнездышко, словно крыса: положил на кресло подушку, укрылся двумя простынями, сунул в уши затычки и достал маску для сна. Для типичного грызуньего гнезда не хватало разве что обрывков газеты и колеса для бега. Боги транспорта подарили мне пустое место справа и отрубившегося жирного мужика, сидевшего в проходе. Вскоре мы будем лететь над Атлантическим океаном, и я засну. От усталости у меня болело все, даже волосы и селезенка. Я просто хотел получить простое благо – сон.

> После двух десятилетий, проведенных с опущенной головой и скрываемыми чувствами, теперь я мог спокойно вскидывать руки в воздух на танцполе с сотней, тысячей или даже десятью тысячами других людей и быть счастливым.

Я надел маску для сна, и тут по громкой связи послышался голос, объявивший на английском языке:

– Леди и джентльмены, несколько слов о нашем рейсе. Ваша безопасность – наш главный приоритет, так что…

Так, ладно, сейчас это закончится, и я посплю, сказал я себе. Через четыре минуты голос наконец договорил:

– Спасибо, что летите Sabena. Удачного полета. Я закрыл глаза, но меня тут же разбудило объявление на немецком языке:

– *Beste Damen und Herren…*

А потом предполетное объявление прозвучало еще на четырех языках, включая даже японский.

Через двадцать минут объявления наконец-то закончились, и я осторожно выглянул из-под маски. Ничего больше не будут объявлять? Не летит этим рейсом кто-нибудь из Гиндукуша, кому нужно перевести инструкции для ремней безопасности с языка урду? Я понял, что Бог разрушил Вавилонскую башню просто потому, что его задолбали бесконечные разговоры над ухом. Перед тем как разгневаться и рассеять народы по всей земле, Господь наверняка кричал: «Да заткнитесь вы уже все наконец! Пожалуйста!»

Толстяк на крайнем сиденье храпел. Японские туристы читали книги задом наперед. Я прислонился к окну. Я сидел на дешевом, шишковатом сиденье и пах чужими европейскими сигаретами, но все-таки мне удалось заснуть.

Через шесть часов мы приземлились в Вашингтоне, и двадцать минут нас развлекали обязательными предпосадочными сообщениями. Меня уже не раздражал этот многоязычный

саундтрек – я радовался, что скоро увижусь со своей девушкой и сыграю несколько эйфорических песен на рейве в чистом поле. Я был чопорным белым англосаксонским протестантом из Коннектикута, но на рейв-сцене чувствовал себя перерожденным, бесстыдным и счастливым. В детстве я узнал, что существуют культурно допустимые эмоции и радость в их число не входит. На выражения счастья, если они не были связаны с футболом, алкоголем или деньгами, в Новой Англии смотрели с подозрением.

А теперь я стал частью сцены, всем смыслом существования которой была неприкрытая, бесстыдная радость. Она проявлялась уже в названиях песен: Everybody's Free («Все свободны»), Feel So Real («Настоящие чувства»), Strings of Life («Нити жизни»). Для многих рейверов основным источником радости было употребление наркотиков, но главным идеалом все равно оставались празднование и отсутствие стыда. После двух десятилетий, проведенных с опущенной головой и скрываемыми чувствами, теперь я мог спокойно вскидывать руки в воздух на танцполе с сотней, тысячей или даже десятью тысячами других людей и быть счастливым.

Машина подъехала к гостинице в Джорджтауне; через гигантские окна в атриуме светило солнце. Я прошел через автоматические двери, и мне навстречу выбежала Кара. Мы обнялись и поехали на лифте наверх, к моему номеру. Я рассказал ей, как за последние сутки успел слетать в Бельгию и обратно, а она – как ела сандвичи на поезде «Амтрак». Зайдя в номер, она раздвинула шторы. Неподалеку мы увидели памятник Вашингтону.

– О боже! – воскликнула она. – Тут все видно до самого горизонта!

Я схватил ее, бросил на постель и начал целовать. Она засмеялась.

– Не хочешь сбегать в душ? – спросила она. – Ты весь пропах самолетом!

– Ладно, помоюсь, – ответил я. – Но не надо ко мне приходить.

– Обещаю, – искренне сказала она. Я разделся и залез в душ. Через пять секунд дверь ванной открылась.

– Эй? – сказал я. – Если это Кара, то я же тебе уже сказал: не заходи в душ.

– Это я, Кара, – ответила она. – Ты уверен, что мне сюда нельзя?

– Такие правила, – сказал я.

– Ты уверен?

– Ладно, в этот раз можно, – смилостивился я. Она отодвинула шторку душа.

В девять вечера мы вышли из гостиницы и поехали на рейв, который устроили в часе езды от Вашингтона. Мы припарковались за сценой и вышли из машины; диджей как раз поставил Everybody's Free Розаллы. Ночь была теплой, и рейверы на огромном поле дули в свистки и вскидывали руки. Мы с Карой вышли на сцену и посмотрели на рейверов и их неоновые светящиеся палочки.

– Я хочу потанцевать! – сказала она и потащила меня за руку как ребенок.

Я засмеялся.

– Ладно, иди танцевать, потом встретимся!

Она убежала в толпу. Я поднялся на холм позади поля, лег на траву и попробовал разглядеть Кару в море десяти тысяч кайфующих рейверов. В конце концов мне это удалось – она танцевала с какими-то ребятами, которые даже не сняли рюкзаков. Диджей поставил трек, которого я еще не слышал, с кучей брейкбитов и фортепиано. Я лежал в траве, закрыв глаза, и ощущал прекрасное давление музыки и тяжелого атлантического летнего воздуха.

Я открыл глаза и посмотрел в небо. Из-за светового загрязнения там были видны от силы пять звезд. *«Вся эта пустота между нами и ними*, – подумал я. – *А мы копошимся тут в траве, как веселые букашки»*. Диджей поставил песню Prodigy, и зрители зааплодировали.

У-уф. Я открыл глаза. Кара напрыгнула на меня сверху и уселась на мне.

– Нашла тебя! – воскликнула она. – Твой менеджер сказал, что через полчаса твой выход.

Мы встали.

– Воздух не кажется тяжелым? – спросил я.

– Нет, воздух как воздух! – ответила она.

Я посмотрел на стробоскопы у сцены. Эти маленькие геенны огненные, загоравшиеся на доли секунды и заполнявшие тяжелый воздух светом. Последними словами Гёте были «Больше света». Может быть, он предвидел появление рейва?

Мы с Карой стояли на краю сцены и ждали, пока Скотт Генри закончит свой сет. Сегодняшний рейв назывался «Будущее»; промоутер Майкл вышел на сцену и взял микрофон.

– Привет, «Будущее»! – крикнул он, и будущее закричало ему в ответ. – Добро пожаловать в лето любви!

Зрители просто с ума сошли; послышались даже звуки дудок.

– Он только что сошел с самолета из Бельгии! Вот он, из Нью-Йорка: Моби!

Я выбежал на сцену, когда заиграла Ah Ah, забрал микрофон у Майкла и закричал. Я орал во все горло, пытаясь докричаться и до рейверов, и до маленьких точек в небе, находившихся от нас в триллионах миль. Звук в космосе не распространяется – но можно притвориться, что это не так. Без атмосферы звук умирает. Исчезает в вакууме. Так что мы заполнили вакуум своими жизнями – широкими бельгийскими реками, фортепианными гимнами, радостью, сексом в гостиничных ванных.

– Я чувствую это, – пропел я.

– Я чувствую это, – пропели они.

Мы были прижаты к земле огромным весом: историей, наследием, Богом, воздухом.

Я почувствовал, как меня захлестнуло зрительской любовью. Когда я сыграл Next Is the E, десять тысяч рейверов взорвались радостью, как один.

– Я чувствую это, – пропел я.

– Я чувствую это, – пропели они.

Мы были прижаты к земле огромным весом: историей, наследием, Богом, воздухом. Мы пели и плясали в полях, трюмах и подвалах. Я посмотрел на Кару, стоявшую в стороне. Она танцевала и улыбалась.

– Я чувствую это! – закричал я десяти тысячам рейверов, стоявшим под ночным небом.

– Я чувствую это! – закричали они в ответ.

Часть третья
Искажение, 1992–1995

Глава двадцать пятая
Кресла-мешки

Еще два года назад в Штатах вообще не было рейв-сцены. А сейчас, словно за одну ночь, мир переменился. Во всех более-менее больших городах Северной Америки появились диджейские магазины и точки продажи рейверской одежды. Музыканты продавали гитары, покупали синтезаторы и записывали техно-треки, которые превращались в известные по всему миру гимны. Шел 1992 год, и рейв-сцена расцветала подобно блестящему самодельному цветку.

Почти все мои знакомые пытались стать промоутерами. Так что вместе с моими менеджерами, дизайнером-осветителем Скотто и приятелем по имени Ди-Би я и сам решил попробовать свои силы в этой отрасли, организовав рейв в Челси за день до Хэллоуина. Ди-Би был британским диджеем, который работал и жил в Нью-Йорке, и когда меня познакомили с ним в 1988 году, я думал, что он самый крутой человек на планете. Он был высоким, мрачновато-красивым, безупречно одевался и всегда откуда-то доставал более классные пластинки, чем у меня.

Сначала Ди-Би, Скотто и я придумали ужасное хэллоуиновское название: «Маск-а-Рейв». Потом начали искать зал. У Ди-Би был определенный опыт организации рейвов, а вот я и мои менеджеры ничего в этом не понимали.

– Давайте найдем что-нибудь небольшое и начнем с малого, – робко предложил я, вспоминая пустые танцполы «Хитрого лиса» и «Пале де Боте».

– Можно арендовать «Саунд Фэктори», – сказала Марси, одна из моих менеджеров.

– Марси, «Саунд Фэктори» вмещает три тысячи человек, – возразил я.

– Мы начнем сразу с большого! Все будет круто! – сказала она. – Не беспокойся, Моби.

– Я беспокоюсь, – ответил я.

Ди-Би и другой мой американский менеджер, Барри, решили, что снять «Саунд Фэктори» – хорошая идея, так что мы договорились об аренде на 30 октября. Друг Ди-Би помог с оформлением, и мы сделали двадцать пять тысяч блестящих, простеньких флаеров: «Маск-аРейв, 30 октября, 1992. Живые выступления Altern8 и Моби. Диджеи Ди-Би, Мистер Клин, Кевин Сандерсон. Киберсвет от Скотто». Мы с Ди-Би забрали флаеры из типографии и в офисе моих менеджеров встретились с тридцатью

молодыми рейверами, которые подрабатывали, раздавая флаеры в клубах и музыкальных магазинах.

– Думаешь, народ соберется? – спросил я зеленоволосого восемнадцатилетнего рейвера по имени Майк.

– С таким-то составом? Да, все будет круто, – сказал Майк, и мои страхи слегка развеялись.

Итак, настал канун Хэллоуина, день нашего рейва, и я нервничал. Вдруг рейв провалится? Вдруг я буду прыгать по сцене в полночь перед двадцатью зрителями и уборщиком?

В девять вечера я сидел в своем новом лофте и смотрел в окно на Мотт-стрит. В сумерках здания напротив напоминали острые зубы, скалившиеся на ночном небе. Я слышал звуковые сигналы машин, а за ними – неописуемый шум, производимый вечером в пятницу на Манхэттене несколькими миллионами человек, вышедшими на улицы в поисках любви и хаоса.

Я прошел к парадному входу здания и поздоровался с Джо, нашим бездомным разнорабочим. Джо в молодости был боксером, но потом опустился и стал бомжевать в Нижнем Истсайде – спал на тротуаре прямо перед нашим зданием. Семья Кинничи пожалела его и дала ему работу и спальное место в подвале рядом с репетиционной комнатой Sonic Youth. Джо всегда молча смотрел себе под ноги, когда подметал и мыл полы.

– Привет, Джо, – сказал я, выходя из здания.

– Хм-м-м, – отозвался он.

– Счастливого Хэллоуина.

Он ушел куда-то по Мотт-стрит, ничего не сказав.

> Было лишь девять вечера, но на углу Мотт-стрит и Хьюстон-стрит уже была пьяная девушка в костюме Минни Маус; она стояла, опираясь на почтовый ящик, и ее тошнило прямо на красные туфельки.

На Хьюстон-стрит образовалась пробка. Машины беспомощно бибикали друг другу, водители гневно стучали по рулям. Было лишь девять вечера, но на углу Мотт-стрит и Хьюстон-стрит уже была пьяная девушка в костюме Минни Маус; она стояла, опираясь на почтовый ящик, и ее тошнило прямо на красные туфельки. Две ее подружки, одетые черепашками-ниндзя, стояли поодаль в свете желтого фонаря и хихикали, пока «Минни Маус» исторгала из себя на тротуар смесь каких-то напитков.

Я пошел по Хьюстон-стрит мимо «Баллато», «Миледис» и «Ниттин Фэктори», из которых уже выходили пьяные посетители. Возле «Миледис» стоял кто-то в маске Билла Клинтона – через пять дней были выборы, и я надеялся, что 4 ноября этот саксофонист и бывший хиппи станет нашим новым президентом.

Я прошел по Лафайет-стрит и повернул налево, на Четвертую улицу. Там располагался «Тауэр Рекордс», самый главный музыкальный магазин из всех. Даже в девять вечера за день до Хэллоуина в нем была толпа народу. Но, с другой стороны, там всегда была толпа народу. «Тауэр Рекордс» был национальным достоянием, краеугольным камнем центра города на углу Четвертой улицы и Бродвея. Я покупал двенадцатидюймовые пластинки в «Дэнс Трэкс», «Диско Мании» и «Винилмании», но вот компакт-диски и кассеты – в «Тауэр Рекордс».

> Мы с Карой расстались две недели назад. Я пришел к ней домой и сказал, что обожаю ее, но не чувствую достаточно сильной эмоциональной связи, чтобы продолжать встречаться. Она села на кровать под плакатом Roxy Music в рамочке и заплакала; я сел рядом и обнял ее.

Двумя неделями ранее я ходил в «Тауэр» с Дамьеном. Мы поднялись на второй этаж и прошли по длинному коридору в отдел, который все называли «танцевальным гетто». Там, на одной полке с ремиксами Дэвида Моралеса и синглами Ultra Naté, стояли два моих сингла. Ощущение было примерно таким же, как от вида новорожденного ребенка в роддоме, только вот в этом «роддоме» из колонок гремели Stone Temple Pilots, а мои «младенцы» родились на фабрике компакт-дисков в Нью-Джерси, после чего их упаковали в пластик.

Я прошел мимо «Тауэр Рекордс» и Нью-Йоркского университета и дошел до Вашингтон-Сквер-парка. В нем было полно наркодилеров, которые мелодично повторяли на разные голоса рефрен «Травка, курево, чувство, Будда». Я прошел мимо фонтана и направился к темной, грязной Триумфальной арке. Когда-то, возможно, в девятнадцатом веке, арка была белой. Сейчас же лицо Джорджа Вашингтона было черным от грязи и смога.

У подножия Триумфальной арки, под этими грязью и смогом, находилось мое любимое тайное место Нью-Йорка, маленькая дверь без обозначений. В 1917 году Марсель Дюшам и несколько его друзей – кубистов и сюрреалистов – взломали замок на этой двери, забрались на вершину арки с ящиком вина и на рассвете провозгласили Нижний Манхэттен суверенным государством. Каждый раз, видя эту дверь, я вспоминал Дюшама и его пьяных друзей, плясавших на вершине арки на рассвете, отмечая независимость Нижнего Манхэттена.

Я прошел по Пятой авеню, где располагались практически единственные красивые здания в нижнем Манхэттене. В центре

города жила горстка богачей, несмотря на то, что 99 процентов центра заполняли крэковые наркоманы и горящие дома. Когда мы с друзьями проходили мимо этих красивых зданий, мы всегда спрашивали себя: «Как богатому человеку могло вообще прийти в голову поселиться южнее Четырнадцатой улицы?»

Я двигался на запад по Четырнадцатой улице – мимо заброшенных магазинов, дискаунтеров бытовой техники, огромных универмагов, где продавались дешевые сумки и поддельные футболки с диснеевскими героями. Добрался до дома Кары, посмотрел на темное окно ее спальни и пошел дальше. Мы с Карой расстались две недели назад. Я пришел к ней домой и сказал, что обожаю ее, но не чувствую достаточно сильной эмоциональной связи, чтобы продолжать встречаться. Она села на кровать под плакатом Roxy Music в рамочке и заплакала; я сел рядом и обнял ее. Вскоре она отстранилась от меня и просто сказала:

– Уходи.

Я тихо удалился и с тех пор с ней не разговаривал.

Пройдя заколоченный магазин рядом с домом Кары, я пересек Восьмую авеню и направился в пустынный Мясницкий район. Там только что открылся ресторан под названием «Флоран», но в остальном район все так же оставался пустыней с окровавленными улицами, где можно было встретить разве что проституток, сидевших на крэке, и хасидов-мазохистов. Как ни странно, самые худшие районы одновременно были и самыми безопасными, потому что, не считая редких проституток, прятавших последние пятьдесят центов в мокрых носках, грабить там было просто некого.

Я повернул на Девятую авеню и пошел мимо заброшенных зданий и жилых комплексов. Возле ирландского бара стояли какие-то пьяные девушки в зеленых париках. Раскрасневшиеся, они держали в руках пинтовые кружки с «Гиннессом» и смеялись – слишком громко для этого района. Неподалеку было социальное жилье, а социальное жилье – это крэк и грабители. Девушки в ярко-зеленых париках ничего не замечали, защищенные низеньким забором и теплым светом из ирландского бара. Но хищники ждали их неподалеку, прячась в тенях.

Я пошел дальше по Девятой авеню; на углу с Восемнадцатой улицей ко мне подошла пара ребят в толстовках с капюшонами.

– Крэк? – спросили они. – Крэк? Я пошел дальше.

– Е*аный белый, – послышалось из-за спины.

Я посмотрел вперед. Ко мне направлялись еще двое ребят в толстовках, держа наготове ножи. Ни назад, ни вперед дороги не было, так что я выбежал на проезжую часть. К счастью, машин

было мало. Мне повезло. Я обежал несколько такси и автобусов; мне возмущенно бибикали вслед, но вот ребята с ножами за мной не последовали. Погоня за мной оказалась бы слишком трудным делом, и они дали мне сбежать.

> Танцпол был пуст, но мы знали, что снаружи стоит очередь из трех тысяч рейверов. Вскоре они все зайдут в зал, примут экстази и следующие семь-восемь часов будут отплясывать.

Оказавшись на западной стороне улицы, я не замедлил шага. Другие ребята в толстовках все еще пытались мне что-то продать:

– Йоу, крэк?

– Спиды?

– Крэк?

Я бегом пробежал через перекрестки с Девятнадцатой и Двадцатой улицей и в конце концов вышел на ярко освещенную, широкую Двадцать третью. Оглянувшись, я убедился, что за мной никто не пошел.

Мое сердце колотилось. Что, если бы меня убили на пути к рейву? Я останусь лишь короткой сноской в памяти, стану еще одним погибшим ньюйоркцем, о котором будут говорить похмельные хипстеры на собачьих площадках, допивая латте. *«Помнишь того парня, Моби? Что с ним случилось? Он вроде диджеем был?»* У меня как-то пока совсем не было желания умирать, а особенно мне не хотелось, чтобы меня зарезал какой-нибудь восемнадцатилетний торговец крэком.

Я продолжил бежать трусцой, здраво рассудив, что странный парень в мешковатых рейвовых штанах, который бежит трусцой по Девятой авеню, станет менее привлекательной добычей, чем странный парень в мешковатых рейвовых штанах, который идет пешком. Приближаясь к Двадцать восьмой улице, я внезапно вспомнил, что надо еще и бояться за рейв. Кто-нибудь вообще придет?

Полный страха и трепета из-за того, что наше мероприятие может провалиться, я зашел за угол. Но свершилось хэллоуиновское чудо. Очередь из нескольких тысяч рейверов стояла от самого «Саунд Фэктори» вплоть до Десятой авеню.

Марси и Ди-Би стояли у входа.

– Видел, какая очередь? – спросила она, словно я как-то мог ее не заметить. Мы все прошли в клуб, широко улыбаясь.

Я услышал музыку, хотя двери еще только открыли.

– Кто сейчас играет? – спросил я.

– Джейсон Джинкс, – сказал Ди-Би. – Он друг Уан-И, так что мы решили позвать его выступить первым.

Клуб «Саунд Фэктори», который мы сняли, был священным местом танцевальной музыки. Именно там Джуниор Васкес и Дэнни Теналья играли свои легендарные десятичасовые сеты. Я все еще не понимал, как мы умудрились арендовать «Саунд Фэктори» для нашего маленького рейва. Это все равно, что арендовать собор Святого Патрика для барахолки.

Танцпол был пуст, но мы знали, что снаружи стоит очередь из трех тысяч рейверов. Вскоре они все зайдут в зал, примут экстази и следующие семь-восемь часов будут отплясывать. В шесть часов утра они выйдут на улицу, накачанные химией, и отправятся на афтерпати, которая продлится до восхода. В десять утра они позавтракают, посидят немного в парке, а потом разойдутся по своим студенческим общежитиям, где проспят до восьми вечера.

Джейсон Джинкс сыграл Music Takes You группы Blame, и даже в совершенно пустом зале трек звучал подобно теплым объятиям. Город умирал, но здесь мы сотворили наш собственный маленький мир без далеко идущих последствий, раскрашенный флуоресцентной краской.

Я снова вышел на улицу и посмотрел на очередь. Она казалась прекрасным живым существом, эта очередь из трех тысяч человек в футболках Fresh Jive. К одиннадцати вечера танцпол заполнился, и у вертушек стоял Кевин Сандерсон. В полночь на сцену вышли Altern8. Они стояли за своими синтезаторами, одетые в анораки и пылезащитные маски. Музыканты практически не двигались, но их песни были настоящими гимнами, и публика ревела от восторга и любви. Все были уже на пике. Музыка была громкой и веселой. Даже стены, казалось, уже вспотели, и когда один из парней из Altern8 наконец поднял вверх кулак, толпа просто с ума сошла.

После Altern8 вышел Ди-Би, начав свой сет с Music Takes You. Все закричали и засвистели в свистки под светом зеленых лазеров. Импортные двенадцатидюймовые пластинки стоили 10 долларов, так что диджеям не было особого смысла покупать слишком много пластинок, которые больше никто не ставил. За одну ночь несколько диджеев могли сыграть один и тот же рейв-гимн, и каждый раз, когда ты его слышал, он звучал как откровение.

Я прошел по коридору в джангл-зал. Тут музыка была мрачнее, а ребята – суровее. Диджей играл джангловую пластинку с такими басами, что у меня аж пальцы на ногах завибрировали. Потом я дошел по другому коридору до чиллаута. Тут звучал трек с обратной стороны сингла Future Sound of London. Семьдесят пять рейверов лежали в креслах-мешках, которые Скотто то ли где-то одолжил, то ли просто украл. Стены

освещались розовыми и голубыми лампами, и рейверы на креслах очень напоминали по виду желейные бобы. Там были красивые коротковолосые рейверши в больших штанах, но они все лежали и обнимались с красивыми коротковолосыми рейверами в таких же больших штанах. Все выглядело почти андрогинно, но девушки все равно были настолько красивы в своих обтягивающих футболках, что я даже захотел стать сторонником полигамии и жениться на всех сразу.

> Я сломал две барабанные палочки, когда бил по Octapad. Синтезатор был весь в отпечатках ног и, скорее всего, сломался. Но я просто онемел от счастья.

Настало время моего выхода. Я прошел на сцену в главном зале, проверил оборудование и помахал Ди-Би, сидевшему в кабинке на другой стороне танцпола. Он показал мне большой палец и остановил свою пластинку – просто убрал звук. В зале неожиданно повисла тишина.

Я начал свой сет с Ah Ah, и рейверы просто взорвались, танцуя и размахивая светящимися палочками. Прожектора и стробоскопы стояли позади меня, отражаясь в широко открытых глазах рейверов, и казалось, что мир прекрасен. Я сыграл Rock the House, Voodoo Child, Go и Next Is the E. В последние несколько месяцев Next Is the E превратилась в главный рейв-гимн 1992 года. Во время припева, когда засэмплированный женский голос пел: «I feel it», я посмотрел на зрителей. В первом ряду со слезами на глазах танцевала красивая светловолосая девушка. На ее лице мерцали красные, синие и зеленые огоньки. Она открыла глаза, посмотрела на меня и крикнула:

– Я люблю тебя!

Я сыграл еще две песни и закончил выступление новым треком, Thousand. Вступил басовый барабан с дисторшном из набора звуков TR-909; трек становился все быстрее и быстрее, стробоскопы и «Варилайты» Скотто пульсировали, и рейверы просто стояли на месте и дергались. Когда прошла первая сбивка, они зааплодировали, и меня захватил веселый дух рейв-сцены. Я посмотрел в глаза прекрасной плачущей девушке в первом ряду. Песня стала еще быстрее, и я забрался на свой синтезатор, скинув футболку и подняв руки над головой.

Когда песня кончилась, Ди-Би взял микрофон и закричал:

– Нью-Йорк! Скажем спасибо Моби!

Зрители взревели во все горло, и я сошел со сцены. Я сломал две барабанные палочки, когда бил по Octapad. Синтезатор был весь в отпечатках ног и, скорее всего, сломался. Но я просто онемел от счастья. Я стоял у края сцены, тяжело дыша и истекая

потом, и прекрасная плачущая рейверша подошла ко мне. Я раскрыл объятия, она прижалась ко мне и зарыдала. Я держал ее около минуты.

– Я просто хотела сказать тебе, как люблю Next Is the E, – всхлипнула она. – Припев такой красивый.

– Как тебя зовут?

– Рейчел.

Она была ростом где-то пять футов три дюйма и одета в гигантские рейверские штаны и маленькую черную футболку.

– Я просто хотела сказать тебе, как люблю твою музыку, Моби, – сказала она, смотря мне прямо в глаза, и ушла.

Я собрал побитый синтезатор и Octapad и спрятал их под сцену, а потом отправился на поиски Рейчел. Пока я ходил по залу, рейверы останавливали меня и обнимали. Но я так ее и не нашел. Я обыскал все – джангл-зал, чиллаут, – но она исчезла. Я хотел найти Рейчел и пройти с ней по Манхэттенскому мосту на рассвете, пока весь остальной мир спит. Я хотел узнать, где она живет. Какие книги любит. Хотел сесть на край ее кровати и почитать школьный ежегодник, обсуждая значок Duran Duran, с которым она сфотографировалась в выпускном классе. Но на часах было четыре утра, и Рейчел пропала.

Я вынес аппаратуру на улицу, и мой друг Гейб помог мне уложить кейс в багажник такси. Вечеринка прошла успешно, но я так и не нашел Рейчел, мою маленькую рейв-Дульсинею.

– Гейб, – наивно спросил я, – если ты увидишь девушку по имени Рейчел, сможешь взять ее номер для меня?

Гейб мило улыбнулся.

– Хорошо, Моби. Обязательно.

Я сел на заднее сиденье такси.

– Куда? – спросил водитель.

– Мотт-стрит, между Хьюстон и Принс, – сказал я.

– О, Маленькая Италия, – сказал он. – Ты из мафии?

Я засмеялся.

– Нет. Я даже не итальянец.

В машине, отъезжавшей от «Саунд Фэктори», где остались три тысячи рейверов, играла тихая музыка.

– Что это? – спросил я.

– Кассета из моей церкви на Гаити. Нравится?

– Очень красиво. Можешь сделать погромче?

Он сделал погромче. То было словно пение маленьких ангелов.

Вечеринка прошла успешно, но я так и не нашел Рейчел, мою маленькую рейв-Дульсинею.

– Гейб, – наивно спросил я, – если ты увидишь девушку по имени Рейчел, сможешь взять ее номер для меня?

Глава двадцать шестая
Фанерный танцпол

Я пил органический морковный сок, ел овсянку и читал *New Yorker*. Я лишь недавно вернулся из Европы и пока что не адаптировался обратно к часовым поясам, так что встал в пять утра, надел старый спортивный костюм и пошел в спортзал. Сейчас же было уже восемь, я был чистым, цивилизованным и завтракал за желтым кухонным столом, найденным месяц назад в мусорном контейнере, который стоял перед домом. Над гигантскими деревьями перед старым собором святого Патрика поднималось солнце, заливая светом мой лофт.

> На улице кричали люди; мне показалось, что прозвучало мое имя, и я подошел к окну. Двадцать рейверов с широко раскрытыми глазами стояли на тротуаре и скандировали: «Моби! Моби!» Я открыл окно и оперся на старый каменный подоконник. Эни, диджей, чье имя было каламбуром, связанным с приемом экстази[10], крикнул:

– Моби! Ты не спишь!

– Да я с пяти часов не сплю, – ответил я. – Вы чего тут делаете?

– Идем на афтерпати на Четвертой улице. Пойдем с нами!

Я посмотрел на овсянку и морковный сок.

– Хорошо! – крикнул я. – Сейчас спущусь!

– Вы откуда идете? – спросил я у Эни несколько минут спустя, когда мы уже шли вместе по Мотт-стрит.

– «НАСА», «Шелтер», – ответил он. Имелась в виду еженедельная клубная ночь, которую недавно стали организовывать Ди-Би и Скотто. – В восемь утра Соул Слингер диджеит на афтерпати в лофте на Четвертой улице.

Мы перешли Хьюстон-стрит и свернули на Блекер-стрит. Стояло прекрасное осеннее утро: небо было безоблачным, солнце – теплым. Другие рейверы толпились вокруг нас, их зрачки были расширены, а челюсти крепко сжаты. Они все были одеты в гигантские рейверские штаны и футболки «Ликвид Скай». Рейверские штаны становились все огромнее и огромнее; большинство рейверов сейчас ходили в джинсах, в которые спокойно мог влезть человек весом фунтов триста. Некоторые рейверы носили джинсы низко, как хип-хоп-бандиты, но большинство из них все-таки надевали ремни, так что необъятные

джинсы напоминали скорее юбки-котильоны. Никто из рейверов не говорил – они просто шли вместе подобно молчаливому племени, накачанному наркотиками.

Мы пошли по Боуэри-стрит, мимо «CBGB».

– Ты когда-нибудь бывал в «CBGB»? – спросил я у Джейсона Джинкса. Он вырос в пригороде Нью-Джерси и работал хип-хоповым диджеем, пока несколько лет назад не открыл для себя рейв-сцену.

– По-моему, нет, – сказал он. – А ты?

– Да сто раз бывал, – ответил я. – Лучший концерт, который я там видел, – Bad Brains в восемьдесят втором. Их певец Эйч Ар делал обратные сальто со сцены в толпу.

> – Вот «Белый дом», – сказал один из рейверов, показав на приют для бездомных на другой стороне улицы. – Я там жил, когда только приехал в город.
>
> – Ты жил в бомжатнике? – удивился я.
>
> – Я снимал комнату в общежитии, – запротестовал он.

Восемьдесят второй год был всего десять лет назад; десять лет назад Джейсону было девять. Он подозрительно посмотрел на меня, словно проводил в уме расчеты, пытаясь определить, не старик ли я уже.

– Ты когда-нибудь ходил на хардкорные дневные концерты в «CBGB»? – спросил я у Эни. Он вырос в городе; его родители торговали картинами и жили в пятикомнатной квартире в Верхнем Вестсайде.

– Нет, мой брат ходил, – ответил он. – Я был слишком маленьким.

– Слишком маленьким для дневных концертов в «CBGB»? Да там большинству ребят было лет по пятнадцать.

– Ну да. Но мама меня не отпускала.

Мы пошли по Боуэри, мимо приютов для бездомных, оптовых магазинов ресторанной еды и заваленных мусором парковок за заборами. На тротуаре лежали несколько бомжей, упившихся до беспамятства.

– Вот «Белый дом», – сказал один из рейверов, показав на приют для бездомных на другой стороне улицы. – Я там жил, когда только приехал в город.

– Ты жил в бомжатнике? – удивился я.

Я снимал комнату в общежитии, – запротестовал он. Общежития, в которых сдавали комнаты, считались более безопасными и чистыми, чем приюты для бездомных. – А ты живешь на той фабрике? – спросил он.

– Ага, – сказал я.

– У тебя есть санузел?

– Нет, писать я хожу в туалет вниз по коридору.

– А моешься где?

– В качалку хожу.

– Не представляю, как можно жить без душа, – сказал он.

– Но ты же жил в бомжатнике, – напомнил я.

– Снимал комнату в общежитии. И в ней был душ. А сейчас у меня в квартире даже есть настоящая ванная.

Мы дошли до лофта, где проходила афтерпати.

– Что это за место? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Эни, спускаясь по ступенькам к потрепанной красной металлической двери. – Театр? Студия?

Мы вошли через красную дверь и прошли по темному длинному коридору. Через старый деревянный пол до нас доносились ритмы хауса. Коридор заканчивался фабричной дверью из зеленого металла.

Джейсон открыл ее, и коридор заполнила громкая электронная музыка. То был экспериментальный театр или арт-пространство, с балконом, выходившим на танцпол с фанерным покрытием. Сотня рейверов и клубных ребят бродили под светом дискотечных прожекторов. Еще двадцать или тридцать неподвижно лежали на подушках, а несколько человек даже танцевали на фанерном танцполе.

> В 1989 году они были невинными студентами институтов моды в разноцветных костюмах, похожими на цветочки и эльфов. Но всего за три года эти ребята превратились в жутких монстров с лицами, раскрашенными в белое, стальными шипами, протыкавшими щеки, и бутафорской кровью вокруг глаз.

Я прошел в диджейскую кабинку, где Карлос, работавший под псевдонимом Соул Слингер, играл бразильское техно. Он был владельцем «Ликвид Скай», магазина, являвшегося эпицентром всей нью-йоркской рейв-сцены. Там продавались импортные пластинки, драм-машины, гигантские рейвовые штаны и куча футболок большого размера с длинными рукавами и символикой «Ликвид Скай».

– Эй, Карлос! – сказал я. Он уставился на меня огромными, как канализационные люки, глазами.

– Моби! Ты что тут делаешь?

Все знали, что я трезвенник и никогда не хожу на афтерпати.

– Я сидел и завтракал, а мимо проходили Эни и Джейсон и позвали меня сюда!

– Клево! – ответил он и перевел свое внимание на пластинку, которую собирался поставить.

Я пересек танцпол и увидел в углу Кеоки, неподвижно смотревшего в одну точку.

– Эй, Кеоки! – крикнул я. Ему понадобилась примерно минута, но, в конце концов, он все-таки сумел сопоставить мой голос со мной.

– Моби! – крикнул он в ответ. – У тебя наркота есть?

– Нет, я трезвенник.

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Что ты тогда тут делаешь?

Он тусовался с клубными ребятами Майкла Элига. Рейверы и клубные ребята любили одну и ту же музыку и одни и те же наркотики, но в последний год перестали собираться вместе. На рейв-сцене большинство составляли натуралы, а клубные ребята в основном были геями. Никакой вражды между клубными ребятами и рейверами не было, они просто разошлись по своим сценам. Единственным исключением оставался «Лаймлайт», где рейверы, клубные ребята и готы по-прежнему вместе отплясывали и принимали наркотики.

Клубные ребята, собравшиеся в углу возле Кеоки, выглядели мощно и даже пугающе. В 1989 году они были невинными студентами институтов моды в разноцветных костюмах, похожими на цветочки и эльфов. Но всего за три года эти ребята превратились в жутких монстров с лицами, раскрашенными в белое, стальными шипами, протыкавшими щеки, и бутафорской кровью вокруг глаз. Когда-то они на дискотеках принимали экстази, а сейчас курили крэк и кололи героин. Они стали не особенно общительными; просто приходили в клуб и стояли там – безучастные, пугающие и высокие на своих семидюймовых каблуках.

Карлос поставил Plastic Dreams, и несколько клубных ребят и рейверов начали танцевать. Я неуклюже двигался вместе с ними. Я танцевал примерно так же хорошо, как О. Джей Симпсон, но было девять утра, и никто не обращал на меня особого внимания, потому что все были под кайфом. Я закрыл глаза и протанцевал десять гипнотических минут под Plastic Dreams. Потом Карлос поставил Pancake, мою новую любимую пластинку.

Я открыл глаза и увидел, что Эни танцует с Хлоей Севиньи. Я познакомился с Хлоей, когда ей было всего тринадцать; мы вместе росли в Дариене. Когда я начал работать диджеем в клубах для всех возрастов в Коннектикуте, я подвозил ее и ее брата, забирая их из дома родителей, стоявшего возле пляжа. Хлоя была робкой и опрятно одетой; она сидела на заднем

сиденье, пока мы с друзьями слушали кассеты Nitzer Ebb. Теперь же она работала в «Ликвид Скай» и тусовалась в «НАСА» вместе с бойфрендом-рейвером Гармони.

– Привет, Хлоя! – крикнул я. – Как твой брат?

Она посмотрела на меня исподлобья и медленно ответила:

– Хорошо.

Я продолжил танцевать на фанерном танцполе, окруженный рейверами и лежавшими удолбанными телами. Через полчаса музыка стала еще мрачнее. У басовых партий было больше эха, а голоса звучали словно со дна глубоких колодцев. Половина собравшихся уже отрубилась, а те, кто еще сохранял вертикальное положение, двигались очень медленно. Было уже десять утра, и я решил, что пора уходить.

– Как долго идут такие афтерпати? – спросил я Джейсона на пути к выходу.

– Не знаю, – ответил он. – До полудня? До часа дня?

Я любил ту же музыку и закупался в тех же музыкальных магазинах, что и эти ребята, но я всегда ложился спать в три часа, когда для большинства рейверов ночь только начиналась. Единственное, что менялось в клубе после трех часов ночи, – музыка становилась мрачнее, и все больше ребят уходили по углам и отрубались там.

> Я хотел пойти домой, запустить свои TR-909 и TB-303 и сочинить что-нибудь суровое, мрачное и с кучей реверберации, чтобы диджеи ставили это в подвалах для толпы совсем угашенных рейверов. Но когда я вернулся, меня ждал стакан морковного сока, блестевший на солнце.

Я прошел по коридору, открыл красную дверь и вышел обратно под солнечный свет. Безупречное осеннее утро еще никуда не делось. Я посмотрел наверх и увидел далекое голубое небо, смотревшее на меня подобно морю из стекла. Я хотел пойти домой, запустить свои TR-909 и TB-303 и сочинить что-нибудь суровое, мрачное и с кучей реверберации, чтобы диджеи ставили это в подвалах для толпы совсем угашенных рейверов. Но когда я вернулся, меня ждал стакан морковного сока, блестевший на солнце.

Я сел за желтый пластиковый стол и допил морковный сок, читая *New Yorker* в свете пробивавшегося из-за деревьев солнца.

Глава двадцать седьмая
Солнечный ожог

Пьяный бизнесмен, сидевший напротив меня в проходе, притворялся, что негодует.

– Антре? – спросил он стюардессу. – Антре надо подавать первым!

– Да, это ваше антре, сэр, – сказала она. – Говядина.

– Я не пытаюсь вас довести, – сказал он, наклонившись к стюардессе и потрепав ее по руке. – Но я изучал французский в лицее. «Антре» значит «первое блюдо». А мы почему-то говорим «антре» вместо «главного блюда».

– Хорошо, сэр, вы хотите главное блюдо? – спросила она.

– Ну, раз уж вы так говорите, как я могу отказать? – громко ответил он, широко и влажно улыбаясь.

– Хотите вместе с главным блюдом порцию «Дюарс» с содовой, сэр?

Он очень надолго задумался.

– Нет, пожалуйста, бокал красного. Какие у вас есть красные вина?

– Каберне и пино-нуар.

– Пожалуйста, каберне, и спасибо вам, прекрасная леди!

Мой билет повысили до бизнес-класса, но все предлагаемые удобства пропали втуне. Я не ел говядину и курицу, не пил вино, даже не взял бесплатные наушники, чтобы посмотреть фильм с Николасом Кейджем, который показывали на маленьком экранчике у туалета. Более того, я оказался просто слишком маленьким, чтобы по-настоящему заполнить собой широкое кресло. Сиденья в бизнес-классах проектируют с расчетом на жирных бизнесменов, а не на тощих веганов-рейверов.

– Вы точно ничего не хотите? – спросила стюардесса, наклонившись надо мной.

– Апельсинового сока, может быть?

– Хорошо. А что вы такое едите?

– О, это веганские равиоли.

Перед выходом я приготовил веганские равиоли на своей электроплитке и убрал их в банку из-под томатного соуса. Я ел их пластиковой вилкой, которую стащил из ресторана в аэропорту. Самолет летел в Сан-Франциско, где я собирался выступить на рейве с Young American Primitive, Марком Фариной и Доком Мартином.

– Мисс! – крикнул пьяный бизнесмен стюардессе. – Это

каберне не очень хорошее. Можно мне пино?

– Конечно, сэр, – ответила она и забрала его бокал. Он посмотрел на меня.

– Зачем пить плохое вино, а? – сказал он, пьяный и радостный.

Я улыбнулся, не зная, что ответить. До того как стать трезвенником, я не знал, в чем разница между каберне и пино-нуар. Я тогда пил пиво и водку. Мне было все равно, какими пиво и водка были на вкус – мне просто нравилось, что я от них пьянел. Вино всегда казалось мне похожим по вкусу на слишком густой сироп, и его нужно было выпить слишком много, чтобы опьянеть.

Я продолжал улыбаться бизнесмену робкой веганской улыбкой, надеясь, что он перестанет со мной разговаривать.

Вчера я ездил на север Коннектикута на озеро с Полом, Ли и нашим приятелем Тарквином, фанатом хоккея и сыном латвийских иммигрантов. Ли никогда не катался на водных лыжах, поэтому мы начали его учить.

– Откуда вы вообще знаете, как кататься на водных лыжах? – спросил он, когда мы все были на моторной лодке. – Вы же лузеры.

> Моторная лодка рванулась вперед, и я скакал по прозрачной как стекло воде на скорости двадцать миль в час, примерно в дюйме над ее поверхностью. Я протянул руку и коснулся воды; мои пальцы прорезали ее, словно маленькие лезвия.

Мы выкинули его за борт с парой водных лыж и сказали, что не пустим обратно на лодку, пока он не научится на них кататься. Он все падал и падал, удивляя нас своей полной неспособностью даже выпрямиться на лыжах.

– Хорошая попытка! – крикнули мы, когда он снова упал вниз лицом. – Ты почти встал!

В конце концов он все-таки сумел встать прямо, пусть и ненадолго, и мы решили пустить его обратно.

Чем хорошо было расти в Дариене, так это тем, что у всех моих друзей были богатые родители, а богатых родители обычно имели хорошие яхты и моторные лодки. Я вырос, видя, как маме приходится одалживать деньги, чтобы купить еды, но потом ехал на велосипеде на Лонг-Айленд-Саунд и проводил немало времени на яхтах родителей моих друзей. Я был единственным бедняком, знакомым многим моим друзьям, так что, приглашая меня к себе домой и на яхты, они, особенно не напрягаясь, проявляли

милосердие.

Пол тоже вырос бедняком, но у его дяди был дом на озере в Нью-тауне, штат Коннектикут, и мы ездили сюда кататься на водных лыжах еще со школы. День уже шел на убыль, так что на водных лыжах прокатился Пол, потом Тарквин, а когда солнце село, я прыгнул за борт для того, чтобы прокатиться в последний раз.

– Кинь мне бодиборд! – крикнул я Тарквину. Тот бросил его над моей головой.

– Плыви, обезьяна! – крикнул он. Я доплыл до борда, держа в левой руке фал. Когда я взялся за него, катер медленно отплыл, натягивая трос. Когда он достаточно натянулся, я показал рукой «о'кей» и приготовился к тому, что сейчас лодка дернется вперед и вытянет меня из воды. Но Пол лишь чуть-чуть прибавил скорости, потащив меня вперед. Я смеялся, глотая озерную воду.

– Быстрее! – крикнул я. Он добавил еще примерно одну милю в час, таща меня по воде, как червяка на крючке. В конце концов он все-таки решил дать по газам. Моторная лодка рванулась вперед, и я скакал по прозрачной как стекло воде на скорости двадцать миль в час, примерно в дюйме над ее поверхностью. Я протянул руку и коснулся воды; мои пальцы прорезали ее, словно маленькие лезвия.

Я показал Полу поднятый вверх палец, что значило «Быстрее». Он разогнался до двадцати пяти миль в час. Я снова дал тот же самый сигнал. Тридцать миль в час – это уже довольно опасная скорость для бодиборда. Я во все горло пел Pay to Cum группы Bad Brains и летел над водой. То была чистая, незамутненная радость, рейв на озере. Я снова показал Полу большой палец.

На тридцати пяти милях в час руки уже начали выкручиваться из плечевых суставов, и я скакал по воде позади лодки. Счастье пронизывало меня – и я хотел еще. Я поднял руку и сжал кулак, что значило «Езжай так быстро, как получится». Пол еще немного прибавил скорости. Я потряс кулаком, и он выжал максимальную скорость, на которую была способна моторная лодка, – сорок пять миль в час. Я орал. Счастье взрывалось во мне, словно Бог и диско. Я поднял руку и начертил в воздухе круг – «Развернись, чтобы я подпрыгнул на волне». Пол начал поворот, и в этот момент мой бодиборд подпрыгнул. Меня снесло с борда, и я поскакал по поверхности озера на скорости сорок пять миль в час, словно пущенный вдоль воды камешек в купальном костюме. Я катился по воде, безудержно хохоча, и в конце концов все-таки погрузился.

Я самодовольно сидел, представляя, как он страдает от ожирения, диабета, рака и сердечных болезней, причем одновременно. «Боже, за что? – воскликнет он на своем смертном одре. – Это же несправедливо!»

Я поднял руку над водой и показал пальцами «о'кей». Если ты упал, ты обязательно должен показать водителю лодки, что с тобой все хорошо. Катаясь на водных лыжах, запросто можно сломать ребро, конечность или шею. Вода вроде бы мягкая, но она отправила в реанимацию кучу ребят из пригородов. Лодка подплыла ко мне.

– Это было офигенно! – крикнул я. – Давай еще раз!

– Уже темнеет. Пора домой, – сказал Пол.

– Нет! – закричал я и поплыл к фалу.

– А ну живо в лодку, салага! – заорал Пол, и я расхохотался еще громче. Я подплыл к лодке и сел на скамейку на корме, завернувшись в полотенце; мои руки и ноги тряслись. Когда Пол направился к пристани, я скинул полотенце и опять спрыгнул. Он развернулся.

– Хочешь добираться до дома вплавь, тысяча чертей?! – строго спросил Пол.

– Нет, сэр, – ответил я, забираясь обратно в лодку. Солнце балансировало на горизонте, но воздух был еще теплым. Я обгорел на солнце, пах водорослями, а желудок был полон грязной озерной воды.

– Я еще никогда не был так счастлив, – сказал я.

– Хотите мороженого с горячим фаджем? – спросила стюардесса пьяного бизнесмена. Тот задумался.

– Да, с шоколадом и клубничным соусом, – решил он. – О, и еще «Дюарс» с содовой.

«Электродов для дефибрилляции вам не надо? – хотел спросить я. – Немного интерферона для ваших метастазов, сэр?» Я самодовольно сидел, представляя, как он страдает от ожирения, диабета, рака и сердечных болезней, причем одновременно. «Боже, за что? – воскликнет он на своем смертном одре. – Это же несправедливо!»

Пять стопок виски с содовой, два бокала вина, самолетная говядина с жирной яичной лапшой и кучка мороженого с шоколадом и клубничным соусом. О, как посмела судьба наказать его за такую праведную жизнь? Я знал, что думаю как мудак, так что отвернулся к окну, чтобы не смотреть на бизнесмена с заляпанным мороженым подбородком.

Мы летели над Скалистыми горами. Долины исчезли во тьме,

но заходящее солнце падало на горные пики; некоторые из них еще были покрыты снегом. Я достал CD-плеер, наушники и сумочку с дисками и начал их перебирать. Что бы послушать? Ника Дрейка? Kraftwerk? U2? Дебюсси? The Clash? Mission of Burma? Дворжака? The Gun Club? Брайана Ино и Дэвида Бирна? Roxy Music? Гершвина?

Ладно, пусть будет Гершвин. «Рапсодия в стиле блюз». Я поставил диск в плеер и нажал «Пуск». Заиграла музыка, тихая и знакомая. Я тысячу раз слышал «Рапсодию в стиле блюз», и она всегда меня изум ляла. Сначала такая скромная, а потом вдруг очень пафосная. Она была прекрасной, яркой и пугающей: старой и новой, европейской и американской. Иногда музыка напоминала Дебюсси, иногда Стравинского, а иногда – Нижний Истсайд в 1910 году.

«Рапсодия в стиле блюз» была квинтэссенцией Нью-Йорка в искусстве, но при этом она еще и повествовала о переезде с востока на запад, из старого мира в новый. Я летел над горами на скорости шестьсот миль в час, и запад был далеко внизу, у меня под ногами. Мир даже не замечал меня или кого-либо еще из нас. Мы измеряли землю и разрывали ее. Строили здания и орошали бесплодные долины, но Земля практически не замечала нашего присутствия. Мы измеряем время десятилетиями, а Земля – миллионами лет. Мы – просто крохотная точка. Я – крохотная точка.

Почему-то это не стало поводом для экзистенциального отчаяния. Моя незначительность ощущалась как невыразимая легкость. В конце концов мои клетки и молекулы окончательно падут жертвами энтропии и распадутся. Они превратятся в эфир, никак не связанный с моим существом. Когда-нибудь я умру и снова растворюсь в горниле, в котором сформировался.

Моя кожа все еще не отошла от солнечного ожога, полученного на озере. Но земля подо мной запекалась на солнце в течение сотен миллионов лет. Я смотрел на темные горы, прислонив лоб к холодному пластиковому иллюминатору. «Рапсодия в стиле блюз» закончилась.

Я снова нажал «Пуск», пытаясь удержать в себе трансцендентное чувство. Вчера я пулей несся над водной гладью озера, а сегодня я лечу над горами, сидя в металлической трубке. Если бы я слишком тщательно задумался над «Рапсодией в стиле блюз», то пришел бы к выводу, что никогда не напишу ничего, что хоть отдаленно приблизилось бы к ней по красоте и величию. Но я мог сидеть, есть веганские равиоли и слушать самую идеальную музыку, когда-либо написанную, разглядывая американский Запад в маленькое окошечко.

Позже я поел веганской еды с друзьями в Сан-Франциско, отработал диджейский сет на потрясающем рейве, с восхищением разглядывая тысячи людей, вскидывающих вверх руки под светом прожекторов и лазеров. Но ничто не сможет сравниться с красотой «Рапсодии в стиле блюз» в сумерках над высокими темными горами.

Глава двадцать восьмая
Монохромные стробоскопы

Я шел по Гудзон-стрит с сумкой пластинок на плече. Сегодня мне предстояло диджеить в «НАСА», и мое клубное «шестое чувство» наполняло меня каким-то простеньким, банальным страхом.

Прошлой ночью я закончил диджеить в Берлине в пять утра, вернулся в отель, пытаясь смыть с себя патину сигаретного дыма и рейверского тумана, и поехал в аэропорт, чтобы успеть на самолет в девять утра. Я минут пятнадцать поспал в Берлинском аэропорту, потом два часа летел до Лондона в эконом-классе; моя голова свободно болталась от гипнагогического утомления. Шатаясь, я прошел по Хитроу на самолет до Нью-Йорка, где периодически засыпал, как героинщик на собрании «Анонимных наркоманов».

И рейв-сцена, и мои поездки в Европу изменились. Два года назад все было новым и радостным. Я записывал веселые техно-песенки для накачанных экстази зрителей, и даже когда такие путешествия были утомительны и я страдал от болезней и усталости, я все равно радовался, что являюсь частью сцены, построенной на счастье и радости. Сейчас же, в девяносто третьем, музыка стала мрачнее, а наркотики – тяжелее. Зрители реже танцевали и чаще отрубались в углах.

Прошлой ночью в «Трезоре» мне показалось, словно я сижу в бункере, заполненном обдолбанными зомби. Музыка была крутой и интересной, но вместе с тем угрожающей и не от мира сего. Светлые, идеалистические дни, похоже, прошли. Большими хитами были Trip II the Moon Эйсена и Rez группы Underworld, они мне нравились, но при этом как раз были идеальным саундтреком к подступавшей тьме. Наркотики подпитывали музыку, а музыка подпитывала наркотики, и они толкали друг друга вниз, в темную кроличью нору.

> Наркотики подпитывали музыку, а музыка подпитывала наркотики, и они толкали друг друга вниз, в темную кроличью нору.

На пути домой я думал о «НАСА». Когда я играл там, рейверы обнимали меня и дарили браслеты из леденцов; год назад они все подписали для меня гигантскую открытку на день рождения и украсили ее пастельными сердечками, синими единорогами и звездолетами. Даже когда я путешествовал по миру, «НАСА»

оставался моим нью-йоркским убежищем. Я не играл там несколько месяцев и сегодня возвращался домой: меня поставили на час ночи, между Ди-Би и Соул Слингером. Я собирался поставить веселые треки, напомнить людям, что музыка бывает и праздничной, а не только зловещей. Периодически просыпаясь от дремы, я составлял список треков, которые собираюсь сыграть. Очевидные гимны для вскидывания рук, конечно, не пройдут: никаких Everybody's Free Розаллы, Don't Go Lose It Baby или Altern8. Пластинки, конечно, хорошие, но они слишком устарели. Я мог поставить Music Takes You Блейма. Может быть – Playing with Knives от Bizarre Inc. Треку было всего два с половиной года, но он казался артефактом из далекого, идиллического прошлого.

> Музыка звучала как в склепе, а танцпол больше напоминал первобытный суп. Тьма была практически осязаема.
>
> – Я буду играть рейв, – добавил я.

После того как мой самолет приземлился, я поехал домой, пообедал, посмотрел кассету с записанной серией «Симпсонов» и собрал пластинки. Пройдя Трибеку, я повернул на Хьюберт-стрит. Возле «НАСА» одни рейверы стояли в очереди, другие – катались на скейтах, третьи – уже лежали на тротуарах. Я переступил через вырубившегося рейвера, который прислонился к почтовому ящику, и прошел к дверям клуба. Гейб работал билетером; он несколько лет проработал в «Лаймлайте», но недавно перешел в «НАСА». У него были короткие светлые дреды, и на фоне двух огромных охранников он казался гномом.

– Как там внутри? – спросил я. Он пожал плечами.

– Куча народу, – ответил Гейб, – но они все сидят на танцполе. Ненавижу е*учий кетамин.

– Ну, я поставлю им какой-нибудь рейв. Может быть, они проснутся.

Он скептически посмотрел на меня:

– Удачи.

Я шел по темному коридору; удары басового барабана становились все громче, а туман – плотнее. Я привык приходить в «НАСА» и видеть людей в футболках со смайликами, которые пляшут и обнимаются, но сейчас клуб больше походил на лагерь для беженцев. Через облака тумана и дыма пробивался свет стробоскопов, и во вспышках я видел рейверов, которые сидели на танцполе, обхватив колени, или вообще лежали на боку. Я пробрался через накачанную кетамином толпу и прошел к диджейской кабинке. Там сидел Ди-Би и играл очень мрачный прогрессив-хаус – идеальный саундтрек для коматозных

рейверов. Мы кивнули друг другу. Я прошел к осветительной будке и поздоровался со Скотто. Он уже два года был моим осветителем и ездил со мной по Штатам и Европе. У него были длинные темно-русые волосы, и он всегда носил огромные полосатые рейверские штаны.

– Сегодня свет другой? – спросил я у Скотто.

– Мы хотели сделать все помрачнее, – сказал он. – Больше стробоскопов, меньше цвета.

– Ладно, – сказал я, оглядывая клуб. Музыка звучала как в склепе, а танцпол больше напоминал первобытный суп. Тьма была практически осязаема. – Я буду играть рейв, – добавил я.

– Ладно, – сказал Скотто и отвернулся обратно к осветительскому пульту.

Собирая пластинки в квартире, я почувствовал себя фанатичным проповедником рейва. Я вернусь в «НАСА» и собственноручно начну новую эпоху веселого техно. Но сейчас, стоя в диджейской кабинке и смотря на удолбавшихся кетамином рейверов, я почувствовал себя полным идиотом. А еще я очень устал. В Нью-Йорке была половина первого ночи – в Германии уже половина шестого. За последние полтора дня я спал где-то часа два, и то в самолете. Я принес только веселые пластинки, но сейчас крутые диджеи играли один мрачняк: дарк-джангл, дарк-хаус, дарк-брейкбиты.

Я прошел к вертушкам, где Ди-Би заканчивал свой сет. Он кивнул мне: «Готов?» Я пожал плечами: «Ну, наверное, да». Я не хотел быть здесь. Мне хотелось вернуться в праздничный «НАСА», каким он был год назад, где меня обожали и я был интересен. А еще мне было нужно просто уйти домой и выспаться. Я перебрал пластинки, раздумывая, с чего бы начать сет: с чего-нибудь не очень мрачного, чтобы потом перейти к веселым трекам. Я достал Skinny Bumblebee группы Gipsy; трек был достаточно рейвовым, чтобы порадовать меня, но достаточно прогрессивным, чтобы зрители не закидали меня мусором.

Я поставил Skinny Bumblebee, но аудитория никак не отреагировала. Потом я поставил несколько более новых треков жанра прогрессив-хаус, все еще пытаясь проложить дорогу к веселому техно, но с каждой новой песней чувствовал антипатию рейверов, окатывавшую меня словно волной холодного тумана. Что мне было делать? Смотреть на веселую пластинку, которую играю, и притворяться, что не теряю и без того уже потерянную аудиторию? Я так устал. Джетлаг напоминал хищную птицу, которая сидела у меня на плече и откусывала куски от лица.

Я поставил одну из своих песен, Go. Трек узнали и вяло похлопали, и на этом все. Я проиграл зрителей кетамину,

темному свету и морю непроницаемого тумана. Я решил сыграть один совсем веселый трек, чтобы проверить, смогу ли пробить их непроницаемый панцирь. После Go я поставил Playing with Knives от Bizarre Inc., и эксперимент закончился полным провалом. Никакой эйфории, никакого возбуждения – вообще никакой реакции. Просто наркотическая апатия к устаревшему диджею, который играл устаревшую рейв-песню.

В кабинку зашел Карлос, он же Соул Слингер.

– Эй, не хочешь закончить пораньше? – спросил он. Я отыграл всего тридцать пять минут из часового сета. Непонятно было, чего в этом вопросе больше – грубости или желания помочь. Либо он сказал мне, что я полностью провалился перед восемьюстами накачанных наркотиками ребят (это я и без него понимал), либо давал мне возможность поскорее покончить с этой диджейской катастрофой. А может быть, Карлос хотел дать мне понять, что он и «HACA» ушли далеко вперед?

– Эй, не хочешь закончить пораньше? – спросил он. Я отыграл всего тридцать пять минут из часового сета. Непонятно было, чего в этом вопросе больше – грубости или желания помочь.

Тьма в клубе появилась не случайно: ее создали и поддерживали. Пока я оплакивал гибель веселого техно, под которое все дружно вскидывают руки, все остальные, похоже, только радовались, что эпохе счастливых гимнов настал конец. Рейв-гимны годовой давности были моветоном для остальных диджеев из «HACA», которые стали мрачными и утонченными. «Неужели мы когда-то обнимались и вскидывали руки? – словно спрашивали они. – Нет, конечно. Или, даже если мы по молодости и делали глупости, то сейчас все уже повзрослели и оставили наивность и веселость позади». Я почувствовал себя рейвовым эквивалентом товарища Троцкого, вымаранной из истории фигурой той эпохи, которой, по новым официальным данным, никогда не было.

Я отошел от вертушек и дал Карлосу поставить свою пластинку. Обычно, когда ты идешь диджеить, ты оставляешь последний трек предыдущего диджея играть, а потом постепенно переходишь от него к своему первому. Так и перерыва не делаешь, чтобы люди продолжали танцевать, и одновременно демонстрируешь уважение к коллеге. Через пятнадцать секунд после того, как я отошел от вертушек, Соул Слингер нажал «стоп» на Technics 1200, резко и неуклюже остановив веселье Playing with Knives.

Последовали две секунды мертвой тишины, а потом он

поставил свою первую пластинку – какой-то мрачный джангл. Люди начали просыпаться. Кто-то из отдыхавших у стен рейверов вышел на танцпол и стал танцевать. Послышались даже радостные крики.

Ди-Би подошел ко мне и похлопал по плечу.

– Хреновый сет, Мо, – сказал он. Я печально и устало кивнул.

Я остался стоять позади Карлоса. Он поставил еще несколько джангл-треков, и аудитория с каждым из них все больше оживлялась. И внезапно я все понял: монохромные стробоскопы, мрачная и угловатая музыка, наркотики. Теперь это их мир. Меня вежливо терпели, но я – трезвенник-реликт из девяносто второго года. Или, может быть, даже девяносто первого.

Я посмотрел на вырубившихся рейверов. – Похоже, это уже на самом деле не моя сцена, – добавил я.

Направляясь к выходу, я зашел в будку осветителя, чтобы попрощаться со Скотто. Он приплясывал, управляя прожекторами и стробоскопами. Я похлопал его по плечу. Он оглянулся, увидел меня и отвернулся обратно к пульту. Я оглядел зал, пытаясь понять, действительно ли все присутствующие понимают, насколько я устарел. Но никто не обращал вообще никакого внимания ни на меня, ни на мою усталость, ни на мой позор. Я вышел через черный ход клуба на Лейт-стрит.

Дверь закрылась за мной, и мир внезапно стал абсолютно тихим. Трибека была безлюдным местом, особенно после полуночи в пятницу. Я хотел попрощаться с Гейбом – мне показалось, что он тоже выглядел грустным. Я обошел вокруг клуба; рейверы уже перестали кататься на скейтах и либо сидели, либо спали прямо на тротуаре. Одна парочка обжималась, прислонившись к чьей-то пустой машине. Парень засунул руку девушке под футболку, но никто из них не двигался и не выглядел особенно возбужденным.

Гейб стоял у входа.

– Уже отыграл? – удивился он. – Я думал, ты заканчиваешь в два.

– Ага, Карлос продолжил за меня. – Я посмотрел на вырубившихся рейверов. – Похоже, это уже на самом деле не моя сцена, – добавил я.

Он почувствовал, насколько я пал духом.

– Знаешь, я тоже уже не уверен, что это моя сцена, – признался он.

Мне нужен был этот момент солидарности. Ди-Би, Скотто, Соул Слингер и накачанные кетамином рейверы ушли вперед, и, если подумать, я не мог на них за это обижаться. Танцевальная

сцена всегда искала чего-то нового, а я уже не был новым. Но «НАСА» казался домом для моей души. Я представлял себе, как буду играть счастливые рейвовые гимны для счастливых рейверов в «НАСА» еще много лет. В конце концов мы постареем и вместе поприветствуем новое тысячелетие, по-прежнему вскидывая руки под веселые техно-треки с завывающим женским вокалом.

– Ладно, спокойной ночи, Гейб, – сказал я. – Ты хороший парень. Спасибо.

– Ты тоже хороший парень, Моби, – ответил он и пожал мне руку.

Я ушел от клуба и стал искать такси. Дойдя до Гудзон-стрит, я уже не слышал эха барабанов.

Глава двадцать девятая
Куст можжевельника

Когда я в последний раз был в Ист-Хэмптоне на Лонг-Айленде в 1988 году с Джанет, больше всего меня впечатлил пончиковый робот. Он готовил пончики в витрине пекарни; у стекла стояли дети и будущий техно-музыкант – мы наблюдали за процессом. Он больше напоминал маленький фабричный конвейер, чем С-3PO, но мне все равно было интересно, потому что эту штуку все же назвали роботом. Он выплевывал комочки теста на конвейер, сталкивал их во фритюр, сушил под инфракрасными лампами и выкладывал на маленькую тележку.

Сейчас же, пять лет спустя, я вернулся в Ист-Хэмптон, чтобы сбежать от разваливающейся жизни. Моя ситуация с Instinct Records неуклонно ухудшалась, поэтому я решил отвлечься и проверить, есть ли еще в Ист-Хэмптоне пончиковый робот. Я был веганом и не мог есть пончики, но разве есть способ лучше провести прекрасный летний день, чем наблюдать, как гигантский робот готовит пончики?

Пол и его друг Джеймс ехали в Ист-Хэмптон со мной. Пол сбрил переднюю половину волос, а заднюю покрасил в розовый; Джеймс был ростом шесть футов пять дюймов и носил желтый ирокез.

После четырех лет с Instinct Records я решил уйти. Лейбл моей мечты, Mute Records из Великобритании, где записывались Ник Кейв, Depeche Mode, Бойд Райс и Nitzer Ebb, хотел меня подписать. Все замечательно, за исключением одной маленькой проблемы. Instinct меня не отпускал.

Обсуждение контрактов на запись – по определению, очень унылое занятие. Даже боссы фирм грамзаписи, юристы, работающие в музыкальном бизнесе, и авторы книг о контрактах на запись наверняка со мной согласятся. Достаточно будет сказать, что мой контракт с Instinct был расплывчатым, несправедливым и очень хреновым, но имел юридическую силу.

Я вежливо спросил Instinct: «Можно мне уйти?» Мне чуть менее вежливо ответили: «Нет». Тогда я снова спросил, уже через своего адвоката: «Можно мне уйти, пожалуйста?» В Instinct ответили: «Хорошо, но ты должен заплатить нам кучу денег».

Это меня весьма смутило, потому что Instinct никогда мне кучи денег не платили, а это означало, что у меня никакой кучи денег не было. Я попросил прояснить ситуацию: «У меня нет денег, но вы хотите, чтобы я заплатил вам кучу денег?» Они

ответили: «Пусть твой новый лейбл даст тебе кучу денег, а потом ты отдашь их нам».

После этого начали тянуться месяцы, юристы потратили сотни оплачиваемых часов на переговоры, а интерес Mute ко мне угасал. Я хотел уйти с Instinct, передо мной была открыта золотая дверь, и через нее я видел Ника Кейва и Depeche Mode, которые говорили мне: «Иди к нам! Записывай музыку для лучшего лейбла в мире!» А я стоял за порогом, опустив голову, и отвечал: «Не могу. Я застрял в юридическом чистилище».

> У нее были длинные светлые волосы и лицо типичной студентки «Лиги плюща». Она была похожа на всех девушек, в которых я безответно влюблялся в средних и старших классах.

В общем, в состоянии нарастающей паники я решил поехать на выходные в Ист-Хэмптон с Джеймсом и Полом. На станции нас должна была встретить сестра Джеймса и отвезти домой к их родителям.

– Расскажи мне о своей сестре, – сказал я.

– Она учится в Корнелле, проходит доврачебную практику и не станет с тобой встречаться, – ответил Джеймс.

– Но у нее никого нет? – в унисон спросили мы с Полом.

– Да, но она никогда не станет встречаться ни с кем из вас.

– Почему? – спросил Пол.

– Потому что она умная и красивая, – сказал Джеймс.

– Ладно, справедливо, – согласился я, потом спросил: – А откуда у вас дом в Ист-Хэмптоне?

– Родители купили его в шестидесятых за пятнадцать тысяч долларов. Он не очень крутой, но мы ездили туда каждое лето, когда я рос.

– Где будем спать мы с Полом? – спросил я.

– Вы, ребята, будете спать в спальных мешках на полу в моей комнате, – сказал он.

– Неплохо звучит, – ответил я.

– А как насчет комнаты твоей сестры? – спросил Пол. – Я могу остановиться там.

– А я тебя убью во сне, – спокойно сказал Джеймс.

Сестра Джеймса Мэнди ждала нас на станции, одетая в шорты цвета хаки и рубашку-поло. У нее были длинные светлые волосы и лицо типичной студентки «Лиги плюща». Она была похожа на всех девушек, в которых я безответно влюблялся в средних и старших классах.

– Джеймс! – воскликнула она и налетела на него с объятиями. Он познакомил нас, и мы пошли с платформы к

«Вольво», на котором приехала Мэнди. Джеймс и Мэнди шли впереди и болтали обо всяких цивилизованных вещах типа учебы, родителей и каникул. Мы с Полом согнулись, как тролли, и вполголоса обменивались репликами:

– Я люблю ее.

– Она моя.

– Нет, иди на хрен, она моя.

– Я люблю ее.

– Нет, я люблю ее.

Мы сели в машину Мэнди, она поставила кассету 10,000 Maniacs и отвезла нас к себе домой.

– Джеймс, этот спальник воняет как дохлый скаут-волчонок, – сказал я, когда мы достали из подвала старые спальные мешки.

– Ты что, спер их из бомжатника, что ли? – спросил Пол.

– Идите в жопу, вы оба, – сказал Джеймс.

– Может, я все-таки лучше буду жить в комнате Мэнди? – предложил я.

– Думаю, ее постель пахнет свежей клубникой, – сказал Пол.

– А может, лучше пойдешь спать в подвал к крысам? – спросил Джеймс.

После полуночи мы приготовили спагетти с салатом айсберг, сели в гостиной с ворсистым коричневым ковром и стали смотреть повтор старой серии «Ночного шоу Дэвида Леттермана». Затем мы поиграли в настольный теннис в подвале, придумав игру, где три участника бегают вокруг стола, в случайном порядке бьют по мячам, орут друг на друга и хохочут как счастливые идиоты. Мы легли в кровати – ну, если точнее, мы с Полом легли в спальные мешки, – и через семь часов проснулись под шум дождя.

– Что нам делать? – спросил я.

– А что делает Мэнди? – спросил Пол. Джеймс проигнорировал его.

– Может, поиграем в крокет под дождем? – спросил я. Мы пошли на задний двор и расставили везде воротца для крокета – за сараями, за углами, в кустах. Нормальный крокет – скучная игра, так что мы придумали «Дождевой ист-хэмптонский партизанский крокет».

– Так что там у тебя с твоим лейблом? – спросил Джеймс, посылая мой мяч через подъездную дорожку под можжевеловый куст. Я объяснил, что хочу уйти от Instinct и подписать контракт с Mute, а также с Elektra в Соединенных Штатах, но в последние девять месяцев Instinct держат меня в заложниках, так что всю оставшуюся жизнь я проведу в лейбловом чистилище.

– А что ты сейчас вообще можешь делать? – спросил Джеймс.

– Могу делать ремиксы для других музыкантов, ездить на гастроли, но вот новые песни выпускать не могу.

– Хреново.

– Ты прав.

– Расскажи Джеймсу о компиляционном альбоме, – сказал Пол.

– В прошлом году Instinct выпустили альбом *The Best of Instinct Records*. Штука тут вот в чем: я их единственный артист, так что вся пластинка – это моя музыка под пятью разными именами.

Пол добавил:

– А еще Моби убирался в офисе Instinct и сам носил посылки в UPS. Он был чем-то средним между рабом и стажером.

– Ну, какое-то время все было круто, – сказал я.

Мы еще поиграли в крокет под дождем; я одновременно боролся с паническими атаками – вдруг я на самом деле никогда больше не смогу выпускать новую музыку? Потом мы пошли в город, обсуждая девушек, контракты на запись и достоинства полнометражек по «Звездному пути». В городе мы купили кофе и какое-то время наблюдали за работой пончикового робота.

> Богатые, прилично одетые люди, приехавшие в Ист-Хэмптон в отпуск, обходили нас по широкой дуге, судя по всему, считая, что интересная внешность – это заразно.

Я почувствовал себя спокойнее, узнав, что он все еще здесь и по-прежнему неустанно готовит пончики для опрятных туристов. Когда я тут был в последний раз, в восемьдесят восьмом, я жил на заброшенной фабрике в Стэмфорде и пытался хоть кого-то заинтересовать в своих демо-кассетах. Теперь же я жил в Нью-Йорке, и у меня были высокооплачиваемые юристы, которые воевали с лейблом, изо всех сил пытавшимся меня удержать. В 1988 году я работал диджеем для тусовок в сорок-пятьдесят человек и зарабатывал 5000 долларов в год. Теперь же я играл на рейвах для тысяч людей и получал почти сто тысяч. Эти положительные изменения, конечно, утешали, но паника все равно крепко укоренилась где-то в стволе мозга.

Мы неохотно ушли от пончикового робота и сели пить кофе на мокрой скамейке в парке. Пол с розовыми волосами и в футболке Siouxsie and the Banshees, Джеймс в своих ботинках «Доктор Мартенс» и с желтым ирокезом… Богатые, прилично одетые люди, приехавшие в Ист-Хэмптон в отпуск, обходили нас по широкой дуге, судя по всему, считая, что интересная внешность – это заразно. Мы сидели молча, пили кофе и

притворялись статистами из «Твин Пикса».

– Если и дальше будет дождь, я, наверное, поеду обратно в город, – сказал я. Мне внезапно захотелось вскочить и убежать. У меня отличные друзья, но паника вцепилась в мой мозг и грызла его, как взбесившаяся белка. – Думаете, я когда-нибудь смогу опять выпускать пластинки? – выпалил я.

– Да, – сказал Пол. – Конечно.

«Конечно» значило для меня много.

У нас в Коннектикуте был один друг, который очень не любил однозначных ответов. Вместо «да» он всегда отвечал «конечно». Так что несколько лет назад мы решили, что «конечно» означает «на сто процентов, совершенно точно *да*». Пол только что сказал «конечно», а это значило, что он полностью во всем уверен и все знает, и я когда-нибудь снова стану выпускать пластинки. Мой мозг еще не совсем освободился от паники, сжимавшей его словно тисками, но я уже понимал, что вскоре ему это все же удастся. Я допил кофе и встал.

– Пойдем еще поиграем в крокет? – предложил я.

– Конечно, – уверенно ответил Пол.

– Конечно, – с такой же уверенностью ответил Джеймс, и мы покинули Ист-Хэмптон под дождем.

Глава тридцатая
Учебник биологии

В старших классах моей самой большой мечтой было влюбиться в идеальную панк-роковую девушку. Сделав домашнее задание, я вечерами катался на мопеде по Дариену, слушал Joy Division или X и мечтал о воображаемой подружке – панк-рокерше. Она будет добрая, с розовыми, зелеными или синими волосами. Она бы обожала Joy Division и иногда прыгала прямо в слэм на хардкорных дневных концертах. А еще она будет любить меня, и мы будем заниматься любовью в гостиной ее родителей, пока те спят наверху.

Проезжая мимо станции Норотон-Хайтс на мопеде, я слышал в наушниках голос Джона Доу: «Я заменю твоего пьяного папашу / Сяду на парковке и буду держать тебя за руки». Вот чего я хотел в старших классах: добрую и умную девушку-панк-рокершу с розовыми волосами и нежными руками.

В конце восьмидесятых мой приятель Джейми стал встречаться с панк-рокершей по имени Сара. Она была милой, носила веганские ботинки «Доктор Мартенс», красила короткие волосы в розовый цвет и любила Minor Threat. И она даже действительно прыгала в слэмах на хардкорных дневных концертах. Я говорил с ней только один или два раза, но решил, что она идеальна. Она была девушкой моего друга, так что я оставил свои чувства при себе и любил ее розовую, пушистую, похожую на пасхальное яйцо голову издали.

В старших классах моей самой большой мечтой было влюбиться в идеальную панк-роковую девушку.

А потом, в июне 1993 года, Джейми расстался с Сарой. Еще через два месяца она позвонила мне и сказала, что приедет в Нью-Йорк. Мы пошли ужинать в «Анжелика Китчен», я набрался смелости и признался, что давно уже влюблен в нее. Она покраснела, опустила взгляд в тарелку с лапшой соба и ответила:

– Я в тебя тоже влюблена.

После ужина мы прошлись по Нью-Йорку в августовскую жару, держась за руки и лакомясь веганским мороженым. Она осталась ночевать у меня в квартире, а с утра уехала на электричке в Коннектикут.

– Я через два дня улетаю на Гавайи преподавать, – сказала она.

– Надолго?

– На полгода.

– Я буду писать каждый день, – обещал я.

– По-моему, это как-то слишком.

– Ладно, каждую неделю. Мы поцеловались на вокзале Гранд-Централ, и она ушла вниз по платформе.

Сара улетела на Гавайи, я поехал на гастроли, и мы каждую неделю писали друг другу. Мы и правда не очень хорошо друг друга знали, потому что провели вместе всего одну ночь, но я убедил себя, что она – та самая идеальная веганка и панк-рокерша, о которой я всегда мечтал. Ее письма были краткими, почти односложными, но для меня ее немногословность была символом уверенности и глубины характера. На Гавайях она преподавала экологию ребятам из средней школы, училась серфингу и каждую неделю ходила в походы на природу. Вместе с письмами она присылала мне фотографии – яркие снимки, на которых она, загорелая и в веснушках, улыбается, сидя на пляже в Кауаи. И я был в восторге.

Я тоже присылал ей фотографии вместе с письмами: как я в Великобритании на сцене прыгаю со своего синтезатора, как я потерялся в немецком аэропорту. Я писал, что скучаю по ней, и рассказывал, как трудно вегану и трезвеннику на гастролях. И она тоже была в восторге.

Мои письма становились все длиннее; несмотря на то, что я едва ее знал, мне казалось, что я наконец-то нашел родную душу.

Мы и правда не очень хорошо друг друга знали, потому что провели вместе всего одну ночь, но я убедил себя, что она – та самая идеальная веганка и панк-рокерша, о которой я всегда мечтал.

В ноябре я должен был ехать на гастроли с Aphex Twin и Orbital. Под конец тура, перед возвращением в Нью-Йорк, мне поставили шоу в Японии. Перед началом гастролей я позвонил Саре из гостиничного номера в немецком Кёльне в шесть утра. Она взяла трубку, находясь на Гавайях, где уже было шесть вечера.

– У меня идея, – сказал я. – Может быть, мне приехать на Гавайи после того, как тур закончится?

– Будет здорово, – ответила она.

– А потом у меня шоу в Японии – может, поедем вместе?

– Хорошо.

– Гастроли заканчиваются в ноябре, так что я буду у тебя примерно числа двадцатого.

– Отлично, – сказала она. – И вот еще что: я переезжаю обратно на Восточное побережье в декабре.

– Правда? – и, не особо даже задумываясь, я выпалил: – Давай жить вместе?

– У нас будет веганская квартира в Нью-Йорке?

– Конечно. Пока, Сара!

– Пока, Моби.

Я повесил трубку и запаниковал. Что я натворил? Я на самом деле не знаю Сару – мы провели вместе всего одну ночь. Потом я вспомнил, что она веган, панк и преподаватель экологии, и успокоился: я все делаю правильно. Я взрослый человек и никогда еще не жил с подругой, но ведь все взрослые живут с подругами. А еще я решил, что мы с ней родственные души, хотя вместе «вживую» мы провели менее пятнадцати часов.

Я лег на двуспальную кровать в гостиничном номере и попытался уснуть, но я был слишком напуган и возбужден, поэтому просто лежал и смотрел, как через занавески пробивается тусклый солнечный свет.

Я улетел обратно в Штаты на гастроли с Aphex Twin и Orbital, и они разочаровали меня с первого же дня. Мне нравились песни Эфекс Твина, так что я хотел с ним подружиться. Но он почти ни с кем не говорил, а в интервью критиковал меня за то, что я играю на сцене на гитаре и вообще не «настоящий» электронный музыкант. В начале тура мы все ездили на одном автобусе, но я не мог там заснуть и начал летать с концерта на концерт в самолете. Он назвал меня «элитистом», хотя на самом деле я просто страдал от ужасной «автобусной» бессонницы. Неприятное, безрадостное турне продлилось целый месяц, и после него я полетел на Гавайи, чтобы встретиться с Сарой.

Когда я сошел с самолета в Кауаи, Сара подбежала ко мне и обняла; ее кожа пахла солью и кокосами. Мы сели в ее машину и поехали по темным, извилистым гавайским дорогам.

– Тут везде пахнет цветами, – сказал я.

– В основном жасмином, – ответила она.

– Не могу поверить, что я здесь.

Она улыбнулась.

– Ты видела тут акул? – спросил я и посмотрел на луну, висевшую над океаном.

– Пока нет, – сказала она.

– Как дела в школе?

– Хорошо, – сказала она. Мы проехали мимо обветшавшей палатки с гамбургерами. Я ждал от нее подробностей.

– Хорошо? – так и не дождавшись более исчерпывающего ответа, все-таки спросил я.

– Да, все хорошо.

Мы зашли в домик, который она снимала, и я сложил багаж в комнате.

– Я снял нам квартиру на Десятой улице, – сказал я. – Очень милая. С кроватью под потолком, гостиной и маленькой комнаткой, в которой ты можешь устроить кабинет. А окна выходят на юг.

– Хорошо, – сказала она.

– А еще прямо за углом два магазина здоровой еды, а до «Анжелика Китчен» – всего два квартала.

Сара ничего не ответила.

– Все в порядке? – спросил я. – Ты сегодня неразговорчива.

– Нет, я рада тебя видеть, – сказала она.

– Я тоже, – ответил я, начиная паниковать.

На следующий день мы добрались до побережья Напали, нашли пустой пляж и искупались голыми. После этого мы лежали на солнце, и у наших ног громко, как литавры, шумели волны.

– Ты уверена, что хочешь отсюда уехать? – спросил я.

– Ага, – ответила она.

– Просто… это же чуть ли не самое красивое место в мире, – сказал я.

Она снова не ответила.

– Волны громкие, как взрывы, – сказал я.

Тишина.

– Какое у тебя тут любимое место? – спросил я.

– Пляж неподалеку от школы.

– О, а почему?

– Не знаю, – сказала она. – Просто нравится.

Мы дошли обратно до ее машины и поехали к ней домой, слушая техно-компиляцию в ее кассетнике… и, конечно, не разговаривая.

– Тебе нравится танцевальная музыка? – спросил я.

– Ага, – ответила она.

– Многие мои старые приятели-панки ее ненавидят, – не оставлял попыток поддержать разговор я.

Она ничего не сказала.

– Но мне танцевальная музыка кажется продолжением панк-рока, – продолжал разглагольствовать я. – Ну, она, конечно, не звучит как панк-рок, но дух в ней тот же.

Сара снова не ответила, так что мы продолжили молча слушать кассету, проезжая мимо водопадов и пальм.

– Не могу поверить, что мы будем жить вместе, – сказал я.

На следующий день мы проснулись, поужинали на улице и

поехали в аэропорт Лихуэ.

– Самый быстрый в мире отпуск на Гавайях – сорок восемь часов, – сказал я. В очередной раз не услышав ответа, я решил сменить тему: – Ты уверена, что хочешь уехать?

– Я собрала все книги и одежду и отправила их в Коннектикут еще до того, как ты прилетел, – сказала она.

– Не могу поверить, что мы будем жить вместе, – сказал я. Я выглянул в окно кухни, за которым медленно покачивались на ветру пальмы.

– Я тоже, – ответила она.

Мы долетели из Кауаи до Гонолулу и пересели на девятичасовой рейс до Токио. Через три часа после взлета все уже спали. Я читал книгу рассказов Фланнери О'Коннор, а Сара – учебник биологии.

– Сара, – прошептал я.

– Да, Моби?

– У тебя когда-нибудь был секс в самолете?

– Нет.

– У меня тоже, – сказал я. – Надо обязательно попробовать. Она улыбнулась.

– Хорошо.

– Иди в туалет. Я приду через несколько минут и постучу два раза.

– Серьезно?

– Вступим в клуб «На высоте мили». Она встала и пошла в туалет. Через пару минут я тоже прошел туда и тихо постучал дважды. Она открыла дверь, и я протиснулся внутрь.

– И как мы это сделаем? – спросила она.

– Я могу сесть на унитаз, – предложил я.

– Фу, отвратительно.

– Тогда стоя?

Мы стащили штаны и занялись чем-то вроде секса, стоя в маленьком авиационном туалете. Через несколько минут мы закончили и прислонились к стене, потные и запыхавшиеся.

– Ну все, вот и мы вступили в клуб «На высоте мили», – сказал я. Сара застегнула штаны и ничего не ответила.

– Странно было? – спросил я.

– Нет, – ответила она, открыла дверь и ушла обратно на свое место. Я вышел через минуту и сел рядом с ней.

– Спокойной ночи, Мо, – сказала она, закрыв глаза.

– Спокойной ночи, – ответил я и взял ее за руку. Сара отдернула ее.

– Я не могу заснуть, держась за руки, – пояснила она.

– Ладно. Я попытался дальше читать книгу, но был слишком напуган. Я собираюсь жить вместе с женщиной, которая не разговаривает и не любит держаться за руки. Разговоры были моим основным средством завязывания отношений с людьми – а сейчас я словно танцевал для человека, который не знает, что такое танец.

> Мы стащили штаны и занялись чем-то вроде секса, стоя в маленьком авиационном туалете. Через несколько минут мы закончили и прислонились к стене, потные и запыхавшиеся. – Ну все, вот и мы вступили в клуб «На высоте мили», – сказал я.

Может быть, со временем Саре станет комфортнее, она раскроется и начнет больше говорить? Или, может быть, я смогу приспособиться к отношениям без разговоров? А вдруг я совершаю огромную ошибку? Я закрыл глаза, и меня накрыло паникой; мы летели в сторону Токио над темным Тихим океаном.

Мы приземлились в Нарите; местный промоутер ждал нас у выхода с таможни. Это был австралийский клубный промоутер, который три года назад переехал в Японию, чтобы преподавать английский язык, но вместо этого занялся организацией рейвов. Когда мы сели в такси, он сказал:

– Спонсор сегодняшнего концерта – NKTV, большая японская телекомпания.

– Подожди, – задумался я. – Сегодняшнего концерта?

– Ну да, – ответил он. – Ты же для этого сюда и прилетел.

– Я думал, что концерт завтра.

– Нет, сегодня, двадцать третьего ноября.

– Но сегодня же двадцать второе.

– Дружище, ты перелетел через линию перемены дат. Сегодня двадцать третье.

Я моргнул.

– Когда начало?

– Через три часа, – ответил он и широко улыбнулся.

> Я как раз собирался в первый раз крикнуть: «Go!», и тут на меня сзади кто-то наскочил. Я упал на сцену лицом вниз и попытался развернуться, чтобы понять, кто же на меня навалился: это оказался огромный мужик, одетый в девятифутовый костюм дерева.

После полутора часов в такси мы прошли на дискотеку, полную японских клубных ребят, размахивающих разноцветными веерами.

– Почему они машут веерами? – спросил я, пытаясь перекричать музыку.

– О, это началось несколько месяцев назад. Теперь все так делают, – сказал промоутер. Он провел нас за сцену, в маленькую гримерку с красными стенами.

Когда он ушел, я сказал Саре:

– Не могу поверить, что играю сегодня. Она не ответила.

– Кстати, забыл у тебя спросить: ты умеешь играть на клавишных?

– Что?

– Чтобы тебе купили билет на самолет, мне пришлось сказать, что ты в моей группе.

– Ты хочешь, чтобы я играла на синтезаторе? На сцене? Я не умею.

– Нет, тебе просто надо притворяться. Все клавишные партии записаны на пленку.

– Думаю, смогу, – сказала она.

– Спасибо. Это был единственный способ заставить промоутера оплатить твой билет. Все будет весело. Просто прыгай по сцене и притворяйся, что играешь на синтезаторе.

– Я не буду прыгать по сцене, – сказала она.

Промоутер провел нас к месту моего выступления. Там стояли три новых синтезатора Roland, новенький Roland Octapad и два совершенно нетронутых микрофона.

– Оборудование отдадут мне? – спросил я.

– Ха-ха, хорошая шутка, приятель, – сказал он. – Нет, я взял все в аренду у Roland.

– Выглядит получше, чем то, на чем я играю дома.

– Это Япония, дружище. Готов?

Я кивнул. Он вышел на сцену и объявил:

– Из Нью-Йорка к вам приехал Моби!

Я выбежал на сцену, а Сара встала за «свой» синтезатор в глубине. Ah Ah начиналась с рычащих синтезаторов. Я стучал по новенькому Octapad и бегал по сцене, крича в микрофон. Тысяча японских рейверов танцевали и размахивали разноцветными веерами, словно стая радужных рыб. Я посмотрел на Сару; она стояла, устремив взгляд на синтезатор, и притворялась, что играет. Я подбежал к ней и улыбнулся. Она посмотрела на меня, потом опять на синтезатор.

Заиграла Go. Я как раз собирался в первый раз крикнуть: «Go!», и тут на меня сзади кто-то наскочил. Я упал на сцену лицом вниз и попытался развернуться, чтобы понять, кто же на меня навалился: это оказался огромный мужик, одетый в девятифутовый костюм дерева. Почти все его тело было скрыто

под костюмом, но через ветки я все-таки разглядел потное белое лицо. Я попытался встать, но он схватил меня и опять повалил на сцену.

Я посмотрел на край сцены; промоутер стоял сбоку, улыбаясь и пританцовывая. Он показал мне два больших пальца.

– Мне надо играть! – крикнул я мужику в костюме дерева. Он улыбнулся и опять меня повалил. В процессе борьбы с деревом я попытался привлечь внимание Сары. Она смотрела на меня и дерево непонимающим взглядом.

– Помоги! – закричал я. Но она продолжила изображать игру на синтезаторе.

Зрители размахивали красными, желтыми и оранжевыми веерами, предполагая, что борьба с деревом – это тоже часть шоу. Наконец я вырвался из его хватки и бросился к промоутеру.

– Убери его от меня! – закричал я; человек-дерево гнался за мной по сцене, готовясь к новой схватке.

– Это Чез, приятель! – крикнул в ответ промоутер. – Он со всеми так делает!

– Скажи, чтобы он прекратил!

Промоутер выглядел разочарованным в лучших чувствах.

– Чез! – крикнул он. – Прекращай!

Чез, человек-дерево, подбежал ко мне и крепко обнял. А потом спрыгнул в зал и стал отплясывать вместе с японскими рейверами, которые размахивали веерами.

После концерта мы с Сарой приходили в себя за кулисами, и тут вошел явно смущенный промоутер.

– Что это было? – спросил я.

– Тот парень-дерево?

– Ага.

– Ну, он так со всеми делает, и зрителям очень нравится, – сказал он.

– А почему ты меня не предупредил заранее?

– А что, я не предупредил?

Мы с Сарой уехали в гостиницу и попытались (неудачно) заняться любовью в маленькой японской ванне. На следующий день мы отправились в тринадцатичасовой полет до аэропорта имени Кеннеди.

– Я счастлив, Сара, – сказал я и взял ее за руку.

– Я читаю важную книгу, – ответила она, отдернула руку и отвернулась.

В самолете Сара читала учебники биологии, а я – научную фантастику. В какой-то момент я посмотрел на нее; из иллюминатора светило солнце, целуя лучами ее книгу и волосы.

Она выглядела такой серьезной и красивой, переворачивая страницы учебника.

«Она веган, борец за экологию, трезвенница и панк, – подумал *я, – и это хорошо. Ей не нравится разговаривать – и это плохо»*.

Но, может быть, все это еще изменится. Мы будем жить вместе в солнечной квартире на Десятой улице, ходить в веганские рестораны, заведем собаку. Она раскроется и станет часами разговаривать со мной о биологии, экологии и старых панк-роковых пластинках, мы по-настоящему полюбим друг друга и станем наслаждаться жизнью.

– Я счастлив, Сара, – сказал я и взял ее за руку.

– Я читаю важную книгу, – ответила она, отдернула руку и отвернулась.

Глава тридцать первая
Зубная нить

Мы с Сарой жили вместе в наркоманском районе на Десятой улице уже четыре месяца. Наше общение с самого начала было довольно натянутым, а после того, как мы съехались, все стало совсем плохо. Она спокойно обходилась без разговоров. А я так не мог. Я любил говорить. Именно через разговоры я строил отношения с друзьями и семьей. Без этого я чувствовал себя потерянным и никому не нужным.

Может быть, Сара была просветленной, и ей не требовалось заполнять пустоты в жизни болтовней. Или, возможно, она просто очень тихая. Мы сидели друг напротив друга за нашим черным деревянным столом, и я задавал ей вопросы, которые начинались со слова «это».

– Это, – говорил я, намазывая яблочным маслом тосты, – ты сегодня работаешь?

– Да.

Я медленно разливал по чашкам зеленый чай.

– Это, и как работа?

– Нормально.

Я разглядывал тосты и думал, какие бы еще задать вопросы, начинающиеся с «это».

Это, как думаешь: Международный валютный фонд должен сделать свою работу более прозрачной?

Это, тебе больше нравится «Трактат» Витгенштейна или его «Голубая» и «Коричневая» книги?

Это, ты знаешь, что отсутствие общения меня убивает?

Я продолжал рассматривать тосты или выглядывал в окно, и в конце концов наш тихий завтрак завершался. Мы прощались, и я шел на студию, где садился в поломанное кресло, паниковал и пытался писать музыку.

> Я хотел быть взрослым человеком, который живет с любящей, доброй, красивой девушкой – панк-рокершей и веганкой. Я не мог признать поражения и смириться с тем, что чувствую себя ужасно, а наши отношения умирают мучительной смертью.

Что я вообще делал? Я надеялся, что со временем Сара раскроется и станет говорить больше, но сейчас она говорила даже меньше. Я хотел, чтобы наши отношения работали. Я хотел быть взрослым человеком, который живет с любящей, доброй,

красивой девушкой – панк-рокершей и веганкой. Я не мог признать поражения и смириться с тем, что чувствую себя ужасно, а наши отношения умирают мучительной смертью. Я подолгу засиживался в студии и делал все, чтобы прийти домой как можно позже. Чем меньше мы с Сарой говорили, тем больше мне приходилось сочинять музыку или гулять с Уолнат, собакой, которую мы все же взяли из приюта на окраине города.

Уолнат была самым милым в мире маленьким питбультерьером. Она оказалась намного меньше большинства питбулей, а ее изящные миндалевидные глазки всегда выглядели невинными и добрыми. Эта собака бело-коричневого окраса всегда была очень веселой. Десятая улица между Первой и Второй авеню, где мы жили, была печально известным наркоманским районом, на тротуарах которого толпились торговцы крэком и героином в огромных черных пальто. Каждый день, когда я водил Уолнат на собачью площадку на Томпкинс-сквер, мы проходили мимо наркодилеров. Они весь день строили из себя суровых парней, запугивая всех, кто проходит мимо. Когда я шел мимо них один, они лишь едва заметно мне кивали – но если я шел гулять с Уолнат, они превращались в веселых детишек.

– Эй, это Уолнат! Привет, Уолнат!

Она радовалась, бежала к ним и дарила им маленькие собачьи поцелуи. Суровые, жестокие наркодилеры смеялись, гладили ее и каждый раз задавали одни и те же вопросы:

– Она питбуль?

– Какая-то она мелкая для питбуля, а?

– Может, это щенок питбуля?

– У нее что, папа бигль или кто-нибудь такой?

А потом мы уходили, и наркодилеры кричали нам вслед:

– Пока, Уолнат!

Собачья площадка на Томпкинс-сквер представляла собой земляное поле посреди парка, где все были равны. Туда водили собак наркоманы, местные геи, биржевые брокеры, старушки, бездомные панки. Собаки носились по полю, как резиновые мячики, нюхая друг дружке задницы, копая ямы и гоняясь друг за другом кругами. Хозяева обычно не разговаривали между собой, пряча лица за газетами, хотя иногда, словно стесняясь, обсуждали собаководческие темы.

Дождливым мартовским утром собачья площадка была практически пуста: мы с Уолнат и гангстер-латинос со своим мокрым питбулем. Я сел на холодную скамейку, Уолнат села рядом.

– Давай, Уолнат, – сказал я. – Побегай, облегчись.

Но она оставалась рядом со мной и смотрела на пустую,

грязную собачью площадку.

– Не хочешь поиграть с питбулем? – спросил я.

Уолнат посмотрела на меня, словно отвечая: «Ты серьезно? Хочу ли я поиграть с гигантским питбулем-психопатом, который жрет стекло на завтрак? В лучшем случае я замерзну и перепачкаюсь, а этот питбуль на меня и внимания не обратит. В худшем – этот монстр меня просто съест. Так что… нет, Моби, я не хочу играть в холодной грязи с питбулем».

Я сдался и снова надел на Уолнат поводок. Мы вернулись обратно по Восточной Девятой улице. Когда мы добрались до Первой авеню, моя собака наконец-то решила покакать. В семидесятых в Нью-Йорке приняли законы, которые обязывали хозяев убирать какашки за своими питомцами. И, как ни удивительно, эти законы сработали. Большинство владельцев собак были ответственными и готовились к прогулкам, нося с собой пластиковые пакетики для какашек. Я же предпочитал доверяться судьбе, надеясь, что вселенная подарит мне какой-нибудь старый целлофановый пакет или салфетки из ближайшего мусорного бака, которыми я соберу какашки Уолнат.

Она исполнила свой танец «побегать кругами, чтобы найти идеальное место на тротуаре и облегчиться там». Я смотрел на нее слегка раздраженно: в начале марта было холодно и дождливо, к тому же я медленно умирал в отношениях, разрушавших душу.

– Ну давай уже, Уолнат, – сказал я, – делай свои дела.

Собака покакала. Потом остановилась с озадаченным видом. А потом начала испуганно бегать кругами. Я посмотрел на нее и понял, в чем проблема: она умудрилась съесть зубную нить, и теперь ее какашка свисала из задницы, прочно удерживаемая куском нити. Она пыталась убежать от какашки, но зубная нить держалась крепко.

Я засмеялся, подумав, что какашка вскоре все-таки выпадет и мы пойдем домой, обратно к моим безрадостным отношениям. А потом я понял, что какашка никуда выпадать не собиралась – она застряла. Бедняжка Уолнат была в ужасе и не понимала, с чего это ее собственная какашка на нее нападает.

«Вот дерьмо», – подумал я, даже не пытаясь скаламбурить. Нужно было прийти Уолнат на помощь, но я очень не хотел вытаскивать какашку и зубную нить у нее из задницы голыми руками. Мне нужен был какой-нибудь инструмент. В ближайшей урне я нашел покрытую жиром пластиковую вилку в пенопластовой коробке из местного ресторана, специализировавшегося на жареной курице.

– Подожди, – сказал я Уолнат и с помощью вилки попытался

извлечь какашку из ее задницы. И она меня укусила.

– Что? – воскликнул я скорее от обиды, чем от боли. Уолнат и сама испугалась содеянного, я успокоил ее, продолжил работать вилкой и в конце концов сумел вытащить и какашку, и нить. Закончив работу, я сел рядом с Уолнат на тротуар и попытался оценить ситуацию. Мои руки перепачканы куриным жиром и собачьим дерьмом. Я замерз и промок. В моих отношениях нет любви. А моя милая, прекрасная собака меня только что укусила.

– И вот это моя жизнь? – спросил я Уолнат. Она посмотрела на меня, озадаченная, но благодарная за то, что какашка больше не атакует ее задницу. Я нашел грязную салфетку, выкинул какашку, зубную нить и вилку и пошел домой под дождем в сопровождении малышки Уолнат.

Глава тридцать вторая
Лимонная цедра

– Но это же всего лишь трехсекундный сэмпл, – сказал я.

– Знаю, – ответил Барри, – но вот что они за него хотят.

Я сочинил рейвовый гимн, который звучал так, словно сто зданий одновременно рушатся, а еще сто – строятся. Или так, словно где-то рядом проходит стадо слонов, охваченных экстазом. Мощный, радостный, полный тоски. Я представлял, как эта песня выведет рейверов из вызванного кетамином ступора и напомнит о том, что техно бывает веселым. Что танцевальная музыка может быть взрывной и красивой, что это не только фоновые звуки для тинейджеров в гигантских штанах, которые вырубаются на танцполах.

Новая песня, которую я написал, была основана на идеальном вокальном сэмпле из малоизвестной диско-песни конца семидесятых. Мне понравилось, как звучал этот сэмпл, и я решил поступить правильно и обратиться за разрешением на использование.

После многих месяцев юридических перебранок я наконец-то покинул Instinct и подписал контракты с Mute и Elektra, и теперь я записывал свой первый настоящий альбом. Музыканты с настоящими контрактами на запись обязаны поступать правильно и обращаться за разрешениями на использование сэмплов. В теории я был с этим согласен, но в данном случае владельцы прав на песню, из которой я позаимствовал сэмпл, выдвинули совершенно абсурдные требования.

– Так, дай-ка я попробую понять, – сказал я Барри, который вместе с Марси вел мои дела в Соединенных Штатах. – Сэмпл длится три секунды, но они хотят пятьдесят процентов прав на запись, семьдесят пять процентов с продаж и аванс пятьдесят тысяч долларов?

– Да. Поначалу они вообще требовали сто процентов с продаж и аванс семьдесят пять тысяч долларов, но нам удалось умерить их запросы, – сказал он.

Я просто поверить не мог. Я сочинил крутейший, красивейший рейвовый гимн, и его у меня отнимают. По иронии судьбы, это делают люди, сделавшие сэмпл, который я хотел позаимствовать. Иронию я, конечно, оценил, но меня не отпускала паника.

– У меня нет столько денег, – сказал я. – И семьдесят пять процентов с продаж я точно не отдам. Это безумие.

– Ты можешь найти другой сэмпл? – спросил Барри.

Мне очень не хотелось это признавать, но, пожалуй, да, я мог бы.

Но этот вокальный сэмпл был таким прекрасным и так идеально подходил. Он сделал мой крутой, красивый рейвовый гимн еще круче и красивее.

– Могу попробовать, – обреченно сказал я, печалясь из-за того, что не смогу воспользоваться чужим сэмплом.

Я весь день перебирал коллекцию пластинок, пытаясь найти сэмпл получше. Час за часом я слушал старое диско, фанк и ритм-энд-блюз в поисках того, что могло бы заменить первоначальный вариант. Ничего не подходило. Некоторые сэмплы были неплохими, но большинство из них звучало совершенно произвольно и плоско. Под конец дня я совсем отчаялся. Я сел в сломанное студийное кресло и уставился в монитор студийного компьютера.

Студийное кресло я нашел в мусорной куче перед зданием, где располагалось место, где я работал. Каждую неделю я бродил по району в поисках интересных вещей, выброшенных другими людьми. За последние несколько лет я таким образом нашел: старую деревянную лестницу, три японских ширмы-сёдзи, стол, который, возможно, когда-то спроектировали Рэй и Чарльз Имзы, керамическую статуэтку бульдога, у которой не хватало одного уха, коллекцию книг Филипа К. Дика и сломанное офисное кресло. Сиденье было истрепанным, кресло скрипело, когда я перекатывал его по полу, но оно было бесплатным и почти удобным.

Я посмотрел на факс-машину. Вдруг оттуда сейчас вылезет волшебный факс: «Хорошая новость! Они решили, что песня им нравится, и дадут тебе использовать сэмпл бесплатно!» Но нет, факс упорно молчал. Я посмотрел на огромную кучу пластинок возле проигрывателя. Столько музыки, столько великолепных певцов и композиторов, а я так и не нашел ничего, что можно было бы украсть.

Зазвонил телефон.

– Ну как, есть что-нибудь? – спросил Барри.

– Вообще ничего, – сказал я. – Может быть, сделать инструментал?

– Я тут познакомился с певицей из Израиля, – сказал он. – Она хочет приехать и попробовать что-нибудь сделать для твоей песни. Готов встретиться с ней завтра?

– Конечно. Как ее зовут?

– Майим Роуз. Насколько понял, она пела на нескольких треках для Strictly Rhythm.

– Ладно. Завтра в полдень здесь?

– Нормально. Сейчас позвоню ей.

Может быть, эта израильтянка спасет мою песню. Я переслушал ее без сэмпла, чтобы понять, что вообще останется от трека. В песне были сумасшедшие, драйвовые брейкбиты, мощнейшие струнные, громкие партии синтезатора пилообразных волн. Еще я услышал там сверхнизкий бас из набора патчей Juno-106 и настойчивый басовый барабан из Roland TR-909, отбивавший размер 4/4. С вокальным сэмплом песня была на пятерку, может быть, даже с плюсом, но вот без него едва-едва дотягивала до хилой четверочки.

Я выключил аппаратуру и встал. Было восемь часов, стоял прекрасный летний вечер, и лучи заходящего солнца пробивались через мое окно. Я запер дверь и пошел домой к Уолнат и Саре на Десятую улицу, в ужасе от перспективы провести еще одну тихую, неприятную ночь с Сарой. Но, вместе с тем, мне не терпелось снова увидеть Уолнат. Я приду домой, и Сара будет сидеть на матрасе. Она скажет: «Привет, Моби», и углубится обратно в книгу. А вот Уолнат будет носиться кругами по кухне, радуясь встрече со мной.

Когда назавтра Майим приехала ко мне на студию, она схватила меня за обе руки и просияла, и меня сразу куда меньше стали тревожить и ужасные отношения, и проблемы с сэмплом. Майим была невысокой, светловолосой и просто излучала добро.

– Значит, ты записывалась для Strictly Rhythm? – спросил я, когда она вошла.

– Ну… нет, – ответила она. – Но очень хотела.

– Ты из Израиля? Она засмеялась.

– Нет, я родилась в Вашингтон-Хайтс.

Похоже, Барри что-то сильно напутал. Но, так или иначе, Майим приехала, и мы оба были охвачены энтузиазмом. Я был готов записать ее вокал и выкинуть свой любимый, но непригодный для использования диско-сэмпл куда подальше и забыть о его существовании.

– Налить тебе чаю или воды? – спросил я.

– Да, хочу и чаю, и воды, – улыбнулась она.

– И того и другого? Или чаю с водой?

Она весело рассмеялась.

– И того и другого, пожалуйста.

Я включил электроплитку и налил воды в маленькую кастрюльку, которую держал в студии для приготовления чая и овсянки.

– Барри ставил тебе песню? – спросил я.

– Да. Она мне очень нравится.

– Так вот, мне надо заменить в ней вокальный сэмпл. Хочешь попробовать?

– Поставь песню еще разок.

Я нажал «Пуск» на секвенсере Alesis. Песня началась с брейкбитов и рага-сэмплов Кодзи Бантона. Потом вступили клавишные, которые звучали пустовато, потому что больше не служили подкладкой для вокала.

– О, вода закипела, – сказала она. Я сделал потише на микшере.

– Тебе зеленого чая или травяного? – спросил я.

– А какой у тебя травяной? – спросила в ответ она.

– Так, давай посмотрим. Есть с лимонной цедрой, с цедрой красного апельсина, с кава-кавой, с валерианой, с гибискусом и с перечной мятой.

Она выбрала гибискус, и я заварил чай в кружке с символикой «Звездного пути», которую Пол подарил мне на Рождество в прошлом году. Майим села на ящик из-под молока, а я – на сломанное студийное кресло. Я снова поставил песню сначала.

– Я уже подготовил микрофон, – сказал я. – Хочешь попробовать какие-нибудь идеи?

– У тебя есть наушники?

– Только одна пара. Можешь надеть их, а я сделаю колонки очень тихими, чтобы кое-что все-таки слышать.

Она встала перед моим микрофоном Shure SM57 и начала импровизировать; я установил нужный уровень.

– Я не очень хорошо умею записывать вокал, – смущенно сказал я.

– Не беспокойся, нормально звучит, – ответила она.

– Попробуй для первого дубля спеть тот сэмпл, который мы заменяем, – предложил я.

Она спела сэмпл, но это, конечно, было не то. У нее был хороший голос, но совсем не похожий на то, что могла сотворить чернокожая диско-дива 1979 года.

– Хорошо звучит, – сказал я, – но давай попробуем какие-нибудь новые идеи.

В следующие двадцать минут мы старались изобрести что-то новое. Кое-что из этого почти сработало, но почти все – нет.

– Думаешь, что-нибудь из этого подойдет? – спросила Майим. Она выглядела явно усталой, да и голос уже начал подсаживаться.

Я задумался.

– Возможно, – сказал я. – Но у меня есть одна последняя идея.

Я все думаю об очень простом диско-вокале, всего три ноты.

Я пропел их для нее.

– Можешь сделать вот так?

– Высоковато, но я попробую.

И она спела короткую, простую мелодию. В ней было что-то интересное. Это было близко к пределу ее диапазона, и ей явно было трудно, но все-таки она справилась.

– Есть какие-нибудь идеи для текста? – спросила она.

– Может быть, что-нибудь совсем в стиле диско, вроде «I'm feeling so real»?

– Ага, давай попробую.

И на самом пределе диапазона она пропела: «I'm feeling so real».

– Хорошо звучит. Ты в порядке?

– Я вот-вот сорву голос, но, думаю, еще на пару дублей меня хватит, – сказала она. Я нажал «Запись» на сэмплере, и она спела фразу еще несколько раз. В первой паре дублей ее голос сорвался на «real» – эта нота была за пределами ее нормального диапазона.

– Звучит хорошо, – сказал я. – Но давай попробуем еще раз. Закрой глаза, представь, что ты в поле. Встает рассветное солнце, и ты поешь для пятидесяти тысяч рейверов.

Она улыбнулась.

– Хорошо, давай попробуем.

Вступили клавишные, она спела «I'm feeling so real», и дубль вышел идеальным. А потом спела еще раз, и получилось еще идеальнее. И в третий раз – по-прежнему идеально.

– Ну как? – спросила она.

– Здорово! – просиял я. – Пожалуй, это то, что надо. А теперь надо посмотреть, как это все будет звучать.

Она села обратно на ящики из-под молока и стала пить чай с гибискусом, а я занялся сведением вокала.

> Закрой глаза, представь, что ты в поле. Встает рассветное солнце, и ты поешь для пятидесяти тысяч рейверов.

– Забавно, – сказала она. – Я вчера как-то, не помню сама как, попала в офис к Барри, и он спросил, могу ли я спеть диско-сэмпл. Я сказала «да», и вот она я, пою диско-сэмплы.

– Если точнее – придумываешь диско-сэмплы, – сказал я.

Она допила чай.

– Мне надо ехать, у меня еще встреча запланирована, – сказала она. – Уверен, что тебе этого хватит? Я могу еще раз спеть.

– Нет, все здорово, – ответил я. Она обняла меня и пошла

вниз по лестнице. Я вернулся к работе над фразой Майим «feeling so real». Все дубли были хороши, но третий вышел самым эмоциональным. Ее голос был на грани срыва, когда она взяла верхнюю ноту. Он казался уязвимым, но торжествующим, и даже легкое искажение от микрофона оказалось в тему. Я обрезал сэмпл спереди и сзади и запустил его с MIDI-клавиатуры.

Я наложил вокал Майим на клавишную партию, и все прозвучало. Потом я добавил барабаны, низкий бас и струнные, и все стало еще круче. Я закольцевал припев, вскочил и начал плясать по студии, пока звучал трек. Я был совершенно уверен, что прохожие на Мотт-стрит слышат, как я довольно фальшиво подпеваю собственной песне, но мне было все равно. Я потерял вдохновивший меня сэмпл, но нашел кое-что получше. Хотя нет, я не просто нашел кое-что получше – я сочинил кое-что получше.

Я поднял трубку дешевого телефона, подключенного к факсу, позвонил Барри и поставил ему трек.

– Барри, послушай! – сказал я и поднес телефон к колонке.

– Звучит круто! – ответил он. – Значит, с Майим все получилось?

– Да, она отлично отработала!

– Хорошо, заканчивай песню. Поговорим завтра.

Я прыгал по студии и раз за разом слушал свой трек от начала до конца, заново переживая тот волшебный момент, когда Майим одновременно стояла в моей маленькой студии с электроплиткой в углу и, закрыв глаза, пела для пятидесяти тысяч рейверов на рассвете.

Глава тридцать третья
Трещины между половицами

В Нью-Йорке нам с Сарой было не о чем говорить, поэтому мы решили съездить на день на север штата. Вскоре стало очевидно, что и здесь нам тоже говорить не о чем.

Мы нашли озеро неподалеку от Бедфорда, штат Нью-Йорк, и пошли гулять. Светило солнце, и Уолнат очень радовалась – она бегала вокруг и обнюхивала все подряд. Мы с Сарой говорили о Уолнат и о жаре. Через пять минут темы для разговора закончились, и мы молча ушли в тень.

Уолнат весело бегала вокруг наших ног.

В какой-то момент, когда мы гуляли у озера, на меня запрыгнул черноногий клещ и укусил. Я ничего не почувствовал, потому что клещ был размером с недоразвитое маковое зернышко. Но, укусив меня, он впрыснул в мою кровь спирохет из своего грязного клещиного рта. А спирохеты с энтузиазмом начали размножаться в моем организме. Через неделю у меня началась болезнь Лайма, и я слег с температурой сорок градусов.

Через неделю у меня началась болезнь Лайма, и я слег с температурой сорок градусов.

Шел август, и это значило, что за окном было плюс тридцать пять. Мы с Сарой были борцами за экологию, не признававшими кондиционеров, так что в нашей квартире были все тридцать восемь. Я просыпался с утра, понимал в полубреду, что у меня все еще температура, шатаясь, добредал до старого матраса в гостиной и лежал там, больной и весь мокрый от пота. Уолнат запрыгивала на матрас рядом со мной, жалостливо смотрела на меня и засыпала; за окном куда-то неслись пожарные машины.

Через пять дней, проведенных с температурой, я решил пойти к врачу. Я был леваком, веганом, рейвером и панк-рокером, так что вместо того, чтобы обратиться к западному доктору, я решил пойти к специалисту по традиционной китайской медицине. Я оделся и умудрился даже выйти из здания. Вчера было жарко, а сегодня – еще жарче. Небо было цвета прокисшего молока, а воздух – спертым, как в латексной перчатке.

Я доехал на такси до китайского квартала и поднялся на третий этаж в кабинет доктора Ли. Секретаршей была старая китаянка, сидевшая под литографией с китайскими горами. Рядом с ее печатной машинкой стояла керамическая статуэтка кошки, а на стенах приемного покоя висели каллиграфические

картины в рамках. Недалеко от моего кресла стояла небольшая статуэтка китайского крестьянина, стоявшего возле сломанной водяной мельницы и низенькой сосенки. Через пять минут она провела меня в комнатку с маленькой металлической кушеткой, на которую я сел и стал ждать дальше. Через десять минут вошел молодой азиат в шортах, кроссовках и мокрой от пота рубашке-поло.

– Мистер Холл? – спросил он с интеллигентным массачусетским акцентом. – Я доктор Ли.

Я ждал какого-нибудь семидесятилетнего старика в белом халате. Но этот парень был моложе меня и пах по́том и дешевым одеколоном.

– В чем проблема? – спросил он, утирая лоб рукавом рубашки.

– У меня температура, которая никак не проходит. Но сейчас август, как я вообще мог заболеть?

Он усмехнулся.

– У вас летний грипп. Так часто бывает.

Он пощупал лимфоузлы на шее, заглянул мне в рот, проверил пульс.

– Ладно, я дам вам таблетки. Вы скоро выздоровеете.

– О, я веган. В ваших таблетках есть животные продукты?

Он задумался.

– Ну, в них есть препарат из оленьих рогов. Это считается веганским?

– Нет, я не могу принимать таблетки из оленьих рогов.

Он кивнул.

– Хорошо, я дам вам другие. Без оленьих рогов.

Он прошел к шкафу, открыл большую коробку и вытряс оттуда в пакет кучку серых пилюль.

– Вот. Принимайте их три раза в день, мистер Холл, и скоро выздоровеете.

Через четыре дня у меня по-прежнему была температура сорок. Я лежал неподвижно на матрасе, а Уолнат свернулась клубочком рядом со мной.

– Блин, я очень болен, Уолнат, – сказал я.

Уолнат посмотрела на меня, словно говоря: «Знаю. Мне жаль. Что я могу сделать?»

– Ты и так делаешь достаточно, Уолнат. Спасибо.

Я заснул прямо на матрасе; вентилятор обдувал меня горячим воздухом. Меня разбудил телефонный звонок.

– Алло? – прохрипел я.

– Привет, Моби, это Барри. Как себя чувствуешь?

– Я очень болен.

– Жаль. Не хотел тебя беспокоить, но звоню, потому что главный звукоинженер «Вестерн-Янг» может завтра сделать мастеринг твоей пластинки. У него отменился один из клиентов, и можно вписать тебя.

Главный звукоинженер «Вестерн-Янг» был одним из самых успешных специалистов по мастерингу в Нью-Йорке, и мне сказали, что у него все расписано на несколько месяцев вперед.

– Ладно, хорошо, буду, – сказал я, положил трубку и вырубился.

Меня снова разбудил телефонный звонок.

– Привет, Моби. – Это была Сара. – Я после работы пойду поужинаю в ресторане – можешь погулять с Уолнат?

– Сара, я очень болен, – сказал я. Она недовольно выдохнула.

– Тебе нужно просто погулять с Уолнат.

– Ладно, – сказал я. У меня даже веки горели от температуры. – Пока.

Она положила трубку, даже не попрощавшись. Саре не нравились больные люди. Когда мы только начали встречаться, я подхватил грипп, и она вела себя как Лени Рифеншталь: холодная, безучастная, разочарованная моей демонстрацией человеческой слабости.

> Мир двигался слишком быстро, в автомобиле было слишком жарко, а я слишком болел.

Больше никаких звонков не было, и я проспал весь день. Вечером я на пять минут вышел погулять с Уолнат, потом рухнул обратно на матрас.

На следующий день я проснулся от жары; Сара уже ушла на работу. Я даже не помнил, как она вернулась вчера вечером; я был без сознания из-за болезни, которая меня убивала.

– Привет, Уолнат, – сказал я, заходя на кухню. Уолнат лежала на полу. – Уолнат, с тобой все хорошо?

Она посмотрела на меня и завиляла хвостом, но не встала. Я принес своей собаке ее любимую игрушку, зеленого плюшевого осьминога. Она, не обратив на него никакого внимания, закрыла глаза.

– Ладно, Уолнат, мне надо одеваться и идти. Я вернусь.

Я зашел в душ. Горячая вода на разгоряченной коже казалась раскаленной, а холодная обжигала. Я оперся о стенку душевой кабинки и закрыл глаза. Но передо мной забрезжил луч надежды: главный звукоинженер «Вестерн-Янг» сделает мастеринг моего альбома. Он возьмет мои кое-как сведенные записи и превратит их в нечто потрясающее. Я был в этом уверен. Он спасет мои записи и заодно меня. Может быть, он даже поможет мне

набраться смелости и разорвать отношения, в которых не осталось ни грамма любви.

Я вытерся, оделся и сел на матрас, пытаясь набраться сил.

– Уолнат, ты в порядке? – позвал я. Она медленно подошла к матрасу и посмотрела на меня. Я поднял ее и положил на матрас, и она закрыла глаза.

– Я вернусь через несколько часов, Уолнат, – сказал я.

Я сел в такси, выглянул в окно, когда машина пришла в движение, и меня едва не вырвало. Мир двигался слишком быстро, в автомобиле было слишком жарко, а я слишком болел. Август – самый жестокий месяц в Нью-Йорке, он дышит на тебя тяжелым, зловонным воздухом.

Когда я добрался до студии в центре города, секретарша сказала мне:

– Входите, звукоинженер скоро придет.

Я сел в дальней части студии на большой черный кожаный диван, разглядывая платиновые диски на стенах.

– Эй! Привет! Ты Моби?

Я открыл глаза. Невысокий, худой человек с дикими глазами и длинными тонкими волосами стоял передо мной и улыбался как маньяк.

– Привет, ты звукоинженер? – спросил я.

– Да! Слушай, хочешь кофе? Чаю? Пива? Хочешь чего-нибудь? Я тебе все принесу. Моби! У тебя пленки с собой? Я все очень клево сделаю! Будет качать!

Я не понимал, почему он говорит так много, так громко и так быстро.

– Можно воды немного? – спросил я.

Он подпрыгнул и выбежал из комнаты.

– Сейчас принесу воды!

Вернулся он только минут через пять.

– Вот тебе вода! – сказал он, утирая нос.

О. Вот теперь я все понял: он под коксом. Я был наивным трезвенником, но даже я знал, что когда у кого-то язык ворочается со скоростью миля в минуту, а потом он убегает и, вернувшись через пять минут, утирает нос, это значит, что он нюхает кокаин.

– Так, давай сделаем это! Сейчас будет колбасить!

– Ну, некоторые песни танцевальные, – тихо сказал я с черного кожаного дивана. – Но там есть немало и тихих вещей.

Мой собеседник меня даже не услышал – он настраивал оборудование и напевал что-то про себя.

– Моби, тебе нравится тусить? – спросил он.

– Нет, спасибо, я трезвенник.

Ничего не ответив, он вернулся обратно к настройке оборудования.

– Так, с чего начнем? Давай работать! Я весь на взводе, Моби, а ты на взводе? – закричал он.

Я не был на взводе. Мне казалось, что я все глубже и глубже погружаюсь в диван.

– Я взволнован, – слабым голосом ответил я. – Спасибо, что нашел время заняться мастерингом моей пластинки.

– Ха! – сказал он. – Хочешь еще воды? Сейчас сбегаю за ней! Он выбежал из комнаты. Я закрыл глаза. Становилось все жарче.

Я подумал об Уолнат, которая неподвижно лежала на моем старом матрасе, и мне очень захотелось просто взять и отрубиться на этом ужасном черном кожаном диване. Бедная Уолнат. Бедный я.

Прошло пять минут, и звукоинженер вернулся.

– Вот тебе вода! – крикнул он, протягивая мне бутылку «Поланд Спринг». Я поставил ее рядом с другой полной бутылкой «Поланд Спринг».

– Первый трек! Feeling So Real! Мне нравится! Хорошее название! Он нажал «Пуск»; я еще никогда не слышал музыку так громко. Он добавил басов, потом – высоких частот. Затем – еще высоких. Остановил песню, перемотал на начало и запустил заново, каким-то образом сделав ее еще громче. И, наконец, добавил еще басов и верхов.

– Вот, получилось! – закричал он. – Как качает! Правда? Тебе нравится?

Он развернулся ко мне в своем кресле и уставился на меня дикими глазами.

– Хорошо звучит, – осторожно сказал я, на самом деле не зная, хорошо или плохо звучит трек, лучше или хуже. Я понимал только одно: он теперь очень громкий.

– Хорошо! Отправляем в печать!

Я выпил воды и моргнул. Мои веки были горячими, и комната поплыла перед глазами.

О нет.
Я добрался до нашей квартиры. Вонь шла изнутри.
О нет, нет. Я серьезно, нет.
Я открыл дверь и сглотнул.

Через точно такой же процесс прошли и все остальные треки на альбоме. Он слушал их на такой громкости, что казалось, барабанные перепонки сейчас порвутся. Он добавлял басов, верхов, выбегал из комнаты, чтобы принять еще кокса, возвращался, добавлял еще басов и верхних частот и кричал мне,

что музыка «колбасит!», даже когда сводил тихие песни без барабанов вроде When It's Cold I'd Like To Die. Через три часа мастеринг завершился.

– Все готово! Моби, все готово! – закричал он и вскочил с кресла. – Очень круто работать с тобой, Моби! Отличный день! Эта хрень дико качает! – сказал он, схватил меня за руку и стал энергично ее трясти.

– Спасибо еще раз, – ответил я. – Надеюсь, скоро послушаю все дома.

– Мы сегодня же пришлем тебе диск! Скажи потом, что думаешь! Мне кажется, что тут все качает! Просто дико качает!

– Хорошо, я позвоню, – ответил я и, шатаясь, вышел из студии обратно в фойе. Я ничего не понимал. Мне еще никогда не приходилось заниматься мастерингом альбомов – именно так все и происходит? Звукоинженер действительно сотворил волшебство? Или же мой альбом теперь звучит как громкая музыка, сведенная каким-то сумасшедшим типом под кокаином?

Когда я вышел на улицу, жара ударила по мне гигантским кулаком. Я хотел упасть на тротуар и умереть. Но дома была Уолнат, и мне нужно было за ней ухаживать. Я доехал на такси до дома, зашел в подъезд и сразу почувствовал запах, одновременно похожий на канализацию и ведро сгнивших морепродуктов. Я поднялся на наш этаж, и запах усилился.

О нет.

Я добрался до нашей квартиры. Вонь шла изнутри.

О нет, нет. Я серьезно, нет. Я открыл дверь и сглотнул.

Повсюду были понос и рвота Уолнат. Повсюду. Пол был буквально покрыт желтой рвотой и поносом, разогретым при температуре тридцать восемь градусов.

– Уолнат? Уолнат? – позвал я. Затем я вошел внутрь, естественно, наступив в понос и рвоту.

Я нашел Уолнат в ванной. Она лежала на кафеле, пытаясь хоть как-то охладиться, и смотрела куда-то мимо меня расфокусированным взором.

У меня было два варианта. Первый: уйти, запереть дверь и больше никогда не возвращаться. Оставить позади ужасные отношения и квартиру без кондиционера, забрызганную собачьим дерьмом и блевотиной. Вариант был соблазнительным, но передо мной лежала Уолнат. Она была очень больна, а я ее любил.

Итак, второй вариант: помочь Уолнат. Я взял ее, вынес на улицу и остановил такси.

– Можно мне довезти собаку в машине? – спросил я.

– Никаких собак в машине, – ответил водитель.

– Я заплачу пятьдесят долларов, – сказал я. Он задумался.

– Хорошо. Но не запачкайте там мне ничего! Мы проехали по Первой авеню до ветеринарного госпиталя на Девятнадцатой улице, и я отнес Уолнат в кабинет экстренной помощи.

– Моя собака без сознания, у нее была очень сильная рвота и диарея, – сказал я секретарше за плексигласовым окошком.

– Садитесь, – сказала она.

Я сел на коричневый виниловый диван, держа Уолнат на коленях, и стал утешать ее и себя, снова и снова повторяя: «Все будет хорошо». Подошла негритянка-ветеринар, посмотрела на Уолнат и спросила:

– Кто тут у нас?

– Уолнат, – ответил я.

– Вы делали ей прививку от парво? – спросила она.

– От чего?

Она покачала головой.

– Так, ясно: у нее парвовирус. Сразу скажу вам, сэр: она может умереть.

– Что такое парвовирус?

– Это вирус, которым собаки заражаются от других собак. Смертность составляет пятьдесят процентов. Давайте я заберу ее.

Она взяла Уолнат и унесла ее через металлическую двойную дверь, оставив мне планшетку с бумагами для заполнения.

Я оставил собаку в госпитале и поехал на такси домой. Запах стал еще хуже. Я достал из-под раковины губки и два часа отмывал всю рвоту и понос. Они были под холодильником, на матрасе и даже в трещинах между половицами.

Пока я выжимал пропитанную дерьмом губку в ванной, зазвонил телефон, и прозвучало сообщение на автоответчик:

– Эй, Моби, это Сара. Я пройдусь после работы. Можешь снова погулять с Уолнат?

Я хотел взять трубку и спокойным тоном ответить: «Я не могу погулять с Уолнат, потому что она умирает в больнице. Тут повсюду дерьмо и блевотина. У меня температура сорок градусов, и я только что провел день с каким-то кокаинщиком, который, скорее всего, испортил мой альбом».

Но я остался стоять у раковины с губкой и слушал голос Сары, пока мимо не проехала пожарная машина, заполнив всю квартиру звуком сирены. Иногда, когда мимо проезжали пожарные, Уолнат подвывала в тон. Иногда пыталась гоняться за отблесками мигалок на стенах и потолке.

Я сел на уголок матраца, куда Уолнат не рвало. Мое тело горело от лихорадки, воздух был горячим и вонял собачьей блевотиной. Я подумал об Уолнат, больной, одинокой и перепуганной. Все пошло наперекосяк. Все было неправильно.

Глава тридцать четвертая
Пылинки

Мы с Сарой разошлись, сошлись, разошлись и снова сошлись. А потом разошлись. А потом, для полного счастья, опять сошлись.

Мы экспериментировали, пробовали встречаться с другими людьми, но это приводило лишь к ревности и отчаянию, в основном с моей стороны. В теории я ничего не имел против того, чтобы она была с кем-то еще. Мы посещаем много разных ресторанов, смотрим много разных сериалов, почему бы тогда и не встречаться со многими разными людьми? Но в первую же ночь, которую она провела дома у другого мужчины, мне захотелось оторвать себе лицо. Я всю ночь сидел один в нашей квартире, и ревность была рядом со мной – ухмыляющаяся старая демоница с желтой как воск кожей.

В полночь я понял, что Сара не придет домой. Я пытался заснуть, или сочинить что-нибудь, или посмотреть телевизор, но ревность нашептывала мне: «Думаешь, они прямо сейчас трахаются? Или, может быть, уже закончили, и его сперма сохнет на ее грудях? А сейчас она со смехом рассказывает ему, как же хорошо наконец переспать с настоящим мужчиной». Я пытался прогнать ревность, но она лишь улыбнулась, растянув бледные губы над острыми зубами. «Хочешь, чтобы я ушла? Ха, ты сам меня сюда пригласил, идиот».

Но в первую же ночь, которую она провела дома у другого мужчины, мне захотелось оторвать себе лицо. Я всю ночь сидел один в нашей квартире, и ревность была рядом со мной – ухмыляющаяся старая демоница с желтой как воск кожей.

В общем, мы просидели вместе с ревностью до семи утра, пока Сара не вернулась домой. Она пахла сексом и чужими простынями. Я заплакал, мы накричали друг на друга и решили все-таки попробовать в последний раз встречаться только друг с другом – вдруг хотя бы на этот раз что-то получится? Она пообещала больше со мной разговаривать, а я – меньше напрягаться. Мы оба были словно скорпион из басни Эзопа, который обещал больше не быть скорпионом.

Несмотря на все сказанное, лучше ничего не стало, и я снова старался проводить как можно больше времени в студии. Она казалась маленькой, спокойной и безопасной, а вот дома я чувствовал клаустрофобию и ужас, словно меня запихивали в

ящик Скиннера.

Я опять начинал все разговоры со слова «Это»:

– Это… как дела на работе?

– Это… хочешь сегодня на ужин спагетти?

– Это… можешь оказать мне услугу и убить меня во сне, чтобы я больше не страдал от невыносимой боли, которую причиняют мне наши отношения?

Послушав мастеринг своего альбома, я понял, что он, несмотря на все мое желание, не закончен. Некоторым песням необходима доработка, да и сочинить еще несколько тоже было бы неплохо. Это будет мой первый настоящий альбом, и мне было важно, чтобы он стал ковчегом для всего, что я когда-либо мог записать для своего альбома. Я хотел, чтобы альбом одновременно был веселым рейвом и ночью в клубе на панк-роковом концерте, а заканчивался нежностью и красотой, от которой слушатели будут плакать под звездным небом.

Поэтому день за днем и ночь за ночью я шел работать в маленькую студию на Мотт-стрит, избегая Сары и пытаясь закончить альбом, который мне понравится. Я провел немало времени в студии, сидя у окна и глядя на пустую парковку через улицу. Она пустовала уже не один год и превратилась в случайное произведение пейзажного искусства, которое могло бы принадлежать Майклу Хейцеру или Роберту Смитсону. Изолированная от мира сетчатым забором, она была заполнена деревьями, сорняками, крысами и мусором. Поскольку за ней никто не ухаживал, парковка оставалась едва ли не единственным местом в нижнем Манхэттене, подчинявшимся энтропии и временам года. Летом там буйно цвели акации и сорняки. К декабрю деревья сбрасывали листья, а кирпичные здания по обе стороны парковки становились темно-коричневыми после нескольких месяцев дождя.

> …можешь оказать мне услугу и убить меня во сне, чтобы я больше не страдал от невыносимой боли, которую причиняют мне наши отношения?

Солнце садилось, прячась за зимние облака; последние закатные лучи отбрасывали длинные тени и превращали мою студию в истсайдский Стоунхендж. Я работал над тихой пьесой в жанре классической музыки, не зная, попадет ли она на альбом. Аккуратно устроившись на моем студийном кресле – оно уже визжало как мешок перепуганных мышей, если я пытался слишком активно на нем двигаться, – я работал на дешевом синтезаторе Yamaha, стоявшем на фанерном столе рядом с монитором компьютера.

Я сыграл простое фортепианное арпеджио в ля-миноре, записал его и закольцевал. Затем я стал слушать три простых ноты – снова и снова – и думать, что туда можно и нужно добавить.

Мой выбор остановился на второй фортепианной партии в до-мажоре – обнадеживающий контрапункт к жалобному ля-минорному арпеджио. Теперь у меня было две закольцованных фортепианных партии, сталкивающихся друг с другом. Я задумался: *«Сделать из этого танцевальный трек? Добавить басовый барабан, хайхэты и бас и написать что-то такое, что диджей сможет поставить в три часа ночи?»* Но взаимодействие печального ля-минорного арпеджио с оптимистичным до-мажорным убедило меня, что надо быть проще. Добавлять к этому барабаны казалось какой-то ересью.

Я включил старый струнный синтезатор и сыграл медленную, тягучую виолончельную партию под арпеджио. Потом добавил к виолончели септимы и терции. Мозг начал подавать сигналы: *«Хорошо, продолжай, Моби»*. Я решил добавить высоких струнных, почти филигранных, так что включил еще один струнный синтезатор, взял до-мажорное арпеджио и сыграл его на скрипках в высоком регистре, создав что-то очень деликатное, но настойчивое. Я не хотел придавать своим партиям человеческие черты, но мне казалось, что две фортепианные темы напоминают возбужденных людей. Полифоническая партия виолончели была похожа на медленно текущую воду, а высокие скрипки – на наивных ангелов, смотрящих на все сверху. Показалось, что даже свет, пробивавшийся в мои окна, движется медленнее, чем полчаса назад. Я видел пылинки, плавающие в тусклых солнечных лучах, и каждая из них казалась мне целым безмолвным миром.

Я добавил несколько долгих оркестровых аккордов, примерно следовавших за виолончелью. А потом – еще оркестровых аккордов, заполнявших пустоты. Барабанов все еще не хватало – но не танцевальных барабанов. Теперь я был уже совершенно уверен, что не хочу делать из этого клубный трек. Я хотел сделать оркестровку. Поэтому я взял басовый барабан, низкий том и две тарелки и поставил их на первую долю каждого такта, чтобы они выделяли акценты. Все звучало очень пафосно и жестко, и я добавил реверберации, чтобы смягчить барабаны и убавить их громкость.

А потом я аранжировал трек. Начиналось все очень тихо и хрупко, с фортепианных арпеджио. Потом я добавил оркестровки, чтобы мощь постепенно нарастала. В середине я один за другим убрал оркестровые инструменты, оставив только деликатное

арпеджио и жалобную, экономную партию альта. А потом все вернулось.

Слушая эту аранжировку, я думал о Боге, летавшем над водами, когда планета была еще совсем новой, до того, как Всевышний разделил небо и землю и создал живых существ. О Святом Духе, наделенном предзнанием и всеведением, которому были доступны пустота и огромные размеры нового мира, знающем обо всем, что есть сейчас, и обо всем, что будет потом. О жизни, которая придет, и о смерти, которая покончит с каждой из жизней. О триллионах существ, которые выйдут из этого океана, будут пытаться прожить как можно дольше, сопротивляясь до конца. О жизни и смерти, о тоске и разбитом сердце, о надежде.

Я слушал музыку, потом опустил голову на стол и заплакал. А потом лег на пол и свернулся клубочком под столом, слушая, как Бог летит над пустыми океанами, следуя за солнцем, которое не прекращает восходить и закатываться. Я не смог придумать больше ничего, чтобы улучшить свой трек, поэтому решил записать его как есть. Я не хотел испортить трек, слишком усложнив его. Я встал, нашел кассету, написал на ней «god moving over the face of waters», вставил в магнитофон и нажал «Запись», а потом снова стал слушать и плакать, лежа головой на фанерном столе.

Глава тридцать пятая
Змеи в клетках

Некоторые мои друзья-рейверы переехали из Нью-Йорка в Сан-Франциско, открыли для себя спиртное и стали алкоголиками. В новогоднюю ночь я отработал диджеем на рейве в Лос-Анджелесе, а первого января 1995 года отправился в Сан-Франциско к ним в гости.

Мои друзья были сильно помяты после отмечания Нового года и пошли в бар, чтобы опохмелиться. Я уже восемь лет был трезвенником, но все равно радовался, сидя в грязной виниловой кабинке какой-то забегаловки, слушая Игги Попа в музыкальном автомате и глядя, как мои друзья пьют дешевое пиво и виски.

Лидером «банды» был мой друг Джоуи. В 1993 году он и его бойфренд переехали в Сан-Франциско из Нью-Йорка, чтобы открыть там компанию по производству одежды, и за ними последовало несколько их приятелей-рейверов. В Нью-Йорке они были счастливыми рейверами, а в Сан-Франциско превратились в счастливых пьянчуг.

> Мне было по кайфу сидеть на высоком барном стуле, счастливому и беспомощному, и отдавать свой мозг, тело и душу в распоряжение безучастному бармену и теплым богам алкоголя.

Я осуждал своих друзей. Говорил, что не порицаю никого за пьянство или наркоманию, но на самом деле это было не так. Я чувствовал себя более высокой, трезвой формой жизни. Я сидел в барах с друзьями и смеялся вместе с ними, но при этом самодовольно осуждал их за то, что они тупые алкоголики. Я был весьма избирателен в своих воспоминаниях и предпочел забыть, как до своего трезвенничества, наверное, несколько тысяч раз сидел в углу бара, слушая Хэнка Уильямса и роняя пьяные слезы в пиво.

До того как стать трезвенником, я очень любил дешевые забегаловки. Меня привлекало, как они пахнут, мне нравились бывшие жулики и бывшие копы, которые туда частенько захаживали, я получал удовольствие от тавтологических и бессмысленных разговоров у стойки бара, а больше всего я любил дешевую выпивку, которую подавали тихо и без всякого осуждения. Мне было по кайфу сидеть на высоком барном стуле, счастливому и беспомощному, и отдавать свой мозг, тело и душу в распоряжение безучастному бармену и теплым богам алкоголя.

Сегодня мы сидели в забегаловке без окон в районе Мишн, где было накурено так, что хоть топор вешай, а в туалете можно было подцепить целый алфавит гепатитов. Стены бара, где висело немало старых неоновых пивных вывесок, когда-то, возможно, были коричневыми, но сейчас стали совсем черными. В девять вечера мои друзья выпили уже по третьей и рассказывали, что делали в Новый год. Сколько таблеток экстази приняли, с кем пошли домой, кого на кого вырвало, каких диджеев они слушали, когда пошли спать (если вообще пошли). Я встал, чтобы сходить в туалет и найти телефон-автомат. Наступил Новый год, и я решил позвонить Саре.

Мы наконец-то официально разошлись – она жила в новой квартире, – но я хотел, как хороший бывший парень, пожелать ей счастливого Нового года. Я оторвал себя от липкого винилового сиденья и нашел телефон-автомат, встроенный в стену возле туалета. Я ввел в него номер телефонной карточки и позвонил в новую квартиру Сары. В Нью-Йорке была полночь, но я знал, что она не спит. После трех гудков в трубке послышался мужской голос:

– Алло?

Этого мне оказалось вполне достаточно. Его «Алло?» подтвердило, что они с Сарой в последние двадцать четыре часа несколько раз занимались сексом, что сейчас она лежит голая в постели, что они смеялись надо мной и моей лысеющей головой и что этот новый парень помог ей понять, что я был худшим половым партнером из всех, что когда-либо у нее были. Может быть, это все было и неправдой, но я очень остро ощутил, что я один, а вот она – нет.

> – Я позвонил Саре, – ответил я. – Какой-то парень, с которым она трахается, взял трубку. И теперь я пью. И вообще, мне нравится пиво.

Я повесил трубку, ничего не ответив. Потом прошел к бару и спокойно сказал:

– Пинту «Анкор Стим», пожалуйста.

Я отнес свою пинту обратно в кабинку, где громко болтали мои друзья. Сидел тихо, держа кружку и разглядывая бежевую пену на коричневом пиве. Кружка была холодной и мокрой; она лежала в моей руке, как старая, удобная кегля для боулинга.

Я поднес стакан ко рту, почувствовав запах пива всего в дюйме от моего носа, и выпил свою первую порцию спиртного после восьми лет самодовольного трезвенничества.

Мои друзья перестали говорить и уставились на меня. После момента изумленного молчания они все одновременно

закричали:

– Ты что делаешь?

– Ты же трезвенник!

– Нет, Моби!

– Ты не пьешь!

Я поднял руку, чтобы остановить их потоки слов, снова поднес кружку ко рту и допил пинту до дна. Слегка стукнув кружкой по столу, я громко выдохнул и сказал:

– Прекрасно!

Они засмеялись и зааплодировали.

– Моби пьет! – пораженно произнес бойфренд Джоуи, словно только что увидел небольшое дьявольское чудо.

– Почему ты это делаешь? – спросила моя подруга Мэри.

– Я позвонил Саре, – ответил я. – Какой-то парень, с которым она трахается, взял трубку. И теперь я пью. И вообще, мне нравится пиво.

Она улыбнулась.

– Неплохая причина. Или причины.

Джоуи сходил к бару и заказал мне еще одно пиво. Буквально за одно мгновение все изменилось. Музыка звучала лучше, а грязный бар стал самым интересным местом на Земле. После всего одной порции пива моя постоянная неловкость куда-то делась, и я снова стал старым собой. Трезвость – сложная, тяжелая и печальная штука. Пьянство предлагало спасение и безопасность. Когда я пил, мир казался мне простым и гостеприимным местом. Я был счастлив.

Я заказал третий «Анкор Стим», потом четвертый. Пиво было прекрасным, когда выливалось из крана, элегантным, как полированное дерево, когда наливалось в кружку, многообещающим, пока я нес его к столу, и потрясающим, когда заполняло желудок и разливалось по телу, исцеляя мои израненные синапсы.

К полуночи я выпил семь пинт. У меня уже заплетался язык, что, впрочем, не мешало мне флиртовать с покрытой с ног до головы татуировками доминатрикс, сидевшей рядом со мной в кабинке. Она грустила, потому что парень, с которым она встречалась, неожиданно отказался гулять с ней на Новый год и уже сорок восемь часов не отвечал на звонки. Она оставила ему сообщение на автоответчик, что сидит в этом баре с друзьями, и он тоже должен сюда приехать, но время уже к ночи, а он так и не явился.

Из музыкального автомата звучала песня Mazzy Star; я сказал, руководствуясь пьяным сочувствием и определенной долей эгоизма:

– Ладно, он мудак. Если он не объявится, поехали ко мне. Я только что позвонил своей бывшей девушке, а трубку взял парень, с которым она спит. Мы с тобой одиноки, а наши бывшие сейчас трахаются с другими. Мы нужны друг другу.

Она улыбнулась и поцеловала меня. Я прошел к бару и купил нам еще выпить. Стоя у бара и глядя, как бармен тщательно наполняет наши пинтовые кружки, я поднял голову и представил, как потолок разверзается и улыбающиеся кельтские ангелы приглашают меня обратно на пьяные небеса. «Ты, наверное, алкоголик, – скажут эти ангелы, полученные мной по наследству, – и для тебя это рано или поздно плохо кончится, но сейчас просто будь пьян и счастлив».

> Я бросил взгляд на змей в террариумах, потом на девушку в татуировках, спавшую рядом. Улыбнувшись зеленой абсентной дьявольской фее, я шепнул ей:
>
> – Я вернулся.

Я отнес наше пиво обратно в кабинку, и в музыкальном автомате заиграла Oh! Sweet Nuthin'. Я посмотрел на пьяную доминатрикс и на друзей-рейверов, весело подпевавших Velvet Underground. Я широко улыбнулся и тоже запел.

В три часа ночи музыка прекратилась и зажглись яркие, неприятные лампы. Ночь закончилась – нас отлучают от пивных бочек и отправляют на улицу. Я сел в такси вместе с Джоуи, его бойфрендом и татуированной девушкой, и мы поехали домой к Джоуи. Джоуи и его бойфренд жили в маленьком домике неподалеку от Мишна и коллекционировали змей: больших, маленьких, неопасных и ядовитых. Здесь все было полным змей – грязная кухня, гостиная и спальня. Змеи в стеклянных террариумах были повсюду.

– Когда вы начали коллекционировать их? – спросил я у Джоуи, сидя на их зеленом диванчике из комиссионного магазина. Он ответил, но я уже был слишком пьян, чтобы понять, что он говорит.

Мы поставили альбом Suicide, а потом Джоуи с бойфрендом взяли бутылку вина и скрылись в спальне. Я и девушка-доминатрикс достали из холодильника по бутылочке «Миллер-Лайтс» и сели на пол; Алан Вега пел Cheree.

– Жалко, что твой парень не пришел, – сказал я и взял ее за руку. – Но я рад, что ты сейчас со мной.

– Ты милый, – ответила она. – Жаль, что у твоей девушки в квартире был парень.

Я отставил пиво и начал целовать ее. Мы легли на тонкий ковер и медленно, неуклюже разделись. Я отпихнул в сторону

кофейный столик Джоуи, и у меня случился первый за восемь лет пьяный случайный секс. После него мы вырубились прямо на полу, но проснулись около шести утра, потому что отопления в доме не было и жилище промерзло насквозь. Я нашел на диване тонкое одеяло, и мы завернулись в него.

– Все равно холодно, – сказала она. Ее дыхание пахло сигаретами и пивом.

– Подожди, – сказал я, снял с дивана все подушки и набросал их на нас сверху. – Так лучше?

– Наверное, да, – ответила она и снова уснула. Я лег рядом с ней, замерзший и пьяный. Рассветное солнце пробивалось через занавески, и где-то вдалеке я услышал одинокий звук сирены «Скорой помощи». В рамке на стене, между змеиными террариумами, я увидел старый плакат с рекламой абсента. На нем была зеленая, дьявольского вида фея, смотревшая на меня выцветшей улыбкой. Я бросил взгляд на змей в террариумах, потом на девушку в татуировках, спавшую рядом. Улыбнувшись зеленой абсентной дьявольской фее, я шепнул ей:

– Я вернулся.

Часть третья
Алкогольный энтузиаст, 1995–1997

Глава тридцать шестая
Тысячи кожаных курток

Я пришел домой пьяным в четыре утра в ночь на воскресенье. Чтобы напомнить себе, что мы с Сарой уже окончательно, стопроцентно расстались, я поставил альбом *Damaged* группы Black Flag, взял черный маркер и начал писать «НЕ ЗВОНИ ЕЙ» на внутренней стороне двери квартиры. Первые несколько «НЕ ЗВОНИ ЕЙ» были изображены большими квадратными буквами посередине двери, но примерно к тридцатой фразе размер букв уменьшился. В конце концов я лег на пол и стал писать у самого основания двери, чтобы покрыть ее полностью.

Закончив, я поднялся и посмотрел на свою работу. Все пальцы были перемазаны черным, а дверь сверху донизу покрывали надписи «НЕ ЗВОНИ ЕЙ» – их было больше сотни. Теперь, расставшись со мной, Сара спала с Мэттом, клевым и красивым двадцатиоднолетним парнем, который работал в магазине здоровой еды, где мы покупали чечевицу. А я ревновал.

Мэтт был моей полной противоположностью. Высокий, молодой, с прекрасными светлыми «серферскими» волосами, он выглядел сексуально даже в зеленом рабочем фартуке. Я видел его, покупая соевое молоко в магазине здорового питания, и у меня взрывалось что-то в животе. Я не хотел быть с Сарой, но мне было неприятно, что у нее есть кто-то другой. У меня по меньшей мере не было желания знать, что она встречается с кем-то другим, особенно если этот «кто-то» высокий и у него здоровые волосы.

> В редких случаях, когда девушка каким-то образом не замечала, насколько отчаянно я пытаюсь ее добиться, и приходила со мной домой, она тут же видела безумную дверь с надписями «НЕ ЗВОНИ ЕЙ» и быстро убегала.

Я мог бы поступить рационально и начать закупаться в другом магазине здоровой еды в трех кварталах от дома. Еще я мог напомнить себе, что я сам расстался с Сарой, а еще я – двадцатидевятилетний музыкант, подписанный на мейджор-лейбл, а Мэтт – двадцатиоднолетний бездельник, работающий продавцом-консультантом. Но вместо этого я умудрился убедить себя, что это Сара меня бросила и я никчемный неудачник.

После того как мы расстались, неловких завтраков за маминым старым столом для шитья больше не было. Но точно ли тяжелые приступы паники хуже, чем спазмы ревности?

В общем, я стал ходить по барам Ист-Виллиджа и флиртовать

с туристками. В редких случаях, когда девушка каким-то образом не замечала, насколько отчаянно я пытаюсь ее добиться, и приходила со мной домой, она тут же видела безумную дверь с надписями «НЕ ЗВОНИ ЕЙ» и быстро убегала. В общем, под конец каждой ночи я, напившись, забирался на кровать под потолком, которую когда-то делил с Сарой. Она в это время находилась на другом конце города и спала со своим юным белокурым Адонисом, а я лежал со старым стеганым одеялом, которое мама сшила в семидесятых.

Но я все-таки был не бессилен. Я решил, что смогу конкурировать с Мэттом, белокурым богом. Да, я постепенно лысел, но я вполне могу покрасить оставшиеся волосы в белый. Я избавлюсь от джинсов «Рэнглер» из Kmart и куплю большие рейверские штаны и футболки, которые носил Мэтт и его клевые друзья. Я позвонил своей подруге Дженне и попросил сделать из меня Мэтта.

– Хочешь осветлить волосы, купить модные рейвовые шмотки и чтобы я тебе помогла? – спросила она. – С тебя обед.

Дженна жила в Нижнем Истсайде и работала секретаршей в журнале *Rolling Stone*. Она была красавицей со светлыми волосами до плеч и татуировками с цветами вокруг запястий. Дженна пришла ко мне домой и отвела в парикмахерскую своего приятеля. Когда мы двигались по Девятой улице, шел холодный дождь, а на тротуаре печальными серыми кучами лежал снег.

Я еще не смирился с тем, что теряю волосы. Я решил, что у меня просто высокий лоб и он почему-то решил стать еще выше. Когда-нибудь он остановится. Не может не остановиться. Другие люди лысели из-за кармических наказаний. Я же был хорошим, пусть и запутавшимся в себе человеком. Следовательно, со мной этого не случится. Ну, по крайней мере, я так решил.

> Впрочем, в каком бы году я ни заходил в «Трэш энд Водевиль», сколько бы мне ни было лет и чего бы я ни успел добиться, внутри я все равно чувствовал себя унылым, никому не нужным школьником.

Приятеля Дженны звали Аби; он держал маленький салон со стенами, раскрашенными золотой и черной краской, и четырьмя креслами, стоявшими перед четырьмя раковинами. В колонках магнитофона играл хаус, а в углу скучающего вида женщина читала европейский журнал мод. Аби оказался худым персом-геем. Его пальцы пахли табаком. Я сел в кресло, и он надел на меня пелерину.

– Хочешь высветлить волосы? – спросил он, вороша пальцами мою редевшую шевелюру. – Ты уверен? Твои волосы очень, м-м-м,

маленькие.

– Да, давай высветлим, – решил я.

Он наклонил меня к раковине и следующий час красил и мыл мои тонкие, быстро редевшие волосы.

Однажды в старших классах я попытался покраситься, подарив себе некрасивые оранжевые леопардовые пятна и волдыри на коже головы, не проходившие неделю. Именно поэтому в этот раз я решил обратиться к услугам профессионала: я не хотел, чтобы моя голова опять оказалась в том же состоянии, что и тогда.

После окрашивания, мытья и бритья шеи Аби повернул меня к зеркалу, и я увидел себя. Из зеркала на меня смотрел светловолосый, бледный незнакомец.

– Ну, что думаешь? – спросил Аби.

– Я блондин, – ответил я.

– Тебе нравится?

– Да, не могу поверить, что я блондин.

Аби причесал мои новые светлые волосы, подарив мне приятное чувство, что за мной ухаживают. Я знал, что он сделал меня красивее и привлекательнее.

– Сколько я тебе должен? – спросил я.

– О, нисколько, дорогой, просто записывай больше песен, – великодушно ответил он. (Что неудивительно, его салон через полгода обанкротился.)

Я протянул ему 40 долларов в качестве чаевых, и мы с Дженной вернулись обратно на улицу, под холодный дождь. Мы прошли по Второй авеню до Сент-Маркс-плейс, а потом спустились в «Трэш энд Водевиль».

Когда я учился в школе, Сент-Маркс-плейс был для меня раем, к которому я стремился. В этом запущенном, грязном квартале можно было найти магазины с музыкой, одеждой и книгами, а также бездомных панков, ребят, игравших в настоящих нью-вейвовых и панковских группах, наркодилеров, дешевую еду и прекрасных девушек-фанаток «новой волны». На Сент-Маркс-плейс стали знаменитыми Velvet Underground благодаря вечеринкам Энди Уорхола на северной стороне улицы. Она была вонючей, хаотичной и небезопасной, но она в то же время была центром Нью-Йорка для меня и моих друзей с 1980 по 1988 год.

После этого мы ушли с нее, решив, что Сент-Маркс-плейс, возможно, все-таки не является эпицентром «новой волны» и панк-рока, каким мы ее себе представляли, и ее главное предназначение – продажа ироничных футболок и трубок для курения травки.

В магазине «Трэш энд Водевиль» пригородные панки еще в

семидесятых покупали свои кожаные шипастые ремни, футболки New York Dolls и Misfi ts, садомазохистские брюки и сверхузкие черные джинсы. Все в «Трэш энд Водевиль» выглядели будущими торчками, но Дженна сказала мне, что у них, как ни странно, есть и рейверская одежда. Впрочем, в каком бы году я ни заходил в «Трэш энд Водевиль», сколько бы мне ни было лет и чего бы я ни успел добиться, внутри я все равно чувствовал себя унылым, никому не нужным школьником. Двадцатитрехлетняя продавщица с черными как смоль волосами и в футболке Bauhaus, скорее всего, жила со своей тетушкой в Квинсе, но я все равно желал ее одобрения. Я хотел подойти к ней и сказать: «Я, может, выгляжу не клево, но я вырос, играя в панк-группах, и у меня есть все альбомы Bauhaus; можешь сказать, что я клевый? Мне это очень пригодится».

> Но теперь все изменится. Я куплю клевую одежду и буду носить ее вместе с клевыми светлыми волосами, и меня больше не будут отправлять в мусорную кучу непривлекательности.

Магазин выглядел так же, как в восемьдесят первом: комнаты с низкими потолками и ряды вешалок с садомазохистскими штанами, узкими черными джинсами, панковскими футболками, старыми рокабилли-костюмами и тысячами кожаных курток. Запах «Трэш энд Водевиль» стал для меня «мадленкой Пруста»: аромат кожаных курток, лака для волос и подвального асбеста отправили меня обратно в восемьдесят первый, когда у меня в кармане было пять долларов и билет на поезд «Метро-Норт», а в коричневой сумке для пластинок – подержанный альбом Public Image, купленный в соседнем музыкальном магазине.

Но сейчас шел девяносто пятый, и я решил закупиться здесь модными рейверскими шмотками. Я был на рейв-сцене еще с конца восьмидесятых, так что, по-хорошему, должен был собрать целый гардероб такой одежды. Я знал, где покупать пластинки и аппаратуру, но так и не разобрался, где же покупать вещи. К тому же джинсы из Kmart были дешевыми, а я решил, что приобретать джинсы за 20 долларов более добродетельно, чем джинсы за 80. Иногда мне просто дарили какую-нибудь клевую одежду, поэтому у меня все-таки были одна пара неплохих рейверских штанов, две футболки «Ликвид Скай» и старенькая футболка Fresh Jive. И все. Остальной мой гардероб состоял из джинсов, купленных в Kmart, и простых футболок, и внешне я напоминал техника какой-нибудь третьесортной инди-группы со Среднего Запада.

Но теперь все изменится. Я куплю клевую одежду и буду носить ее вместе с клевыми светлыми волосами, и меня больше

не будут отправлять в мусорную кучу непривлекательности. Я покажу Саре, что могу быть таким же красивым, как полубог Мэтт, и что расставание со мной было ошибкой – несмотря на то, что это я ее бросил. Мы с Дженной взяли несколько рейверских штанов большого размера и несколько модных рубашек. Я не стал ничего мерить, потому что решил, что все и так идеально подойдет. Я хотел впечатлить клевую кассиршу, поэтому добавил к куче рейверских шмоток еще и футболку Agnostic Front.

У моей школьной панк-группы Vatican Commandos есть ровно один повод для гордости: в 1982 году Agnostic Front дали один из самых первых своих концертов, сыграв на разогреве у нас в Бриджпорте, штат Коннектикут. Agnostic Front после этого стали суперзвездами панк-рока в Нью-Йорке. Vatican Commandos распались в середине восьмидесятых, когда все разъехались по колледжам. Один из бывших наших музыкантов открыл издательство, а другой стал нейрохирургом (я не шучу).

Я хотел, чтобы кассирша заметила футболку и влюбилась в меня, но она спокойно пробила всю одежду, сложила ее в два пакета и отправила меня восвояси. Она явно не была мне родной душой. Перед ней с самыми благими намерениями стояла лысеющая любовь, а она все это проигнорировала, разглядывая плакат Cro-Mags на стене.

Мы с Дженной дошли под дождем до «Анжелика Китчен», моего любимого веганского ресторана. Когда я впервые пошел в «Анжелику» в 1985 году, я даже не знал, как произносится слово vegan. Мой друг Эдди, который жил в Нью-Йорке и был крутым, настаивал, что говорится «ви-ган». Я жил в Коннектикуте, крутым не был и считал, что правильнее «ве-джан». Моя логика была проста: это слово должно произноситься по тем же правилам, что vegetable и vegetarian.

Через два года, в другом ресторане, я обнаружил, что прав был все-таки Эдди. Я спросил, «ве-джанский» ли это ресторан. Официант фыркнул и ответил:

– Нет, это «ви-ганский» ресторан, а не «ве-джанский».

На больших окнах «Анжелики» собрались капельки дождя; мы прошли внутрь, мимо стоек с нью-эйджевскими журналами и рекламой рэйки. Мы заказали морковно-имбирный сок и темпе с картофельным пюре.

– Спасибо, что помогла мне стать клевым, – сказал я, когда мы доели.

– Ты же знаешь, что ты и так довольно клевый? – спросила Дженна. – Ты записываешь пластинки, ездишь на гастроли. Это круто. А Мэтт работает неполный день в магазине здорового питания.

– Ну, тогда спасибо, что сделала меня чуть более клевым.

– Пожалуйста. И спасибо за темпе. – Она немного поколебалась. – Знаешь, Моби, многие считают тебя привлекательным.

– Ну, я сам так не считаю. Но спасибо, – с явной неловкостью ответил я. Она посмотрела на меня и сокрушенно покачала головой.

После обеда я попрощался с Дженной и побежал по Второй авеню со своими новыми светлыми волосами и черно-розовыми пакетами со свежекупленной рейверской одеждой. Я перепрыгнул через большую коричневую лужу из талого снега, помахал милой лесбийской паре в магазине подержанной мебели рядом с моим домом и взбежал по старой мраморной лестнице в свою квартиру. Я подошел прямо к зеркалу и понял, что со светлыми волосами стал похож на нервного эльфа-альбиноса. Может быть, при хорошем освещении в правильном баре я буду выглядеть как клевый нервный эльф-альбинос? Я не был уверен, что мои новые волосы и одежда сделали меня лучше, но, по крайней мере, они помогли мне выглядеть другим.

Чтобы отпраздновать это, я поставил пластинку Игги Попа и стал прыгать по квартире под The Passenger и Lust for Life.

Вечером я вышел на улицу, чтобы встретиться с Дамьеном и напиться в Трибеке. Дождь прекратился, и я чувствовал, как холодный ветер ворошит мои светлые волосы и гладит кожу головы. На углу Бродвея и Хьюстон-стрит, по пути к бару, где меня ждал Дамьен, я прикрыл глаза и улыбнулся, прислушиваясь к звукам города. Меня окружали десять миллионов человек, и даже несмотря на зимний дождь все казалось чистым и полным новых перспектив.

Глава тридцать седьмая
Прическа размером с пуделя

Я сидел голый на заднем сиденье машины моего друга Джонни Пайсана. Мы ехали из Бостона в Нью-Йорк; Джонни и Пол ехали впереди и слушали по радио Steve Miller Band.

– Это, Пол, знаешь – я снова стал пить, – сказал я.

Пол посмотрел в окно и ничего не ответил.

– Пол, я снова стал пить, – повторил я.

Он по-прежнему смотрел в окно.

– Слушай, Моби, – как ни в чем не бывало сказал Джонни с водительского сиденья, – говорят, ты снова начал пить?

У Джонни был низкий голос, как у старых дикторов на радио, и все его фразы звучали иронично-формально.

– Ну, да, Джонни, начал. Спасибо, что спросил.

– И скажи мне вот еще что, Моби, – пророкотал он.

– Да, Джонни?

– Почему ты сидишь голый у меня в машине?

Мой первый настоящий альбом, *Everything Is Wrong*, вышел в мае 1995 года и привлек достаточно положительного внимания, чтобы меня тем летом позвали на вторую сцену фестиваля Lollapalooza. Поначалу, узнав, что я буду на второй сцене, я почувствовал себя нежеланным техно-пасынком – настоящие музыканты выступали на главной, а я играл в каком-то гетто. Но потом в Цинциннати я в три часа дня пошел посмотреть концерт Бека на прославленной главной сцене. Бек мне нравился, но сейчас он явно страдал, играя для тысячи человек, рассеянных по амфитеатру, вмещавшему почти двадцать тысяч. Он делал все возможное, танцевал и бил в бубен, но бóльшая часть аудитории Lollapalooza приходила только часов в шесть-семь вечера, а выступление в зале, заполненном на пять процентов, кого угодно заставит пасть духом.

– И скажи мне вот еще что, Моби, – пророкотал он.
– Да, Джонни?
– Почему ты сидишь голый у меня в машине?

Мне было жаль его, Pavement и другие группы, которым пришлось выступать на главной сцене днем для разреженной, апатичной аудитории. Но втайне я злорадствовал, пусть это и было постыдно. Пока группы, которые были на главной сцене среди белого дня, играли для кучки вялых зрителей, у второй сцены, где находились я, Built to Spill и Кулио, тысячи подростков

слэмились, прыгали со сцены и сходили с ума. По слухам, Бек даже спрашивал, нельзя ли перевести его на вторую сцену, – но нет, он подписал контракт на выступление на главной площадке, так что там он и будет выступать. И я немного злорадствовал. Втайне.

Шло лето, я гастролировал, подписался на турне с Flaming Lips и Red Hot Chili Peppers осенью, людям нравился альбом *Everything Is Wrong*, и почти каждый вечер я напивался. Жизнь была замечательной.

– Почему я сижу голый у тебя в машине, Джонни? – переспросил я.

– Ну, если, конечно, ты не возражаешь против таких вопросов, – формальным тоном ответил он.

– Совсем нет, – не менее формально сказал я. – Я сижу голый у тебя в машине, потому что моя одежда до отвращения пропиталась по́том и я выкинул ее на заправке возле Нью-Лондона. Джонни обдумал мой ответ.

– Да, пожалуй, это весьма обоснованная причина, – в конце концов резюмировал он.

– Спасибо. Я так и думал.

> – Но я же братец Свинарник, – сказал я. Тим засмеялся.
>
> – Братец Свинарник, самая вонючая рок-звезда в мире.

В день концерта Lollapalooza в Бостоне было жарко. Очень. Стояла жгучая новоанглийская жара, воздух был тяжелым и вязким, как в болоте. Я ходил в одной и той же футболке и шортах четыре дня и вонял.

Джин, водитель нашего автобуса, поприветствовал меня, когда я спускался со сцены, насквозь мокрый и вонючий:

– Братец Свинарник! Моя группа и техники расхохотались. Я получил прозвище.

– Эй, братец Свинарник! – сказал мой светловолосый звукорежиссер Тим. Он был из Арканзаса и носил прическу «маллет» размером с пуделя.

– Слушай, я серьезно, Мо: тебе надо переодеться. Ты воняешь, – сказал Эли. Он был басистом Stiff Little Fingers, а также, в последние несколько лет, – моим басистом и тур-менеджером. Он вырос в Белфасте и так до сих пор и не рассказал мне, протестант он или католик.

– Но я же братец Свинарник, – сказал я. Тим засмеялся.

– Братец Свинарник, самая вонючая рок-звезда в мире.

Из-за того, что я годами жил на фабриках, где нет душа, я

давно уже слишком спокойно относился к запаху немытого тела. Этим летом я зашел слишком далеко и теперь снова реально вонял как бомж. Перед гастролями я придумал идеально простой вариант: поехать с одной футболкой и одними джинсами, клянчить бесплатные футболки у организаторов Lollapalooza и иногда купаться в бассейне. И сейчас я был отвратителен.

– В общем, теперь моя одежда – в мусорке неподалеку от Нью-Лондона, – объяснил я Джонни, пока мы ехали по Бриджпорту.

– Ты действительно сегодня пах как-то тухленько, Мо, – сказал Джонни. – Без обид.

– О, я не обижаюсь, – ответил я. – Кстати, можешь передать Полу, что я снова начал пить?

– Возможно, он тебя слышал, – сказал Джонни, останавливаясь на заправке возле Фэрфилда, штат Коннектикут. – Эй, кто хочет кофе?

– А меня впустят в кафешку голым?

– Наверное, нет.

– Ладно, надену полотенце.

> Я боялся, что мое пьянство покончит с нашей дружбой.

Мы прошли в «Макдоналдс»: Джонни и Пол были одеты, а я завернулся в полотенце, которое стащил из своего трейлера-гримерки на Lollapalooza. Джонни заказал «Биг-Мак» и кофе, Пол – картошку фри и кофе, я – просто кофе.

– В нем, случайно, нет говядины? – спросил я у Джонни.

– Полагаю, что нет, – ответил он.

– Ладно, хорошо, – сказал я, потягивая черный кофе на пути обратно в машину.

Мы вернулись на шоссе I-95, и я обратился к Полу с заднего сиденья:

– Я понимаю, что ты не хочешь об этом слышать, но я снова стал пить. Наверное, я уже больше не стрейтэджер. Да, я сказал, что всегда буду стрейтэджером, и я соврал, извини меня. Но мне нравится пить. Я не буду делать это при тебе, и ты не увидишь меня пьяным. Надеюсь, ты меня поймешь.

Тишина. Пол никогда в жизни не пил и не принимал наркотиков, а в последние восемь лет мы были лучшими друзьями-стрейтэджерами. Трезвенничество было главной частью его самоидентификации, и до последних нескольких месяцев я был единственным его другом-трезвенником. Я боялся, что мое пьянство покончит с нашей дружбой.

Пол вздохнул.

– Мне нужно немного времени, чтобы свыкнуться с этим, – сказал он.

– Ладно, – ответил я. – Слышал, Джонни? Пол знает, что я пью.

– Похоже на то, – сказал Джонни. – Куда дальше едет Lollapalooza?

– Завтра – на Рэндаллс-Айленд, потом в Трентон.

– Как дела у Sonic Youth?

– Они отлично играют, но все очень грустно. Они выступают последними, после Hole, и во время их сета половина зрителей уходит на парковку.

– Но они же легенды.

– Для нас. Не для шестнадцатилетних фанатов Cypress Hill.

– А ты видел Кортни Лав?

– Несколько дней назад она за кулисами вышла из лимузина с ребенком на руках. Ее тут же окружила охрана, и никто даже близко не смог к ней подойти.

– Значит, она рок-звезда.

– Все остальные просто тусят друг с другом.

Проезжая Норуок и Дариен, мы сидели тихо.

– Эй, Пол, – сказал я, – твоя остановка.

– А еще это место, где Пат Кэмпбелл убил своих родителей, – ответил Пол.

– Стоп, что? – удивился Джонни.

– Пат бил меня в средней школе, а потом исчез, – объяснил Пол. – Однажды он заявился в дом к родителям, чтобы одолжить денег. Они не дали ему ни копейки, поэтому он зарубил их топором и сжег их тела на заднем дворе. Да, в старом добром Дариене.

Следующий день был солнечным и безоблачным; пятьдесят тысяч человек собрались на фестиваль Lollapalooza на Рэндаллс-Айленде рядом с Манхэттеном. На второй сцене в качестве сюрприза неожиданно выступила Патти Смит, и я даже ненадолго разозлился, потому что из-за этого сдвинули мой сет. Но потом я вспомнил, что она же, блин, Патти Смит. Я стоял возле сцены вместе с Перри Фаррелом и Джеффом Бакли, пока она играла. Джефф был одет в обтягивающую розовую футболку с Кайли Миноуг и большой, не по размеру цилиндр. Перри смотрел на всех остекленевшими глазами и широко улыбался.

Патти доиграла свой сет и обняла Перри. Техники убрали ее оборудование и поставили мое.

– Эй, Моби, – сказал Джефф, когда я пошел на сцену, – у тебя на разогреве сыграла Патти Смит!

– Ты прав, это весело, – ответил я, потом начал прыгать на месте, готовясь к выступлению.

– О, ты в последнее время говорил с Джанет? – спросил он.

– Нет, давно уже нет, – ответил я.

– Ну, передай ей привет и задай жару на концерте!

Он похлопал меня по спине.

> Как я вообще мог подумать, что стрейтэджерство и трезвость лучше, чем рассветный секс на крыше с удивительной женщиной в бледно-голубом платье?

Мы вышли в шесть вечера, начали с Ah Ah, а потом целый час играли рейв и панк-рок. Во время последней песни, Feeling So Real, я прыгнул в толпу головой вперед. Зрители поймали меня и понесли на плечах, а я кричал в микрофон. Я забрался обратно на сцену – без футболки, грязный, все еще кричащий в микрофон, – и встал на синтезатор. А потом ушел за кулисы, и Тим протянул мне пиво. Я улыбнулся и без всякой иронии сказал:

– Рок-н-ролл!

Я никогда раньше не восклицал «рок-н-ролл» в качестве выражения радости, но когда тебе протягивает пиво техник с прической «маллет», ничего другого просто ответить нельзя.

– Рок-н-ролл! – согласился Тим. Мы стояли у сцены и пили «Бад-Лайт», а над Манхэттеном садилось солнце.

По плану после фестиваля Lollapalooza было афтерпати в «Дон Хиллс», дегенеративном рок-клубе на Спринг-стрит. К часу ночи я выпил семь или восемь порций алкоголя и танцевал под музыку глэм-рок группы Мисс Гай, The Toilet Boys. Мисс Гай была самой красивой «дрэг-квин» во всем Нью-Йорке, что было немалым достижением, учитывая, что город явно не испытывал недостатка в прекрасных трансвеститах. Я держал в руках банку «Шеффера», меня окружала сотня потных пьяниц, и мы все танцевали под кавер The Damned, и тут меня кто-то поцеловал сзади в шею.

Я обернулся и увидел прекрасную женщину с короткими русыми волосами. На ней было бледно-голубое платье, и она хитро улыбалась мне.

– Ты поцеловала меня в шею! – удивленно воскликнул я.

– Знаю!

– Можно, я тебя тоже поцелую в шею?

Она улыбнулась мне, как Джоконда, и наклонила голову, открыв вспотевшую шею. Я поцеловал ее в шею, потом в губы. Toilet Boys заиграли кавер New York Dolls, а мы целовались на танцполе.

– Пойдем, – сказала она.

Пьянство убило моего отца, мать Пола и множество моих знакомых. Пьянство – это яд, оно вызывает драки, смерть, измены и автомобильные аварии. Но еще оно привело меня сюда, где я поцеловался с прекрасной незнакомкой, и она вывела меня через черный ход «Дон Хиллс» на Спринг-стрит. Мы сели в такси. Пьянство привело нас в мой дом, где мы поднялись на крышу, целовались, разговаривали и занимались любовью, пока над Манхэттеном вставало солнце.

Я был одинок и влюблен. Я был влюблен в рассветы, и в пьянство, и в Нью-Йорк, и в Lollapalooza, и в Джеффа Бакли в футболке Кайли Миноуг, и в Перри Фарлелла с его улыбкой чеширского кота, и в трансвеститов, играющих каверы на Damned, и в секс на крыше с прекрасными незнакомками. Как я вообще мог подумать, что стрейтэджерство и трезвость лучше, чем рассветный секс на крыше с удивительной женщиной в бледно-голубом платье?

Солнце поднялось над Ист-Виллидж, и мир засверкал яркими красками.

Глава тридцать восьмая
Кислотно-зеленый мех монстра

– Я еду домой к Нине Хаген в Лаурел-Кэньон, – сказал Эли, мой тур-менеджер. – Хочешь со мной?

Нина Хаген была легендарной жрицей панка, и я, естественно, согласился поехать к ней домой, хотя меня весьма удивило то, что она живет в идиллическом Лаурел-Кэньоне.

– Конечно. А Анджеле можно с нами? – спросил я.

– Девушке, с которой ты познакомился вчера? – спросил в ответ Эли.

– Ага.

Он задумался.

– М-м-м, да, конечно.

Прошлой ночью фестиваль Lollapalooza прошел в Ирвайн-Мидоуз, чуть к югу от Лос-Анджелеса. Вторая сцена, где я играл, купалась в золотистом летнем калифорнийском солнце, и ее окружали высокие дубы и молодежь в футболках Soundgarden. За кулисами после концерта я познакомился с Анджелой. Она была одета в платье с цветочным узором а-ля Джони Митчелл в шестидесятых, а ее светло-русые волосы спускались до плеч.

– Можно я куплю тебе пива? – спросила она.

– Да пожалуйста, оно тут бесплатное, – сказал я.

– Еще лучше, – улыбнулась Анджела.

> Немецкие туристы наивно улыбались и аккуратно держали пиво, а австралийки рассказывали о том, как пытались пробиться в порнобизнес.

Она принесла два пива, и мы сели за стол для пикников возле гримерок. Мы говорили о Лос-Анджелесе; она переехала туда из Миннесоты три года тому назад и сейчас работала в большом агентстве по подбору талантов.

– Когда я в первый раз приехал в Лос-Анджелес в девяносто первом, я думал, что он будет ужасен, но мне понравилось, – сказал я, допивая баночку «Пабста».

Мне тоже, – согласилась она. – Я-то думала, тут будут сплошные пластические хирурги и агенты по поиску талантов, но на самом деле тут в основном койоты и фермерские рынки. – Она отпила пива. – Думаешь, ты смог бы здесь жить?

– Не знаю. Мне нравится Лос-Анджелес, но я родился в Нью-Йорке и уверен, что буду жить там всегда.

Когда солнце зашло за дубы, она предложила подвезти меня

до «Рузвельта» – тогда это была ветхая гостиница в Голливуде, где поселилась моя группа.

– Хочешь выпить у бассейна? – спросил я, когда мы подъехали к парковке.

– Звучит неплохо, – ответила она и припарковала свой пикап.

Остальные мои музыканты и техники уже собрались у бассейна, сидя под банановыми пальмами и райскими птицами и напиваясь с тремя немецкими туристами и двумя австралийками, которые назвались будущими порноактрисами. Немецкие туристы наивно улыбались и аккуратно держали пиво, а австралийки рассказывали о том, как пытались пробиться в порнобизнес.

> Мы занялись любовью на продавленной кровати-каноэ, и Анджела оказалась очень громкой. Я даже не представлял себе, что кто-то сможет так громко кричать.

– Мо! – сказал мой барабанщик Скотт. – Вот и ты приехал!

Скотт был двадцатилетним музыкантом-вундеркиндом из фабричного городка в Пенсильвании, которого я нанял для гастролей.

– А вы думали, я его похищать собралась? – пошутила Анджела.

– Не вздумай похищать нашу дойную корову! – закричал Скотт, уже совсем пьяный, и встал. – Кто хочет поплавать? Я хочу! Давайте, мы же в Лос-Анджелесе, пошли плавать!

Он прыгнул в бассейн. За ним никто не последовал.

– Выглядит счастливым, – сказала одна из будущих порнозвезд.

– Это его первые гастроли, – сказал я. – Он очень рад.

Анджела смотрела на бассейн.

– Ты знаешь, что дно бассейна оформлял Дэвид Хокни? – задал вопрос я.

– Кто такой Дэвид Хокни? – спросила другая будущая порнозвезда.

– Художник. Квинтэссенция лос-анджелесского искусства, хоть сам и британец, – сказал я.

Скотт вылез из бассейна.

– Почему никто не плавает? Это же Лос-Анджелес! Вы должны плавать! – обиженно воскликнул он.

– Да успокойся уже, Скутер, – сказал Эли.

– Мне нужно полотенце, – объявил тот. – Может быть, пойдете со мной в комнату и поможете мне обсохнуть? – спросил он будущих порнозвезд.

– Нет, – ответила одна из них, – нам и тут нормально.

Скотт взял пиво и обиженно ушел.

– Как тут комнаты, хорошие? – спросила Анджела.

– А что, хочешь посмотреть? – ответил я и отвел ее в свой номер. Он стоил 65 долларов за ночь и выглядел, как изношенная временная капсула из семидесятых. Исщербленный бежевый стол был готов вот-вот развалиться, а матрас напоминал мягкое, тонкое каноэ. Едва зайдя в комнату, мы начали целоваться.

– Мы только что познакомились, но я очень хочу раздеться вместе с тобой, – с улыбкой сказала она. – Это нормально?

– Думаю, что да, – ответил я.

Мы занялись любовью на продавленной кровати-каноэ, и Анджела оказалась очень громкой. Я даже не представлял себе, что кто-то сможет так громко кричать. Мы перебрались с кровати на скрипучее кресло, потом в ванную, где она села на туалетный столик рядом с моей зубной пастой Tom's of Maine. И эта девушка кричала все громче.

Через полчаса мы упали на постель, совершенно взмокшие.

– По-моему, ты меня сломала, – сказал я.

Она засмеялась. Мы лежали и держались за руки на тонком, комковатом матрасе.

– Сейчас еще рано, – сказала она. – Хочешь прокатиться?

Я сел.

– С удовольствием. Куда?

– Поехали на Малхолланд-драйв.

Я помог ей надеть платье, потом оделся в джинсы и футболку Black Flag.

– Black Flag? – спросила она.

– Когда мне было шестнадцать или семнадцать, я был одержим ими, – ответил я. – В начале восьмидесятых я побывал примерно на двадцати их концертах. У меня после этих концертов даже осталось три шрама.

– Ну ты крутой, – сказала она и поцеловала меня в нос.

Мы вышли обратно к бассейну, и все зааплодировали.

– Это звучало *офигенно*, – сказала одна из будущих порнозвезд.

– Ты такая громкая! – заплетающимся языком сказал Скотт. – Можно тебя трахнуть?

– Отвали, Скутер, – ответил я, обняв Анджелу за талию. – Она моя.

– Мо, в следующий раз тебе стоит закрывать стеклянную дверь, – сказал Эли.

– Вы нас слышали? – спросил я.

– Б*я, – только и сказал Эли, – мы все слышали. Вся гостиница вас слышала. Весь Лос-Анджелес вас слышал.

– Ну, мы рады, что развлекли вас, – сказала Анджела,

кокетливо улыбаясь. – А теперь мы переспим в моей машине на Малхолланд-драйв.

Она взяла меня за руку, и мы ушли. Мы сели в ее пикап, облезлый синий «Додж» 1972 года, и выехали с парковки отеля «Рузвельт».

Она поехала вниз по Голливудскому бульвару, мимо заколоченных магазинов и стриптиз-клубов. Не считая бездомных, спавших на тротуарах, Голливуд был совершенно пуст. Все цивилизованные заведения съехали, остались только стриптиз-клубы и магазины, в которых продавали туфли для стриптизерш.

– Когда Голливуд успел стать таким постапокалиптическим? – спросил я.

– Не знаю, – ответила она. – Сколько я тут живу, он всегда такой.

Мы поехали по Аутпост-драйв, и заброшенный Голливуд сменили испанские особняки и высокие деревья.

– Выглядит так, словно мы едем где-то за городом, но при этом буквально в футе от нас прячутся наркоманы, – заметил я.

– А еще тут живет Дэвид Линч, – добавила она.

– Правда? – с неожиданным волнением спросил я. Дэвид Линч был моим героем. – Где? Мы можем проехать мимо его дома?

– Точно не знаю, где-то неподалеку от Малхолланда.

Я выглянул в окно ее пикапа, пытаясь представить, как Дэвид Линч ходит на вечерние прогулки под высоченными эвкалиптами.

– Мы вообще еще в городе? – спросил я.

– На самом деле мы в центре.

Мы подъехали к светофору на Малхолланд-драйв. Я увидел, как в кустах прячутся какие-то животные.

– Это бродячие собаки? – спросил я.

– Нет, койоты.

– Койоты? В городе?

– Они повсюду.

Анджела поехала на запад по Малхолланд-драйв, и под нами до самого горизонта развернулся город, похожий на черный лист с миллионами светящихся точек. Она достала из коробки какую-то кассету.

– Что это? – спросил я.

– Led Zeppelin, – ответила она. – Нормально?

– Идеально.

– Тысячу долларов за вечер? – пораженно переспросил я.

– Ага. Я так сделала несколько раз. Красиво одевалась, шла в «Беверли-Хиллс-отель» или «Фор Сизонс», встречалась с богачами и ужинала с ними. Все, что от меня требовалось, – прийти, хорошо выглядеть и вести приятные беседы.

Мы съехали с дороги на незаасфальтированную парковку. Анджела выключила двигатель.

– Смотри, – сказала она, доставая из-за сиденья упаковку с шестью банками, – я принесла пиво!

– Путь к сердцу мужчины лежит через его печень, – сказал я.

– Ну, с анатомической точки зрения – нет.

Она оставила кассету с Led Zeppelin звучать. Мы прошли к скамейке для пикников, сели и стали смотреть на море лос-анджелесских огней. Я открыл две банки пива – ей и себе, потом обнял ее за талию, и мы посмотрели на город.

– Мне тут нравится, – сказал я. Она вздохнула.

– Это прозвучит странно, потому что мы только что познакомились, но я хочу тебе кое-что сказать.

– У тебя есть парень?

– Нет, не в этом дело. – Она отпила немного пива. – Когда я только начала работать в Лос-Анджелесе, я познакомилась с одной женщиной, и она предложила мне заработать денег, ужиная с богатыми стариками. Она сказала, что я смогу зарабатывать тысячу долларов за вечер, просто ходя с ними по ресторанам.

– Тысячу долларов за вечер? – пораженно переспросил я.

Ага. Я так сделала несколько раз. Красиво одевалась, шла в «Беверли-Хиллс-отель» или «Фор Сизонс», встречалась с богачами и ужинала с ними. Все, что от меня требовалось, – прийти, хорошо выглядеть и вести приятные беседы. После нескольких таких ужинов моя подруга из агентства сказала: «Есть один парень, который тебе может понравиться. Если поужинаешь с ним, тебе заплатят тысячу долларов, а если захочешь с ним переспать – пять тысяч».

– Пять тысяч долларов за секс?

– Ну, она не сказала прямо «секс», просто сказала, что мне заплатят пять тысяч долларов, если я пойду с ним в номер. Все было очень расплывчато. Она сказала: «Если хочешь с ним переспать – пожалуйста, но тебя никто не принуждает». Так что я пошла на свидание, и он мне в самом деле понравился. Ему было за шестьдесят, он владел какой-то компанией в Европе. После ужина мы пошли к нему в номер и переспали. А на следующий день моя подруга отдала мне пять тысяч долларов наличными.

Я даже не представлял, что на это можно ответить. Несколько лет назад я был трезвенником и читал лекции о Библии. Теперь же я пил посткоитальное пиво в Лос-Анджелесе с женщиной, которая только что мне призналась, что спит с людьми за большие деньги. Я никогда еще не разговаривал с проститутками, и я не знал, что и думать. Мне было интересно, я даже, если честно, был немного возбужден. А еще я не понимал, зачем она мне все это рассказывает, хотя мы знакомы всего пять часов. Она словно одновременно хвасталась и исповедовалась мне.

– Ты все еще этим занимаешься? – спросил я.

– Нет, уже завязала. Ну, мне это все, конечно, нравилось, но постепенно стало казаться слишком странным, к тому же мешало нормально ходить на свидания.

– Что тебе в этом нравилось?

– Эти ребята были все такие успешные и умные, и при этом все говорили и говорили о том, какая я красавица и умница. Получать пять тысяч долларов за ночь с очаровательным миллиардером в его номере в «Беверли-Хиллс-отеле» – это очень круто. С некоторыми из этих ребят я бы переспала, даже если бы мне за это не платили.

Получать пять тысяч долларов за ночь с очаровательным миллиардером в его номере в «Беверли-Хиллс-отеле» – это очень круто. С некоторыми из этих ребят я бы переспала, даже если бы мне за это не платили.

– Кто все организовывал?

– Моя подруга Хайди Флейсс. Что забавно, большинству этих ребят не нужны были блондинки с огромными фальшивыми сиськами. Я им нравилась, потому что окончила Гарвард и могла вести интересные беседы.

С минуту мы сидели в тишине и пили пиво.

– Ты не испугался? – спросила Анджела. – Я понимаю, что мы только что познакомились, но хотела быть с тобой честной.

– Да, меня это испугало, но не в плохом смысле, – ответил я. – Я скорее почувствовал себя каким-то неполноценным. Я не миллиардер, живущий в номере «Беверли-Хиллс-отеля». Я музыкант с дешевой комнатой в «Рузвельте».

Она сжала мою руку.

– Мне нравится именно то, что ты музыкант с дешевой комнатой в «Рузвельте».

Я улыбнулся. В ее машине играла Tangerine. Я посмотрел вниз, на яркий свет в долине.

– Никаких атмосферных явлений, – заметил я.

– Какой же ты нерд, – сказала она.

– И ты тоже. Заучка из Гарварда, которая занималась сексом за деньги.

Она засмеялась и допила пиво.

На следующий день мы проснулись под шум сильного дождя, который уже успел налить небольшое озерцо на бетонной веранде, куда выходила моя стеклянная дверь. Эли взял напрокат машину и повез нас в Лаурел-Кэньон на встречу с Ниной Хаген. Пока он ехал по извилистой дороге, по радио KROQ играла Nirvana – песня Come As You Are.

– Эли, откуда ты знаешь Нину Хаген? – спросила Анджела.

– Она дружит с моей бывшей женой, – ответил Эли. Проехав очередной поворот, он остановил машину. – Ну вот мы и на месте!

Дождь пробивался через ветви ароматных эвкалиптов, а по обе стороны улицы текли грязные ручейки. Мы прошли по длинной, скрипучей деревянной лестнице к старому треугольному дому, прятавшемуся под бугенвиллеей и дубами. Дверь открылась, и нас встретила Нина Хаген. У нее были ярко-розовые волосы, а одета она была в оранжево-черное кимоно.

– Эли! – сказала она с хриплым немецким акцентом. – А это Моби?

– Привет, – ответил я. – Я Моби, а это Анджела.

– Заходите! – сказала она. – Хотите чаю?

Она приготовила чай, и мы сели под залитым дождем потолочным окном за ее деревянный кухонный стол: Нина Хаген с розовыми волосами, Эли, мой тур-менеджер из Северной Ирландии, Анджела, бывшая дорогая проститутка, и я, бывший трезвенник-христианин.

– Нам так нужен дождь, – сказала Нина. – Это подарок Бога.

Потом она что-то вспомнила.

– О! – воскликнула она. – Надо тебе принести кое-что!

Она вскочила и убежала в одну из комнат; кимоно развевалось за ее спиной.

– Моби, мне кажется, тебе вот это очень подойдет, – крикнула она из дальнего конца коридора.

Она пришла обратно на кухню с огромным зеленым монстром в руках.

– Вот! – сказала она. – Она твоя!

Я забрал монстра. Это оказалась меховая кислотно-зеленая куртка.

– Правда? – спросил я. – Ты уверена?

– Забирай! Я ее ни разу не носила, а тебе как раз подойдет!

Я встал и надел куртку.

– Ух ты, – сказала Анджела.

– Выглядит идеально! – сказала Нина. – Теперь ты настоящая благословенная рок-звезда!

Я подошел к зеркалу и посмотрел на себя. Куртка была толщиной около восьми дюймов и полностью сделана из кислотно-зеленого меха монстра из «Маппет-шоу».

– Ты уверена? – еще раз спросил я.

– Она твоя! Она тебе необходима!

Я сел за стол в своей гигантской зеленой куртке и выпил чаю.

– Ты придешь сегодня на наш концерт? – спросил я у Нины.

– О, дорогуша, нет, – сказала она. – Я никогда не хожу по тусовкам.

– Как Грета Гарбо?

– Как Нина Хаген! – ответила она вполне серьезным, несмотря на смех, тоном.

Вскоре дождь еще сильнее застучал по деревянной крыше.

– Мо, нам пора ехать. У нас саундчек, – напомнил мне Эли. Мы играли на Enit Fest Перри Фаррелла в каком-то театре в Голливуде. То был андеграундный электронный контрапункт для огромного левиафана, который он создал в лице Lollapalooza, и саундчек начинался в три часа дня.

– Рад знакомству, Нина, – сказал я. – Куртка мне очень нравится.

– Отлично на тебе сидит! Твоя первая куртка настоящей рок-звезды!

Мы поехали под дождем обратно в Голливуд. После саундчека я встретился с Анджелой у нее дома – он прятался в одном из переулков близ театра. Там были простые белые стены, темные деревянные полы и подержанная скандинавская мебель. Мне представлялось, что высокооплачиваемые проститутки живут в более «проституточных», что ли, домах, но ее жилище казалось совершенно нормальным. В кухне у нее был блендер и целый набор специй, что почему-то особенно меня удивило.

> – Мне тоже очень нравится спать с тобой, Моби, – сказал я тоненьким голоском, подражая ей. Анджела засмеялась. – С тобой у меня был самый лучший секс, – продолжил я, – намного лучше, чем со всеми этими миллиардерами.

Пока Анджела одевалась и красилась, я увидел ее книжный шкаф.

– Можно посмотреть твои книги? – спросил я.

– Да, только не смейся.

Я посмотрел на имена авторов: Сильвия Плат, Альбер Камю, Чарльз Буковски, Клайв Льюис.

– Над чем тут смеяться? – спросил я. – У меня тоже есть все эти книги.

– Я уже почти готова, – сказала она. – Давай о книгах чуть позже.

Я прошел к ее коллекции дисков. Mazzy Star, Майлз Дэвис, Ник Дрейк.

– Мне нравятся твои диски, – сказал я.

– Мне тоже.

– Хотя многие из этих писателей и музыкантов покончили с собой, – заметил я. – У тебя депрессия?

Она засмеялась.

– Сейчас – точно нет.

Я сел на диван.

– Мне очень нравится спать с тобой, – сказал я. Она сидела на краю своей кровати и сосредоточенно натягивала чулки.

– Мне тоже очень нравится спать с тобой, Моби, – сказал я тоненьким голоском, подражая ей. Анджела засмеялась. – С тобой у меня был самый лучший секс, – продолжил я, – намного лучше, чем со всеми этими миллиардерами.

Она вышла из спальни в короткой черной юбке, белой блузке на пуговицах и старой джинсовой куртке. Мы вышли из ее совершенно обычной квартиры, сели в машину и поехали по Голливуду под дождем.

Когда мы приехали, в театре было очень жарко и полно народу. Диджеем работал Кеоки; я не видел его уже пару лет, так что подошел к диджейской кабинке поздороваться. Я знал его с 1990 года; со мной больше дружил его бойфренд Майкл Элиг, но Кеоки тоже был нормальным парнем.

– Как Майкл? – спросил я. По лицу Кеоки пробежала тень.

– Много всякого происходит, – ответил он. – Потом поговорим. Мы с Анджелой спустились в мою гримерку.

– Если хочешь походить по клубу – иди, – сказал я. – Мне надо переодеться и приготовиться к выступлению.

Она поцеловала меня.

– Хорошо, увидимся после твоего концерта.

Я надел черные джинсы и черную футболку, потом попрыгал по гримерке и постучал по дивану барабанными палочками. Выйдя из раздевалки, я стал бегать по коридору, мимо двери Трейси Лордс, которая позже выступала с диджейским сетом. Она оживленно беседовала с какими-то людьми в черных рубашках. Они выглядели то ли как клубные промоутеры, то ли как

порнографы из Восточной Европы. Мы с Трейси не были знакомы, но я помахал ей. Она с недоуменным видом помахала в ответ.

> Трейси Лордс начала свой диджейский сет. Я смотрел на нее сбоку сцены и постепенно осознавал иронию ситуации: техно-ботаник вышел голый, а порнозвезда – в одежде.

Через пять минут я уже выбежал на сцену с барабанными палочками в руках. Мы отыграли рейвовый сет, но перед Feeling So Real я надел гитару, и мы сыграли Paranoid, знаменитую песню Black Sabbath.

Когда мы заиграли Feeling So Real, я посмотрел в сторону; у входа на сцену стояли Трейси Лордс и Перри Фаррелл, а рядом с ними танцевал Чарли Шин. Тысячи людей в театре купались в свете стробоскопов и зеленых лазеров. Все выглядело как инопланетный апокалипсис.

Когда мы вышли со сцены, зрители скандировали мое имя, а Тим протянул мне пиво.

– Я могу к этому привыкнуть! – крикнул я Скотту и Эли. Те улыбнулись.

На бис я обычно играл Thousand, стоя в одиночестве на своем синтезаторе. Но сегодня я хотел сделать все по-другому, так что снял всю одежду.

– Мо, ты что делаешь? – спросил Эли.

– Раздеваюсь, – ответил я.

– Твои менеджеры меня убьют, – сказал он.

Я засмеялся и выбежал обратно на сцену, совершенно голый. Заиграла Thousand, и я забрался на свой синтезатор. Стробоскопы моргали все быстрее и быстрее, и я широко раскинул руки, словно пытаясь благословить рейверов. Все зрители подняли руки вверх, хватая горсти света.

> – Я только что понял, что теперь мы оба раздевались на работе.
>
> – То есть ты тоже проститутка?
>
> – Ха, пожалуй, что так, – сказал я, и мы вышли в дождливый ночной Лос-Анджелес.

Песня закончилась, и я ушел со сцены – совершенно голый. Подошел Перри Фаррелл и обнял меня, а потом схватил за обвисший член.

– Ты голый! – закричал он.

– Ха! Я знаю! – крикнул я в ответ.

– Отличное шоу! – сказал мне Чарли Шин. – А теперь иди

оденься!

Трейси Лордс начала свой диджейский сет. Я смотрел на нее сбоку сцены и постепенно осознавал иронию ситуации: техно-ботаник вышел голый, а порнозвезда – в одежде. Я спустился в гримерку и оделся. Вскоре пришла Анджела.

– Это было так круто! – сказала она. – Всем понравилось.

– Мы можем поехать к тебе домой и послушать музыку? – спросил я.

– Не хочешь погулять? – спросила в ответ она.

– Нет, я хочу просто пойти к тебе домой и послушать Джона Колтрейна, пока на улице идет дождь.

– Ладно, я тоже.

Она помогла мне втиснуться в мою кислотно-зеленую куртку из шерсти «Маппетов», и мы пошли к черному ходу. Открыв дверь, я засмеялся.

– Что смешного? – спросила она.

– Я только что понял, что теперь мы оба раздевались на работе.

– То есть ты тоже проститутка?

– Ха, пожалуй, что так, – сказал я, и мы вышли в дождливый ночной Лос-Анджелес.

Глава тридцать девятая
Муравьи и ногти

Я сидел на корточках на тротуаре возле перекрестка Блекер-стрит и Лафайет-стрит, и тут надо мной наклонился курьер-велосипедист.

– Эй, ты че тут делаешь? – спросил он, глядя на меня сверху.

– Смотрю на муравьев, – ответил я. Он покачал головой.

– Ну ты е*нутый, – сказал он и поехал дальше по Блекер-стрит.

Было два часа дня, среда. Я стоял на углу и ждал, пока зажжется зеленый, и тут вдруг заметил на тротуаре муравьев: незаметные для всех, они были заняты какой-то важнейшей работой, шустро бегая в промежутках между плитками тротуара. Был нормальный осенний день – люди шли мимо с сумками из магазинов, под ногами грохотало метро, – а я присел на корточки, потому что не мог отвести глаз от муравьев.

Я видел тысячи муравьев, а ведь это всего лишь один маленький тротуар посреди огромного города. Я не мог даже предположить, сколько их живет в целом квартале, а ведь каждый из этих муравьев состоит из миллионов и миллионов клеток. У каждого есть маленький мозг, который тоже состоит из бесчисленного множества клеток. У них была своя жизнь, свои желания, свои предпочтения. Они чувствовали страх. У них были глаза. И их на планете триллионы – они копают туннели и питаются кусочками еды, брошенными на тротуарах.

> Меня воспитывали в шизофренической в духовном плане, но никого не осуждавшей семье.

Я ничего о них не знал. Единственная клетка в глазу муравья была сложнее, чем все, что я мог хотя бы начать понимать. А если я не знаю ничего, то кто я такой, чтобы говорить, кто или что такое Бог? Я не понимал даже единственной клетки в единственном муравье, но много лет утверждал, что знаю, какой Бог – истинный, а какой – ложный, и как мы все должны верить и вести себя. Я утверждал, что понимаю, кто сотворил вселенную, почему Бог ее сотворил, как и когда.

Но на самом деле я не знал ничего. Я поднял глаза и посмотрел на свои пальцы. На моем большом пальце рос угловатый, обгрызенный ноготь. О нем я тоже ничего не знал, кроме того, как он растет, а также нескольких фактов о клетках из школьной программы. Я помнил, что в каждой клетке моего

ногтя есть ядро и какие-то митохондрии. Из учебника биологии в восьмом классе вспоминалось что-то неясное об органеллах. Но на самом деле я ничего не знал.

А если я не знаю ничего о простейших вещах, которые находятся прямо передо мной, – о муравьях и ногтях, – как я могу делать значительные заявления об архитекторе вселенной? Как я могу сказать «Я христианин» и верить, что прав? Я любил учение Христа. Мне нравился акцент, который делался на прощении и служении. Но я не понимал, верю ли я по-прежнему, что христианство – это единственный истинный способ описания и поклонения Бога, которого я не понимал.

Впервые я обратился к христианству в тринадцать лет, когда начал мастурбировать. Я считал, что мастурбация – это плохо, поэтому каждый раз, удовлетворяя себя, потом молился Богу и просил у него прощения. После целого года мастурбации я присоединился к христианской молодежной группе, чтобы задобрить Бога и не дать Ему сбросить наковальню мне на голову. В конце концов я стал считать мастурбацию чем-то нормальным, так что покинул молодежную группу и продолжил мастурбировать.

Меня воспитывали в шизофренической в духовном плане, но никого не осуждавшей семье. Мама росла христианкой, но в шестидесятых стала пантеисткой, чей разум был открыт для разных вариантов. Она отказалась от традиционного коннектикутского христианства и стала гадать по книге «И-цзин». Рядом с ее постелью висела фотография Кришнамурти, она ходила к тарологам и иногда готовила на Пасху блинчики. Она никогда не заставляла меня ни во что верить и, наверное, разочаровалась, когда я превратился в боязливого тринадцатилетнего христианина.

Покинув молодежную группу и открыв для себя панк-рок, я назвался агностиком, потому что это казалось неопределенным и клевым. Мои литературные герои XX века вроде Сартра и Камю были атеистами или агностиками, и я хотел основать свою систему верований на их мировоззрении. В колледже я выбрал профилирующим предметом философию, читал о буддизме, скептицизме, гностицизме, атеизме и куче других «измов», которые должны были определить наше место во Вселенной. В общем, когда я бросил колледж и уехал обратно к гадавшей на «И-цзине» маме-пантеистке, я превратился в агностика-даоса-экзистенциалиста-пантеиста, а если проще – в окончательно запутавшегося скептика из пригорода.

А потом, в 1987 году, друг дал мне Новый Завет. Сидя на диване в маминой гостиной, я прочитал Евангелие от Луки и тут

же стал христианином. Я обменял свой агностицизм на веру и весь конец восьмидесятых ходил в церкви и ездил на христианские ретриты, счастливо провозглашая Христа Богом всей Вселенной. Я нашел для себя новых, вроде бы христианских героев: Кьеркегора, Уолтера Перси, Фланнери О'Коннор.

Но теперь, восемь лет спустя, сидя на тротуаре и разглядывая невероятно сложно устроенных муравьев и свои ногти, как я мог сказать, что Христос – это Бог? Пред лицом невыразимо огромной и сложной Вселенной, как я мог быть настолько самонадеянным, чтобы претендовать хоть на какие-то объективные знания? Я честно признался себе, что ничего не знаю. Я почувствовал себя освобожденным. И одновременно очень испугался.

Чтобы дойти до христианской веры, после колледжа я пошел по декартовскому пути к теософии. Я читал экзистенциалистов и понимал, о чем они говорят. Они настаивали, что Вселенная – это шифр, и мы, люди, по определению, отрезаны от любого объективного знания о чем-либо. По мнению экзистенциалистов, самое большое, на что мы можем надеяться, – какой-нибудь мутный, субъективный намек, что существует нечто, о чем можно мутно и субъективно знать.

Декарт пришел к своему выводу за столетия до них. Он сомневался во всем, но не мог сомневаться в том, что сомневается. Так что он сказал: *cogito ergo sum – «Я мыслю, следовательно, существую»*. Или, в его случае, *я сомневаюсь, следовательно, существую*. Он понимал, что Вселенная непознаваема, но он знал, что не знает, и отсюда выстроил свою Вселенную с Богом в центре – как и я. Если я сомневаюсь, решил я после колледжа, значит, есть некий «я», который сомневается. Так что мы с Декартом осознали, что мир, каким мы его видим, должен быть довольно похожим на объективно существующий, потому что Бог – конечно же, доброжелательный антропоморфный товарищ, который не станет нас обманывать. Даже Эйнштейн, похоже, относился к Богу и Вселенной примерно так же, предполагая, что по большей части Вселенная, которую мы воспринимаем, – это Вселенная, какая она есть на самом деле.

Сейчас же, в присутствии тротуарных муравьев и ногтевых клеток, мое традиционное христианство, сопровождавшееся точной уверенностью, исчезло. Я видел так ясно, как мог, но внезапно мир предстал передо мной сложным, огромным и непознаваемым. Я бросил взгляд на муравьев. Они были совсем крошечными – и это если смотреть на них невооруженным взглядом. Они состояли из клеток, настолько маленьких, что я и представить не мог, а в этих клетках были органеллы – еще меньше. А в них были штуки еще меньше, а в них – еще меньше, и

в конце концов мы доходили до онтологического уровня малости, который человек не в состоянии представить. Но именно на этом уровне располагались строительные материалы Вселенной. Если я не мог даже на секунду представить себе стандартные строительные материалы вселенной, как я мог сказать, что по-настоящему понимаю ее создателя?

Мои ноги устали, и я поднялся. Мне казалось, что Вселенная изменилась, хотя на меня светило все то же солнце, что и десять минут назад. Я был одет в те же джинсы и в ту же футболку Bad Brains, но действительно ли все осталось прежним?

Я все думал о цитате Рембо, которая висела у меня над зеркалом, когда я впервые переехал в Манхэттен: «Я – это Другой».

> Если я напиваюсь и трахаюсь в туалете со стриптизершей, нарушаю ли я тем самым некий универсальный этический кодекс?

От мысли о том, насколько огромна и сложна даже единственная клетка, мне захотелось испариться на месте. Одна клетка в своей немыслимой сложности достойна поклонения и восторга всей Вселенной. А клетки были повсюду, и их чудесность затмевалась лишь их вездесущностью. Я пошел домой по Малберри-стрит в сторону Хьюстон-стрит. Там стояла та же бильярдная, те же бары, тот же итальянский ресторан. Все осталось прежним, и в то же время все изменилось, по крайней мере, для меня. У меня было мировоззрение, христианство, но теперь я чувствовал легкость и свободу моего новообретенного невежества. Мое исповедание христианства, по сути, было свистом во тьме платоновой пещеры; я убеждал всех, что тени – настоящие, потому что другие христиане и я хотели, чтобы они стали настоящими.

Когда я снова начал пить и с головой погрузился в мир дегенерации и случайных связей, я уже задумывался над идеей, что некоторые положения христианской этики кажутся довольно произвольными. Я понимал применение этических критериев к действиям, которые действовали на других существ – именно поэтому я стал веганом, – но я не понимал, почему этика должна применяться к сексу и другим действиям, которые либо совершаются по согласию сторон, либо направлены на себя. Если я напиваюсь и трахаюсь в туалете со стриптизершей, нарушаю ли я тем самым некий универсальный этический кодекс? Было что-то возбуждающее в мысли, что большинство иудео-христианских этических установок, с которыми я рос, на самом деле совершенно произвольны. Но, даже трахаясь по пьяни в туалетах

и нарушая христианскую этику, я все равно считал себя христианином. А теперь я не знал, действительно ли я христианин.

Я вернулся на Мотт-стрит и посмотрел на церковь, стоявшую на другой стороне улицы.

– Я все еще люблю Тебя, Боже, даже если и не представляю, кто или что Ты такое, – произнес я молитву. – И тебя тоже, Иисус. Я не знаю ничего, но я люблю тебя.

Я смотрел в бездну, но не был даже уверен, что она есть, потому что я не мог быть уверен вообще ни в чем. Стоило присмотреться к Вселенной хоть чуть-чуть внимательнее, она тут же показывала себя невероятно сложной и совершенно недоступной для человеческого понимания. Ко мне снова и снова возвращалась одна и та же мысль: я ничего не знаю.

Хотя нет. Я понял, что это не так. Я знаю, что очень хочу блинчиков.

Я поднялся на пятый этаж, прошел по цементному полу коридора и открыл дверь. Мой лофт был заполнен идеальным послеполуденным светом, а стены блестели белым. Я посмотрел в потолочное окно и увидел одинокое облако, плывшее по синему небу. Я достал свою старую металлическую миску, потом взял из холодильника цельнозерновую муку и ванильное соевое молоко. Включив духовку, я извлек из морозилки пакет замороженной органической черники.

Может быть, в этом и есть смысл жизни – жить во тьме платоновой пещеры и вечно стоять перед тьмой, но при этом готовить блинчики, смотреть фильмы с Вуди Алленом и видеть солнце, которое светит в потолочное окно. Вот оно, главное достоинство того, что я не обладаю истинными познаниями о мире, а просто являюсь его частью и восхищаюсь им.

Я приготовил блинчики, отнес их на крышу и съел под огромным синим куполом неба. В миле от себя я видел мэрию и башни-близнецы. Несколько облаков плыли по небу, отбрасывая тени на башни. Я не мог больше говорить о своей несгибаемой вере. Не мог никому говорить, во что верить. Но я по-прежнему мог сидеть под прекрасным манхэттенским небом с тарелкой блинчиков.

Глава сороковая
Комбинезон из ПВХ

Днем она была Джиллиан, преподавательницей аэробики, а ночью перевоплощалась в госпожу Доминику, доминатрикс. В «Кранч Фитнес» она заплетала светлые волосы в хвост и бегала по тренажеру StairMaster, одетая в сине-зеленое трико. За закрытыми дверями она носила черный винил и словесно оскорбляла бизнесменов, стегая их плетками.

Мы познакомились несколько месяцев тому назад на караоке-вечеринке у общего друга. Я напился и попытался спеть Rhinestone Cowboy. Когда я закончил, она купила мне «Бад Лайт» в пластиковом стаканчике и отвезла в свою квартиру на Седьмой улице, где мы переспали на крыше в мексиканском гамаке. Она тоже любила собак, так что после секса, когда мы лежали, я рассказал ей про Уолнат.

Уолнат пережила парвовирусную инфекцию, но прежний общительный характер к ней так и не вернулся. В конце концов моя исстрадавшаяся маленькая питбультерьерша уехала на север штата к моим друзьям, и там ей было веселее, чем в городе.

> Джиллиан превратилась в госпожу Доминику. Она стояла у своего кофейного столика из Pottery Barn, одетая в комбинезон из ПВХ. В руках у нее была плетка, и она казалась какой-то маленькой.

Мы с Джиллиан никогда не заводили разговоров о совместной жизни, но каждые две недели встречались, чтобы пить пиво, заниматься сексом и обсуждать собак.

Однажды она прислала мне факс.

– Позвони мне. Я хочу, чтобы ты стал доминатрикс.

Я позвонил.

– У меня есть клиент, который хочет переодеться продавцом париков, – сказала она. – Он будет у меня дома притворяться, что продает мне парик. А потом он наденет парик, тут домой придет мой бойфренд, устроит сцену и скажет мне, чтобы я избила продавца. Ты будешь бойфрендом. Согласен?

– Можешь заплатить мне доллар?

– Ха, конечно. Почему доллар?

– Потому что тогда я смогу сказать, что побывал профессиональным доминатором.

– Ладно, хорошо, заплачу тебе доллар. Кстати, какое у тебя доминаторское имя?

– Господин Бобби? – подумав, ответил я.

– Отлично. Встретимся сегодня в восемь, господин Бобби.

В семь вечера я полез в шкаф в поисках одежды для господина Бобби. Он должен быть суровым, так что я надел футболку без рукавов, зеркальные очки и старую джинсовую куртку с нашивкой Def Leppard на спине. Я посмотрел на себя в зеркало: господин Бобби должен быть угрожающим, а я больше всего напоминал Джона Малковича, который вышел за хлебом после трехдневного запоя. Может быть, если я нахмурюсь, то буду выглядеть суровее? Или я просто стану похож на хмурого Джона Малковича.

Я прошел по Ист-Виллиджу к дому Джиллиан на Пятой улице. Поднявшись по лестнице, я глубоко вдохнул. Я хотел отнестись к клиенту с уважением и работать серьезно. Мне платят целый доллар, поэтому нужно быть профессиональным. Я открыл дверь.

> Он подошел к ней, и она хлестнула его плеткой по руке. – Нагнись над этим креслом, – тихо сказала она, показав на офисное кресло из «Икеа». Он нагнулся, и она начала стегать его плеткой по необъятной заднице.

Джиллиан превратилась в госпожу Доминику. Она стояла у своего кофейного столика из Pottery Barn, одетая в комбинезон из ПВХ. В руках у нее была плетка, и она казалась какой-то маленькой. Рядом с ней был страдавший морбидным ожирением бизнесмен в фиолетовой кружевной комбинации и пурпурном парике. Играла кассета сестер Эндрюс, и он танцевал кругами на ее сизалевом ковре. Госпожа Доминика посмотрела на меня. И жирный бизнесмен в пурпурном парике – тоже.

– Что за х*йня? – угрожающе, вполне в характере, заорал я. – Какого х*я этот тип делает у меня дома?

– Он пришел сюда, чтобы продать мне парик, а теперь не хочет уходить! – закричала в ответ Доминика.

– Он ох*ел, что ли? – крикнул я, со все большим удовольствием входя в роль. – А ну надери его сраную жопу!

– Думаешь? – спросила она; бизнесмен в пурпурном парике по-прежнему танцевал под сестер Эндрюс.

– Да, бл*! Надери его сраную жопу!

– Иди сюда! – крикнула ему Доминика. Он перестал танцевать и съежился возле дивана, словно пантомимная актриса девятнадцатого века. – Быстро иди сюда!

Он подошел к ней, и она хлестнула его плеткой по руке.

– Нагнись над этим креслом, – тихо сказала она, показав на офисное кресло из «Икеа». Он нагнулся, и она начала стегать его

плеткой по необъятной заднице.

– Нравится? – крикнула она. Он лишь кивнул.

– Как думаешь, надо еще? – спросила она у меня.

– Да, надери ему жопу! – ответил я. Фразы у меня как-то быстро закончились.

Она сняла длинный каблук со своей черной туфли и стала тыкать его в огромную, бледную, едва прикрытую комбинацией задницу.

– Да, он все это заслужил! – сказал я, изо всех сил сдерживая смех – я на самом деле очень хотел с уважением отнестись к желаниям жирного бизнесмена.

После примерно минуты беспощадного ввинчивания каблука в гигантскую задницу она сказала ему:

– А теперь проваливай с глаз моих! Иди в ванную!

– Да, госпожа Доминика, – застенчиво сказал он и ушел в маленькую ванную, типичную для ист-виллиджских съемных квартир.

– Я нормально справился? – спросил я, когда он закрыл за собой дверь.

– Отлично, господин Бобби, – с улыбкой сказала она.

– Когда ты дашь мне мой доллар?

– Тс-с-с, после того как он уйдет.

Дверь открылась, и оттуда вышел бизнесмен в сером полосатом костюме и черных туфлях, с портфелем в руке и «Ролексом» на запястье.

– Спасибо, госпожа Доминика, – сказал он, потом повернулся ко мне и пожал мне руку. – И вам спасибо, сэр.

– Рад помочь, – ответил я.

– Удачно доехать до Джерси, – сказала Доминика. – Увидимся на следующей неделе.

Он удалился, закрыв за собой дверь. Она подошла к магнитофону и выключила сестер Эндрюс. В этот момент я даже не знал, как ее называть: Джиллиан или Доминика.

– Хочешь выпить? – спросила Джиллиан-Доминика.

– Конечно. Знаешь, мне очень трудно было не засмеяться.

– Ну, я уверена, он оценил твои усилия. О! – Она полезла в кошелек. – Вот твой доллар.

– Я профессиональный доминатор! – воскликнул я.

– Ты профессиональный доминатор, господин Бобби, – согласилась она, снимая туфли на шпильках и надевая вместо них кроссовки.

Глава сорок первая
Лампы цвета розы

Мы с Дамьеном заказывали напитки на афтерпати после концерта Nine Inch Nails, и тут подошла благоухающая парфюмом публицистка в кожаном комбинезоне и спросила меня:

– Хочешь встретиться с Дэвидом Боуи?

– Конечно, – спокойно ответил я.

Но я не был спокоен. В душе я скакал как сумасшедший. Я познакомлюсь с моим кумиром Дэвидом Боуи!

В 1978 году, когда мне было двенадцать, я работал кэдди на поле для гольфа «Уи-Берн» в Дариене, чтобы накопить денег на альбом *“Heroes”*. Я был маленьким и едва удерживал в руках сумку, полную клюшек для гольфа, но *“Heroes”* был мне необходим. Почти все время я сидел в домике для кэдди и играл в карты, ожидая, когда настанет моя очередь носить клюшки вслед за стариками, но за две недели я сумел заработать 8 долларов на *“Heroes”*. Я поехал на своем десятискоростном велосипеде «Швинн» в «Джоннис Рекордс» у станции Дариен, купил кассету и провел остаток лета в своей удушающей комнате, вслушиваясь в *“Heroes”* до тех пор, пока не понял его. Я знал все тексты. Выучил наизусть примечания в буклете. Запомнил оформление. Потому что я любил Дэвида Боуи.

> Первыми вышли Nine Inch Nails, и они были потрясающими. Их саунд был мощным и гипнотическим, визуальное оформление – мрачным и давящим, а Трент Резнор расхаживал по сцене как разобиженный демон, кричащий от ярости.

И до сегодняшнего дня я считал, что он непогрешим. Тем вечером Дэвид Боуи выступал с Nine Inch Nails в «Мидоулендс-Арене». Я пошел на концерт вместе с моим другом Марком Пеллингтоном, самым крутым режиссером клипов в мире, и мы обсуждали дело О. Джея Симпсона, пока ехали в Нью-Джерси.

Первыми вышли Nine Inch Nails, и они были потрясающими. Их саунд был мощным и гипнотическим, визуальное оформление – мрачным и давящим, а Трент Резнор расхаживал по сцене как разобиженный демон, кричащий от ярости. Аудитория зала принадлежала ему: молодые, злые ребята из пригородов. Они знали слова всех его песен и принимали его как короля.

А потом вышел Дэвид Боуи со своей группой. Концерт начался со Scary Monsters, и песня была потрясающей. Он

выглядел величественным и мрачным. Но потом он начал играть песни из нового альбома, и энергия заметно поблекла. Мрачные девятнадцатилетние подростки, проведшие весь концерт Nine Inch Nails на ногах, либо сидели на своих местах, сутулясь, либо вообще ушли. После пятой песни Боуи зал был на треть пуст – готы в футболках NIN отправились на выход. Мне это показалось ересью. Да, шоу у него какое-то унылое, но это же Дэвид Боуи.

Он начал играть The Man Who Sold the World, и подросток, сидевший рядом со мной, сказал:

– Клево, он играет песню Nirvana.

Я ничего не сказал – просто остался сидеть, пока зрители вокруг меня расходились.

После концерта я оказался в пассажирском микроавтобусе до Нью-Йорка вместе с Трентом Резнором, его девушкой и сотрудниками его лейбла. Я не очень хорошо знал Трента и нервничал, так что пригласил его с подругой в неотапливаемый двухкомнатный домик на севере штата, который только что купил.

– Я недавно купил домик на озере, – сказал я ему. – Если у тебя есть время, можешь приехать, погуляем по лесу.

– Спасибо, но у нас еще долго будут гастроли, – вежливо ответил он, когда мы въехали в Линкольновский туннель.

– Ладно. Место неплохое. Я даже делюсь лодкой с соседями. Кто-то из менеджеров Трента снова перевел разговор на тему суда над О. Джеем Симпсоном, и моя маленькая избушка забылась. Мы доехали до ресторана, где проходила афтерпати, и Трента быстро провели внутрь. Я позвонил Дамьену, чтобы он приехал ко мне, а сейчас стоял в очереди и ждал встречи с Дэвидом Боуи.

> Я хотел быть секс-символом – или хотя бы человеком, по которому сохнут женщины.

Я всю жизнь представлял себе этот момент. Что я скажу? Может быть, буду просто стоять с отвисшей челюстью и раз за разом повторять «Вы Дэвид Боуи», пока его охранники не возьмут меня под руки и не выведут?

Они с Трентом сидели на небольшом возвышении, спрятанном за ширмой с цветочным узором, и я уже был следующим в очереди. Я хотел, чтобы Дэвид Боуи любил меня. Я хотел, чтобы он сказал своим мрачным голосом ящера: «Разговор с тобой стал для меня откровением, Моби. Я потрясен твоим остроумием и креативностью. Давай подружимся».

Я допил последние капли водки и растопленного льда и поставил стакан на стол.

– Ладно, иди, – сказала мне надушенная публицистка и

слегка подтолкнула в спину. Я поднялся на пьедестал.

– Привет, Моби, – сказал Трент.

Я завидовал Тренту. В каком-то смысле мы с ним напоминали разлученных близнецов. Мы оба были панками из пригорода, которые в восьмидесятых влюбились в электронную музыку. Он остался индастриал-готом, а я ушел в хаус и техно. Он следовал однажды взятому курсу, а я метался в миллионе разных музыкальных направлений. Я продавал тысячи пластинок и играл концерты для сотен людей. Трент выпускал альбомы, занимавшие первые места в хит-парадах и расходившиеся миллионными тиражами, и играл концерты для десятков тысяч зрителей. А еще он был секс-символом. Я хотел быть секс-символом – или хотя бы человеком, по которому сохнут женщины. Я хотел того же, что есть у Трента, хотя приверженность одному-единственному музыкальному жанру казалась мне произвольной и ограничивающей. Тем не менее он сидел на пьедестале, и я одновременно уважал его и завидовал.

– О, Моби, – сказал Трент, – ты знаешь Дэвида?

Я повернулся к Дэвиду Боуи.

– Моби, – сказал он. – Рад встрече.

Дэвид Боуи сидел под лампами цвета розы; он был одет в темно-синий костюм с тонкими лацканами. Его зачесанные на сторону светлые волосы уже начинали седеть; он только что обратился ко мне своим сразу узнаваемым голосом, похожим одновременно на Майкла Кейна и спокойного велоцираптора. Я знал, что по правилам приличного общества мне нужно ответить, но я просто хотел заплакать, обнять его и убежать.

– Я тоже рад, – ответил он. – Как вы себя чувствуете?

Да, вот моя первая фраза при встрече с моим любимым музыкантом всех времен: «Как вы себя чувствуете?» Я даже задумался, не слишком ли много на себя беру – словно простолюдин, который пытается важничать и притворяться, что может фамильярно разговаривать с королем.

Боуи засмеялся.

– Я в порядке, Моби. А вы?

– О, я немного пьян, – ответил я, – но вроде ничего так.

Он улыбнулся, ожидая от меня продолжения. Я не мог придумать, что бы сказать.

– Где вы сейчас живете? – неуверенно спросил я.

– В Швейцарии, – сказал он. – Но думаю переехать в Нью-Йорк – тут отличные картинные галереи.

– Правда? Куда?

– Наверное, куда-нибудь в Сохо. А вы где живете?

– В Маленькой Италии, – сказал я, – чуть к востоку от Сохо.

– В лофте? – спросил он.

– Да, я сейчас делаю ремонт в лофте.

Я разговариваю о недвижимости с Дэвидом Боуи? Что дальше – обсудим с ним пенсионные планы и счета из химчистки? Мне казалось, что я просто запорол аудиенцию с королем, но Боуи выглядел спокойным и вежливым. Он не восхищался моим характером и эрудицией, но приятно улыбался, пока мы говорили.

– Это здорово, – сказал он. – Помню, когда у меня была всего одна квартирка в Нью-Йорке. Все было намного проще. А теперь у меня повсюду дома́. Наслаждайтесь этим временем, Моби, – когда все еще просто.

Я не знал, что еще сказать, и чувствовал себя все тревожнее. Мне хотелось уйти и напиться.

– Купить вам что-нибудь выпить? – спросил я.

– Нет, я не пью. А вы идите и наслаждайтесь жизнью.

Я встал и протянул ему руку.

– Мне очень приятно было встретиться с вами, Дэвид.

Он улыбнулся и пожал ее.

– Мне тоже приятно встретиться с вами, Моби.

Я попрощался с Трентом и спустился с пьедестала, обратно к таким же простолюдинам, как я. Комната кружилась передо мной, я был совершенно без сил и почти ничего не соображал. Я прошел обратно к бару; там Дамьен пил джин с тоником. Диджей поставил China Girl.

– Ну? – спросил он.

– Ну, – ответил я.

– Как все прошло?

– Мы говорили о недвижимости. Мне надо выпить.

Я заказал водку с содовой и ломтиком лайма. По залу змеилась очередь из людей, ожидавших аудиенции с Дэвидом Боуи. Я не знал, распространенной ли является практика встречаться с рок-звездами, сидящими на пьедестале в ночном клубе, – я лично раньше такого не видел. Но это казалось вполне уместным: Дэвид Боуи, сидящий в кресле, скрытый за ширмой, окутанный мягким светом.

– Ты поговорил с Трентом? – спросил Дамьен.

– Поздоровался, но с ним я ехал из «Мидоулендс». Я пригласил его на север штата.

– Правда? И что он сказал?

– Сказал «спасибо, но мы на гастролях».

– Трент мог приехать на север штата, посидеть в каноэ и выпить с тобой «Бад Лайт».

– Или я мог познакомить его со своими соседями, чтобы он

провел замечательную ночку с восьмидесятипятилетней бывшей учительницей.

Мы с Дамьеном встали спиной к бару и начали смотреть на очередь из людей, ждавших возможности подняться на пьедестал Дэвида Боуи.

– Я познакомился с Дэвидом Боуи, – сказал я.

Глава сорок вторая
Мокрый свитер

Я обливал Кита Флинта, певца Prodigy с рогами, из огнетушителя. Мы вместе гастролировали по Германии уже две недели, и сегодня был наш последний концерт. Он смеялся, но вместе с тем злился.

– Отъ*бись от меня, чувак! Отъ*бись! – кричал он, а я бежал за ним и все брызгался и брызгался. – Это ж, бл*, даже не вода!

Я загнал его в гостиничный номер, где пила вся группа Prodigy и их технический персонал. Я навел огнетушитель на ребят, которые были в комнате, и все закричали и отскочили, кто-то даже спрятался за кроватью.

– Думаете, вам сегодня повезет? – закричал я.

– Нет! Отъ*бись! – воскликнули они, прячась от меня и моего огнетушителя.

Эли, проходивший по коридору, сунул голову в дверь.

– Все в порядке? – спросил он. Я навел огнетушитель на него и нажал на спуск.

– Б*я, нет! – закричал он и убежал.

– Вы все умрете! – крикнул я, бросаясь за ним в погоню – еще одна случайная цитата из фильмов, которые я посмотрел за последние две недели. Я загнал Эли в мужской туалет и обрызгал странным веществом, которым накачивали немецкие огнетушители.

– Хватит, Мо!

– Ладно. Извини, Эли, но сегодня же последний день.

Он хмуро посмотрел на меня и убежал вниз по коридору.

Я обливал Кита Флинта, певца Prodigy с рогами, из огнетушителя. Мы вместе гастролировали по Германии уже две недели, и сегодня был наш последний концерт. Он смеялся, но вместе с тем злился.

Девушка-сербка, которая встречалась с Китом, прошла мимо меня в женский туалет, и я двинулся за ней. В кабинке она задрала свое желтое платье и начала писать, даже не закрыв дверь. Я встал у дверей.

– Как ты? – спросил я. После концерта я выпил бутылку «Джека Дэниэлса», а потом, на пути к гостинице – еще несколько банок пива, так что меня шатало.

– Нормально, – ответила она с улыбкой, продолжая писать. – А ты как?

– О, нормально. Наверное, не надо было расстреливать всех из огнетушителя.

Она засмеялась.

– Нет, это было забавно. Хочешь зайти в кабинку?

– Конечно, хочу, – сказал я, а затем так и сделал.

– Это, Моби, у тебя разве девушки нет?

– Нет, – вполне искренне ответил я. – Не думаю.

– А что насчет той девушки из Берлина? Все говорят, что она твоя подружка, – напомнила она, все еще продолжая писать.

– Мы постепенно узнаём друг друга получше, – сказал я. – Но не знаю, что получится. А у тебя разве нет парня?

– Ну, я типа как встречаюсь с Китом. Но я знаю, что у него куча девушек. Так что ничего особенного.

Она перестала писать, но осталась сидеть на унитазе с задранным платьем и трусиками на лодыжках.

– Можно тебя поцеловать? – спросил я.

– Здесь?

– Да.

Я сел к ней на колени и поцеловал ее. Открылась дверь туалета.

– Эй? – послышался голос Кита. Я встал.

– Б*я, – сказала она, натягивая трусики и поправляя платье. Кит заглянул в кабинку.

– Ты че творишь, б*я? – заорал он и убежал. Она, отпихнув меня, выскочила из кабинки.

– Кит, подожди! Кит!

Она побежала за ним по коридору. Я слышал его крики:

– Ты че творишь, б*я? С Моби! Иди на х*й!

– Нет, не уходи! – закричала она; их голоса постепенно стихли вдали.

– Эй? – послышался голос Кита. Я встал.

– Б*я, – сказала она, натягивая трусики и поправляя платье.

Я прошел по коридору мимо комнаты Prodigy и зашел в номер, где мой барабанщик Скотт и техники пили, курили травку и занюхивали дорожки немецкого кокаина.

– Мне надо выпить, – сказал я.

Скотт сидел на черном ламинированном гостиничном столе и нюхал кокаин. Перед ним стояли бутылки вина и «Джека Дэниэлса». Мой звукорежиссер Джей Пи и наш осветитель-британец Тим сидели на кровати и курили травку.

– Эй, Мо, чего тебе? – спросил Джей Пи.

– Пива, пожалуйста, – сказал я и достал бутылку из

холодильника в ногах кровати.

– Кокса хочешь? – спросил Скотт, вытирая нос.

Я никогда не нюхал кокаин. Я начал пить и принимать наркотики в десять лет, но кокаин всегда казался мне веществом, которое разрушало жизни интересных людей. Я считал алкоголь силой, работающей во благо, но вот кокаин меня пугал.

– Нет, только пива.

– Хочешь послушать это соло Нила Пирта? – спросил Скотт.

– О нет, прошу, только не это, – сказал я, крепко сжал в руках пиво и выбежал из комнаты. Я ковылял по коридору, обойдя комнату Prodigy по широкой дуге. Мне на самом деле было наплевать, злятся ли они на меня, но вот получить по морде совсем не хотелось. И тут мне в голову пришла замечательная пьяная идея. Я спущусь в фойе по лестнице. Это казалось более волнующим, чем ехать на лифте. Я открыл дверь на лестницу.

– Пахнет, как новая! – пьяным голосом объявил я, ни к кому не обращаясь. Мой голос эхом разнесся по лестничной клетке.

> – Ты в порядке, Моби? – спросил водитель моего автобуса.
>
> – Со мной все прекрасно! – ответил я. – Я пьян, сижу с вами, ребята, и мне очень хорошо.

Я спустился на первый этаж и буквально выпал через дверь, потом поднялся, зашел за угол и увидел бар. Я решил подойти к бару как достойный джентльмен, чтобы бармен не понял, что я мертвецки пьян. У стойки сидели двое водителей гастрольных автобусов и тур-менеджер Prodigy, а также девушка Кита в желтом платье, которая мрачно потягивала водку с тоником.

– Привет всем, – заплетающимся языком сказал я. – Хороший вечер?

Они что-то вежливо пробормотали в ответ. Я, пошатываясь, подошел к девушке Кита.

– С Китом все нормально? – спросил я.

– Э-э, он злится на меня, – ответила она. – Что вообще с ним такое? Он на гастролях, постоянно с кем-то спит. А мне все равно, – стоическим, но не очень убедительным тоном добавила она.

– Купить тебе что-нибудь выпить? – спросил я, допивая пиво, принесенное из комнаты Скотта. Она улыбнулась.

– Нет, но я могу купить что-нибудь тебе, – она заказала мне еще пива. – Ты куда теперь едешь?

– Завтра возвращаюсь в Нью-Йорк, – сказал я, присосавшись к бутылке пива и разглядывая крепкий алкоголь, стоявший за стойкой бара. – Бутылки с ликерами такие красивые, ты согласна?

Она заглянула за стойку.

– Нормальные.

– А я думаю, что они очень красивые, – сказал я. – Похожи на прекрасные сверкающие ракеты, полные божественной воды.

Она удивленно посмотрела на меня?

– Божественной воды?

– Ну, или воды любви. Ты понимаешь, о чем я?

– Ты в порядке, Моби? – спросил водитель моего автобуса.

– Со мной все прекрасно! – ответил я. – Я пьян, сижу с вами, ребята, и мне очень хорошо.

Я допил пиво.

– Пойдем прогуляемся, – сказал я теперь уже бывшей девушке Кита.

– Зачем?

– Посмотрим на небо. Сейчас ночь.

– Я знаю, что сейчас ночь. Зачем ты хочешь погулять?

– Пойдем! Там же красиво!

Она встала со стула.

– Ладно, выйдем на минуточку.

Воздух на улице был холодным и чистым. Была среда, время после полуночи в среду, и в Дортмунде, этом немецком Кливленде, было совсем тихо. Я раскинул руки в стороны и прошептал:

– Посмотри на небо! Я вижу звезды!

Она подняла голову.

– Они разве не потрясающие? – продолжил я. – Ты знаешь, что мы смотрим на мертвый свет? Большинство звезд сгорели тысячи лет назад. Мы видим их мертвый свет, летящий по далекому космосу.

– Правда? – засмеялась она. – Ты всегда такой милый, когда напьешься?

Я обнял ее.

– Давай потанцуем здесь, – сказал я. Я запел Wild Is The Wind Дэвида Боуи, и мы пустились в медленный танец перед входом в гостиницу.

– Я и не представляла, что ты такой романтик, – сказала она.

– «Наша любовь подобна ветру, – пел я, – а ветер дикий».

Я допел. Мы остались стоять, и неподвижный, пустой город постепенно начал давить на нас.

– Пойдем еще выпьем, – сказала она. – Мне холодно.

Мы вернулись к бару. Водители и тур-менеджер уже ушли, да и бармен уже сворачивался.

– *Ein Vodka Tonic und ein Bier, bitte*, – сказала она. Бармен покачал головой.

– Нет. Закрыто.

– Пожалуйста, я живу в этой гостинице, – сказал я. – Можно нам выпить?

Бармен был явно раздражен.

– Нет. Закрыто.

Я порылся в карманах.

– У меня есть пятьдесят дойчмарок. Можно нам выпить, пожалуйста?

Бармен скрестил руки на груди.

– Закрыто. Она взяла меня за руку и повела к лифту.

– Пойдем, – сказала она. – Давай выпьем у меня в комнате. В лифте мы держались за руки.

– Ты разве живешь не с Китом? – спросил я, когда она открыла дверь.

– Нет. Я всегда живу отдельно. Что хочешь выпить? Я сел на ее постель и сосредоточился, стараясь четко произносить слова.

– Пиво, пожалуйста.

> – Хочешь влюбиться? – спросил я.
>
> – Конечно, – сказала она. – А разве не все этого хотят?
>
> – Я хочу влюбиться, – сказал я, – прямо сейчас, здесь и навсегда.

Ее номер был таким же, как мой: полиэстеровая коричневая простынь, ярко-красное немецкое кресло в углу.

– Хочешь влюбиться? – спросил я.

– Конечно, – сказала она. – А разве не все этого хотят?

– Я хочу влюбиться, – сказал я, – прямо сейчас, здесь и навсегда.

А потом я спросил:

– У тебя музыка какая-нибудь есть?

– Когда ты завтра уезжаешь? – спросила она.

– То есть сегодня? – ответил я и задумался. – Мы садимся на автобус в семь утра и едем в аэропорт.

Она закурила.

– Я хотела бы побольше поговорить с тобой, Моби, но не в такой обстановке, – сказала она. – Пойду поищу Кита.

Я посмотрел ей в глаза.

– Хорошо. Надеюсь, мы еще сможем потанцевать. Мне нравятся медленные танцы с тобой перед входом в гостиницу.

Она улыбнулась – одними губами, но не глазами, – и затушила сигарету.

– Я тоже надеюсь.

Наклонившись над постелью, она поцеловала меня.

– У тебя добрая душа, Моби.

Я, шатаясь, прошел к двери, не выпуская пиво.

– Ты иди ищи Кита, а я вернусь в свою комнату. Если Кит плохо с тобой обойдется, найди меня. Я в четыреста девятнадцатом.

Я прошел по коридору, сел на лестнице и стал пить пиво.

– Ох! – громко сказал я, мой голос эхом разнесся по лестничной клетке. *«Мне надо тут записаться*, – подумал я. – *Запишу отличную пластинку на этой лестнице»*. Я пошел вверх, восклицая: «Ох!» и «Ах!» и хлопая в ладоши, и прислушивался к эху. Когда я добрался до своего номера, меня затошнило, и я поспешно допил пиво. А потом я дотащился до ванной, и меня вырвало прямо в ванну. Пол там был настолько чистым, что я подумал, что даже, наверное, в цементном растворе нет микробов, и засмеялся. *«Какое забавное название для страны без микробов. Германия. Много микробов*[11]*»*. А потом меня опять вырвало в ванну.

Я посмотрел на себя в зеркало. Мои глаза были совершенно пустыми и красными. Я снова сказал: «Ох!»; акустика на лестничной клетке была куда лучше. Пора спать. Я лег на кровать, и меня снова затошнило. Я даже не успел подняться, только наклонился, заблевав себя, кровать и пол. Мой милый свитер был мокрым от рвоты. Сюзанна из Берлина подарила мне этот свитер. Я познакомился с ней две недели назад и скучал по ней. Зачем я целовался с другими девушками в кабинках туалетов? Я хотел, чтобы Сюзанна стала любовью моей жизни. Хотел медленно танцевать с ней, а не с девушкой Кита. Я сел, и меня снова вырвало.

Гастрольный автобус должен был уезжать через час, и я решил пойти спать туда. Он стоял у гостиницы, так что если я лягу спать там, мне не придется вставать через час и спешить на автобус. Я обошел комнату, меня еще раз вырвало на кровать, а потом я собрал вещи. Надеясь, что ничего не забыл, я вынес чемодан в коридор.

В фойе было темно и пусто. Я вышел к автобусу, но почему-то ни в одном кармане не нашел ключей от него. Я положил чемодан на тротуар и сел на землю. На улице было холодно, но на мне были свитер и куртка, и я мог просто лечь поспать прямо там. Мои штаны и свитер мокрые от рвоты, но со мной все будет нормально.

Во рту было горько, горло горело огнем, а глаза слезились. Я вырубился прямо на тротуаре.

Когда я прилег, меня снова вырвало. На тротуар, на багаж, а

потом на куртку. В конце концов, похоже, у меня в желудке ничего не осталось. Во рту было горько, горло горело огнем, а глаза слезились. Я вырубился прямо на тротуаре.

– Мо! – услышал я голос Эли. – Мо! Вставай!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Эли.

– Ты в порядке? – спросил он.

Я огляделся. Стояло мрачное немецкое утро, я промок и замерз.

Почему я промок? А, рвота. Моя рвота.

– Ты в порядке? – снова спросил Эли.

Я присел, и меня затошнило.

– Нормально, – сумел сказать я. – Можно мне сесть в автобус?

– Ладно, – недовольно ответил он. – Я поставлю твой чемодан в багажное отделение.

Мне нужна была вода. Или грейпфрутовый сок. Или любая другая жидкость. Мой мозг напоминал сдувшийся и страдавший от невыносимой боли мячик, а вкус во рту – мусорный бак. *Пожалуйста, пожалуйста, пусть в автобусе будет вода*.

Там была вода. Я выпил целую бутылку, потом еще одну и пошел по темному автобусному коридору к своей кровати. Сняв пропитанную рвотой одежду, я лег в постель. Она была прохладной и темной, напоминающей уютный гроб. Мне нужно всего лишь пролежать тут подольше, а может быть, и остаться навсегда. Я услышал, как автобус завелся, глухой рокот дизельного мотора, казалось, доносился прямо из-под моего матраса. *Пожалуйста, дайте мне остаться здесь, пожалуйста*.

В сегодняшнем расписании значились два часа до Дортмундского аэропорта, а потом восемь с половиной часов полета эконом-классом до Нью-Йорка. А я хотел остаться в автобусе навсегда. Мы пришли в движение, автобус подпрыгивал по неровной мостовой. Я закрыл глаза и стал мечтать, как мы поедем прямо через океан в Нью-Йорк, и я всю дорогу буду лежать в своей прохладной, похожей на гроб кровати.

Глава сорок третья
Тростниковые поля

Это казалось такой великолепной идеей. Сначала я завершу турне *Everything Is Wrong* и вернусь в Нью-Йорк дописывать следующий альбом, где будет много гитарного рока. Потом я возьму перерыв и поеду на Барбадос с друзьями, прежде чем начать рекламную кампанию и гастроли, которыми нормальные музыканты занимаются каждый раз после выпуска пластинок. *«Разве Боно или Трент Резнор не поступили бы так же?* – спрашивал я себя. – *Записали пластинку, съездили в отпуск на Барбадос, сделали рекламу альбома, поехали на гастроли, и все их хвалят и любят»*.

Правда, с этим возникли проблемы. Песни были написаны, но по какой-то причине все, что я успел записать, звучало ужасно и ни для чего не годилось. Я купил билет на самолет и забронировал номер в гостинице, поэтому я все равно уже собирался на Барбадос, но моя пластинка, которую я уже назвал *Animal Rights*, была довольно далека от завершения. А еще я каждый вечер пил и постоянно страдал от приступов паники.

> Я сидел в кинотеатре и смотрел с друзьями «Хэппи Гилмора», и тут меня охватила паника.

Впервые панические атаки начались у меня в 1984 году, когда я учился на философском факультете в Коннектикутском университете. Они были ужасными, из-за них я бросил учебу и поехал домой. В девятнадцать лет я оказался безработным недоучкой, который спал на диване в маминой гостиной и постоянно боролся с паникой. Я пил, но паника не отпускала. Я принимал валиум, а она все равно никуда не девалась. Я ездил на мопеде по Дариену и слушал кассеты Echo & The Bunnymen, а она по-прежнему была со мной. Со временем я сумел справиться с паническими атаками – когда начал вести стабильную, пусть и унылую жизнь. И, не считая мелких вспышек, я прожил почти десять лет без приступов паники.

Но в последние несколько месяцев они вернулись. Я сидел в кинотеатре и смотрел с друзьями «Хэппи Гилмора», и тут меня охватила паника. Я надеялся, что это окажется просто небольшим приступом, но, когда я работал над *Animal Rights* и понял, что никому из тех, с кем я работаю, альбом не нравится, и я не знаю, как его заканчивать, паника стала преследовать меня почти постоянно. Теперь я надеялся, что несколько дней в тропическом

раю помогут мне забыть о моем нелюбимом, незаконченном альбоме и развеять это состояние.

В барбадосском аэропорту я сел в такси, чтобы доехать до гостиницы. Я открыл окно; воздух был теплым и пах насекомыми.

– Вы серфер? – спросил меня водитель.

– Нет, – ответил я, сделав очень глубокий вдох.

– Извините, сэр, но почему вы тогда живете в этом отеле?

– Вы о чем?

– Это серферский пляж. Там живут только серферы. Кроме серфинга, здесь больше нечем заниматься.

Отель бронировал мой друг Эшли, а он и все его окружение были серферами. Я знал Эшли с середины восьмидесятых – тогда мы вместе изучали Библию. Он вырос в загорелого блондина на Виргиния-Бич, по соседству с Джерри Фолвеллом, и стал возрожденным христианином и серфером. После колледжа он переехал в Нью-Йорк и отрекся от христианства, но по-прежнему ездил на серфинг со своими возрожденными друзьями. Они все катались на досках, и друзья Эшли пытались заставить его отказаться от новообретенного атеизма.

В фойе гостиницы я встретил Эшли, одетого в серферские шорты и пляжные тапочки; он пил пиво «Корона».

– Моби! – прогрохотал он. – Добро пожаловать на Барбадос!

– Эшли, водитель сказал, что это серферский пляж? – спросил я.

– Ага! Он очень крутой!

– А что тут делать, если ты не занимаешься серфингом?

– Ну, не знаю… тусоваться? – спросил он, удивленный, как вообще можно не быть серфером. – Тут очень круто.

Я с беспокойством огляделся.

– Не бойся, Моби. Это Барбадос. Тут так красиво, расслабься!

Я прошел через фойе и взял свой ключ. Когда я открыл дверь в номер, там уже кто-то был; он сидел в кресле у открытого окна и пил «Ред Страйп».

> Паника – она как внезапный пожар. Начинается с малейшей иррациональной искры, а потом пожирает все, что найдет вокруг.

– М-м-м, чем могу помочь? – спросил я.

– Эй, я Кит! – сказал он с южноафриканским акцентом. Он был одет в купальный костюм «Спидо» и рубашку «Биллабонг».

– Чем могу помочь? – снова спросил я.

– У меня все в порядке. Ты друг Эшли?

– Ага. А что ты тут делаешь?

– На Барбадосе? Занимаюсь серфингом, приятель.

– Нет, здесь, в этой комнате.

– А, это наша комната.

– Наша комната? – озадаченно переспросил я.

– Да, мы решили сэкономить и снять многоместные номера. Я положил багаж и прошел обратно к столу администратора.

– М-м-м, я думал, у меня одноместный номер?

– Нет, у вас забронирован номер вместе с мистером Китом Уолтоном, – ответил портье.

– У вас есть одноместные номера?

– Давайте проверим. – Он посмотрел вниз и стал щелкать клавишами компьютера. – Нет, сэр, ни одного одноместного номера. Простите.

Мои руки вспотели, дыхание участилось, а глаза стали отчаянно рыскать по фойе в поисках ближайшего пути к побегу. Это был мой отпуск, и мне досталась сдвоенная кровать в маленькой комнате с незнакомым мне серфером-южноафриканцем, одетым в «Спидо». Возможно, это было бы нормально, если бы я не страдал от приступов паники. Паника – она как внезапный пожар. Начинается с малейшей иррациональной искры, а потом пожирает все, что найдет вокруг. Жить в одном номере с незнакомцем – это, конечно, неприятно, но с рациональной точки зрения уж точно не трагедия. Но паника не смотрит на вещи рационально. Она выбрасывает линзу рассудительности и заменяет ее увеличительным стеклом искаженного атавистического ужаса.

Я пошел обратно в номер. Там было темно, так что я включил свет.

– О, можешь выключить, а? – весело спросил Кит. – Мы идем на серфинг в пять утра, и я уже ложусь.

Я выключил свет. Было девять пятнадцать вечера.

Я вышел на улицу и попытался успокоить себя: «Так, ладно, сейчас ты не можешь вернуться в свою комнату, если, конечно, не хочешь слышать храп Кита в темноте. Но завтра будет солнечно и красиво. Ты же на Барбадосе». Я вернулся обратно в комнату, тихо почистил зубы, чтобы не разбудить Кита, улегся в свою кровать, пахнувшую плесенью, и попытался уснуть, борясь с паникой.

С утра я ждал восхода солнца, но его не было – небо просто стало чуть менее серым. Я встал и выглянул на улицу. Шел дождь, океан был плоским и монохромным. Вдалеке я видел серферов, болтавшихся на море без волн.

– О, хорошо. А ты возрожденный?

– Возрожденный? – переспросил я.

Я спустился в ресторан и начал рыться в буфете, ища среди прошутто и крабового мяса хоть что-нибудь веганское.

– Ты Моби? – спросила меня какая-то женщина. – Я Джанин, жена Марка, друга Эшли.

У нее были светлые волосы до плеч, одета она была в белую юбку «Лора Эшли» и сине-зеленую футболку.

– Рад знакомству, – сказал я.

– Ты не занимаешься серфингом? – спросила она.

– Нет, я не умею.

– А какие у тебя планы на сегодня?

– Не знаю. Думал сходить на пляж.

Она засмеялась.

– На этот пляж? Тут одни камни. Он пригоден только для серфинга – тут даже плавать нельзя.

– Нельзя плавать на пляже?

– Да, тут одни камни и кораллы. Песка нет. Но мы с подругами повезем детей на другую сторону острова, на детский пляж. Если хочешь, поезжай с нами.

Я задумался.

– Ладно, хорошо.

Я нашел в буфете немного фруктов и апельсиновый сок, надел купальный костюм, хотя на улице было градусов восемнадцать и шел дождь, и встретился с женами и детьми своих знакомых у входа в гостиницу. Они взяли напрокат микроавтобус и загружали в него полотенца и игрушки.

Когда мы вошли в микроавтобус, все женщины и дети склонили головы и произнесли молитву:

– Боже, пожалуйста, защити нас в нашем путешествии. Не покинь нас и наши семьи, слава имени твоему, аминь.

Женщина с короткими русыми волосами на заднем сиденье микроавтобуса наклонилась ко мне и сказала:

– Привет, я Энни. Ты христианин, Моби?

– М-м-м, да, я христианин, – сказал я, умолчав о том, что по пьяни сплю со стриптизершами и садомазохистками и ставлю под сомнение легитимность системы верований, которая самонадеянно хвасталась, что может дать всеобъемлющее описание создателя всей Вселенной.

– О, хорошо. А ты возрожденный?

– Возрожденный? – переспросил я.

– Ты принял Христа как своего Господа и Спасителя? Ты возродился?

Я посмотрел в мокрое от дождя окно микроавтобуса. Мы ехали по грязным тростниковым полям. Небо было еще темнее, чем с утра, а дети пели христианские песни. Я был в аду.

– Да, – сказал я, чтобы не продолжать разговор. – Я возродился.

– О, хорошо!

Я проведу свой отпуск в микроавтобусе, полном возрожденных христиан? Мне хотелось плакать. Мы ехали по бесконечным тростниковым полям, изредка замечая полуголых мужчин с мачете.

– Сколько нам еще ехать? – спросил я минут через сорок пять.

– Карта говорит, что мы должны уже быть на месте, – ответила сидевшая за рулем Джанин.

Дети перестали петь и начали драться в дальнем конце микроавтобуса.

– Иисусу разве нравится, когда вы деретесь? – спросила у них Энни, и дети тут же замолчали, словно аниматронные куклы, изображающие южных баптистов.

Я взял карту и попытался разобраться, где же мы. Справа от нас были тростниковые поля. Слева – тростниковые поля. Впереди было поле тростника. Мы заблудились.

– Может, повернуть налево? – спросила Энни с заднего сиденья.

– Замолчи, Энни, – сказала Джанин. Энни ахнула.

– Я просто пытаюсь помочь!

Проехав еще с полчаса, мы остановились у магазина.

– Мы спасены! – сказал я.

– Благодаря Иисусу, – добавила Энни.

Мы зашли внутрь. Металлические полки были заполнены чистящим средством для посуды, пальмовым маслом и какими-то коричневыми штуками, похожими на кокосы. Я взял один из кокосов, которые явно не были кокосами, и спросил себя, можно ли это есть. Эта штука явно веганская, но, скорее всего, вскрыть ее можно только с помощью ленточной пилы или лазера из фильмов о Джеймсе Бонде.

Мы подошли к прилавку и попросили помощи. О детском пляже мы уже забыли, нам хотелось хотя бы просто вернуться в гостиницу. Продавец посмотрел на нашу карту.

– Как вы вообще сюда попали? – спросил он. – Ваш отель далеко отсюда.

Энни заплакала.

– Не беспокойтесь. Я помогу вам добраться. Все просто: езжайте вот по этим дорогам.

Он нарисовал линии прямо на нашей карте, обозначив маршрут. Мы поехали в указанном направлении и через сорок пять минут вернулись в гостиницу. Все еще шел дождь. Паника охватывала мои синапсы подобно вязкой патоке.

В моей комнате Кит бросил перемазанный песком купальный костюм рядом с моей кроватью и мылся в душе, даже не закрыв дверь.

– Это ты, Моби? – крикнул он.

– Ага! Пойду погуляю, – сказал я. Я ненавидел его, нашу ужасную комнату и весь Барбадос в целом.

Я пошел вдоль берега и думал о том, что оказался в дождливом тропическом аду с возрожденными христианами-серферами. Я жил в одной комнате с незнакомцем и мог есть только фрукты и странные коричневые штуки, которые похожи на кокосы, но явно ими не являются. Я полчаса шел по каменистому берегу и оказался возле маленького ресторана с телефоном-автоматом. Мне пришла в голову идея: я могу уехать. Уехать от кокосов, которые не кокосы, каменистого пляжа, который не пляж, возрожденных христиан и их микроавтобуса. Я могу позвонить своим менеджерам и попросить их купить мне билеты домой. Я снял трубку. Послышался гудок. Я достал свою телефонную карту AT&T и набрал цифры, необходимые для звонка с Барбадоса в Нью-Йорк.

– Алло? – сказала секретарша компании, занимавшейся моим менеджментом.

– Паула? Это Моби. Мне нужно срочно поговорить с Марси.

– Хорошо, Моби, вот она.

Марси взяла трубку.

– Моби? Я думала, ты в отпуске.

– Да, я в отпуске. И я тут все ненавижу. Мне срочно надо уехать. Можешь купить мне билет домой? Мне все равно, сколько он будет стоить.

– Ты уверен? Я думала, это твой отпуск.

– Марси, я уверен. Пожалуйста, просто купи мне билет. Я подожду, пока ты позвонишь в турагентство.

– Ладно, минуту.

Она перевела меня в режим ожидания, и я остался стоять под мелким дождиком. Через несколько минут она ответила.

– Есть рейс на семь вечера, – сказала она. – Но у них в наличии только билеты в первый класс. Они стоят по полторы тысячи.

Не считая бесплатного повышения до бизнес-класса на рейсе в Сан-Франциско несколько лет назад, я никогда не летал ни первым, ни бизнес-классом: из-за маленьких габаритов я легко умещался на сиденьях эконом-класса. А еще я только что купил домик в Гаррисоне, штат Нью-Йорк, за 75 000 долларов и лофт на Мотт-Стрит за 120 000 долларов. У меня, конечно, в банке еще оставалось несколько тысяч, но этого было недостаточно, чтобы

просто взять и потратить 1500 долларов на билет с Барбадоса в Нью-Йорк. При этом паника буквально сводила меня с ума, вызывая непреодолимое желание бежать как можно дальше, и даже 1500 долларов казались совсем незначительной суммой, чтобы покинуть это отвратительное дождливое место.

– Хорошо, возьми билет, пожалуйста. Пожалуйста.

> Я полечу в Нью-Йорк и придумаю, как закончить альбом. Я буду бухать в барах, трахаться со стриптизершами и больше никогда не поеду в отпуск.

Она снова перевела меня в режим ожидания, и я отчаянно ждал.

– Ладно, я взяла билет. Ты должен быть в аэропорту в четыре часа. American Airlines.

Я люблю тебя, Марси. Ты спасла меня. Спасибо, спасибо, спасибо! – сказал я. Повесив трубку, я побежал вдоль берега обратно в гостиницу. Я был свободен. Моя паника отступила, и мир внезапно показался мне чистым, ясным и полным возможностей. Я полечу в Нью-Йорк и придумаю, как закончить альбом. Я буду бухать в барах, трахаться со стриптизершами и больше никогда не поеду в отпуск.

Вернувшись в гостиничный номер, я посмотрел на часы: два тридцать. Я не разбирал вещи, так что бросил зубную щетку и пасту обратно в рюкзак и побежал в фойе. В коридоре я встретил Кита, возвращавшегося в наш номер.

– Кит, комната твоя, я уезжаю в Нью-Йорк, – сказал я ему на бегу.

– Стоп, что?

– Комната твоя! – крикнул я и свернул за угол. Я сел в такси и приехал в аэропорт ровно в четыре. Меня охватила радость. Я еду в Нью-Йорк. Да, я там отсутствовал меньше суток. Но я возвращаюсь домой. Моя двадцатичасовая пытка заканчивается. Забрав свой билет, я поцеловал его.

– Рады, что возвращаетесь домой? – спросил кассир.

– О да.

Взлетев, самолет поднялся над тучами, и я увидел, как на горизонте под высокими розовыми облаками заходит солнце. Мы приземлились в аэропорту имени Кеннеди, и я сел в такси до Мотт-стрит, бросил вещи в студии и опять выбежал на улицу. Стояла зима, на улице было очень холодно, но после Барбадоса холод Нью-Йорка казался объятиями Господа. Я пробежал через Сохо и зашел в «Воид», дегенеративный маленький барчик из двух комнат на углу Говард-стрит и Грин-стрит. Диджей играл I Wanna Be Your Dog, а на банкетке сидел мой друг Фэнси и пил

коктейль «буравчик».

> Я еду в Нью-Йорк. Да, я там отсутствовал меньше суток. Но я возвращаюсь домой. Моя двадцатичасовая пытка заканчивается.

Фэнси был рыжим музыкантом из Бостона, которого раньше звали Кит. Несколько лет назад он переехал в Нью-Йорк, покрасил волосы в черный и отрастил усы а-ля Джон Уотерс. Он назвал себя Фэнси в честь мыши, которую держал его сосед по комнате. Я обнял Фэнси и долго не хотел его отпускать.

– Моби? Ты вернулся?

– Больше никогда не уеду из Нью-Йорка, – сказал я.

– Ха, кому нужен отпуск, когда есть прекрасная леди Выпивка? – спросил он.

Я сел и заказал водки с содовой. Фэнси показал фокус с четвертаком, выпадающим из пивной бутылки, а я поцеловал свою подругу Джен, когда диджей поставил Immigrant Song.

– Больше никогда не уеду из Нью-Йорка, – снова сказал я Фэнси.

– Конечно, конечно, – ответил он, допивая «буравчик».

Глава сорок четвертая
Звукоизоляционный поролон

– Ладно, я поняла, – сказала Нэнси Джеффрис, сотрудница отдела репертуара с моего лейбла. Она сидела на ящике из-под молока в моей самодельной студии и крепко сжимала в руках органайзер.

Я выключил черновое сведение Come On Baby, которое играл для нее.

– Поставить следующую песню? – робко спросил я.

– Нет, я все поняла, – ответила она, встала и вышла из комнаты, не попрощавшись ни со мной, ни с Аланом Моулдером, звукоинженером, который помогал мне закончить альбом. В моей студии внезапно стало очень тихо.

– Думаешь, ей понравилось? – спросил я у Алана.

– А ты что, не понял? – ответил он. – Она просто в восторге.

– О, хорошо, я тоже так подумал. Я, конечно, не был уверен. Но когда она вышла, не попрощавшись, – вот тогда я понял, что она просто в восторге от музыки, над которой я работаю.

– Я совершенно уверен, что она твоя самая большая поклонница, – сказал Алан, сидевший на другом ящике из-под молока.

> Чем больше мои менеджеры уговаривали меня записать альбом электронной музыки, тем более раздражительным и непреклонным становился я. Я твердо вознамерился записать шумный рок-альбом, даже несмотря на то, что никому, кроме меня, не нравилась музыка.

Я начал работать над *Animal Rights* за шесть месяцев до этого. Летом 1995 года я был на фестивале в Дании, играя на танцевальной сцене вместе с Saint Etienne, Young American Primitive, Black Dog и Orbital. Аудитория в танцевальном шатре была очень вежливой, но никто из датчан не танцевал. Другие исполнители сочиняли прекрасную музыку, но были очень скромными и неподвижно стояли за синтезаторами. Я вышел из рейверского шатра и прошел по грязному полю к главной сцене, где играли Biohazard. Группа была энергичной, аудитория просто с ума сходила, зрители постоянно забирались на сцену и прыгали с нее. Все было очень хаотично и волнующе, и я почувствовал себя в большей степени на рейве, чем в рейверском шатре.

Вернувшись домой после гастролей, я взял гитару Ibanez, на

которой играл в Vatican Commandos в старших классах, и написал двадцать панк-роковых песен. Они звучали рыхло, сыро и настойчиво. Я тут же в них влюбился и поставил своим менеджерам – Барри, Эрику и Марси.

– Но ты же музыкант-электронщик, – недоуменно сказал Барри.

– Почему ты хочешь записать рок-альбом? – встревоженно спросил Эрик.

– Не знаю. Мне просто кажется, что это будет правильно.

Они ничего не ответили, но явно думали о Prodigy, Chemical Brothers, Fatboy Slim и других моих ровесниках-электронщиках, которые продавали миллионы альбомов и были хедлайнерами на фестивалях. Они видели, как мой успех испаряется прямо у них на глазах. Я представил себе их внутренний монолог: *«Мы работаем с техно-музыкантом в то время, когда техно постепенно становится мейнстримом. Но вместо того, чтобы записать танцевальный альбом, который разошелся бы миллионными тиражами, он хочет сделать мрачную, ужасно звучащую панк-роковую пластинку. За что он с нами так?»* Чем больше мои менеджеры уговаривали меня записать альбом электронной музыки, тем более раздражительным и непреклонным становился я. Я твердо вознамерился записать шумный рок-альбом, даже несмотря на то, что никому, кроме меня, не нравилась музыка.

Я забронировал студийное время со Скоттом Литтом, который работал с R.E.M. и Nirvana, позвонил Эрлу из Bad Brains и спросил, не хочет ли он сыграть на барабанах на рок-альбоме. Мы около недели записывались и делали черновое сведение, но я с этого получил только грипп и сильнейшие приступы паники.

Эрл улетел в Германию в гости к подруге, а Скотт ушел работать с более успешными музыкантами. Я вернулся в свой лофт на Мотт-Стрит, чтобы схватиться за голову и запаниковать. Я вообще не представлял, как завершу альбом. Съездив на двадцать один час на Барбадос, я позвонил Дэниэлу Миллеру, главе Mute Records, в надежде, что он даст мне хороший совет. Он сказал:

– Алан Моулдер – отличный звукоинженер, и он сейчас доступен. Может быть, он поможет тебе с альбомом?

Алан Моулдер работал с U2, Depeche Mode и Пи Джей Харви. Он был добрым, успешным, а еще он был готов со мной работать. Он приехал в мою студию в апреле девяносто шестого, одетый в фланелевую куртку; больше всего он напоминал давно пропавшего брата Ника Дрейка.

Увидев мою студию, Алан немного опешил: я переехал в еще

более маленькую каморку в здании на Мотт-стрит, пока делал ремонт в купленном лофте на пятом этаже. Мой старый микшерный пульт стоял на стопке коричневых ящиков из-под молока, которые я стащил из мусорного контейнера. Рядом с пультом, на других ящиках из-под молока, стояли ADAT-магнитофоны и несколько процессоров эффектов. Еще в студии было кресло, гитара, колонки и синтезатор Roland Jupiter-6, и на этом все.

Алан провел годы в самых топовых студиях с личными поварами и массажистами на полную ставку. А сейчас он оказался в маленьком лофте с флуоресцентными лампами и дешевым оборудованием, стоящим на ящиках из-под молока. Оглядев комнату, он сказал:

– Ух ты, вот это панк-рок.

– Ты знаешь, как записывать гитары? – спросил я.

– М-м-м, да. А ты?

– Ну, я на самом деле никогда раньше не записывал гитары, – признался я. – Я просто подключаю гитару в пульт и выкручиваю гейн, пока звук не начинает перегружаться.

Он кивнул.

– Так, знаешь, есть и другие способы записи гитар, – тактично сказал он. – Хотя у тебя, конечно, новаторский подход.

> Но я был взрослым человеком и не очень представлял, как Алан отреагирует, увидев лысеющего вегана, рыдающего в магазине здоровой еды.

На следующий день мы поехали на метро в «Мэннис-Мьюзик» на Сорок восьмой улице и купили маленький гитарный усилитель Mesa Boogie. Потом отправились в хозяйственный магазин на углу Брум-стрит и Томпсон-стрит и купили фанеру, транспортные одеяла и звукоизоляционный поролон. Вернувшись в мою студию, мы взяли молоток и дрель и собрали фанерный ящик для моего усилителя, чтобы изолировать звук и записать его более профессионально. Доделав ящик, мы выстелили его одеялами и поролоном и поставили усилитель в его новый дом. Установив микрофон возле колонки, мы включили усилитель.

– Ух ты, звучит как настоящая гитара, – изумленно сказал я.

Алан засмеялся.

– Да, в этом и смысл. А что насчет барабанов?

Я записал все демки на дешевой драм-машине Yamaha, но решил, что раз уж создаю реальную рок-пластинку, надо работать с живым барабанщиком. Мы забронировали время в профессиональной студии на Таймс-сквер и попросили моего друга Алексиса из группы Girls Against Boys прийти и сыграть на

барабанах. Он сделал это под мой кавер на песню That's When I Reach for My Revolver группы Mission of Burma, и прозвучало все здорово.

Когда Алексис ушел, Алан попробовал сделать черновое сведение. Звучало очень хорошо, но с живыми барабанами – как-то очень обычно. Я хотел записать рок-альбом, который звучит энергично и отчаянно, но при этом напоминает странный апокалипсис. С барабанами Алексиса все звучало как хорошо сделанная профессиональная рок-запись. Затем мы пообедали в магазине здоровой еды на углу Бродвея и Спринг-стрит. Мы с нашим хумусом и морковным соком сели за пластиковым столом для пикников в дальней части магазина.

– Алексис очень круто сыграл, – сказал я. – Но, пожалуй, лучше будет использовать драм-машину.

– Полностью согласен, – ответил Алан. – Альбом должен звучать как-то «не так», а живые барабаны звучат слишком «так».

За все то время, что я работал над *Animal Rights*, со мной впервые кто-то согласился. Я хотел обнять Алана и расплакаться. Но я был взрослым человеком и не очень представлял, как Алан отреагирует, увидев лысеющего вегана, рыдающего в магазине здоровой еды.

– Запишем сегодня вокал? – спросил он.

– Ладно, – ответил я.

В Нью-Йорке стояла очень теплая весна, а в моей студии не было кондиционеров. На улице было градусов двадцать семь, а когда я включал все оборудование, то в невентилируемой комнате температура достигала и тридцати двух. Мы открыли единственное окно в дальней части студии, надели наушники, подключили микрофон прямо к микшеру, и я прокричал в него вокальные партии к Someone to Love.

Когда я закончил запись, потный и охрипший, старая итальянка из дома напротив высунулась из окна и закричала:

– Эй, заткнитесь!

Алан засмеялся.

– Может быть, перед следующим дублем закрыть окно?

Мы работали по восемнадцать часов в день, записывая гитары, бас и вокал, и через пять дней песни были почти готовы. У нас были черновые миксы, которые звучали «не так», антиутопично, и я их обожал. А потом Нэнси Джеффрис, сотрудница отдела репертуара в Elektra, работавшая со мной, заявилась ко мне в студию, села на ящик из-под молока и решила послушать, что мы делаем. Но быстро ушла.

– Нам нужно что-нибудь перезаписать? – спросил я у Алана после того, как мы поняли, что произошло.

Алан поменял положение своего долговязого тела на ящике и задумался.

– Нет, – решил он. – Это трудный альбом, Моби, и его ждет тяжелая жизнь после релиза. Но я считаю, что он мрачный и особенный.

Именно это я и хотел услышать. Нам не нужно записывать более чистые гитары, общепринятые барабаны или приятный на слух вокал. Альбом был именно тем, чем должен был: несовершенной, отчаянной панк-роковой записью.

В дверь постучали; это был Дамьен.

– Вы, ребята, грустные какие-то на вид, – сказал он.

– Тут только что была Нэнси Джеффрис, – сказал я.

– А, твоя начальница из отдела репертуара? И как ей?

Мы не ответили.

– Ей понравилось? – спросил он.

– Ей настолько понравилось, что она даже не смогла остаться и дослушать, – сказал Алан.

Никто из тех, чье мнение я ценил и кому доверял, не считал выпуск рок-альбома хорошей идеей. Мои менеджеры скрежетали зубами и вздрагивали каждый раз, когда я ставил им эти песни. Мои друзья слушали демо-записи с терпением и снисходительностью. Моей начальнице с лейбла они не понравились настолько, что она сбежала со студии. А Дэниэл Миллер отзывался о проекте вежливо, но он работал и с музыкантами жанра «сатанинский нойз», так что привык к тому, что некоторые из его артистов выпускают музыку, слушать которую невозможно.

Впрочем, по какой-то причине я считал, что запись рок-пластинки будет правильным решением. Не с объективной или коммерческой точки зрения, а чисто субъективно. А еще был шанс, что все вокруг меня неправы. Может быть, я завершу *Animal Rights*, и его ждет огромный критический и коммерческий успех.

– Пожалуй, надо выпить пива, – сказал я Алану.

– Пожалуй, ты прав, – ответил он.

Глава сорок пятая
«Читос» на полу казино

– Я угнала машину Шерил, – сказала Ванесса.

– То есть ты позаимствовала ее машину, не сообщив ей об этом? – спросил я.

– Ну да, угнала ее машину, – повторила Ванесса, словно объясняя тупому ребенку. – Куда поедем?

– Атлантик-Сити? – предложил я.

Месяц назад я познакомился с Ванессой в клубе «Бэби Долл» в Трибеке, где она работала стриптизершей. Мы с Дамьеном шли мимо «Бэби Долл» влажным вечером среды и поняли, что никогда не бывали в стриптиз-клубе.

– Зайдем? – спросил я у Дамьена.

– Не знаю, а нам можно?

Скучавший охранник, сидевший на барном стуле у двери, проверил наши паспорта, и мы попали внутрь. «Бэби Долл» оказался маленьким, обшарпанным стриптиз-клубом с баром слева и двумя маленькими сценами справа. Когда мы зашли, диджей играл песню Алекса Чилтона, а на сценах танцевали две блондинки с обнаженными грудями. Мы сели у бара и заказали пива, пытаясь выглядеть непринужденно и притворяясь, что не в первый раз пришли в стриптиз-клуб.

> Женщины ушли со сцены, надели тонкие футболки и сели в нескольких футах от нас. Мы с Дамьеном набрались смелости и купили им выпить. Вскоре мы признались им, что никогда не бывали в таких местах.

Женщины ушли со сцены, надели тонкие футболки и сели в нескольких футах от нас. Мы с Дамьеном набрались смелости и купили им выпить. Вскоре мы признались им, что никогда не бывали в таких местах. Они решили, что мы более милые ребята, чем метадоновые торчки и бомжи, которые обычно торчат в «Бэби Долл», и согласились с нами встречаться.

Ванесса переехала в Нью-Йорк из Индианы в девяносто первом, чтобы поступить в школу мод. В результате она поселилась в комнате без окон на Боуэри-стрит и стала баловаться наркотой. У нее были густые, осветленные волосы. Когда она не работала, то старалась одеваться консервативно и прикрывать татуировки.

– Ты раньше бывала в Атлантик-Сити? – спросил я.

– Работала там несколько лет назад. Та еще дыра. Поехали.

– Что ты хочешь там делать? – спросил я, когда она поехала на запад по Канал-стрит в сторону Голландского туннеля и Нью-Джерси.

– Снять комнату в гостинице, потрахаться, напиться, сходить в стрип-клуб, еще раз потрахаться, – сказала она.

– Отлично, – согласился я, крутя ручку настройки радио. Мы стояли в пробке на I-95 и Гарден-Стейт-Парквее и в конце концов свернули в Вестфилде, штат Нью-Джерси, где жила моя бабушка по отцу.

Когда я учился в младшей и средней школе, одним из самых ярких событий года была ежегодная поездка в Нью-Джерси, где я проводил несколько дней в доме престарелых у бабушки. Мы с мамой ехали в Нью-Джерси в «Шеви-Веге», которую ей купил мой дедушка, подпевали песням Eagles, Донны Саммер и Bee Gees, а мама, открыв окна, курила сигареты «Уинстон».

> Большинству жителей дома престарелых возраст не позволял плавать, поэтому несколько часов в день я плавал в бассейне один.
>
> Бабушка умерла, когда мне было двадцать два.

Кирпичный кондоминиум для престарелых, где жила моя бабушка, построили в шестидесятых, и там был кондиционер; кроме того, для всех жителей был открыт бассейн. Я любил бабушку, но готов был ездить в Нью-Джерси чисто для того, чтобы поспать с кондиционером и поплавать в бассейне, потому что дома у нас не было ни того, ни другого. Мой отец был единственным ребенком в семье, а я – единственным внуком. Бабушка любила меня и баловала, когда мы приезжали к ней, – покупала всю ту еду, на которую у нас с мамой не хватало денег дома. Днем я плавал в бассейне с самого открытия в восемь утра и до закрытия в шесть, прерываясь только для того, чтобы попить «Кока-колы» и поесть фруктового льда и вкусного печенья, которое покупала бабушка. Большинству жителей дома престарелых возраст не позволял плавать, поэтому несколько часов в день я плавал в бассейне один.

Бабушка умерла, когда мне было двадцать два. На небольшое наследство, которое она мне оставила, я купил сэмплеры и синтезаторы, с помощью которых сделал свои первые записи. А еще она была последовательницей христианской науки, никогда не пила и не принимала наркотиков.

– У меня все еще похмелье, – сказала Ванесса, растягивая слова, как в континентальной части Флориды. По радио заиграла Enter Sandman, и мы проехали мимо поворота к бабушкиному дому, распевая Metallica.

Мы доехали до экспресс-шоссе Атлантик-Сити, и я стал читать рекламные щиты, прикидывая, сможем ли мы сходить на чей-нибудь концерт.

– Кристал Гейл! – воскликнул я. – С Эдди Рэббиттом!

– Шестнадцатое сентября, – кивнула Ванесса.

– А сегодня у нас что? – спросил я.

– Какое-то августа. По-моему.

– Лайонел Ричи! REO Speedwagon! – закричал я.

– Нил Даймонд! – вскричали мы вместе.

– Обожаю Нила Даймонда, – сказал я. – Когда он играет?

– Двадцатого сентября, – ответила она.

– Вот жопа.

В конце концов рекламные щиты Атлантик-Сити перешли в сам Атлантик-Сити.

– Да, ты права, – сказал я, когда мы проехали мимо магазина старьевщика рядом с заброшенной парковкой, – дыра порядочная.

– Где нам остановиться? – спросила Ванесса.

– Мне все равно.

– Вот «Дэйс-Инн». Может, там?

Мы припарковались, заперли угнанную машину и прошли в фойе.

– У вас есть что-нибудь? – спросил я женщину на ресепшне.

– Ага. Вам нужна комната?

– Да, пожалуйста, – сказал я.

– Он такой вежливый, – улыбнулась Ванесса. – Он христианин.

Женщина-администратор безразлично покачала головой и протянула нам ключ от номера.

– Лифт дальше по коридору, – сказала она. – Удачной вам ночи.

> – От этой простыни мы точно подхватили гепатит, – сказала Ванесса, когда мы закончили.
>
> – И что нам теперь делать? – спросил я. – Сейчас только полночь.
>
> – Пойдем в казино и напьемся.

Фойе было бежевым, там стояли несколько диванов с клетчатыми шотландскими покрывалами. Рядом с лифтом была стойка с рекламой местных казино и комиссионных магазинов.

– Жалко, тут нет борьбы с аллигаторами, – сказала Ванесса.

– Мы не во Флориде, – напомнил я ей.

Мы нашли лифт и поднялись на четвертый этаж.

– Это похоже на гастроли? – спросила Ванесса, пока мы шли по багровому ковру в коридоре.

– За вычетом тур-менеджера и более приятных гостиниц – ага, – сказал я.

В номере мы включили кондиционер, разделись и занялись сексом на жесткой зеленой простыне.

– От этой простыни мы точно подхватили гепатит, – сказала Ванесса, когда мы закончили.

– И что нам теперь делать? – спросил я. – Сейчас только полночь.

– Пойдем в казино и напьемся.

Мы вышли из «Дэйс-Инн» и пошли мимо пустых парковок, где сквозь трещины в асфальте пробивалась трава, мимо стриптиз-клубов, из открытых дверей которых гремели хип-хоп и кантри, мимо новых отелей Трампа, мимо запертых комиссионок, и в конце концов оказались в «Отеле и казино Мерва Гриффина».

Бар был серебряно-голубым и совершенно пустым. Престарелый бармен сидел возле кассы и читал *New York Post*. Он сделал «Столичную» с содовой и долькой лимона для меня и мартини с двумя оливками для Ванессы.

Мы сели за столик и за минуту покончили с нашими напитками.

– Схожу еще принесу, – сказала Ванесса. Вернувшись, она поставила на стол четыре бокала. – Я принесла нам по две порции, чтобы не пришлось лишний раз стоять в очереди, – сказала она, показывая на пустую серебряно-голубую комнату. Я выпил вторую водку с содовой, потом третью и огляделся. Это был мой эксперимент – по крайней мере, я так решил. Я, бывший лектор по изучению Библии, напиваюсь с подружкой-стриптизершей в казино в час ночи в воскресенье. Я убеждал себя, что я пьяный антрополог, а не испуганный алкоголик с расстройством привязанности.

– Мне надо пописать, – сказал я.

– Возвращайся, – ответила Ванеса.

Я прошел по пустому залу и остановился у бокового входа в казино. Там были двое мальчишек, лет четырех и шести; они собирали рассыпанные на полу «Читос» и ели их. Рядом с ними сидел толстяк-отец в футболке «Даллас Ковбойз», джинсовых шортах и сандалиях. Он улыбнулся и подмигнул мне, словно говоря: «Ребята, я прав?»

Я подумал: *«Бог пришел и забрал Своих избранных уже давным-давно, а мы – те, кто остались. Прежде чем отправиться в рай со Своими немногими избранными, Бог посмотрел на Землю и оставшиеся на ней миллионы и подумал: “Ну, я, конечно, могу их всех поразить, но что, если я вместо этого оставлю их в покое и посмотрю, что получится?” А теперь избранные живут в раю и*

играют в облачный крокет, а мы, оставшиеся, смотрим на детей, которые едят “Читос” с пола казино после полуночи в ночь перед учебным днем».

Я прошел к туалету. Стоя у унитаза, я рассматривал свое кривое отражение в полированных хромированных трубках. Когда я вернулся к столу, Ванесса спросила:

– Куда ты ходил?

– Остановился, чтобы посмотреть на апокалипсис, – сказал я. Я рассказал ей об огромном мужике и его маленьких детях и о том, что они – предвестники конца света. Может быть, они как раз в арьергарде апокалиптического парада, сразу за бледным конем и бледным всадником? Последний конь апокалипсиса был ярко-оранжевым, словно гигантский «Читос», а ехал на нем пухлый мужик в футболке «Даллас Ковбойз».

– Давай возьмем еще по одной, – сказала Ванесса.

Я улыбнулся ей.

– Мне тут нравится, – сказал я. – Давай переедем в гостиницу Мерва Гриффина. Сможем посмотреть на апокалипсис, напиться и сходить на Нила Даймонда.

– Сначала мне надо вернуть Шерил машину, – сказала она.

– Давай вообще не будем трезветь, – сказал я и поцеловал ее руку. В зале заиграла песня Джона Денвера.

Глава сорок шестая
Оранжевая куртка

Альбом *Animal Rights* провалился еще до выхода.

До релиза он получил целую кучу невероятно плохих отзывов, а мой американский лейбл, Elektra, перестал отвечать на звонки моих менеджеров. Тем не менее мы назначили вечеринку в честь выхода альбома на неделю, когда был запланирован релиз. Прежде чем выйти из лофта, я поставил альбом Sepultura *Roots*, достал ножницы и попытался сделать себе ирокез. Примерно на половине работы я сдался, поняв, что моих давно редеющих волос стало еще меньше. Я сбрил последние остатки волос, цеплявшихся за мою голову, и пошел в «Дон Хиллс», бар, который мы сняли для вечеринки. Холодный дождь падал на мою новоиспеченную лысину.

На вечеринке я напился и отыграл небольшой живой сет, умудрившись вызвать неприязнь у музыкантов Blur, каким-то образом оказавшихся в зале, а также у горстки сотрудников Elektra, которые все же пришли. На следующее утро я проснулся с похмельем и полетел в Новый Орлеан, чтобы выступить в маленьком баре перед составителями радиопрограмм на национальной конвенции. На шоу пришел Трент Резнор, и перед нашим выступлением он заглянул в кладовую для пива, которую мы использовали в качестве гримерки, чтобы поздороваться. Он только что отыграл очередное аншлаговое стадионное турне и на несколько недель приехал домой в Новый Орлеан. Он простоял пару минут в дверях кладовки, сказал пару хороших вещей об *Animal Rights*, а потом прошел в отдельную кабинку со своим телохранителем и несколькими друзьями.

> На шоу пришел Трент Резнор, и перед нашим выступлением он заглянул в кладовую для пива, которую мы использовали в качестве гримерки, чтобы поздороваться.

Ранее в тот же день я получил сообщение на автоответчик от Эксла Роуза, который сказал, что ему очень понравился альбом *Animal Rights* и он слушает песню Alone на повторе, разъезжая по Лос-Анджелесу в три часа ночи. Он даже сказал, что ему интересно было бы со мной поработать. В общем, Тренту Резнору и Экслу Роузу понравился *Animal Rights*. Эх, вот бы они еще писали рецензии для *Spin* или *NME*.

Во время концерта составители радиопрограмм больше

обращали внимание на бесплатную выпивку и Трента Резнора; большинство из них вообще сидели спиной к сцене.

На следующий день я полетел в Лондон – Soundgarden попросили меня выступить у них на разогреве в Европе. Я попытался проигнорировать ужасный прием, который *Animal Rights* получил в Америке, и возложил надежды на гастроли с Soundgarden. Во время них ребята из Soundgarden были очень добры и всячески меня поддерживали, несмотря на то, что аудиторию не интересовал ни я, ни музыка, которую я играл.

Это был очень громкий и быстрый сет из панк-рока и хэви-метала, но в глазах большинства европейцев я оставался техно-музыкантом – даже когда не играл техно. Вечер за вечером я выступал для европейских фанатов Soundgarden, которые сидели или стояли с презрительным, скучающим видом. Они пришли, чтобы воочию увидеть последних рок-богов Сиэтла, а не лысого парня, который играл техно, а потом ему внезапно взбрело в голову записать lo-fi панк-роковую пластинку с драм-машиной.

Иногда во время моего выступления Крис Корнелл, Ким Тайил или басист Бен стояли сбоку сцены, смотрели на меня и кивали, пытаясь выразить поддержку.

> В самолете я, обхватив голову руками, пожаловался Эли:
>
> – У меня такое жуткое похмелье.
>
> – Так тебе и надо, идиотина, – сказал он с нарочитым североирландским акцентом а-ля Иан Пэйсли.

Зрители аплодировали, и на мгновение мне даже казалось, что они все-таки реагируют на то, что я делаю. Но потом я понимал, что они аплодируют настоящим рок-звездам, стоящим у входа на сцену.

Мой исходный план был очень простым: записать *Animal Rights*, съездить в отпуск на Барбадос, выпустить *Animal Rights*, порадоваться хорошим отзывам, попасть на MTV и радио, играющее современный рок, съездить на гастроли с Soundgarden и заработать благосклонность их аудитории, а потом совершить круг почета, устроив собственные гастроли и окончательно укрепив успех альбома. К сожалению, вообще ни один пункт плана не сработал, и *Animal Rights* сочли полнейшим провалом.

Гастроли с Soundgarden закончились, и начался мой сольный тур. Мои менеджеры и я решили играть в небольших европейских клубах; мы считали, что там будет полно шумного народа и панк-роковая энергия и бесчинства будут бить через край. На деле, впрочем, нам редко удавалось продать даже 20 процентов

билетов в клубы, которые и без того были не особо большими. В Париже мы выступили в легендарном панк-роковом клубе «Л'Арапао». Там играли The Damned. Там играли The Clash. А теперь там играл я. Клуб вмещал двести человек, а продали мы девяносто билетов. Под конец концерта больше половины из этих девяноста просто ушли, и в зале остались человек сорок.

Предпоследний концерт в Греции оказался светлым пятном – мы продали почти 60 процентов билетов. Чтобы отпраздновать один хороший вечер после трех неудачных месяцев, я после концерта надел свою любимую футболку Pantera, вдрызг напился и пошел шататься по Афинам с моим гитаристом Буббой. В пять часов утра мы оказались возле домика в пригороде Афин, где меня вырвало в чьем-то саду, пока я пытался убедить Буббу собрать вместе со мной новую группу.

На следующий день предстоял последний концерт тура в восточноевропейской стране, где я еще ни разу не бывал. В самолете я, обхватив голову руками, пожаловался Эли:

– У меня такое жуткое похмелье.

– Так тебе и надо, идиотина, – сказал он с нарочитым североирландским акцентом а-ля Иан Пэйсли.

Пока мы летели над Эгейским морем, мое похмелье лишь ухудшилось, а когда мы приземлились, я понял, что в довесок заработал себе еще и грипп. Мы доехали до гостиницы «Интерконтинентал», и я, в полубреду, горячий и потный, упал в кровать и тут же уснул.

Через пять минут зазвонил телефон.

– Алло? – прохрипел я.

– Мо, это Эли. Промоутер пришел в гостиницу и хочет с тобой поговорить.

– Эли, я очень болен. Мне надо поспать.

– Я знаю. Он беспокоится из-за концерта. Он сидит в фойе и настаивает, что должен с тобой поговорить.

– Ладно.

Я сел. Холодный воздух обжигал мою кожу. Я встал, дрожа от озноба, и надел футболку с Pantera и черные джинсы, в которых ходил прошлой ночью, потом посмотрел на себя в высокое зеркало в гостиничном шкафу. Я хотел чувствовать себя блистательным и слегка рассеянным, настоящей рок-звездой под конец гастролей, в этой гостинице постройки девятнадцатого века. Но вместо этого я выглядел больным, лысым и выжатым, как старое барное полотенце.

– Я умираю, – пожаловался я.

– Ну, если ты не отыграешь концерт, то точно

умрешь, – засмеялся он.

Выйдя из лифта в фойе, я увидел четырех здоровенных парней в костюмах, стоявших рядом с Эли у ресепшна. Один из них прошел ко мне и протянул руку.

– Моби, рад встрече. Я Константин, твой промоутер.

– Привет, – сказал я, пожимая ему руку.

Константин был высоким и хорошо одетым, его темные волосы были зачесаны за уши и едва касались безупречно отглаженного воротника белой рубашки. За ним безмолвно стояли еще три высоких, хорошо одетых парня с зачесанными за уши волосами. Я заметил, что у них под пиджаками торчат пистолеты. В реальной жизни я ни разу не видел, чтобы кто-то прятал пистолет под пиджаком, но из телесериалов хорошо знал, как это должно выглядеть.

– Так, садись, – Константин показал на диван. – Эли говорит, что ты заболел?

Я хотел рассказать ему обо всех своих проблемах: пластинка провалилась, гастроли – тоже, я боролся с приступами паники, а еще я попрощался с волосами. Но вместо этого просто ответил:

– Да, у меня грипп.

– Мне очень жаль. Но на сегодня у нас запланировано отличное шоу, да? – спросил он.

У меня была температура 39, если не 40. Я едва мог стоять и даже думать. Но мой промоутер был явно из восточноевропейской мафии, и даже мой воспаленный мозг понимал, что если я отменю шоу, то вряд ли уеду из страны, сохранив все пальцы на руках.

– Я очень болен, но, надеюсь, концерт отыграть смогу, – слабым голосом сказал я.

– О, хорошо. Шоу будет. Хорошо, – сказал он, похлопав себя по ноге. – А еще ты будешь делать промо для альбома? – почти покаянным тоном спросил он.

– Какое промо? – спросил я.

– Я владелец лейбла, – сказал он, – так вот, ты будешь кидать со сцены кассеты зрителям?

Я засмеялся.

– Хочешь, чтобы я кидал кассеты зрителям?

– Да, для рекламы, – совершенно без иронии ответил он. – А еще этот концерт снимает MTV.

– Ладно. – Я посмотрел на Эли, который молча стоял поодаль. – Эли, так пойдет?

– Все нормально, никаких проблем, – ответил вместо Эли Константин. Он встал, и его телохранители огляделись, проверяя

окна и темные углы фойе. – Рад знакомству, Моби, – сказал он, похлопав меня по плечу, и ушел вместе с охраной.

Мы с Эли проводили их взглядами.

– Все еще хочешь отменить концерт? – спросил Эли.

– Мне бы не хотелось тут умереть, – ответил я. – Пойду посплю.

– Жду в фойе через полтора часа, – сказал Эли, явно наслаждаясь моей беспомощностью.

– Спокойной ночи, – ответил я и вернулся в комнату, чтобы попытаться хоть час поспать.

Меня разбудил телефонный звонок.

– Алло? – опять прохрипел я.

– Пора вставать, Мо. Время кидаться кассетами в зрителей, – сказал Эли.

– Я умираю, – пожаловался я.

– Ну, если ты не отыграешь концерт, то точно умрешь, – засмеялся он.

Я надел сценическую одежду, которая мало отличалась от того, что я носил вне сцены: джинсы, футболка и теплая оранжевая куртка, которую, наверное, мог бы надеть на концерт Фли. Я снова посмотрел в высокое зеркало. Нет, я не похож на Фли. Я похож на больного человека с лысиной и в нелепой оранжевой куртке.

Эли и группа уже были в фойе.

– Как себя чувствуешь, Моби? – спросил Бубба.

– Хочу домой, – ответил я.

– Завтра, в девять утра, – сказал Эли.

Нас отвезли на микроавтобусе на концертную площадку, оказавшуюся хоккейным стадионом.

– Мы играем на льду? – спросил Бубба.

– Нет, на лед положат фанеру, – ответил Эли.

В зале было холодно, а пол покрыли мокрым деревом. Я прошел за кулисы, завернулся в свою абсурдную оранжевую куртку, лег на скамейку возле раздевалок хоккеистов и заснул.

Меня разбудил Эли.

– Мо, Константин пришел, – сказал он. Я сел и попытался выпрямиться.

– Эй, Моби! Как себя чувствуешь? – спросил Константин, входя в раздевалку.

– Еще болею, – сказал я.

– Ха, с тобой все будет хорошо. Вот кассеты для промо.

Он протянул мне коробку кассет. Я открыл ее.

– Это же кассетный сингл Feeling So Real, – сказал я.

– Да, эту песню люди знают, – ответил Константин.

Я был слишком утомлен и испуган, чтобы протестовать. То был последний вечер ужасного тура, и местный босс мафии попросил меня кидать в толпу кассетные синглы. Причем с песней, которая вышла на моем предыдущем альбоме.

– Ладно, я кидаю их на Feeling So Real, это бис, – сказал я на неожиданно ломаном английском.

– Отлично! – воскликнул он; его охранники вроде как даже улыбнулись. – О, кстати, это мой стадион, нравится?

– Хороший.

– А еще я владею здешним MTV, так что сыграй для них хороший концерт, – сказал он. – А вот моя девушка, – добавил он, показывая на невероятно высокую и явно скучавшую модель. – Она хочет стать Мисс Болгария. Она не знает твою музыку, но сегодня узнает.

Константин, будущая Мисс Болгария и его охранники ушли из раздевалки. Я лег обратно на скамейку и вырубился.

> Это что, новое лекарство от гриппа? Босс мафии, заставляющий тебя играть старые рейвовые гимны?

В девять вечера Эли опять меня разбудил.

– Готовь руку для броска, – сказал он. – Ребята хотят бесплатные кассетные синглы.

Я вышел на сцену; у меня даже глаза горели от температуры. Арена была заполнена почти наполовину, зрители выглядели возбужденными. Мы собирались играть в основном старые танцевальные песни, потому что публике явно не хотелось слышать ничего с *Animal Rights*.

На первой песне я почувствовал, как грипп немного отступает. К третьей я уже вовсю стучал в Octapad и кричал в микрофон. Это что, новое лекарство от гриппа? Босс мафии, заставляющий тебя играть старые рейвовые гимны?

Ближе к концу сета Эли вынес на сцену коробку с кассетами Feeling So Real. Он притворился, что бросает кассету зрителям, и сказал с лучшим своим восточноевропейским акцентом:

– Это промоушн.

Я засмеялся.

– Спасибо за отличную ночь! – крикнул я, и все даже закричали в ответ. – Следующая песня – Feeling So Real.

Три тысячи зрителей закричали еще громче, потому что Feeling So Real была большим хитом в Восточной Европе. Когда песня началась, я взял несколько кассетных синглов и кинул их в толпу. Люди так жадно бросались на них, словно это было пшено в лагере ООН для беженцев.

Я повернулся, чтобы посмотреть, что происходит сбоку

сцены. Константин снял пиджак. Он, его охранники и даже подружка улыбались и танцевали, как маленькие дети. Я улыбнулся, радуясь, что все-таки вернусь в Нью-Йорк со всеми пальцами.

Глава сорок седьмая
Запотевшее стекло

В грузовом лифте заходился криком пожилой мужчина в белом костюме.

– К черту все! Я ухожу! Идите на хер! Я не потерплю такого обращения!

Мы с Дамьеном и все остальные в лифте, который вез нас на вечеринку Diesel, недоумевали: кто вообще этот человек и почему он так орет?

– За машину уже извинились, – объясняла женщина, которая стояла рядом с оравшим стариком. – Должны были подать лимузин. Они просят прощения.

– Да пусть на хер идут! Скажите им, что я на сцену ни хера не пойду! П*здец вообще!

Он продолжал орать, похожий больше на взбешенного петуха, чем на человека.

Мы ехали в старом промышленном лифте, стены которого были обшиты листовым металлом. Он поднимал нас на вечеринку в лофте неподалеку от Пенсильванского вокзала. Гастроли в поддержку *Animal Rights* закончились месяц назад, и я вернулся в Нью-Йорк. Альбом провалился. Тур провалился. Отношения с Ванессой тоже потерпели крах. И я, поскольку был автором и исполнителем всего этого, мог называться полным неудачником. Мне хотелось только одного – куда-нибудь сходить, напиться водки и зализать раны.

> Мы все молча молились, чтобы лифт поехал быстрее, и нам не пришлось провести слишком много времени в металлической коробке с этим безумным орущим стариком, которому не подали лимузин.

Когда мы почти доехали до места, в шахте лифта послышался звук дискотечного басового барабана – *умф-умф-умф*. Мы все молча молились, чтобы лифт поехал быстрее, и нам не пришлось провести слишком много времени в металлической коробке с этим безумным орущим стариком, которому не подали лимузин.

– Нажмите «стоп»! Я возвращаюсь в гостиницу! На х*й это все! Я ухожу! Бла-а-а-аргх!

Он окончательно превратился в дикаря; последний его крик даже отдаленно не напоминал человеческий язык.

Наконец двери открылись. Мы все выбежали из тесной металлической коробки навстречу безопасному, здравоумному

лофту, полному людей, накачанных наркотиками.

– Б*я, кто это был вообще? – спросил Дамьен, явно получивший психологическую травму.

– Даже не представляю, – ответил я. – Певец?

– Ух ты, – сказал Дамьен. Не «Ух ты, кто этот сумасшедший?», а «Ух ты, посмотри на это». Мы вошли в огромный лофт, полный мягкого красного и розового света, с прекрасными женщинами, водкой, лившейся по ледяным скульптурам, пульсирующей диско-музыкой и потрясающим панорамным видом на реку Гудзон и нижний Манхэттен. Дамьен повернулся ко мне и улыбнулся.

– Потрясающе, – добавил он.

– Мне надо выпить, – сказал я. Мы прошли мимо нескольких сотен красивых мужчин и женщин и добрались до бара. – Пожалуйста, две «Столичных» с содовой и долькой лайма, – сказал я. Пока бармен наливал нам коктейли, мы разглядывали вечеринку во всем ее великолепии.

– Ты же знаешь, что мы тут ни с кем не будем разговаривать, – предупредил Дамьен. Мы оба встречались с красивыми женщинами, но в глубине душе так и остались нердами из Коннектикута, слишком робкими, чтобы заговорить с кем-то, на ком нет футболки «Звездным путь» или шляпы а-ля группа Devo.

– О, тут Хлоя, – сказал я Дамьену. – Она с нами точно поговорит.

Мы взяли наши бокалы и подошли к ней.

– Хлоя! – сказал я.

– Эй, Моби, – ответила она. – Привет, Дамьен.

Она выдержала паузу.

– О, это мой парень, Гармони.

– Здравствуй, Гармони. Мы с тобой познакомились в «НАСА», правильно?

Мы с Гармони стали вспоминать о славных деньках рейв-культуры и «НАСА».

– Ты разве тогда не был трезвенником? – спросил он.

– Был, – ответил я и, посмотрев вниз, увидел, что уже допил свой коктейль. – Пойду возьму еще порцию. Тебе принести?

– Нет, спасибо.

Я прошел мимо группки прекрасных женщин и встал у бара, пытаясь привлечь внимание бармена. Женщина, стоявшая рядом, тоже хотела его подозвать.

– Если он подойдет к вам, можете заказать мне коктейль? А если ко мне, то я закажу коктейль вам, – предложил я.

– Хорошо, – сказала она. – Вы что пьете?

– «Столичную» с содовой и долькой лайма. А вы?

– «Космополитен» на «Столичной».

– Как вас зовут?

– Анна. А вас?

– Моби.

Ее глаза загорелись.

– О, Моби!

Я улыбнулся.

– Да, это я.

– Я была на твоих концертах в Рочестере, – сказала она.

– Значит, ты старая рейверша?

Она помолчала, решая, стоит ли оскорбиться.

– Ну, я не старая, но когда-то была рейвершей.

Бармен решил подойти сначала к ней. Она заказала нам коктейли.

– А сейчас ты чем занимаешься? – спросил я.

– Учусь на магистра искусств в Парсонзовской школе дизайна.

Принесли наши коктейли. Мой оказался идеально крепким.

– Я всегда думала, что ты трезвенник, – сказала она.

– Во времена рейвов я действительно им был.

– Ну, рада знакомству, Моби. Надеюсь, потом увидимся, – сказала Анна и ушла.

– Тоже рад знакомству. Спасибо за водку!

> Я попал в рай, и мне нужно было увидеть все. Я прошел мимо прекрасных женщин, которые пили водку с ледяных скульптур.

Я вернулся к Дамьену, который еще мусолил первый коктейль.

– Дамьен, почему ты еще не допил? – возмущенно спросил я.

– В отличие от тебя, я не алкоголик, – ответил он.

– Я не алкоголик, я алкогольный энтузиаст, – поправил я. В последнее время я часто повторял эту фразу.

– Хлоя и Гармони ушли, – сказал он. – Я оказался недостаточно крут для них.

Пока мы пили, он показал мне девушку, на которую положил глаз: красавицу-модель, стоявшую с подругами у танцпола.

– Она слишком худая, – сказал я.

– Ты с ума сошел, – ответил он.

– Нет, я просто люблю пышечек.

Он засмеялся. Модель, на которую он смотрел, подошла к нам.

– Привет, – сказала она Дамьену.

– Привет, – удивленно ответил он.

– Меня зовут Петра. А ты кто? – спросила она с акцентом.

– Я Дамьен. Хочешь выпить?

Да! – воскликнула она, взяла его за руку и пошла к бару. Он оглянулся на меня, его глаза были широко раскрыты от ужаса и радости. Я засмеялся и заметил, что допил и второй коктейль. Мне нужно было выпить еще водки, но я также хотел походить по залу. Я попал в рай, и мне нужно было увидеть все. Я прошел мимо прекрасных женщин, которые пили водку с ледяных скульптур. Пройдя по коридору, я нашел еще один зал, еще более огромных размеров. На сцене был сумасшедший орущий старик из лифта, он пел диско-хит начала восьмидесятых. Он был одет в белый костюм, улыбался и потел. Сейчас он выглядел самым счастливым человеком на всей вечеринке.

Мама почти всю жизнь курила, а теперь у нее нашли рак легких.

Я нашел другой бар и заказал еще одну «Столичную» с содой и долькой лайма. Коктейль оказался не таким крепким, как предыдущий, и это, наверное, к лучшему, потому что я мечтал, чтобы эта ночь продлилась вечно. Я хотел найти идеальную степень опьянения и продержаться там несколько часов. Или, в идеале, лет.

Я прошел к окнам и стал пить водку, разглядывая панораму ночного Нью-Йорка. Передо мной простирались река Гудзон и нижний Манхэттен; воздух был чист, и все лампы и фонари мерцали. Я положил руку на оконное стекло. Ночь была холодной, и я почувствовал, что окно немного запотело. Глядя на холодное ночное небо, я думал о раке.

Ранее в тот день я говорил по телефону с мамой. Она сказала мне, что ходила к врачам и у нее диагностировали рак легких.

– Его можно вылечить? – спросил я.

– На следующей неделе начинаю первые сеансы химиотерапии, – ответила она.

– А что думают врачи?

– Они оптимистичны, – осторожно сказала она.

– Как себя чувствуешь? – спросил я.

– Нормально. Моби, не беспокойся. Я уверена, все обойдется. Я понял, что это я должен был ее подбадривать, а не наоборот.

– Сейчас 1996 год, рак постоянно лечат, – сказал я ей.

– Ты прав. Не беспокойся.

– Я не беспокоюсь, – ответил я. – А ты беспокоишься?

– Немного, – сказала она дрожащим голосом. – Ладно, я люблю тебя.

– И я тебя люблю, мам.

Мы повесили трубки.

Мама почти всю жизнь курила, а теперь у нее нашли рак легких.

Она начала курить в пятьдесят восьмом, в пятнадцать лет, и выкуривала по две-три пачки сигарет в день, пока несколько лет назад врач все-таки не уговорил ее бросить. Когда она росла, курение считалось нормальным. Табачные компании рекламировали пользу курения в журналах и по телевизору. Мама даже рассказывала мне, что во время беременности, когда у нее начались приступы тревоги, врач посоветовал ей для борьбы с ними больше курить. А теперь у нее нашли рак легких. Я допил коктейль и снова прикоснулся к холодному окну. Не надо беспокоиться. Сейчас двадцатый век. Никто больше не умирает от рака.

– Моби?

Рядом со мной у окна сидела Анна с несколькими подругами. Она познакомила меня с Кендрой, работавшей на Марка Джейкобса, и Эланной, которую сопровождал высокий бойфренд-манекенщик. Мы пошли к бару; диджей поставил More, More, More группы Andrea True Connection.

– Мне нужно найти родственную душу! – крикнул я парню Эланны, стараясь переключать порнографическую диско-песню. – Как насчет Анны?

– У нее парень! – крикнул он в ответ. Эх.

Я увидел Майкла Масто в темных очках, стоявшего у колонны. Он десятилетиями писал в *Village Voice* о ночной жизни и находился на самой вершине ночного пантеона Нью-Йорка.

– Привет, Майкл! – крикнул я. – Хорошо выглядишь!

– Привет, Моби, – тихо ответил он. – Ты, похоже, пьян.

– Я так счастлив, – крикнул я, показав на сцену. – Смотри, это Леди Банни!

Он только улыбнулся.

Ко мне подошли Дамьен и Петра.

– Мо, мы хотим уйти. Куда нам поехать?

– Поехали к тебе домой! Я нашел Анну с подругами.

– Анна! – закричал я. – Поехали все в лофт к Дамьену! Давайте!

– Сейчас, я спрошу подруг, – ответила она.

– Давай я спрошу. Подруги! Мы все едем в лофт к Дамьену! Пойдем! Я повел Дамьена, Петру, Анну и ее подруг по танцполу, чувствуя себя каким-то гаммельнским водочным крысоловом. Мы сели в лифт с еще несколькими пьяницами и худыми моделями.

– Мы едем домой к Дамьену! – объявил я всем присутствующим. – Вам тоже можно с нами!

Двери открылись, и мы вышли на улицу. Ночь стояла холодная.

– Смотрите, я вижу свое дыхание! – крикнул я. – Я дымлюсь!

Я сел на заднее сиденье такси с Кендрой и Петрой, а Дамьен – на переднее.

– Бродвей, 124, возле Черч-стрит, – назвал он адрес таксисту. Пока мы ехали на юг, я смотрел на Кендру. У нее были длинные темные волосы, одета она была в старую футболку с Билли Айдолом и обтягивающие белые джинсы.

– Ты очень красивая, – сказал я, когда такси замедлило движение. Она засмеялась.

– Мы доехали?

Машина остановилась возле дома, где жил Дамьен. Я вышел из такси и упал на тротуар. Кендра наклонилась надо мной.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Поцелуй меня! – ответил я. Она нагнулась и поцеловала меня. Я схватил ее, она потеряла равновесие и, хихикая, упала на меня. – Поцелуй меня! – снова крикнул я.

Дамьен и Петра с неловким видом стояли рядом с нами, пока мы целовались на холодном тротуаре.

– Вставай, Моби, – сказала Дамьен. – Пойдем домой.

Я схватил ее, она потеряла равновесие и, хихикая, упала на меня. – Поцелуй меня! – снова крикнул я.

Когда мы встали, к нам присоединились Анна, Эланна, парень Эланны и трое незнакомцев. Мы все втиснулись в лифт и поехали в студию Дамьена на десятом этаже.

– Дамьен, – сказал я, словно пьяный возбужденный ребенок, – мы у тебя дома!

Он закатил глаза.

– Да, Мо, так и есть.

– Он всегда так пьяный? – спросила Петра на восхитительном ломаном английском.

Дамьен жил в старом маленьком лофте в конце длинного, покрашенного в зеленый коридора. Все его соседи были мелкими предпринимателями или художниками, так что по ночам, кроме Дамьена, здесь никого не было.

– Включай магнитофон! – крикнул я. – Поставь Mötley Crüe!

Вступление к альбому *Shout at the Devil* зазвучало, когда мы все приготовили себе коктейли и расселись на матрасах Дамьена. Я взял Кендру за руку, а в другой руке держал бутылку водки.

– Хочу показать тебе картины Дамьена, – сказал я.

Мы зашли за угол в художественную студию Дамьена и сели на полу. Я поцеловал Кендру. Она положила руки мне на колени

и начала расстегивать джинсы. За угол зашла ее подруга Эланна.

– Кендра, куда ты…

Потом она увидела, что мы лапаем друг друга.

– Ой, извини! – воскликнула Эланна и поспешно ретировалась.

Я сунул руки под винтажную футболку Билли Айдола и расстегнул лифчик Кендры.

– Я только что сделала операцию по уменьшению груди, – сказала она. – Хочешь посмотреть на шрамы?

– Конечно, – ответил я. – Обожаю шрамы.

Она сняла футболку. У нее были самые красивые груди из всех, что я видел, а под ними виднелись аккуратные шрамы в виде перевернутой буквы Т.

– Они красивые, – сказал я. – И ты тоже красивая.

– Спасибо, – ответила она, потом задумалась. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

Она снова задумалась.

– Я все еще живу с парнем, но мы вот-вот расстанемся.

– Я понимаю, – сказал я и отпил водки прямо из горла.

– Так что я не могу с тобой переспать.

– Ладно.

– Но я могу сделать вот так.

Она наклонилась и взяла меня в рот.

– Ох, – сказал я. – Хорошо.

Эланна снова зашла за угол.

– Кендра, я ухожу! – крикнула она, потом увидела, как она склонилась надо мной, отвернулась и сказала: – Ну ладно!

Когда мы закончили, заиграла Too Young to Fall in Love.

– Иди ко мне, – сказал я, притянул ее к себе и вручил бутылку с водкой. Она отпила немного и отдала ее обратно. – Это было потрясающе, – сказал я и поцеловал ее. – Идеальная ночь.

– Идеальная, – согласилась она.

– Можно с тобой встретиться, когда ты расстанешься с парнем? – спросил я. – Сходим на настоящее свидание?

– Посмотрим. Надеюсь, что да.

Кто-то в другой комнате вытащил диск Mötley Crüe и поставил Pixies.

– Обожаю Pixies! – воскликнула Кендра и начала подпевать песне Debaser.

> – У всех есть бойфренды, – сказал я. – Ненавижу бойфрендов.
>
> – Самое ужасное слово в английском языке, – ответил он.

Я сделал еще один глоток водки и посмотрел на картину, которую Дамьен только что закончил. Она изображала девушку-террористку, стоявшую перед горящим лесом. Террористка выглядела непокорной и прекрасной. Пламя уничтожало лес и поднималось высоко в небо. Девушка с картины повернулась спиной к катастрофе, которую вызвала.

– Кендра! – сказала Эланна из-за угла. – Ребята, вы там уже кончили?

Кендра засмеялась.

– Да, уже!

– Пойдем! – продолжила Эланна.

– Моби, мне надо идти, – сказала Кендра. – Спасибо за потрясающую ночь.

Она натянула одежду, нежно поцеловала меня и ушла. Я застегнул штаны и вышел из студии. Дамьен сидел на матрасе в одиночестве.

– Вы только что трахались? – спросил Дамьен.

– Нет, у нее есть бойфренд. Она только ширинку мне расстегнула.

– Это я видел.

– Ох. А где твоя Петра?

– Она ушла.

– Ты будешь с ней встречаться?

– Нет, у нее есть бойфренд.

– У всех есть бойфренды, – сказал я. – Ненавижу бойфрендов.

– Самое ужасное слово в английском языке, – ответил он.

– О, твоя новая картина очень крутая, Дамьен, – сказал я. – Рассмотрел ее в подробностях, пока мне сосали.

Он засмеялся.

– Нет, я серьезно. Она очень крутая. Я хочу ее.

– Сколько за нее дашь?

Я отпил еще водки. За окном на Бродвее послышалась сирена.

– Это, у моей мамы рак легких, – сказал я.

– Что?

– У моей мамы рак легких.

– Стоп, что? Почему ты раньше мне не сказал? – спросил он.

– Не знаю, – ответил я. – Просто не знаю.

Глава сорок восьмая
Темная вода

Я шел по бетонному мосту в Коннектикуте, через который когда-то пролегал мой путь в школу, слушая Joy Division и раздумывая о самоубийстве. Бывало, я стоял на мосту и слушал альбом *Closer*, глядя, как внизу по шоссе I-95 едут машины; я представлял, как прыгаю вниз, но вместо этого всегда шел домой. Прошло несколько месяцев с тех пор, как у мамы диагностировали рак, и она позвонила мне вчера и сказала, что получила результаты анализов после последней химиотерапии. Еще она сказала, что не хочет говорить о них по телефону, и попросила, чтобы я приехал в Дариен; там мы погуляем по пляжу, и она мне все объяснит лично. Еще она предупредила меня, что из-за химиотерапии окончательно лишилась волос.

Я перешел I-95, спустился с холма на той стороне и прошел мимо Уолмсли-роуд, где мама жила, когда была маленькой. Все детство я слышал, как мама, мои тетки и бабушка вспоминали, как однажды, когда маме было пять лет, она увидела на прилавке какое-то мясо, съела его, а потом оказалось, что это собачья еда. А когда ей было шесть лет, она оборвала ноги у паука-сенокосца и тоже съела его, подумав, что это конфета.

> Она сняла ее и положила на стол. – Ты лысая! – воскликнул я. – Мы теперь близнецы.

Похожие вещи происходили с ней и всю оставшуюся жизнь: она видела что-то плохое и думала, что в этом нет ничего страшного. Она была уверена, что байкер-социопат из «Ангелов ада», работавший на заправке, – отличный улов и станет любящим парнем. Считала, что гитарист, который угнал ее машину и украл деньги, – все равно хороший человек. Верила, что ее сын-неудачник – все еще успешный музыкант. Все ее ошибки подпитывались наивной надеждой. О, если бы мир сжалился над ней и подарил гамбургер вместо собачьей еды и успешного сына, а не никчемного пьяницу.

Я дошел до ее дома и встал на пороге, собираясь с духом. Я еще не видел ее после того, как у нее выпали волосы, и не хотел выглядеть расстроенным из-за ее лысины.

– Привет! – весело крикнул я, открывая дверь.

– Мы на кухне, – сказал ее муж Ричард. Я прошел в дальнюю часть дома. Мама и Ричард сидели за кухонным столом, перед ними лежали глянцевые рекламные буклеты. Я поцеловал маму,

потом не без неловкости обнял Ричарда. Мама была одета в серые тренировочные штаны и темно-синюю кофту, а на голове у нее была фиолетовая шерстяная шапочка, которую она связала сама.

– Ну, давай посмотрим, – сказал я, показывая на ее шапочку. Она сняла ее и положила на стол. – Ты лысая! – воскликнул я. – Мы теперь близнецы.

Она засмеялась.

– Чувствую себя Шинейд О'Коннор, – ответила она, осторожно касаясь головы.

– По-моему, отлично выглядишь, – сказал я.

– Нарцисс, – ответила она.

Я налил себе чаю и сел с ними за стол. Глянцевые рекламные буклеты были из похоронного бюро.

– Ты уверена, что хочешь прогуляться по пляжу? – спросил я.

– Я целый день не была на улице, – ответила мама. – Пойдем на Пир-Три-Пойнт.

Когда-то я проводил на этом пляже все лето – ел хот-доги, покрытые песком, и держался подальше от воды, которая была солоноватой и пахла машинным маслом.

– Значит, ты умрешь? – спросил я.

– Мы все умрем, Мобс, – сказала она. – Я просто умру раньше, чем вы все.

– Одно условие, – добавила она, допивая кофе. – Я веду машину.

Она посмотрела на Ричарда. Тот лишь закатил глаза.

– У меня рак, но я еще могу ехать сама, – настойчиво сказала мама. Мы встали и оделись.

– Ричард, ты не идешь? – спросил я.

– Нет, вы с мамой должны побыть вместе, – сказал он.

– С ним я вместе постоянно, – добавила мама, показав на Ричарда. – Нас уже тошнит друг от друга.

Ричард засмеялся.

Летом парковка на Пир-Три-Пойнт была бы заполнена машинами, но холодной ранней весной она пустовала. Мама остановила свой «Сатурн» под опавшим деревом в дальней части пляжа, и мы пошли вдоль берега. Дальний пляж был интереснее ближнего: именно там выносило на берег всякую мертвечину. Когда я учился в начальной школе, я постоянно там бродил, находя мертвых мечехвостов, гниющую камбалу, а однажды – даже маленькую дохлую акулу.

– Ты знаешь, что именно тут ты впервые попал в воду? – спросила мама, утирая дождевую воду с лысой головы.

– Нет, – сказал я. – Где?

– Вот здесь, – ответила она, показывая на темную воду.

– Я тут плавал? Сколько мне было лет?

– Около года. Твой дедушка подвел сюда лодку, и мы стали ее нагружать. Кто-то отдал тебя бабушке, и она уронила тебя в воду. Ты был в спасательном жилете. Мы все кричали и пытались вытащить тебя из воды, но ты весело плескался и был счастлив.

Я засмеялся. Мы стояли у темной воды и смотрели на тонкую масляную пленку, блестевшую на ее поверхности.

– Это, я получила результаты анализов после завершения химиотерапии, – сказала она. Я сглотнул.

– И?

– И… рак распространился. Сначала это был рак легких, но теперь он практически повсюду.

– Что они могут сделать?

– Могут попробовать еще радиотерапию и химиотерапию, но мы с Ричардом поговорили, и я решила прекратить лечение.

– Что это значит?

– Это значит, что когда мое состояние ухудшится, меня отправят в хоспис. Они не будут пытаться продлить мне жизнь, только постараются, чтобы я чувствовала себя более-менее нормально.

Я посмотрел на парусные лодки, покачивавшиеся на коричневой воде; на зиму они были пришвартованы.

– Значит, ты умрешь? – спросил я.

– Мы все умрем, Мобс, – сказала она. – Я просто умру раньше, чем вы все.

– Тебе может стать лучше? – спросил я, пытаясь сохранять спокойствие в голосе.

– Может. Врач сказал, что некоторым людям становится лучше после прекращения химиотерапии. Спустя месяц или два они узнают, продолжает ли рак распространяться. Но, скорее всего, через несколько месяцев я отправлюсь в хоспис.

– Мне очень жаль, мам, – сказал я и обнял ее. Солнце скрылось за облаками, и воздух сразу стал холоднее. Я ждал, что кто-то из нас заплачет, но мы просто отпустили друг друга и остались стоять.

– Я хочу тебе еще кое-что сказать, – сказала она.

– Еще? Кроме того, что ты умираешь?

– Когда я училась в старших классах, я забеременела, – ответила она. – Я родила ребенка и сразу отдала его на усыновление.

Я промолчал, ожидая продолжения.

– В общем, я хочу сказать тебе, что у тебя есть брат.

– Брат?

Она кивнула.

– У тебя есть брат.

– М-м-м, ты знаешь о нем что-нибудь?

– Нет. Отдав его на усыновление, я перестала о нем думать. Я считаю тебя своим единственным сыном.

Моя мама умирает, у меня есть брат, и я не знал, что думать. Почему я не плачу? Почему не злюсь и не удивляюсь, узнав в тридцать два года, что у меня есть брат? Я был в полном ступоре. А еще мне было очень жаль маму. Мою восемнадцатилетнюю маму, беременную, испуганную, которой пришлось отдать ребенка. И мою маму сейчас, больную раком, который распространился и не оставил ей иного выбора, кроме как умереть. Себя мне не было жалко; я даже не был уверен, что мне сейчас можно себя жалеть.

– Как себя чувствуешь? – спросил я маму.

– Замерзла, – ответила она. – Пойдем обратно в машину.

Она увядала прямо у меня на глазах: шла медленнее обычного, согнула шею и опустила лысую голову.

– Ты когда-нибудь хотела найти того своего сына? – спросил я.

– Нет. Я только хотела родить еще одного. И родила. Тебя.

Когда мы дошли до машины, она протянула мне ключи.

– Сядешь за руль?

– Когда я в последний раз водил твою машину, я разбил ее прямо на парковке, – ответил я.

– Помню, – улыбнулась она. – Я просто хочу ненадолго закрыть глаза.

Я поехал домой. Мама была маленькой, а сидя на пассажирском сиденье с закрытыми глазами и лысой головой, напоминала птенца. Когда я заехал на подъездную дорожку, она открыла глаза.

– Это будет тяжело, Мобс, – тихо сказала она. – Но помни: я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, мам.

– Можешь остаться на ужин?

– Да, если ты сделаешь телятину во фритюре.

– Хорошо, тебе будет порция телятины с дополнительным беконом, – ответила она. – И, может быть, немного жареного сыра на десерт.

Я засмеялся и задумался, когда болезнь лишит ее чувства юмора. Мы прошли в дом. Солнце спряталось за облаками, оставив черные силуэты домов на той стороне улицы и спящие зимние деревья, похожие на усталые руки.

Я узнал, что у меня есть брат, которого я никогда не видел, а еще что мама решила умереть.

Ричард приготовил бурый рис с овощами для меня и куриные котлеты для себя и мамы. Перед едой мы убрали со стола буклеты похоронных бюро.

После обеда Ричард предложил довезти меня до поезда.

– Нет, спасибо, я пройдусь пешком, – ответил я. – Представлю, словно снова иду в школу.

– Только ты не одет в черный комбинезон и золотые ботинки, – сказала мама.

– Что? – удивился Ричард.

– Он так ходил в старших классах, – объяснила она. – Словно какой-то странный пират.

Мы прошли к двери. Я обнял Ричарда.

– Пока, Ричард. Спасибо, – сказал я, потом обнял маму. – Пока, лысенькая. Я люблю тебя.

– Пока, Моби. Я тоже тебя люблю.

Мама улыбалась, но глаза у нее были на мокром месте. Я не хотел заплакать здесь. Если я расплачусь, то, наверное, не смогу остановиться.

– Мне надо идти, – сказал я и пошел на станцию. На платформе я встал в ожидании поезда, который увезет меня из Дариена, подальше от медленной смерти.

Я нашел телефон-автомат и позвонил Дамьену.

– Ты в Коннектикуте? – спросил он. – Как там?

– Интересно, – сказал я. – Я узнал, что у меня есть брат, которого я никогда не видел, а еще что мама решила умереть.

Он не ответил.

– Но есть и другая новость: сегодня вечером я хочу куда-нибудь сходить, – сказал я.

– Уверен?

– Я за всю жизнь еще не был так ни в чем уверен. Я хочу напиться и проснуться мертвым.

Глава сорок девятая
Восемнадцать дюймов грязи

Я смотрел из окна автобуса на море грязи.

– Расскажи мне еще раз, чем ты сейчас занимаешься? – спросил я свою подругу Джулию, которая была в шести тысячах миль от меня, в Детройте.

– Мы сидим на солнце и пьем коктейли, – ответила она. – На улице тридцать три градуса, на небе ни облачка.

Джулия стала режиссером двух клипов с альбома *Everything Is Wrong*. Клип Feeling So Real сняли рядом с приютом для бездомных в Лос-Анджелесе; он запомнился тем, что орда бездомных подростков стащила наши вещи в процессе съемки. Клип Everytime You Touch Me должен был стать сексуальным – в нем, помимо прочего, люди ели друг с друга всякую еду. В нескольких сценах мы использовали веганский шоколадный пудинг, но потом поняли, что на пленке он выглядит слишком похожим на дерьмо. Поэтому нам пришлось переснимать эти сцены с веганской едой, с которой все не смотрелось так, словно я слизываю дерьмо с животов моделей.

Клип Everytime You Touch Me должен был стать сексуальным – в нем, помимо прочего, люди ели друг с друга всякую еду.

А теперь Джулия сидела с друзьями у бассейна в родительском доме, готовясь к свадьбе, а я был в Гластонбери, прячась от стихии в гастрольном автобусе. Гластонбери считался самым большим и крутым фестивалем в Европе, но сейчас там безостановочно лил дождь, и снаружи было полтора фута грязи. Несмотря на июль, в Гластонбери было всего 11 градусов.

– Жаль, что ты не с нами! – сказала Джулия из солнечного Мичигана.

Пол моего автобуса был мокрым и грязным. Мои музыканты и менеджеры носили дождевики, а на ногах у них были покрытые сплошным слоем грязи мусорные пакеты. Дождь, стучавший по крыше, звучал как миллион металлических насекомых.

– Ты права, – сказал я. – Жаль, что я не с вами.

– Мы сейчас идем в дом, – сказала Джулия. – У бассейна слишком жарко.

Меня перебил Эли.

– Моби, у тебя интервью в машине прессы.

– Ладно, Джулия, мне надо идти. Удачной свадьбы!

Я повесил трубку, прошел к дверям гастрольного автобуса, надел дождевик и привязал к ногам мусорные пакеты. Выходя из автобуса, я словно ступал на палубу какой-нибудь буровой вышки в Северном море. Ветер задувал в лицо капли дождя, и я пробирался через восемнадцать дюймов грязи.

– Эли! – закричал я.

– Да, Мо?

Мы вышли на небольшой холмик и посмотрели вниз, на затопленный лагерь. Гластонбери располагался вокруг реки, а она вышла из берегов. В лагере были видны только верхушки палаток, торчавшие из-под коричневой воды. Эли показал налево: кто-то разделся догола и плыл к своей палатке – судя по всему, чтобы достать из нее что-то. Его друзья стояли у кромки воды и подбадривали его.

– Стю! Стю! Стю! – скандировали они.

– Б*я! Б*я! Б*я! – отвечал вышеупомянутый Стю из воды.

Мы с Эли пошли дальше, несмотря на отчаянное сопротивление грязи, стремившейся нас засосать. Наконец мы добрались до грузовика прессы и залезли внутрь.

– Моби, привет! – сказал пресс-атташе. – Ты добрался!

– В Гластонбери всегда так? – спросил я, снимая дождевик и мусорные пакеты.

– Ха! Это дух Гластонбери! – сказал пресс-атташе.

– Дух? – переспросил я.

– Ха! Ну да, грязь! Это дух Гласто!

Он заглянул в блокнот.

– Так, хорошо, у тебя было запланировано интервью с *NME* на шесть вечера, но журналиста сейчас нет.

– Не знаешь, когда он вернется? – спросил Эли.

– Нет, извини. У тебя есть мобильный телефон? Я тебе позвоню. Он записал номер мобильника Эли.

– А другие журналисты тут есть? – печально спросил я.

– У нас тут BBC и журнал *Q*, но они берут интервью у Blur.

Он еще раз заглянул в свой блокнот, ничего не нашел и широко мне улыбнулся.

– Но я позвоню тебе, если кто-нибудь еще придет. Прости, что тебе пришлось столько времени сюда идти!

– Ничего страшного, – ответил я, надел свой зеленый дождевик, и мы вышли обратно под дождь. Эли пошел смотреть сцену, где нам предстояло играть, а я вернулся в автобус.

– Как прошло интервью? – спросила Марси, когда я стащил с себя грязную одежду.

– Журналист не пришел, – ответил я.

– Ох, – сказала она. Гластонбери был самым крутым

фестивалем в мире, и было даже удивительно, что меня вообще позвали туда выступать, учитывая полный провал *Animal Rights*, поэтому со мной приехала вся менеджерская команда – Эрик, Барри и Марси. Мы сидели в автобусе и ничего не говорили, слушая, как дождь долбит по крыше. Я съел печенье.

Вернулся Эли.

– У меня есть две новости: хорошая и плохая, – объявил он и выдержал драматическую паузу. Мы промолчали.

Шатер, где мы должны были выступать, затопило, туда подъехала ассенизаторская машина, чтобы выкачать грязь и воду, – начал он. – А гений, сидевший за рулем машины, нажал не ту кнопку. Вместо того, чтобы откачать грязь перед сценой, он вылил туда все сточные воды, которые уже были в цистерне. В общем, там сейчас огромное озеро сточных вод. Департамент здравоохранения закрыл шатер, расставил ограждения вокруг поля, и охранники никого туда не пускают.

> Я любил играть панк-рок и спид-метал и орать во все горло.

– Перед сценой гигантское море говна? – спросила Марси.

– Перед сценой гигантское море говна, – подтвердил Эли.

– Это хорошая новость или плохая? – спросил я.

– Это плохая новость. Хорошая новость: нас перевели на большую сцену в большом шатре. Но мы выступаем в семь.

– В семь? – спросила Марси. – Это же всего через час.

– Ага, – сказал Эли. – Я пойду доставлять аппаратуру.

Он вышел обратно в дождь.

– Большая сцена! – воскликнула Марси. – Это здорово!

– Лучше, чем играть в говне, – заметил Эрик.

– О, раз уж мы все здесь, я хотел сказать, что у меня есть идея для следующей пластинки, – сказал я. – Хочу записать мрачный, тяжелый альбом хеви-метала.

Мои менеджеры посмотрели на меня, словно пытаясь понять, не шучу ли я. После оглушительного провала *Animal Rights* они предполагали, что я уже закончил с гитарными альбомами, которые никто не хочет слушать. Поняв, что я серьезно, Барри осторожно сказал:

– Знаешь, у тебя получаются хорошие рок-песни, некоторым они даже нравятся. Но люди просто обожают твою электронную музыку. Она делает их счастливыми.

Барри уже говорил похожие вещи раньше, но на этот раз я почему-то к нему прислушался. Я любил играть панк-рок и спид-метал и орать во все горло. Но я понял, что он прав: электронная танцевальная музыка, которую я записывал в прошлом, делала

людей счастливыми. А если я могу записывать музыку, которая делает людей счастливее, то, наверное, я должен создавать именно ее. Я все равно могу играть панк-рок и спид-метал, но, может быть, в свободное время, ну или по пьяни с друзьями в занюханных барах. Мои пластинки должны быть мелодичными и эмоциональными, и я должен делать все, чтобы сочинять музыку, которая сделает людей счастливыми – или, по крайней мере, вызовет у них светлую грусть, которая даст им утешение.

Если бы Барри сказал: «Мы считаем, что ты должен записать танцевальный альбом, потому что эта музыка хорошо продается», я бы изо всех сил сопротивлялся. Услышав, что моя танцевальная музыка приносит деньги, я бы, стиснув зубы, записал альбом из двадцатиминутных дэт-металлических похоронных песен с расстроенными гитарами. Но он сказал, что моя электронная музыка делает людей счастливыми.

– Ты прав, Барри, – сказал я. – Давай я над этим подумаю.

Мы все собрались у дверей, обмотали ноги мусорными пакетами, а тела – дождевиками. Когда я открыл дверь, сильнейший порыв ветра обдал нас дождем.

– П*здец! – заорал я.

– Да, п*здец, – согласился Барри.

Мы вчетвером пошли через грязь, ветер и дождь, мимо лагеря, который превратился в озеро, мимо залитой сточными водами танцевальной зоны, и в конце концов добрались до новой сцены, спрятанной под желто-синим цирковым шатром. Там тоже было озеро, но поменьше, и в нем была только грязь, а не человеческие экскременты. Несколько рейверов стояли на краю грязного озера и храбро пытались танцевать под минималистическое техно, которое ставил голландский диджей. Шатер, вмещавший десять тысяч человек, был полон примерно на треть. Большинство рейверов слишком устали и настрадались от стихии и в основном смотрели на диджея отсутствующими взглядами.

Ко мне подошел Эли.

– Мы выходим через пятнадцать минут, – сказал он.

– Тут есть трейлер или гримерка? – спросил я.

Он печально улыбнулся и покачал головой. Я прошел за кулисы и увидел свою группу, сидевшую на гигантском авиационном футляре. Скотт страдал от похмелья и молчал. Бубба тоже страдал от похмелья и молчал. Я в кои-то веки не страдал от похмелья, но сел рядом с ними и тоже стал молчать. *Умф-умф-умф* минималистичного голландского техно звучало влажно, словно стадо слонов, методично топавших ногами в грязи.

– Надо сыграть панк-роковый сет, – сказал Скотт. Мы с Буббой посмотрели на него. – Ну, мы в танцевальном шатре в Гластонбери. Тут холодно, мокро, и вообще, разве всем не насрать, что мы делаем? Давайте вообще играть одни каверы на Black Sabbath.

– Не знаю, – сказал я. – Если бы я был на фестивале в грязи, я бы предпочел послушать веселое техно.

Скотт явно огорчился.

– Может, все-таки один кавер на Black Sabbath? – спросил Бубба.

– Ладно, всего один, – сказал я, и мы вышли на сцену.

Глава пятидесятая
Застоявшаяся зеленая вода

Я смотрел из окна комнаты своего мотеля на полупустой бассейн. Вода в нем была темно-зеленой и оставалась только на самом дне, не тронутая ни пловцами, ни ветром, ни чьим-либо вниманием. Дело было в начале сентября 1997 года в Портленде, штат Орегон – последний концерт тура, который меня попросила провести Elektra. Лейбл выпустил компиляционный альбом моей музыки из фильмов, *I Like to Score*, и попросил меня провести гастроли по Америке в его поддержку, а потом, как только тур начался, мне сообщили, что лейбл, скорее всего, от меня откажется.

Гастроли вышли совсем жуткими. На большинство концертов почти никто не ходил. Где-то мы продавали всего процентов 20 билетов и играли в маленьких, почти пустых клубах. В Кливленде мы выступали на открытом воздухе и продали меньше пяти процентов билетов, так что у нас практически получилось воплотить в реальности сцену из фильма «Это – Spinal Tap», где они играли в парке развлечений на разогреве у кукольного шоу. Сегодня в Портленде, впрочем, возможно, будет получше, потому что почти половину билетов раскупили заранее.

Гастроли вышли совсем жуткими. На большинство концертов почти никто не ходил.

Я сидел у окна в мотеле, потому что общался по телефону с моим приемным отцом Ричардом. Я позвонил, чтобы услышать маму, но ей было слишком плохо, чтобы разговаривать по телефону.

– Хорошо, что ты возвращаешься завтра, – сказал Ричард дрожащим голосом. – Твоей маме на самом деле очень нехорошо.

Я решил поговорить о логистике поездки, чтобы не упоминать о том, что мама, скорее всего, умрет в ближайшие несколько дней:

– Ну, я прилетаю завтра вечером и, скорее всего, доберусь до Дариена к полудню во вторник.

– Звучит неплохо. Поторопись, Моби.

– Хорошо, Ричард. Скоро увидимся.

Я положил тяжелую бежевую трубку гостиничного телефона и задумался о бассейне. Недавно закончилось лето – почему они даже не расчистили бассейн и не налили в него воды? Разве мотели, даже обшарпанные, принимающие у себя только

музыкантов-неудачников, не должны содержать свои бассейны в чистоте? В свете вечернего солнца оттенок застоявшейся воды был прекрасным – почти такого же цвета, как старый нефрит.

Я взял ключ с пластиковым брелоком и вышел из номера. Пройдя мимо автоматов со льдом и «RC-колой», я спустился к бассейну. Он был окружен сетчатым забором, калитку кто-то запер. Я перелез через ограждение и присел на покрытый плесенью белый шезлонг. Я все еще не верил, что моя мама умирает. Когда ей десять месяцев назад поставили диагноз, я надеялся, что он станет темой для веселых обсуждений на Рождество – такой же, как рассказ о том, как дедушка провалился под лед: опасная ситуация, которая превратилась в праздничный анекдот. Когда Ричард сказал, что ей совсем нехорошо, что он имел в виду? Что она устала? Что ее тошнит? Нет. Он имел в виду нечто более зловещее. «Ей совсем нехорошо» означало, что она уже не здоровый человек, борющийся с болезнью, – она больна и скоро должна умереть. Она проиграла.

«Ей совсем нехорошо» означало, что она уже не здоровый человек, борющийся с болезнью, – она больна и скоро должна умереть. Она проиграла.

Я сидел на солнце в плесневелом шезлонге. Бассейн и парковка были совершенно неподвижны, и ветер медленно гнал по небу огромные белые облака. Далекие звуки скоростного шоссе казались тихим гулом – даже тише, чем настоящая бесшумность. Это заставляло вспомнить о генераторах белого шума, которыми пользовались в кабинетах психотерапевтов. Громкий белый шум скрывал звуки, издаваемые людьми, когда те плакали, горевали и пытались сопоставить разочаровывающие факты о своей жизни с предположениями, которые всегда о ней делали.

По парковке к автобусу шел Эли.

– Эли! Когда мы уезжаем? – позвал я его.

– Эй, Мо! Через пятнадцать минут!

Он посмотрел на пустой бассейн с зеленой водой на дне.

– Поплавать решил?

Я вернулся в комнату и надел свою рок-н-ролльную сценическую одежду: нестираные джинсы и футболку. Через окно я еще раз посмотрел на зеленую воду. В ней кипела жизнь. Бассейн захватили организмы, враждебные людям, и он превратился в целый отдельный мир, безмолвный и недружелюбный. Жизнь победила – пусть и не та жизнь, которую мы хотели и в которой нуждались.

Я прошел в автобус и сел на заднем сиденье со Стивом, моим

новым техником, и Скоттом. Они примерно в четырехсотый раз смотрели фильм «Клоун Шейкс с Бобкэтом Голтуэйтом».

– Эй, – сказал я. – Опять «Клоун Шейкс»?

– Ага, – ответил Стив. – Он никогда не устареет.

После саундчека я пошел в веганский ресторан недалеко от площадки и купил соевый «куриный» сандвич и черри-колу. Потом я вернулся в свою маленькую гримерку, поужинал и стал рассматривать надписи на стенах. Желтые стены были практически полностью покрыты граффити: «Член Ли Винга – просто убийца», «Шлюхи стараются больше», «The Wallfl owers», «Завтра бесплатное пиво». После ужина я прочитал местную альтернативную газету, чтобы посмотреть, написали ли в ней обо мне или сегодняшнем концерте.

> Пожалуйста, не дайте моей маме умереть. Пожалуйста, сделайте так, чтобы стриптизерша Лорена сочла меня привлекательным.

В рубрике «Ночная жизнь» была короткая статья под названием «Моби, великий белый вой[12]». «В то время как Chemical Brothers, Fatboy Slim и The Prodigy достигли статуса рок-звезд, Моби превратился в пасынка техно, который отстал от остальных и до сих пор играет в маленьких барах, когда его коллеги собирают стадионы». Жаловаться было не на что – все честно написано.

В восемь часов открылись двери, и стали собираться зрители. Я помнил, как играл на разогреве у Red Hot Chili Peppers и Flaming Lips в Европе в 1995 году: толпы людей вбегали в огромные залы, чтобы поскорее занять первый ряд. Несколько сотен сегодняшних зрителей входили не спеша и предпочли не стоять у сцены, а сидеть возле бара и пить.

Я сидел в раздевалке, пил свою черри-колу и читал статью о книжных магазинах Портленда, и тут вошел Стив с двумя девушками.

– Моби, это Лорена и Мишель, – сказал он.

– Привет, где вы познакомились? – спросил я.

– О, Стив был в Портленде с Томми Ли, и мы познакомились в «Похотливой леди», – сказала Лорена.

Значит, они стриптизерши. В большинстве городов стриптизерши держались как-то слегка стыдливо и обреченно, но в Портленде они были гордыми. Некоторые из них даже организовали профсоюз и открыли собственный клуб. То были гордые стриптизерши, и за это они мне очень нравились.

Я посмотрел на Лорену, она – на меня. Долгий, проверенный временем закулисный взгляд, которым обмениваются

стриптизерша и музыкант.

– Когда ты выходишь? – спросила Лорена.

– Сколько времени? – спросил в ответ я и посмотрел на часы. – О, через пятнадцать минут.

– Хорошо, – сказала она. – Увижу тебя на сцене.

И они вместе с подругой вышли.

То было окончание еще одного провального турне – выступление для пары сотен зрителей в заштатном рок-клубе. С утра я улетал домой к умиравшей матери. Но сейчас, обменявшись взглядами с Лореной, я снова чувствовал себя живым.

Начался концерт. Я кричал, стучал по Octapad, со всей силы колотил по струнам гитары и носился по сцене. Я хотел быть рок-звездой. Я хотел, чтобы звук был идеальным, а свет падал на меня как раз в нужный момент, чтобы Лорена захотела провести со мной ночь в гостиничном номере, прежде чем я улечу обратно в Коннектикут. После каждой песни зрители аплодировали – сдержанно и вежливо. Это должна была быть вакханалия. Почему никто не занимается сексом на танцполе и не падает с галерки? Все казалось каким-то прохладным, так что я стал кричать еще громче и размахивать руками еще больше. Я отрывался так сильно, как мог, играя и рейвовые гимны, и панк-рок.

> Моя мама, может быть, завтра умрет, но сегодня я был в горниле алкогольных перспектив.

«Пожалуйста, сделайте концерт хорошим, – хотел я сказать зрителям. – Пожалуйста, любите меня. Пожалуйста, не дайте моей маме умереть. Пожалуйста, сделайте так, чтобы стриптизерша Лорена сочла меня привлекательным. Пожалуйста». К концу концерта аудитория разогрелась, а на Feeling So Real была даже почти возбуждена. Мы сыграли последнюю песню, и я ушел со сцены, полуголый и потный. Потом ко мне подошел Стив и протянул грязную, старую черную ковбойскую шляпу.

– Нашел ее на улице, – сказал он. – Подумал, что ты оценишь.

– Ты прав. Я возьму ее. Я надел грязную ковбойскую шляпу, взял бутылку «Джека Дэниэлса» и пошел в гримерку. Через несколько минут вошли Мишель и Лорена.

– Вам понравился концерт? – спросил я.

– О да! – сказала Лорена. – Очень понравился.

Я заказал им пива и налил нам всем «Джек Дэниэлс» в маленькие бумажные стаканчики.

– Ваше здоровье! – сказала Мишель, и мы осушили их.

– Пойдем найдем Стива и посмотрим, скоро ли он закончит, –

предложил я. Я вышел из гримерки, по-прежнему без футболки, в ковбойской шляпе, с бутылкой «Джека Дэниэлса» и в сопровождении двух гордых стриптизерш. Моя мама, может быть, завтра умрет, но сегодня я был в горниле алкогольных перспектив. Когда мы прошли к сцене, я услышал позади тихий голосок:

– Моби?

Я обернулся. У двери за кулисы стоял русый мальчик-тинейджер ростом еще ниже меня. Он был одет в джинсы со складками и футболку U-2.

– Моби? – сказал он. – Я знаю, вы христианин. Вы подпишете мою Библию?

О Боже. Я отдал бутылку «Джека Дэниэлса» Лорене и взял у мальчика Библию и ручку.

– Ты знаешь, что не я ее написал? – пошутил я.

Он не засмеялся.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Грег. Я очень хочу, чтобы вы подписали мою Библию, – совершенно искренне сказал он.

Внезапно все показалось совершенно неподвижным. Я чувствовал себя полнейшим дураком, стоя полуголым в ковбойской шляпе перед этим парнем. Где мне расписываться? Я взял ручку, и моя рука зависла над первой страницей Библии. Грег, Лорена и Мишель выжидательно смотрели на меня. Я хотел только одного: исчезнуть в дешевой комнате мотеля с Лореной, предварительно настолько накачавшись алкоголем, чтобы не прожить после этого слишком долго.

«дорогой грег, – написал я, – бог любит тебя. я не уверен, любит ли он меня. но он любит тебя. спасибо, моби». А потом я нарисовал картинку – инопланетянин, стоящий на одинокой луне.

Грег забрал свою Библию.

– Спасибо, Моби.

– Нет, Грег, – ответил я, смотря ему в глаза и пытаясь выглядеть честным христианином, а не пьяным любителем стриптизерш, – это тебе спасибо.

Он секунду смотрел на меня, словно хотел что-то спросить, но потом ушел. Я забрал виски у Лорены.

– Такое часто случается? – спросила Мишель.

– Часто ли просят автографы? – беспечно спросил я.

– Нет, часто ли просят подписать Библию.

В глубине души я тяжело вздохнул от стыда.

– Я подписывал футболки, сиськи, драм-машины, инвалидные коляски и жопы. Но вот Библию подписывать еще не доводилось.

– Ты христианин? – спросила Лорена.

– Ну, тут все сложно. Хочешь потом об этом поговорить?

– Конечно, – сказала она. – Я когда-то была христианкой. Выросла в церкви.

А потом из-за угла вышел Стив и спас меня от импровизированной закулисной дискуссии о богословии и герменевтике со стриптизершами из Портленда.

– Время не подскажете? – крикнул он.

– Одиннадцать вечера? – попробовала угадать Мишель.

– Нет! – закричал он, открывая бутылку «Будвайзера» с длинным горлышком. – Время пить пиво!

– Ты прав! – воскликнул я. – Нам нужно пиво!

Мы пошли обратно в гримерку, где уже тихо пьянствовали Скотт и Эли.

– Эй, Эли, идиотина! – закричал я. Мой ужасный нарочитый североирландский акцент делал меня похожим на лепрекона с Ямайки. – Нам нужно пиво!

Лорена засмеялась и положила ладонь мне на руку. Она была теплая, а меня охватила пьяная любовь.

Мы открыли бутылки, потом выпили по рюмочке «Джека Дэниэлса», а потом еще. После примерно часа возлияний я сказал:

– Пойдем в автобус и напьемся в гостинице!

Мы забрали все пиво, водку и виски и набились в автобус вместе с Мишель и Лореной. Я поставил в CD-проигрыватель *Shout at the Devil* и сел рядом с Лореной, положив одну руку ей на бедро, а в другой держа пиво. Я по-прежнему был полураздетым и в ковбойской шляпе. Но теперь я был еще и пьян.

Стив и Мишель начали обжиматься. Скотт спросил Лорену:

– У тебя есть какие-нибудь подружки, которых ты можешь позвать?

Лорена засмеялась и положила ладонь мне на руку. Она была теплая, а меня охватила пьяная любовь. Не только к Лорене, гордой стриптизерше, но и к этому автобусу, к моей группе и даже к нашему ужасно жирному водителю. Я любил Mötley Crüe, игравшую в магнитофоне, и бутылку «Джека Дэниэлса» на полу. Я радовался, что буду не один в своем гостиничном номере, готовясь к утреннему самолету, который унесет меня в Коннектикут, к умирающей маме.

А потом я вспомнил, что дал автограф на Библии. Что Бог подумал обо мне? Может быть, я стал блудным сыном, который ушел слишком далеко и никогда не вернется? Я хотел заняться любовью с Лореной на заплесневелом белом шезлонге, а потом

попросить ее взять нож и резать меня до тех пор, пока я не умру. Я хотел, чтобы она спихнула мое тело в бассейн, чтобы оно утонуло там в ужасной зеленой воде. Пусть вода сожрет меня так же, как рак сожрал маму. Дайте мне умереть. Дайте мне умереть.

Лорена открыла еще одно пиво и спросила:

– В мотеле есть бассейн? Мы можем поплавать?

Часть пятая
Путешествие рейва, 1997–1999

Глава пятьдесят первая
Дубы

Я прилетел из Орегона и приехал к маме в хоспис за два дня до ее смерти. Почти все время, когда я был с ней, она была на лекарствах и спала под любимым стеганым одеялом, но на мгновение она пришла в сознание, и я взял ее за руку. Остальные мои родственники ушли на обед, так что мы были в комнате вдвоем. Солнце пробивалось сквозь жалюзи на окнах и касалось ее тонкой кожи. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Говорить она не могла, я просто взял ее за руку, и мы заглянули друг другу в глаза. Мы смотрели друг на друга несколько минут. Я улыбнулся ей и сказал:

– Все хорошо, все хорошо.

> Солнце осветило ее бледную кожу, она закрыла глаза и умерла.

Солнце осветило ее бледную кожу, она закрыла глаза и умерла.

Сейчас было семь тридцать утра в день похорон, и мой телефон звонил. Снова. *«Посплю еще полчаса,* – подумал *я,* – *потом встану и посмотрю, кто там звонил»*. Я начал было снова засыпать, но звонок раздался снова. Я поднялся с постели и раздраженно взял трубку. Кто вообще звонит в семь тридцать утра в день маминых похорон?

– Моби! Где ты? – спросил Пол.

– Дома, – ответил я. Это было очевидно: он позвонил мне на домашний телефон.

– Почему ты не здесь?

– Здесь – это где?

– На похоронах твоей мамы.

– Сейчас семь тридцать утра. Похороны начинаются в одиннадцать. У меня еще три с половиной часа. Почему ты звонишь так рано?

– Сейчас десять тридцать, идиот! Похороны через полчаса!

– Что? Нет, сейчас семь тридцать, – сказал я, но на всякий случай посмотрел на часы в гостиной. В спальне на часах было семь тридцать, а внизу – десять тридцать. Я ничего не понимал.

– Сейчас десять тридцать! – закричал он.

– Блин. Что за хрень. Мой будильник сломался. Уже бегу. Увидимся, как только приеду.

– Ты понимаешь, что пропустишь похороны своей мамы?

– Знаю. Увидимся позже.

– Ладно. Поторопись.

Я проверил будильник в спальне: на нем было 7:35, хотя на самом деле сейчас уже 10:35. Я недоумевал: как он мог отстать на три часа? Часы не были сломаны. Я не переставлял их на время Западного побережья. Даже из розетки не выключал. Единственная возможная, странная правда заключалась в том, что мое подсознание разбудило меня среди ночи и переставило время. Оно не хотело, чтобы я поехал на похороны, и переставить часы на двадцать один час вперед показалось ему единственным возможным средством.

> Мой отец умер, мне было почти три года, и мама только что стала хиппи.

Дети должны бывать на похоронах родителей – это очевидно. Единственные дети одиноких родителей тем более должны бывать на их похоронах – это еще очевиднее. Я жил в сорока милях от церкви, где должны были похоронить маму, никакой обязательной к посещению работы у меня не было, так что я не мог придумать никаких других объяснений того, что я не явился на мамины похороны, за исключением слишком боязливого подсознания.

Я бросился к шкафу, схватил черный костюм и оделся, потом завязал галстук, обулся, взял бумажник и ключи. Я хотел было убрать кошелек во внутренний карман пиджака, но там уже кое-что было: спичечный коробок из театра «Гармони Бурлеск». Открыв его, я увидел номер телефона и подпись «КРИСТАЛ XXX». Костюм, в котором я поеду на мамины похороны, я в последний раз носил в «Гармони Бурлеске» в Трибеке, самом грязном и развратном стриптиз-клубе Нью-Йорка. Скорее всего, в районе паха до сих пор сохранились запах духов и блестки. Я просто ужасный человек.

Я выбежал из дома и остановил такси.

– Можете довезти до Норуока, Коннектикут? – спросил я.

– Двести долларов, – сказал таксист.

– Ладно, поехали.

Мы понеслись по Хьюстон-стрит и магистрали ФДР в сторону I-95 и Коннектикута. Я посмотрел на часы. 11:05 – должно быть, похороны только начались. Не дав мне попасть на похороны, мое подсознание, очевидно, хотело притвориться, что их не было. А мои отношения с мамой были простыми и хорошими.

Я любил маму. Она была одной из самых умных, веселых и интересных людей из всех, кого я знал. Но вот детство у меня было каким угодно, но не нормальным. Первое мое сознательное

воспоминание в жизни – как мы летим в самолете в Сан-Франциско в 1968 году. Мой отец умер, мне было почти три года, и мама только что стала хиппи. Шло Лето любви, и ее светлые, когда-то аккуратно подстриженные волосы отросли и торчали во всех направлениях. Она хотела слетать к друзьям в Калифорнию, принять ЛСД и раствориться в районе Хейт-Эшбери.

Мы приземлились в Сан-Франциско, и мамины друзья встретили ее в аэропорту. С этими ребятами она вместе росла в Дариене. Несколькими годами ранее они были чопорными студентами, пившими джин и тоник на родительских яхтах на Лонг-Айленд-Саунд. Сейчас же у них были длинные волосы, бороды и куртки а-ля Дэвид Кросби с карманами, полными наркотиков. Они посадили меня на заднее сиденье своего «Фольксвагена-Жука» и поехали на квартиру в Хейт-Эшбери. Машина полнилась дымом от травки, смехом и звуками Jefferson Airplane по радио. Я попытался выпрямиться и выглянуть в окно. Я знал, что жаловаться не надо: если я что-то скажу, на меня, скорее всего, наорут.

Когда я рос, я никогда не знал, с какой мамой в этот раз придется общаться: умной и веселой или резкой и угрюмой. Когда она злилась, я сидел тихо и ждал, пока вернется добрая мама, все это время раздумывая, что же я такого сделал, чтобы разозлить ее. Сейчас же, на заднем сиденье машины, я обнаружил, что у меня есть и третья мама: двадцатичетырехлетняя хиппи, полностью захваченная наркотиками, мужчинами и контркультурой 1968 года, а сам я нахожусь на заднем сиденье «Фольксвагена» ее друзей, вдыхая дым от травки.

> Женщины, которая родила меня, вырастила, водила к зубным врачам, кормила и любила, просто больше нет.

Тем же вечером, после ужина, она с друзьями приняла ЛСД и протащила меня на фильм категории X, «Майра Брекинридж». Мне было почти три года, так что они спрятали меня под полами длинного плаща и провели в театр.

Я побывал в Сан-Франциско в Лето любви и увидел фильм категории X за два года того, как меня отдали в детский сад, так что, может быть, не стоило удивляться, что в моем кармане был коробок спичек с подписью «КРИСТАЛ XXX» и номером телефона.

Теперь же мне было тридцать три, и я стоял в пробке где-то в графстве Вестчестер. Я знал, что мне должно быть грустно: я потерял единственную маму. Но я чувствовал лишь какое-то непонятное смятение и вину. Где мое излияние горя? У меня всю жизнь была мама, а теперь я остался сиротой. Я чувствовал себя

отшвартованным, менее привязанным к Коннектикуту, детству, Дариену, маленькому дому возле станции, где мы жили. Женщины, которая родила меня, вырастила, водила к зубным врачам, кормила и любила, просто больше нет. Женщины, которая оплачивала мне уроки игры на гитаре и слушала репетиции моих панк-роковых групп в подвале, больше нет. Она умерла, но слово «умерла» описывает только то, что произошло с телом. А вот «ее больше нет» – это уже о личности.

Пробка на I-95 рассосалась, и мы поехали дальше. Мы проехали Стэмфорд, потом Дариен и приблизились к повороту к дому, где я рос. Я посмотрел на таксометр: 180 долларов. На эти деньги можно было купить пива, приватный танец и немного оксикодона, но их же можно отдать таксисту, чтобы он подвез меня до бабушкиного дома на поминки после маминых похорон.

– Поверните здесь, – сказал я. Он что-то проворчал, включил поворотник и начал перестраиваться.

Мы доехали до бабушкиного дома, и я заплатил. Теперь мне предстояло объяснить бабушке, дядям, тетям и друзьям, почему я проспал единственные похороны своей единственной мамы. Я пересек газон, потом остановился и рассмеялся. У парадного входа меня ждал Пол, стоя рядом с Ли.

Пол и Ли любили мою маму, и для них было бы странным пропустить ее похороны. То, что на ее похороны не пришел я, конечно, намного страннее, но для меня это не менее странно. У Пола на затылке постепенно вырос целый клоунский нимб, потому что в последние несколько лет он сбривал переднюю половину волос, а задние не стриг. Обычно Пол носил платья и панк-роковые футболки, а оставшиеся волосы красил в ярко-оранжевый. Но на похороны он одолжил у кого-то темно-синий костюм примерно на четыре размера больше необходимого и надел черный парик, выглядевший так, словно его стащили с какого-то манекена в Восточной Европе году в семьдесят пятом.

– Потрясающе выглядишь! – сказал я, истерически хохоча.

– Я хотел смотреться респектабельно, – ответил Пол, немного задетый.

– Ты выглядишь очень респектабельно, – заверил его я, все еще смеясь. – Тебя хоть в церковь-то пустили?

– Моби, все уже в доме, – сказал Ли. – Ты только что пропустил похороны мамы – может быть, стоит хотя бы прекратить смеяться?

– Ты прав, – ответил я и перестал.

А потом посмотрел на Пола и опять захохотал.

– Ха-ха-ха! Ты похож на клоуна!

– Я и есть клоун, – согласился Пол и едва не засмеялся сам.

Я все-таки сумел подавить смех.

– Так, ладно, давайте будем серьезными, – сказал я и вошел в дом. Моя семья сидела в гостиной, ела маленькие сандвичи и тихо скорбела. Увидев меня, все встали и начали засыпать меня вопросами. Я объяснился – ну, почти.

– Мой будильник сломался, и я проснулся, только когда Пол позвонил мне из церкви, – сказал я, умолчав о том, что мое подсознание специально переставило время на часах, чтобы я не попал на похороны.

– Твой будильник сломался? Именно сегодня? О, мне так жаль, – сказал дядя Дейв.

Мое подсознание поздравляло себя. *«Видишь?* – сказало оно. – *Они не злятся, они не будут на тебя орать. Они жалеют тебя за то, что ты не попал на похороны!»* Но я чувствовал себя подлецом. Я любил свою семью, и, не попав на мамины похороны, я вызвал у них ужасный и совершенно необязательный стресс. Мне она была мамой, но другим приходилась дочерью, сестрой, тетей.

– Ты похож на русского киллера, – сказал дядя Джозеф.

– Как прошли похороны? – спросил я, потом смущенно добавил: – Такие вопросы вообще задают?

Мне рассказали о похоронах. Все прошло очень красиво. Солнце светило в окна той самой пресвитерианской церкви в Дариене, где мама выходила замуж, дедушка преподавал в воскресной школе, бабушка работала волонтером, меня крестили, а мы все проводили сочельники и Пасху.

– Музыка была? – спросил я.

– Мама хотела, чтобы на ее похоронах поставили Morning Has Broken Кэта Стивенса, и мы поставили, – сказал Ричард. У него уже явно комок подкатил к горлу, поэтому я просто молча обнял его.

Мы вышли на задний двор и встали там с сандвичами и пивом в руках. Я посмотрел на Пола в его нелепом парике и опять рассмеялся.

– Где ты его взял? – спросила тетя Энн, с трудом пытаясь не захихикать.

– Ты похож на русского киллера, – сказал дядя Джозеф. И вскоре мы смеялись уже все – даже бабушка.

– Пол, – сказала она, – мы знаем, как выглядят твои волосы. Не надо носить это.

Пол снял свой черный манекенский парик.

– У тебя розовые волосы! – пораженно воскликнул мой

восьмилетний кузен Ной.

– Вчера вечером покрасил, – сказал Пол.

Мы улыбались на заднем дворе, держа в руках сандвичи и пиво и стоя под осенним солнцем. Я посмотрел на моих тетушек, дядюшек, бабушку и кузенов и понял, насколько же люблю свою умную, веселую и добрую семью. Я представил себе, как мама смотрит на нас, стоящих под деревьями, и весело смеется вместе с Полом над его нелепыми волосами. Может быть, она тоже была с нами, бесплотная, где-то под дубами, и смотрела на свою семью, мужа, сына, маму, друзей, как они все смеются, как они хоть на мгновение стали счастливыми. И, может быть, именно после этого она попрощалась и отправилась к Богу через осенние листья и небо.

Глава пятьдесят вторая
Свадебная вечеринка

Прошла неделя со дня маминой смерти, и мне нужно было развеяться.

Шел вечер среды, а по средам я ходил в «Окна мира» на вершине Всемирного торгового центра. «Окна мира» – бар и ресторан, который был словно законсервирован в восьмидесятых, – с мебелью в стиле пост-диско и оранжевыми и коричневыми коврами от стены до стены. Он был спроектирован, чтобы впечатлять туристов, и поэтому когда бабушка приезжала ко мне в гости в Нью-Йорк, я ходил обедать с ней туда, на вершину башен-близнецов. Она заказывала куриный салат и чай со льдом, мы шли к окнам и смотрели на Вулворт-билдинг, где много десятилетий трудился ее муж – мой дедушка. Окна доходили прямо до пола, можно было встать в дюйме от стекла и словно парить в тысяче трехстах футах над миром, рассматривая огромную панораму Нью-Йорка и Нью-Джерси.

С год назад один клубный промоутер уговорил владельца «Окон мира» разрешить ему устраивать вечеринки вечерами по средам. Диджеи ставили Герба Алперта, Нэнси Синатру и Fatboy Slim. Люди пили, танцевали и смотрели из окон на Нью-Йорк и все его реки и мосты.

> Я немного растолстел из-за того, что слишком много пил, поэтому костюм мне жал, и я в нем выглядел как страховой брокер-южанин, по выходным снимающий любительское порно.

В девять вечера я сидел в лофте и готовился к походу в клуб. Я поставил диск The Clash, налил себе водку с содовой и стал решать, какой из полиэстеровых костюмов надеть. В последние несколько лет я ходил в «Гудвилл» на Принс-стрит и покупал там старые полиэстеровые костюмы. Всякий раз, надевая их, я получал комплименты, поэтому я все продолжал покупать и носить старые костюмы за 20 долларов. Вариант номер один: бежевый полиэстеровый костюм-тройка. Я немного растолстел из-за того, что слишком много пил, поэтому костюм мне жал, и я в нем выглядел как страховой брокер-южанин, по выходным снимающий любительское порно. Вариант номер два: голубой полиэстеровый костюм-тройка. В нем я чувствовал себя алкоголиком-билетером в баре для холостяков в Палм-Биче в 1975 году. Вариант номер три: белый костюм-тройка. Я до такой

степени часто его носил, что на манжетах и на заднице появились коричневые пятна. Последний вариант: старый черный смокинг. Мне казалось, что я в нем похож на потерявшего работу метрдотеля, но зато, когда я был в нем, мне делали больше всего комплиментов, поэтому он победил все остальные полиэстеровые костюмы.

Диск The Clash закончился. Я поставил альбом Roxy Music и сделал себе еще один коктейль. Потом я положил в карман смокинга квадратик из сложенной туалетной бумаги – мне приходилось идти на такие ухищрения, потому что настоящих платков у меня просто не было, – допил второй коктейль и вышел из дома. Днем прошел дождь, но сейчас подул ветер. Он развеивал облака и уносил их к морю. Улицы были мокрыми и пустыми.

Я прошел по Сохо, раздумывая, как меняется район. Все уезжали – картинные галереи, студии звукозаписи, художники. Перемены в Нью-Йорке, даже самые ужасные, были волнующими. Менялась и музыка: хип-хоп превратился из голоса протеста в прославление дорогих часов и бутылочного обслуживания в ресторанах. Города становятся другими, карьеры заканчиваются, родители умирают.

Я дошел до реки Гудзон. Несколько лет назад набережная была заброшена и буквально кишела транссексуалами и бездомными подростками, которые продавали секс и покупали наркотики. Теперь же это была огромная стройка – прямо рядом с грязной рекой возводили дорожки, детские площадки и места для пикников. Я прошел мимо офисных зданий нижнего Манхэттена; многие окна все еще горели – свет зажгли либо уборщики, либо сидевшие на риталине биржевые торговцы. В конце концов я добрался до башен-близнецов, этих молчаливых стражей, которые держали на себе Манхэттен, словно игла компаса. Сильнее всего в башнях-близнецах потрясали тени облаков, которые ты время от времени видел на их фасадах. Они всегда были выше, чем я ожидал. Я прошел к подножию южной башни и поднял голову. Я уже сто раз так делал, и каждый раз возникало ощущение, что направление гравитации поменяли и я падаю вверх.

В фойе южной башни было полно пьяных хипстеров, которые ждали лифта на сто шестой этаж, в «Окна мира». Я увидел там своего друга Маркуса, который о чем-то болтал с промоутером. Мы познакомились с Маркусом несколько лет назад, и он стал моим верным собутыльником – мы ходили с ним по барам пять дней в неделю. Он одевался как худой жиголо из пятидесятых – в старые черные костюмы – и всегда носил с собой старый кожаный чемоданчик, в котором прятал фляжку. Увидев меня, он подозвал

меня к себе, и мы сели в лифт.

На сто шестом этаже мы вышли из лифта, разглядывая длинную светящуюся стойку бара слева, столы и кабинки справа и танцпол прямо впереди. Диджей играл попурри из Chemical Brothers и Velvet Underground. Мы с Маркусом пошли в бар за коктейлями.

Мы заказали четыре порции, по две на каждого, и стали смотреть на женщин, собравшихся вокруг бара. Я был лысым, вышедшим в тираж музыкантом, а Маркус напоминал Дэвида Линча, только ниже ростом и больше похожего на бомжа, но каким-то образом нам обоим удавалось встречаться с прекрасными женщинами. Мы носили старые костюмы, пахнувшие «Армией спасения». Мы напивались и ужасно танцевали. Мы рассказывали очень плохие шутки. А к концу вечера мы обычно находили пьяных женщин, которых удавалось на время очаровать.

Мы прошли с коктейлями мимо танцпола и поздоровались с диджеем, который поставил трек с ситаром и брейкбитом, потом сели в кабинку рядом с нашими подругами Флоренс и Бет. Флоренс была шотландской писательницей с темно-русыми волосами, носившей платья времен Эйзенхауэра и роговые очки. Бет – миловидной ирландкой-редактором с длинными рыжими волосами, которая жила с мужем, получившим грин-карту, в маленькой квартире-студии в Трибеке. Маркус отставил свой коктейль и сказал:

– Флоренс, пойдем перепихнемся в туалете!

Они уже несколько месяцев то встречались, то не встречались.

– Пойдем! – ответила она, и они убежали.

Я сидел, пил и смотрел, как другие танцуют, пьют и флиртуют. Днем мы боролись с жизненными неурядицами, ходили к психотерапевтам, оплакивали неудачные отношения и умерших родителей. Но здесь люди были счастливы и пьяны, купаясь в мягком свете и ремиксах Рави Шанкара. Последствия от питья алкоголя шесть дней в неделю пока еще не добрались до сто шестого этажа Всемирного торгового центра.

Я допил второй коктейль и заказал третий. Маркус и Флоренс вернулись и сели обратно, вспотевшие и смущенные.

– Что произошло? – спросил я.

– М-м-м, мы пообжимались немного в туалете, – сказал Маркус. Флоренс засмеялась, вскочила и пошла к бару.

– Пообжимались? И на этом все?

– А еще у нас был анальный секс, – сознался Маркус.

– В туалете? Только что?

Я посмотрел на Флоренс, стоявшую возле бара. Она бросила взгляд на меня, засмеялась и отвернулась. Бет поставила свой коктейль на стол.

– Ну хорошо, – объявила она. – Мы с Моби тоже займемся анальным сексом в туалете.

– Серьезно? – спросил я. Мы с Бет, конечно, сходили на несколько свиданий, даже пару раз переспали у меня на крыше поздно ночью, прежде чем она уходила домой к своему мужу с грин-картой, но вот это была совсем неизведанная территория.

– Да, серьезно.

В туалет была очередь, потому что все были пьяны и хотели либо пописать, либо нюхнуть кокаина, спрятавшись в кабинке.

– Смотри, – сказал я, показав на коридор, который вел в сторону от «Окон мира», – там тоже есть туалеты.

> Мы слышали, как в туалет заходят какие-то женщины, и кто-то даже спросил: «Тут что, кто-то трахается?»

Мы прошли по коридору на территорию для приватных мероприятий, которую сняли под свадебную вечеринку. Жених-еврей и невеста-кореянка с семьями и друзьями танцевали под ABBA, смотрели на Манхэттен и наслаждались маленьким кусочком будущего.

Мы с Бет проскользнули в женский туалет, нашли кабинку, зашли внутрь и заперлись. Сначала мы ласкали друг друга, потом она задрала платье и скинула трусики. Я стащил брюки и белье, и мы занялись сексом. Бет громко стонала, но мы были пьяны и находились в четверти мили над Нью-Йорком, так что нам обоим было по фигу. Мы слышали, как в туалет заходят какие-то женщины, и кто-то даже спросил: «Тут что, кто-то трахается?»

– Ну что, займемся аналом? – шепнул я Бет.

– Конечно, – сказала она.

Кто-то забарабанил в дверь.

– Кончайте там!

– Сейчас кончим! – крикнула Бет, и я засмеялся. Мы кончили: Бет прижалась к стенке кабинки, а я оперся на нее. Натянув одежду, мы попытались выйти назад спокойно, как ни в чем не бывало. Нас встретили резкий свет люминесцентных ламп и ненавидящие взгляды женщин, которых мы заставили ждать.

Пожилая дама, которая курила сигарету и проверяла макияж, посмотрела на меня и безучастно сказала:

– Пятно вытри.

Я посмотрел вниз и увидел, что на моих парадных брюках из «Армии спасения» засыхает семенная жидкость.

Когда мы вернулись обратно в кабинку, Маркус и Флоренс уже сидели там с несколькими нашими друзьями. Они все повернулись к нам с молчаливым ожиданием.

– Так, хорошо, у нас только что был анальный секс в туалете, – сказала Бет.

Они все закричали: «Ура!», словно Бет только что получила повышение по службе.

Я подозвал официантку.

– «Столичную» с содовой и долькой лайма для меня и «буравчик» на водке для дамы, пожалуйста.

Та улыбнулась.

– Хороший выбор.

Диджей поставил I Feel Love, и нам принесли напитки. Я не смог усидеть на месте, потому что обожал песню, но при этом хотел выпить. Я попытался сделать сразу и то и другое: стал ходить по танцполу с коктейлем, пока для меня пела Донна Саммер. Мир был пустым шифром, который становился то структурированным, то хаотичным, а мы отвечали на это сексом в туалетах, русской водкой и старым диско.

Я подошел с коктейлем к окну и прислонился головой к стеклу. Допив водку, я посмотрел вниз. Ветер все еще разгонял грозовые тучи, а мы были выше них. Я видел изящные фонари Бруклинского моста, просвечивавшие сквозь облака, словно на мягкой взлетной полосе. Видел статую Свободы в заливе. А вдалеке видел океан, черный и холодный. Он был прекрасен и непостижим.

Прижавшись лбом к стеклу, я понял, что плачу. Я решил, что виноваты в этом водка и красивый вид Нью-Йорка с верхнего этажа башен-близнецов. Диджей поставил Downtown Петьюлы Кларк. Я допил коктейль и повернулся к миру спиной.

Мир был пустым шифром, который становился то структурированным, то хаотичным, а мы отвечали на это сексом в туалетах, русской водкой и старым диско.

Глава пятьдесят третья
Дождь на потолочных окнах

Холодным и дождливым воскресным вечером все, кого я знал, сидели дома, боролись с похмельем и смотрели хреновые телепередачи. Я хотел пойти куда-нибудь и напиться. Хотел, чтобы меня пригласили на самую крутую вечеринку из всех, на которых я бывал, и я наконец-то встретил там по-настоящему родную душу. Я проверил электронную почту и автоответчик, потом сделал это еще раз. Стоял холодный, дождливый воскресный вечер, в который не происходило ничего.

Я решил заказать китайской еды и поработать над музыкой. Я позвонил в свой любимый веганский китайский ресторан, «Циен Гарден» на Аллен-стрит, и заказал то же, что и всегда: сейтан с морковью и картофелем, морковный сок, бурый рис и немного салата. Я знал, что когда приедет курьер, буду чувствовать себя очень виноватым. Я выйду к лифту, теплый, сухой, в пушистых тапочках, а он, замерзший, мокрый и одетый в пончо, будет изо всех сил пытаться не задрожать, вручая мне промокший пакет с китайской едой.

Кроме неизбежной вины, я чувствовал уют. Шум дождя, падавшего на потолочные окна, и свист ветра, пытающегося пробиться через оконные рамы, были двумя моими любимыми звуками. Я притворялся, что сижу не в здании в Нижнем Истсайде, которое когда-то было мясокомбинатом, а в одинокой башне замка, разглядывая горы, словно сошедшие с карты Толкиена.

В ожидании еды я прошел на мягких подошвах в свою студию и включил оборудование. Сначала удлинители, потом синтезаторы и сэмплеры. Затем я загрузил диски в сэмплеры Akai и стал слушать, как они тихо щелкают и жужжат, принимая программный код с дисков и загружая его в свои японские сэмплерные мозги. Забравшись под стол, я включил 24-канальный микшерный пульт Soundcraft, а в последнюю очередь – усилитель мощности для колонок. Моя студия была готова к работе и издавала тихий фоновый студийный шум, похожий на далекие звуки автострады или ночного пляжа.

Я не знал, над чем собираюсь работать, поэтому загрузил несколько старых госпельных сэмплов, которые валялись у меня уже несколько лет, но я не знал, что с ними делать. Когда-то я написал быстрый евробитовый трек Why Does My Heart? в котором использовал эти сэмплы. К счастью, я его так и не

опубликовал, потому что он вышел довольно плохим. Но мне очень нравились голоса, и я хотел написать песню, которая послужит для них идеальным фоном. Я много лет коллекционировал самиздатовские госпельные пластинки сороковых и пятидесятых, и эти сэмплы я как раз достал с одной из старых, пыльных, записанных дома пластинок. Я запрограммировал медленный барабанный ритм, потому что он казался более качественным сопровождением к этим прекрасным старым сэмплам, чем техно-бит с темпом 130 ударов в минуту. То были жалобные, прочувствованные голоса – и их не нужно было запихивать в безликий техно-трек. Сэмплы хорошо вписались в эту новую, медленную барабанную подложку. А потом позвонили в дверь.

Вот таким был мой литературный герой, когда я рос: простодушный король, который сам штопает носки.

Я был голоден и хотел съесть свой законный сейтан с картошкой, но вместе с тем я уже входил в маниакальный, гипнотический рабочий поток, который был лучше любой выпивки, наркотиков, секса и научно-фантастических книг. Я снова надел пушистые тапочки, взял кошелек и впустил курьера в здание. Открылись двери лифта, и все произошло именно так, как я боялся. Невысокий парнишка-курьер стоял передо мной, одетый в насквозь промокшее пончо. Он даже обвязал ноги полиэтиленовыми мешками. Коричневый бумажный пакет, который он мне протянул, тоже оказался насквозь мокрым. *«Я худший человек в мире*, – подумал я. – *Попросил этого бедолагу приехать ко мне на велосипеде, а сам сижу дома, в тепле, сухой, самодовольный и сытый»*.

– Сколько с меня? – спросил я. Он широко улыбнулся мне из-под капюшона промокшего пончо.

– Четырнадцать долларов, сэр! Я протянул ему 20-долларовую купюру, потом мне стало его жаль, и я добавил еще пять долларов сверху.

– О, спасибо, сэр! Спокойной ночи!

Я открыл пакет, достал сейтан, морковь и картошку и положил их на настоящую тарелку, чтобы не выглядеть совсем уж типичным печальным холостяком-веганом в дождливую воскресную ночь. Я сел за свой столик из нержавеющей стали, поставил на него тарелку с едой, коробку с салатом и стакан морковного сока и стал читать «Короля былого и грядущего». Я обожал эту книгу и еще с двенадцати лет перечитывал ее снова и снова. Она никогда не надоедала, а от глав ближе к концу я всегда плакал, несмотря на то, что знал, что меня ждет. В «Короле

былого и грядущего» король Артур невинен, беспомощен и не может долго держаться ни за чувство вины, ни за былые обиды. Есть даже сцена, где он сидит один и тихо штопает свои носки. Вот таким был мой литературный герой, когда я рос: простодушный король, который сам штопает носки.

> Меня охватило то чувство, которое бывает только после того, как напишешь что-нибудь на самом деле неплохое: чувство пространства и расширения внутри и вокруг головы.

Я поужинал и поставил тарелку и стакан в раковину. Делая ремонт в квартире, я нашел большинство необходимых вещей в магазинах старьевщиков или вообще в мусоре. Выброшенную раковину я обнаружил в контейнере на Бонд-стрит. Металлическую подставку для тарелок – купил за пять долларов на Боуэри-стрит. Абажуры за десять долларов словно ждали меня в секонд-хенде в китайском квартале. Вот такой была моя маленькая кухня: простой и функциональной. Она очень меня радовала.

Помыв тарелку и стакан и поставив их сушиться, я вернулся в студию. Аппаратура все еще была включена, тихонько потребляя электричество. Работа, которой я занимался, стояла на паузе и терпеливо ждала моего возвращения. Я сел перед компьютером, нажал «Пуск» и стал слушать трек в том состоянии, в котором его оставил. Барабанная партия была довольно примитивной, но хорошо звучала с вокальными сэмплами.

Я нарезал сэмплы так, что из них практически получился куплет:

Why does my heart
Feel so bad?
Why does my soul
Feel so bad?

Мелодия была в до-мажоре, но я хотел, чтобы песня началась печально, поэтому сыграл фортепианный аккорд в ля-миноре. Печальный ля-минорный аккорд так хорошо сочетался с первым вокальным сэмплом, что я решил сыграть еще более мрачный и грустный миминорный аккорд под второй сэмпл. Потом, для третьей вокальной фразы, я использовал соль-мажор, чтобы вызвать чувство неразрешенной надежды или оптимизма. Завершил куплет я ре-мажором, на светлой ноте. По потолочным окнам стучал дождь; я уменьшил освещение в комнате и сел в

кресле, снова и снова переслушивая барабаны, вокал и аккорды, поставленные на повтор.

Я включил старый цифровой синтезатор конца восьмидесятых, на котором было приятное сочетание фортепиано и струнных, и сыграл нисходящую мелодию поверх аккордов и вокала. Звучало неплохо, но нужен был припев. Последним аккордом куплета был ре-мажор, так что для припева я решил спуститься на целый тон и начать с до-мажора. Это казалось хорошей идеей, пусть и довольно очевидной. А потом от до-мажора обратно к ля-минору – аккорд звучал жалобно, но с надеждой, сопровождая слова «He's opened doors». Потом перешел с ля-минора на фа-мажор, и припев стал похож на праздник. И после этого – обратно в до-мажор, ожидаемое разрешение, которое укрепляет надежду и радость припева.

Я откинулся в кресле, и меня охватило то чувство, которое бывает только после того, как напишешь что-нибудь на самом деле неплохое: чувство пространства и расширения внутри и вокруг головы, словно время замедляется и становится богаче. Нужно было добавить оркестровые струнные – хотя бы в припеве. Я написал простую струнную аранжировку для припева, и она очень хорошо сочеталась с аккордами. Припев приобрел нужную полетность, и я добавил вторую партию струнных – тоники, пятые и седьмые ступени.

Я задумался, чего еще не хватает песне, и решил добавить едва заметные крэши в припевах и деликатные райды в куплетах. За два часа песня была готова. Стоп… ей ведь нужна басовая партия? Куплеты казались такими обреченными, а припевы – наоборот, экспансивными и полными надежды. Я задумался, улучшит басовая партия песню или же утащит ее вниз, сделав слишком банальной и тяжелой. Я попробовал сыграть остинатную партию под куплет, и она прозвучала ужасно – жестко и неуклюже.

Потом я подумал: *«Может быть, нужен скорее басовый звук, а не басовая партия?»* Я включил синтезатор Roland Juno-106 и сделал очень простой и непритязательный басовый звук. Одни низкие частоты, ни атаки, ни высоких. Очень простой бас, чисто для ориентировки. Я сыграл его поверх аккордов, и он подошел. Большинство слушателей бас даже не заметят: он просто прячется где-то под песней, удерживая вместе все ее элементы.

Я придал песне незамысловатую структуру: вступление, куплет, припев, куплет, минималистичная концовка. И на этом она была готова. Я не знал, хороша ли она, не знал, понравится ли кому-нибудь. Но, сидя взаперти в своей маленькой студии, надежно спрятавшись от дождя, я решил, что песня готова и она

очень красива.

Глава пятьдесят четвертая
Спальня без окон

Мы с Дамьеном прошли в бар «Спай» в Сохо и увидели там Ванессу и ее подружку-порнозвезду Хайди. Ванесса пыталась выглядеть нормальной, поэтому надела короткую юбку и серый деловой пиджак, почти прикрывавший все татуировки.

– О, блин, – сказала она и отставила свой коктейль. – Это вы двое.

Я не виделся с ней с тех пор, как мы разошлись примерно с год назад. Когда мы расставались, она выбросила гигантскую зеленую куртку из шерсти монстра из «Маппет-шоу» в мусорку и попыталась обжечь меня свечой.

– Привет, Ванесса, – сказал Дамьен.

– Привет, Дамьен, – ответила Ванесса.

– Привет, Ванесса, – сказал я. – Моя мама умерла.

Ее гнев сразу утих.

– Ладно, хочешь выпить?

– Я уже выпил пять порций, но хочу.

– О, а это моя подруга Хайди, – сказала Ванесса, хотя однажды, когда мы еще встречались, уже представляла меня ей. У Хайди была копна осветленных волос и гигантские силиконовые груди, спрятанные под маленькой белой футболкой и кожаной жилеткой.

Хайди окинула меня взглядом, явно не припоминая, что мы уже встречались.

– Значит, это ты разбил Ванессе сердце? – сказала она.

– Ну, – ответил я, – мне больше нравится думать, что мы разбили сердца друг другу.

Она засмеялась и посмотрела на Дамьена.

– Ух ты, – сказала она. – Миленький. Я б тебя трахнула.

Дамьен нервно взглянул на нее.

Я прошел к бару и заказал стопки текилы – восемь штук, каждому по две.

– Поехали, – сказал я, и мы все осушили по стопке. – И еще разок, – продолжил я и осушил вторую.

Остальные держали напитки в руках.

– Привет, Ванесса, – сказал я. – Моя мама умерла.

– Ну давайте, – подбодрил всех я. – Не будьте такими неженками. Пейте текилу.

Хайди и Ванесса выпили; Ванесса выглядела так, словно ее

вот-вот вырвет. Я забрал вторую стопку у Дамьена и выпил заодно и ее.

– Так что случилось с твоей… – начала было Ванесса, и тут Хайди дала по зубам какому-то биржевому брокеру.

– Он схватил меня за жопу! – заорала она. – Мудила!

Одетые в черное охранники схватили всех нас, включая брокера, покусившегося на чужую задницу, и выставили на улицу.

– Что случилось? – спросил я, когда мы оказались на тротуаре.

– Этот х*й схватил меня за жопу, ну, я ему и дала по е*алу! – ответила Хайди, пытаясь вырваться из рук охранника, державшего ее.

– Шлюха е*аная! – крикнул в ответ брокер, вытирая кровь с разбитой губы.

– Эй, пасть заткни, уродец, – сказал ему охранник.

– Б*я, она мне рот разбила! Арестуйте ее! – потребовал он. Охранники засмеялись.

– Так, проваливайте отсюда все и не возвращайтесь, – сказал первый охранник тоном строгого учителя начальных классов. Окровавленный брокер уже поплелся на север, в сторону Принс-стрит, периодически крича: «Шлюха е*аная!»

Охранник показал нам на юг и сказал:

– Идите туда.

После этого секьюрити вернулись обратно в клуб, а Ванесса, Хайди, Дамьен и я пошли на юг по Мерсер-стрит.

– Хочешь сходить на «Ночь тысячи Стивов»? – спросила Ванесса. «Ночь тысячи Стивов» – это вечеринка, которую устраивали Джонни Дайнелл и Чи Чи Валенти; на ней трансвеститы переодевались в свое любимое воплощение Стиви Никса. Кто-то одевался Стиви Никсом эпохи Fleetwood Mac. Кто-то – Стиви Никсом из середины восьмидесятых. А артисты более крупной комплекции предпочитали Стиви Никса из середины девяностых.

В Сохо мы сели в такси и поехали по Вест-стрит в Мясницкий район. Моя мама умерла, но кому это интересно? Мне – нет. Или, по крайней мере, мне хотелось, чтобы мне было на это наплевать. Зачем мне вообще думать о чем-то, что не включает в себя пьяную поездку в такси на вечеринку с кучей трансвеститов, переодетых Стиви Никсом? Внешний мир, где умирали родители и разбивались карьеры, был печальным и повергал в смятение. Алкоголь не притуплял боль, но превращал ее в интересное место, полное кривых зеркал. Я хотел сам выбирать, что чувствую, а не жить так, что чувства ставят тебя перед фактом своего появления. Мир за пределами нижнего Манхэттена

отвратителен, его нужно изгнать из реальности.

Мы подъехали к клубу на углу Четырнадцатой улицы и Вестсайдского шоссе.

– Дамьен! – крикнул я, когда мы вышли из такси. – Пойдем в «Марс»!

– Что такое «Марс»? – спросила Хайди.

– «Марс» – это клуб в десяти футах отсюда, в котором Моби диджеил, когда еще был трезвенником, – объяснил Дамьен. – Сейчас его уже снесли.

Мы прошли в клуб. Диджей играл Edge of Seventeen, и трансвеститы дружно подпевали, стоя под лесом дискотечных шаров.

– Потрясающе! – закричал я. – Хочу стать Стиви!

Я пошел к бару и заказал еще восемь стопок текилы, по две на каждого. Я выпил первую стопку, потом вторую. Дамьен же в это время еще держал первую стопку в руках, а вторую вообще не тронул. Я забрал ее и выпил.

– Моби, – сказал он, – тебе пора остановиться.

– А ты должен пить больше! – ответил я.

Ванесса и Хайди отдали свои напитки высокому транссексуалу, отдаленно похожему костюмом на Мика Флитвуда.

– Давайте танцевать! – сказала Хайди, и мы вышли на танцпол. Повсюду вокруг нас двигались красивые мужчины, похожие на Стиви Никса. После нескольких минут танцев я вернулся к бару и заказал себе еще текилы. Я выпил две стопки под дискотечным шаром, обнял Джонни Дайнелла и сказал, что люблю его, а потом вернулся на танцпол.

Наши жизни не сложились, родители умирали, карьеры разваливались, город едва функционировал.

Диджей поставил Rhiannon, и мы с Ванессой начали целоваться. Я сунул ей руку между ног.

– О, блин, – сказала она, – иди сюда.

Она отвела меня в темный уголок танцпола и сняла трусики, потом расстегнула мне штаны. Когда Ванесса вставила меня в себя, диджей поставил Go Your Own Way. «Дрэг-квин» по имени Стиви увидел нас и сказал:

– О боже, тут е*утся натуралы!

– Фу, какая гадость! – добавил его друг.

Диджей поставил песню Стиви Никса, которую я не знал; вокруг нас собралось несколько Стиви, смотря, как мы с Ванессой трахаемся в углу танцпола.

– Ву-у-у! – кричали они. – Давайте, девочки!

Я чувствовал себя комфортно здесь, в окружении Ванессы и красавцев-транссексуалов, одетых Стиви Никсами. Эта дегенерация за закрытыми дверями казалась мне проявлением добра, буфером между мной и всеми неприятными вещами, которые я ненавидел. Мы все жили в месте, где ничего не работало. Наши жизни не сложились, родители умирали, карьеры разваливались, город едва функционировал. Но сейчас мы с Ванессой занимались пьяным сексом на танцполе, окруженные трансвеститами, одетыми Стиви Никсом, и нам было просто по фигу.

Диджей снова поставил Edge of Seventeen. Я вытащил член и кончил прямо на танцпол, а потом, потный и пьяный, обнял Ванессу. «Стиви» захлопали и вернулись к своим танцам.

– Где мои трусики? – спросила Ванесса. Я огляделся. Танцпол был заполнен пляшущими Стиви.

– По-моему, их утащили, – ответил я.

– Пойду найду Хайди, – сказала она.

Я стоял, пошатываясь и приплясывая на собственной сперме, окруженный сотнями инкарнаций Стиви Никса. Я старался не сталкиваться с ними, но просто не мог сдержаться. Я нуждался в этом – в поддержке всех этих прекрасных Стиви, окружавших меня. Я закрыл глаза и стал танцевать, чувствуя тела вокруг себя и слыша очередную песню Fleetwood Mac, которой подпевали Стиви-транссексуалы.

Моя мама умерла, но в тот момент это казалось чем-то далеким и вселенским, словно комета с плохим названием, летевшая где-то на очень-очень большом расстоянии от Земли. Ванесса нашла меня, и мы еще потанцевали. Я купил нам текилы, и, в четвертый раз послушав Edge of Seventeen, мы выбрались на улицу и поехали на такси к ней домой. Когда мы проезжали по Пятой авеню, она наклонилась над сиденьем и расстегнула мне штаны.

– Эй! Не в моей машине! – воскликнул таксист.

Ванесса на секунду прервалась, сказала: «Ой, да успокойся», потом продолжила. Я засмеялся.

– Тупые долбаные американцы, ненавижу эту страну, – все бормотал таксист.

Ванесса опять на секунду прервалась, сказала: «Тогда п*здуй отсюда» и продолжила сосать. Водитель разозлился еще сильнее и начал что-то орать на арабском, обращаясь к своему рулю и елочке-ароматизатору салона с запахом кокоса, висевшей на зеркале заднего вида. Он подъехал к дому Ванессы на Боуэри-стрит и резко ударил по тормозам. Я дал ему 20 долларов и вышел из машины.

– Извините, сэр, – заплетающимся языком пробормотал я, закрывая дверь, – она расистка.

Мы вошли в квартиру Ванессы; ее сосед еще не спал. Он сидел за кухонным столом и нюхал кокаин.

– Моби? Ты чего тут делаешь? – спросил он.

– Заткнись, Джереми, – сказала Ванесса. – Мы не сходимся снова. Его мама умерла, и мы трахаемся.

– Ладно, – сказал он. – Привет, Моби, рад тебя видеть.

– Привет, Джереми, – ответил я. – Спокойной ночи.

Мы прошли в комнату Ванессы и упали на ее кровать. Она тихо сказала:

– Мне очень жаль твою маму, Моби.

Я поцеловал ее в лоб.

– Спасибо, Ванесса.

Она заснула, тихо посапывая у меня на плече. Ее маленькая комнатка в этом лофте на Боуэри-стрит напоминала чрево: ни одного окна, совершенно темная и тихая. Я был пьян, и кровать кружилась подо мной. Коннектикут был в сорока милях, но я знал, что он не найдет меня в Нью-Йорке в этом чулане без окон, спрятанном на чердаке с низким потолком.

Я был пьян, и кровать кружилась подо мной.

Дверь была закрыта, а Ванессу и Джереми я считал своими стражами-дегенератами – несмотря на то, что Ванесса уже отрубилась, а Джереми второй день подряд не слезал с кокса. Маленькая спальня без окон была звуконепроницаемой, так что я слышал лишь тихое посапывание лежавшей рядом Ванессы. С утра мир начнет искать меня, но сейчас я полностью защищен.

Глава пятьдесят пятая
Кресло, обожженное сигаретами

В Швейцарии было три часа ночи, и я страдал бессонницей. Я прилетел в Цюрих, чтобы сыграть Feeling So Real и несколько других старых песен на концерте местного радио, а с утра мне предстояло лететь обратно в Нью-Йорк. Большинство европейских городов в три часа ночи были тихими, как пустые театры, но я, как истинный житель Нью-Йорка, искренне не понимал, как город может спать. Даже в пять утра Нью-Йорк оживляли шатающиеся пьяницы, мусорные грузовики и сумасшедшие, которые орали на пожарные гидранты.

Я отыграл пятнадцатиминутный сет из старых песен для радиостанций в девять вечера и пошел обратно в свой номер в бюджетном отеле. Комната была маленькой; в ней стояла двойная кровать с жестким бельем, офисное кресло с красными подушками из пенорезины и маленький черный столик у окна, выходящего на полуосвещенное офисное здание. Я сидел на кровати, ел мюсли с соевым молоком и пытался смотреть сериал «Бонанца» на немецком.

> Может быть, в моей жизни умерло уже столько народу, что смерть просто превратилась в рядовое событие?

В полночь я выключил телевизор, надел куртку, поставил диск Joy Division в плеер и вышел из гостиницы, чтобы погулять по тихому, пустому Цюриху. Холодный воздух спускался с гор и стелился над озером; практически все в городе было закрыто, не считая арабского продуктового магазина и борделя под названием «Секс США». Я бывал в арабских магазинах, но, пусть мне и доводилось встречаться с проститутками, бордели я не посещал ни разу.

Город казался таким пустым, что я был готов даже заплатить 100 долларов, чтобы провести время с проституткой и убедиться, что кто-то еще сейчас не спит и вообще жив. Я с минуту постоял возле борделя, слушая Insight в наушниках, но в конце концов решил, что идея зайти в бордель меня слишком пугала. Я заглянул в арабский магазин и купил бутылку газировки, а потом дошел до вокзала, где на тротуаре спали наркоманы, завернувшись в одеяла и кожаные куртки. Убедившись, что они дышат, я отправился обратно в гостиницу.

В номер я вернулся часа в два ночи. Несколько минут я читал

книгу Нельсона Де Милла в мягкой обложке, купленную в аэропорту, а потом просто сел в обожженное сигаретами кресло с красными подушками и уставился на офисное здание напротив. Прошло два месяца со дня смерти мамы, но я так и не оплакал ее по-настоящему, так, как сын должен оплакивать умершую мать. Сразу после того, как она умерла, я ушел в уборную ее палаты в хосписе и пять минут проплакал. Но, не считая нескольких пьяных всхлипов, с тех пор я не проронил практически ни одной слезы.

Может быть, в моей жизни умерло уже столько народу, что смерть просто превратилась в рядовое событие? Мои дедушки умерли, отец умер, бабушка по отцу умерла, трое моих одноклассников умерли, а уж сколько моих знакомых по нью-йоркским ночным клубам умерли от СПИДа или были застрелены, я давно перестал считать. А сейчас и моя мама оказалась в списке людей, которых я знал и которые когда-то были живы.

Я должен был горевать по ней, но траур – это когда ты тоскуешь по кому-то и оплакиваешь его безвременную кончину. Мне не хватало разговоров с мамой и визитов к ней. Но я не мог сказать, что ее жизнь завершилась безвременно или внезапно. Она бросила курить за три года до смерти, но трудно было грозить кулаком Богу и проклинать жестокость и несправедливость того, что бывшая курильщица, которой было почти шестьдесят, умерла от рака легких после продолжительной болезни.

Тяжело было принять то, что женщины, которую я знал со времен, когда был двухклеточной зиготой, больше нет. Иногда я брал телефон, чтобы позвонить ей, и вспоминал, что ее больше нет. Мне не становилось от этого грустно, но я действительно скучал по ней и думал о пустоте, которая остается, когда кто-то умирает, – словно их просто удаляют из мира. Их одежда все еще висит на вешалках в шкафу. Шампунь до сих пор стоит на полке в душе. Вещи, которые говорили об их присутствии в мире, никуда не делись, а вот их самих уже не было.

Я взял листок бумаги и сел за поцарапанный стол, чтобы написать в дневнике о том, что я совершенно не чувствую горя, и это сбивает меня с толку. Я поднес пластиковую гостиничную ручку к бумаге и стал думать о маминой жизни. О ее амбициях. О разочарованиях. О печали. Я вспомнил, как в моем детстве она по вечерам выходила на заднее крыльцо, курила там и плакала.

Подумав о том, как она стоит под двадцатипятиваттной лампочкой и плачет, тоскуя по жизни, которой у нее никогда не было, я отложил ручку и тоже заплакал. Я лег на кровать, зарылся

лицом в дешевую пенорезиновую подушку и стал всхлипывать. Я оплакивал не свою, а ее утрату.

Она была такой умной, творческой, веселой, но жизнь ее вышла разочаровывающей. У нее были любящие друзья и семья, но я знал, что в глубине души она разочаровала себя. Она хотела жить в городе, рисовать картины, писать музыку, общаться с другими творческими людьми. Она хотела устраивать выставки и ходить по галереям, но была слишком робкой, чтобы показывать свои красивые картины хоть кому-нибудь. В итоге она вернулась в пригород, где выросла, – она ненавидела его, но зато это место было безопасным и знакомым.

Чем больше я думал о ее грусти и разочаровании, тем сильнее рыдал в подушку. Вот что по-настоящему несправедливо. Не то, что она умерла сравнительно молодой от рака легких. А то, что она не смогла создать для себя жизнь, которую хотела, и винила в этом себя. Вот в чем трагедия: она позволила страху и чрезмерной осторожности помешать ей жить так, как она мечтала. Сигареты и фастфуд помогали раку расти, но в глубине души я знал, что ее убили разочарование и печаль.

Я около часа плакал в жесткую подушку, не над ее смертью, а над ее испорченной жизнью. Плакал, потому что мне не хватало ее проницательных фраз, ее ума, звука ее голоса. Но в основном я оплакивал жизнь, которую она хотела, но так и не получила.

Глава пятьдесят шестая
Тающие снежные лужи

Февраль и март в Нью-Йорке похожи на братьев-гопников. Один валит тебя в грязь, а другой пинает в живот, пока ты лежишь. Иногда они дают тебе маленький проблеск надежды, что зима все-таки не будет длиться вечно, – а потом отбирают ее и покрывают ее кучами грязного снега.

Конец февраля 1999 года. Я страдаю от похмелья. С тех пор как я снова начал пить, я проникся к похмельям странной любовью. Они казались мне чем-то вроде тошнотворного связующего звена между мной и моими пьяными литературными героями. Когда я шел по Хьюстон-стрит, страдая от похмелья под ледяным дождем, я спрашивал себя: *«Интересно, а Дилан Томас когда-нибудь шел с похмелья под дождем на Хьюстон-стрит?»* Если уж гении вроде Томаса, Фолкнера и Буковски избрали для себя жизнь пьяниц, то я, безусловно, прав, идя по их беспутным следам.

Прошлая ночь началась в десять вечера в старом баре мафии на Малберри-стрит, затем продолжилась на вечеринке на Кросби-стрит и в еще одном баре на Брум-стрит, а закончилась пивом с водкой и групповухой в пять утра в моей квартире с участием Маркуса, Джиллиан и подружки Джиллиан по имени Далия.

Февраль и март в Нью-Йорке похожи на братьев-гопников. Один валит тебя в грязь, а другой пинает в живот, пока ты лежишь.

Сейчас же было два часа дня, и я страдал от похмелья, сидя на мокрой скамейке в парке на южной стороне Хьюстон-стрит, между Кристи-стрит и Форсайт-стрит. Мой юрист с утра прислал мне факс, в котором сообщил, что только что получил договор о расторжении контракта: Elektra официально от меня отказывалась. Я надеялся, что мой контракт с Elektra как-то смягчит провал *Animal Rights*, но этого не произошло. Я ожидал этого разрыва почти год – с тех пор, как мой менеджер Барри поговорил по телефону с президентом Elektra.

– Как дела у Моби? – спросил Барри.

– Ну, у нас сейчас проблемы со всеми британскими группами, – ответил президент.

Барри выдержал вежливую паузу.

– М-м-м, вы же помните, что Моби, во-первых, не британец, а во-вторых, не группа?

В общем, новость о разрыве контракта меня не удивила. Я по-прежнему был подписан на свой европейский лейбл Mute Records, но они вообще никогда ни от кого не отказывались. Я, конечно, радовался, что у меня есть европейский лейбл, но очень трудно было ощущать себя хоть сколько-нибудь особенным, когда тебя не выгоняют с лейбла, который никогда и никого не прогонял.

В скамейке, на которой я сидел, не хватало нескольких перекладин. Я был одет в серое пальто из «Армии спасения» и слушал свои новые песни на плеере для мини-дисков.

Одна из них, Porcelain, была непонятна даже мне самому. Я работал над ней целый месяц, но никак не мог закончить. Мне нравились некоторые ее элементы, но микс был каким-то мягким и вялым, а припева вообще не было. Трек казался подходящим скорее для обратной стороны сингла, чем для альбома. Если, конечно, кто-нибудь вообще позволит мне выпустить еще один альбом.

> Мое сердце подпрыгнуло в груди, когда я увидел пару крыс, которые выбежали из общественного туалета и бросились в кусты. Уточню: мое сердце подпрыгнуло от счастья, потому что я любил крыс.

Mute Records, конечно, не разрывали со мной отношений, но не было никаких гарантий, что моя музыка понравится им достаточно для того, чтобы ее выпустить. Мои менеджеры уже несколько месяцев знали, что с Elektra меня прогонят, поэтому усиленно общались с различными лейблами в Штатах, надеясь подписать новый американский контракт. Крис Блэкуэлл, недавно основавший Island Records, проявил определенный вежливый интерес. Кроме него, все лейблы, слышавшие мою новую музыку, либо говорили «нет», либо просто молчали.

Одни начальники отделов репертуара были добрыми: они отвечали на звонки моих менеджеров и сообщали, что я не очень подхожу для их лейблов. Другие показывали, что настроены враждебно: они звонили моим менеджерам и сообщали, что не любят меня либо как человека, либо как музыканта, либо как то и другое сразу. Третьи вообще не отвечали на звонки.

Я выключил плеер и признался себе, что моя музыкальная карьера, скорее всего, окончена. Моя последняя пластинка провалилась, а песни, над которыми я работаю сейчас, плохие и хреново сведены. Я не снимал наушники, чтобы не замерзнуть. Я окончательно пал духом, признавшись себе, что даже если и выпущу этот альбом, он сгинет в никуда. Может быть, я достиг пятой стадии печали по Кюблер-Росс – смирения? Я смирился с тем, что моя десятилетняя карьера профессионального музыканта

близится к бесславному завершению. Я смирился с тем, что мама умерла.

Сидя на скамейке, я видел бездомных, стоявших в очереди перед суповой кухней на Форсайт-стрит. На детской площадке неподалеку четырехлетний ребенок пытался играть с родителями в зимней грязи. Чуть выше по улице автобусы и такси стояли в пробке и бессмысленно сигналили.

Мое сердце подпрыгнуло в груди, когда я увидел пару крыс, которые выбежали из общественного туалета и бросились в кусты. Уточню: мое сердце подпрыгнуло от счастья, потому что я любил крыс. Когда я был совсем маленьким и жил в Гарлеме, у моих родителей в подвальной квартире был целый зоопарк: две кошки, три лабораторные крысы и собака. На своей самой первой младенческой фотографии я сидел в детской ванночке, а собака, кошки и крысы смотрели на меня. Мои родители постоянно ссорились в этой подвальной квартире, а когда мне было два года, папа умер. Я не помню ничего до возраста двух с половиной лет, но, поскольку мои родители орали друг на друга, предполагаю, что единственным, что успокаивало и подбадривало меня в гарлемской квартире, были как раз собака, кошки и крысы. Так что сейчас, когда я увидел крыс на улице, моя лимбическая система проснулась и сказала мне, что это мои друзья.

> Увидел написанное огромными буквами слово Play! на стене возле баскетбольных щитов. Неплохое название для альбома.

Я подумал, не послушать ли Porcelain еще раз – вдруг я наконец-то придумаю, как бы ее исправить. Но я переслушивал ее уже примерно раз сто, и лучше она не становилась, и вместо этого я задумался, кем еще смогу работать. Я изучал философию. Может быть, я смогу преподавать эту науку в какой-нибудь государственной школе в Новой Англии? Еще я люблю архитектуру: может быть, пойти учиться на архитектора?

Я увидел еще нескольких крыс, выбежавших из общественного туалета, и подумал, что, может быть, я неправ. Возможно, Porcelain и другие мои песни все-таки не такие плохие, как я их представляю? Я включил плеер и еще раз, на свежую голову, переслушал Porcelain. Нет. Все так же плохо, хреново спродюсировано и хреново сведено, как я и думал. Я знал, что эта же песня, попав в руки более хорошему инженеру, звукорежиссеру или композитору, стала бы лучше.

Моя подруга Изабель была графическим дизайнером, и в приступе оптимизма мы даже нарисовали что-то типа обложки на случай, если Mute все-таки даст мне выпустить еще один альбом.

Я даже придумал для него название: *Play*. На углу Малберри-стрит и Спринг-стрит была детская площадка, и однажды, проходя мимо нее утром с похмелья, я увидел написанное огромными буквами слово Play! на стене возле баскетбольных щитов. Неплохое название для альбома; может быть, оно даже поможет мне понять, что не нужно быть таким паникером.

Но сейчас я решил, что песни, название и проект обложки будут задвинуты в долгий ящик, и, может быть, лет через десять, когда, вернувшись в Коннектикут и сняв квартиру-студию рядом с «Севен-Элевен», я смахну с них пыль и посмотрю на них с тоской. К счастью, даже если я буду преподавать философию в государственной школе или стану архитектором, я все равно смогу в свободное время работать над музыкой. И я должен быть за это благодарен.

Десять лет назад я надеялся, что смогу обосноваться в Нью-Йорке, найти работу диджеем в нескольких клубах и, может быть, выпустить пару танцевальных синглов. Все это сбылось с лихвой, и я *был* за это благодарен. Я объехал мир, выпускал альбомы, стоял на сцене перед тысячами людей. «Карьеры заканчиваются», – сказал я себе. Такова уж природа вещей. Если моя карьера окончена – с этим ничего не поделаешь. Она была выдающейся и неожиданной. Я убрал плеер в карман, встал с холодной сломанной скамейки и пошел домой по тающим снежным лужам.

Глава пятьдесят седьмая
Бежевая «Камри»

Мой друг Григорий и я должны были ехать в Бостон, чтобы помочь Полу со студенческим фильмом о секс-шопе, захваченном инопланетянами. Григорий был добрым русским с Брайтон-Бич; мы с ним подружились еще в начале девяностых, когда он учился на кинематографиста в Нью-Йоркском университете неподалеку от меня. После учебы он переехал в Лос-Анджелес и занялся продюсированием малоизвестных инди-фильмов, но в конце концов стал зарабатывать на жизнь съемками хардкорного порно в долине Сан-Фернандо.

Ирония состояла в том, что он одновременно был продюсером порнофильмов и христианином-трезвенником, который встречался только с христианками. Однажды после съемки сцены в одном из его фильмов актриса предложила ему сходить на свидание. Она встала перед ним, голая и измазанная спермой, и спросила, не хочет ли он выпить чашечку кофе.

– Нет, спасибо, – ответил он. – Предпочитаю разделять работу и удовольствие.

– Какая ирония, – ответила она и пошла отмываться.

Григорий не мог вести машину: в Лос-Анджелесе он работал без остановки и не спал уже два дня, его глаза закрывались на ходу. Он попросил меня сесть за руль. Я согласился, но с двумя оговорками. Во-первых, у меня не было прав. Во-вторых, во время поездки я хотел послушать кассету с музыкой, которую планировал издать на следующем альбоме. Он согласился с обоими условиями; больше всего ему хотелось свернуться калачиком на заднем сиденье своей бежевой «Тойоты-Камри» 1990 года и поспать несколько часов.

> Я все еще считал, что моя карьера музыканта окончена, но, может быть, *Play* станет моей никому не нужной лебединой песней, прежде чем я исчезну в чреве Новой Англии, чтобы стать учителем в государственной школе и умереть дома на матрасе.

Я завел машину и попытался вспомнить, как ее водить. Мои права истекли еще в 1993 году, и я не ездил на машине почти пять лет. В старших классах школы я бездумно водил мамину красную «Шеви-Шеветт» по шоссе I-95, ел «Читос» и слушал кассеты Bad Brains. «I'm a member of the right brigade!» – кричал я, набив рот «Читос», игнорируя машины вокруг и втайне надеясь,

что врежусь в грузовик и погибну в романтичном пригородном огненном шаре вместе с «Шеветт». Теперь же, направляясь на восток по Хьюстон-стрит в одиннадцать часов холодным воскресным вечером, я пытался быть самым лучшим и незаметным водителем в мире, чтобы меня не остановили и не арестовали.

– Если музыка будет слишком громкой, скажи мне, – попросил я. Ответа не последовало.

– Григорий?

Я посмотрел на заднее сиденье. Григорий набросил на лицо серую футболку и спал мертвым сном.

Я, конечно, рад был провести два дня в секс-шопе, чтобы помочь Полу снять фильм о вторжении инопланетян, но еще я был доволен, что появилась возможность узнать, как музыка с моего нового альбома звучит в машине.

Дэниэл Миллер из Mute Records послушал несколько треков, над которыми я работал, и вежливо согласился выпустить альбом на своем лейбле. Я все еще считал, что моя карьера музыканта окончена, но, может быть, *Play* станет моей никому не нужной лебединой песней, прежде чем я исчезну в чреве Новой Англии, чтобы стать учителем в государственной школе и умереть дома на матрасе.

Я выехал на магистраль ФДР, двинулся на север и нажал «Пуск» на кассетнике. А потом я улыбнулся, поняв, что всякий раз, когда кто-нибудь нажмет «play» на кассетнике или CD-плеере, я получу одну десятую секунды бесплатной рекламы. Первая песня с кассеты, Honey, звучала нормально, в основном потому, что ее сводил не я. Это делал Марио Кальдато-младший, отличный звукорежиссер, работавший над большинством альбомов Beastie Boys.

Я съехал с магистрали и выбрался на секретный бесплатный выезд с Манхэттена, который мне показал дедушка: по мосту на Третьей авеню, через Южный Бронкс и Хантс-Пойнт, мимо стриптиз-клуба «Голден Леди» и рыбного рынка, а потом на 687-е шоссе в сторону I-95. Именно так дедушка всегда вез нас из города, и, проезжая по этой дороге, я почувствовал связь с ним. Когда я был маленьким, он разрешал мне садиться на переднее сиденье своего «Олдсмобиля-Торонадо», самой крутой машины, в которой мне когда-либо доводилось находиться, когда мы выезжали из города после визита в его контору в Вулворт-билдинг, чтобы вернуться в Коннектикут. В его машине пахло сигаретами и кремом после бритья, а по радио всегда шли новости станции 1010 WINS.

В 1972 году, семилетним мальчиком, проезжая через Гарлем

и Южный Бронкс, я выглядывал из окна машины, видя пустые стоянки и сгоревшие здания, а потом смотрел на дедушку в безупречном костюме и с тщательно подстриженными, отливавшими сталью седыми волосами. Он излучал стабильность, словно супергерой – ветеран вой ны. Мир снаружи машины был ужасным. Мир дома, в котором обитали мама и ее бойфренд из «Ангелов ада», был хаотичным. Но здесь, в машине, я прятался в надежном коконе из дедушкиного крема после бритья и его морпеховской выправки. Если бы он спросил своим низким голосом: «Эй, Моби, давай ездить в машине следующие десять лет, а остановимся, только когда тебе будет пора в колледж», я бы отчаянно-счастливым тоном ответил: «Да, конечно».

> Natural Blues закончился, и, когда мы въехали в Гринвич, заиграла South Side. Я свел почти все песни с *Play* у себя в спальне, но для микширования South Side снял настоящую студию звукозаписи, и песня звучала почти профессионально.

Сейчас же шел девяносто восьмой, и я, не имея прав, сидел за рулем старой «Камри», ехал по Бронксу и вез на заднем сиденье спящего порнографа. Я остановился на красный свет у рынка Хантс-Пойнт в Бронксе. Даже по критериям измученного Нью-Йорка фермерский рынок Хантс-Пойнт был невыразимо ужасным местом. Именно туда сидевшие на крэке, больные проститутки ходили, чтобы за десять долларов отсосать у дальнобойщика или психопата. Пока мы стояли на светофоре, я видел истощенных проституток, стоявших на пятидюймовых каблуках у входа в туннель. То было безжизненное место, и даже бетон уже почернел, десятилетиями впитывая выхлопы легковых машин и грузовиков.

Я добрался до выезда на 687-е шоссе, и заиграла следующая песня, безымянный инструментал. В зеркале заднего вида я видел неровные высотки Манхэттена. Вступили фортепиано и струнные. Справа были заброшенные склады и высокие языки пламени из хранилищ природного газа. На фоне разгромленного района, населенного в основном умирающими проститутками, песня звучала печально, но с надеждой.

На магистрали I-95 заиграла Bodyrock. Она была не так хороша, как очень прилично сведенный трек от Chemical Brothers или Prodigy, но благодаря звенящим гитарам в ней было что-то панк-роковое. Когда песня закончилась, я промотал кассету вперед, чтобы не слушать несколько безликих техно-треков. Они были не то, что плохими, но ничего особенного из себя не представляли, и им не было места на этом альбоме, в основном

состоящем из медленных вещей.

Когда мы доехали до Порт-Честера, заиграла Natural Blues. Контраст между жалобным голосом и синтезаторными струнными и барабанами звучал на удивление хорошо в этот поздний час.

В восьмидесятых я, наверное, несколько тысяч раз проехал по этому пустынному участку шоссе. Бросив учебу в Коннектикутском университете в 1984 году, я поселился в мамином доме в Дариене и нашел работу диджея в маленьком затрапезном баре Порт-Честера под названием «Бит». Он вмещал сорок пять человек и был темным и грязным, но вместе с тем это было единственное контркультурное заведение в округе, и я очень радовался, что мне платили 25 долларов за рабочую смену с десяти вечера до пяти утра. Мне было девятнадцать лет, моя девушка училась в старших классах школы и жила с мамой-миллиардершей в двенадцатикомнатном особняке на берегу реки в Гринвиче, который был в нескольких милях от моего бара в Порт-Честере. Я брал мамину машину, пытался переспать со своей девушкой в спальне на третьем этаже особняка, а потом ехал в «Бит», пил водку и семь часов ставил песни New Order и Джонни Кэша для безработных художников и метадоновых торчков. В шесть утра я ехал обратно домой к маме и спал до двух часов дня под тем же одеялом и на той же кровати, которые были у меня еще в средней школе.

Natural Blues закончился, и, когда мы въехали в Гринвич, заиграла South Side. Я свел почти все песни с *Play* у себя в спальне, но для микширования South Side снял настоящую студию звукозаписи, и песня звучала почти профессионально. Мой голос в припевах был не очень убедительным, и я задумался, не стоит ли найти девушку, которая споет это в дуэте со мной. По сравнению с другими песнями на альбоме South Side была какой-то слишком прямолинейной и нормальной. С другой стороны, все равно альбом никто не будет слушать, так зачем я волнуюсь?

Мой последний альбом и правда послушает человек десять, а потом я перееду в кондоминиум в Коннектикуте неподалеку от скоростного шоссе. Ну а там я буду сидеть на матрасе, пить «Бад Лайт» и смотреть «Колесо фортуны», пока не умру от чего-нибудь, что первым смилостивится меня убить.

Я проехал Дариен, где жил очень долго. За два десятка лет я объездил на велосипеде, мопеде и маминой машине все дороги этого города. Двадцать лет я безответно влюблялся во всех местных недоступных девушек. Здесь я собрал свои первые панк-роковые и нью-вейвовые коллективы, здесь я потерял девственность – а еще, живя в этом маленьком, милом городке, я постепенно научился бояться всего и всех.

Run On начиналась с остинатной фортепианной партии. Я проехал мимо поворота на «Холидей-Инн», где жили Роберт Дауни-младший с семьей, когда переезжали из Дариена. Роберт Дауни-младший был моим лучшим другом в третьем классе. Мы сблизились, потому что оба были нервными восьмилетними мальчуганами, а его родители и моя мама были единственными взрослыми в Дариене, курившими травку. Осенью 1973 года Роберт, его сестра и я сняли мини-фильм на камеру «Супер-8», принадлежавшую его отцу, Роберту Дауни-старшему. Мы поставили сцену из сериала «Айронсайд», где Роберт играл раненого полицейского, а его сестра и я – скорбящих жену и партнера. Мама Роберта проявила пленку, и мы сели на кухне дома Дауни на Мэнсфилд-авеню и посмотрели наш трехминутный фильм, спроецированный на дверь их подвала.

> Мы всегда жили скромно, но, переехав в Стратфорд, познали новые бездны бедности.

Затем, в один печальный день 1974 года, родители Роберта решили переехать в Эссекс, в часе езды на север по побережью Коннектикута. Роберт, его мама и сестра перебрались в «Холидей-Инн», прежде чем окончательно уехать в Эссекс; мы с мамой пришли к ним в гости, чтобы попрощаться и поплавать в бассейне у гостиницы. Когда мы вышли из лифта, Роберт и его сестра выбежали босиком из номера, чтобы встретить нас, и наступили в кучу битого стекла возле машины со льдом. Визит к лучшему другу завершился тем, что мы заперлись в ванной и отчищали ступни Роберта Дауни-младшего и его сестры от стекол и крови, а наши мамы в это время продолжали курить травку.

Еще я был в «Холидей-Инне» в девяносто третьем, во время десятой годовщины нашего выпускного. На столе у входа стояла моя фотография и плакат: «Выпускной класс Дариенской старшей школы 1983 года – в новостях!» Организаторы встречи одноклассников нашли маленькую статью обо мне в журнале *People*, увеличили ее и поместили на подставке вместе с фотографиями нескольких других выпускников 1983 года. Я крутился вокруг фотографии, надеясь, что кто-нибудь из девушек, в которых я был влюблен в старших классах, снизойдет до того, чтобы заметить меня: они уже начинали стареть, а я был почти знаменит. Я надеялся, что за десять лет, прошедших после нашего выпускного, их запросы настолько снизились, что они могли рассмотреть возможность влюбиться даже в лысеющего музыканта. Но к десяти вечера я все так же одиноко стоял возле фотографии, вскоре я собрался, ушел со встречи, вызвал такси и отправился спать к маме домой.

Я проехал Вестпорт, ровно вписавшись в ограничение скорости, и перемотал несколько новых панк-роковых песен, которые точно не попадут на альбом. Потом мы въехали в Бриджпорт, и заиграл инструментал, которому я дал предварительное название Inside. Бриджпорт был городом пустых складов, наркопритонов и огромных фабрик, ржавевших на берегу. В час ночи Inside придал даже этому убожеству своеобразное мужество и красоту. Мир за окнами машины казался более медленным и пустым. Фонари на шоссе неслись мимо, а гирлянды промышленных прожекторов на электростанции казались изящными, словно сочельник на луне.

За Бриджпортом последовал Стратфорд. Мы с мамой прожили там пару лет в середине семидесятых, когда были очень, очень бедны. Мы всегда жили скромно, но, переехав в Стратфорд, познали новые бездны бедности. У мамы не было работы, и мы выживали на пособия, продуктовые талоны и деньги, одолженные у друзей и родителей. Однажды в семьдесят четвертом мама дала мне продуктовых талонов на двадцать долларов, чтобы я купил продуктов в супермаркете неподалеку от дома, где мы снимали две комнаты. Пробив на кассе продукты, старик-кассир покачал головой и сказал:

– Оставь себе талоны, сынок, это за мой счет.

Я забрал маленький пакет с продуктами. Он печально улыбнулся и добавил:

– Удачи, малыш.

Все те два года, что мы прожили в Стратфорде, я боялся. Боялся бедности, боялся бандитов, которые собирались возле моей школы, боялся ребят с более крупным телосложением. Всего боялся.

Я проехал мимо заправки в Стратфорде, где потерялся, когда мне было девять. Я шел домой от друга и оказался на заправке после того, как два часа блуждал по пустым улицам и жилым комплексам. Я заплакал:

– Я потерялся, вы можете позвонить моей маме?

Работники заправки нашли ее имя в телефонной книге, набрали ей и сказали:

– Ваш маленький мальчик потерялся и пришел сюда, мэм.

Она приехала за мной и увезла домой. Я сидел на переднем сиденье ее «Шеви-Веги» и рыдал, не в силах остановиться.

Григорий все так же храпел на заднем сиденье, а я проезжал поворот на спортивный магазин Стратфорда. Когда мне было десять, я накопил пять долларов, работая у соседей, и пошел туда, чтобы купить кубок со своим именем. Со спортом у меня не складывалось, но я очень хотел иметь трофей, на котором будет

написано мое имя. Продавец узнал меня: я раз в неделю приходил в магазин и смотрел на витрину с кубками и медалями. Я достал свои пять мятых долларов из кармана синей ветровки и спросил, можно ли купить маленький золотой кубок.

– Извини, – сказал он, – мы продаем трофеи только школам и спортивным командам.

А потом он попытался меня подбодрить:

– Однажды ты станешь отличным спортсменом и завоюешь много кубков!

Я вернулся домой с пятью долларами и стал смотреть «Звездный путь» по нашему черно-белому телевизору с вешалкой вместо антенны.

Когда мы выехали из Стратфорда и пересекли реку Хусатоник, заиграла Down Slow. Я глянул на заднее сиденье. Григорий все еще спал. Или был без сознания. Или умер. Я перемотал несколько песен и добрался до My Weakness. Григорий проснулся и принял сидячее положение.

– Где мы? – спросил он.

– Нью-Хейвен, – сказал я. – Ты уже довольно долго спишь.

– Ох. Что это за музыка?

– Моя, для нового альбома.

– Хм. Мне нравится.

Он лег и снова заснул. По крайней мере, теперь я точно знал, что он не мертв.

Под крещендо струнных из My Weakness я выехал из Нью-Хейвена. В начале семидесятых мы с мамой на выходные ездили в коммуны, окружавшие город; иногда она наведывалась в гости к знакомым хиппи в Олд-Сейбрук или Олд-Лайм.

Когда мы ездили в коммуны, мне всегда было интересно: придется лежать в одной кровати с хиппи или же мне дадут собственный спальный мешок. А еще мне было интересно, найду ли я с утра хоть кого-нибудь, кто не спит, чтобы помочь приготовить завтрак. Я никогда не спрашивал маму, куда мы едем, – это было не мое дело. Но я мог задавать вопросы насчет песен, игравших по радио.

– Это песня о лысой женщине? – спросил маму восьмилетний я.

– Эта песня? – переспросила она, выдыхая сигаретный дым.

– Ну да, там еще припев: «bald-headed woman», – сказал я.

Она расхохоталась и никак не могла остановиться, и я тоже засмеялся. А потом она стала подпевать Bee Gees: «Bald-headed woman to me!» Я тоже стал подпевать.

– А что они на самом деле поют? – спросил я во время бриджа. Мама опять засмеялась.

– «More than a woman», «больше, чем женщина», – объяснила она. – Но «лысая женщина» – это куда круче.

Закончилась My Weakness, и заиграла Guitar Flute and String. Мы неслись на восток по Коннектикуту в сторону Бостона. Дорога стала еще более пустой и мрачной.

> Я готов отдать все вечеринки, всю водку и все групповухи втроем, вчетвером и всемером ради одного момента безопасности и комфорта, ради того, чтобы поговорить с любимой посреди ночи.

Началась The Sky Is Broken. Мне нравилась эта песня. Я мог писать романтичные композиции, но не мог справляться с приступами паники достаточно долго, чтобы поддерживать настоящие отношения. The Sky Is Broken была об отношениях, которых у меня никогда не было, – уязвимых, близких, доверительных. Мои же были отчаянными и подогревались паникой. Незадолго до расставания Сара сказала мне, что я похож на испуганного, побитого пса, который живет под крыльцом. И я согласился. Я хотел наконец выбраться из-под крыльца и жить при свете дня, но не мог.

Под крыльцом было темно и одиноко. Но в этом знакомом для меня месте никто не мог мне навредить. Если бы я вылез из-под крыльца и стал бегать при свете дня, то все бы увидели, кто я на самом деле: испуганный восьмилетний мальчик с продуктовыми талонами в кармане. Но всегда, когда я наслаждался жизнью или открывался кому-то, меня поднимали на смех или причиняли боль. После этого я прятался обратно под крыльцо и ругал себя за то, что вообще решил вылезти. Лучше сидеть под крыльцом в безопасности, чем вылезти и получить новую порцию боли.

Я был одиноким холостяком, и мне очень хотелось завершить этот цикл, в котором я сначала поддавался панике, а потом бежал от любви. Когда-нибудь, и желательно поскорее, мне нужно найти женщину, которая будет любить меня таким, какой я есть, и скажет, что я хороший. Я на самом деле не хотел всю жизнь перепихиваться по пьяни. Я хотел спать рядом с кем-нибудь и чувствовать себя в безопасности. «Поговори со мной среди ночи», – сказал мой голос на кассете, пока я ехал среди темноты. Я готов отдать все вечеринки, всю водку и все групповухи втроем, вчетвером и всемером ради одного момента безопасности и комфорта, ради того, чтобы поговорить с любимой посреди ночи.

The Sky Is Broken закончилась. Я выключил кассетник и поехал по шоссе в тишине.

Послесловие

Когда я впервые заговорил со своим литагентом по поводу мемуаров, я сказал, что был бы очень рад нанять писателя, который все сделает за меня. Очень многие просят других людей писать книги за них, иногда результаты получаются великолепными. Например, *The Dirt* Mötley Crüe. Ребята из Mötley Crüe рассказали Нилу Строссу свои великолепные истории, и он сделал из них потрясающую книгу. Может быть, и мне поступить так же?

Это казалось таким соблазнительным и привлекательным: проводить по несколько часов в неделю за беседами с профессиональным писателем, который потом сделает из этого что-нибудь классное, а хвалить за это будут в основном меня. А потом мой литагент сказал:

– Ты потомок Германа Мелвилла. Ты должен хотя бы попытаться написать книгу сам.

Я неохотно согласился. Быть потомком Германа Мелвилла и даже не попытаться написать собственные мемуары – как-то немного стыдно перед предком. Смирившись с тем, что мемуары никто за меня не сделает, я открыл ноутбук и начал писать.

И, к счастью, оказалось, что мне это нравится. Сидеть и тратить часы, складывающиеся в месяцы, на путешествия в прошлое и их описания оказалось для меня настоящим раем. Это нарциссическое путешествие во времени.

А потом мой литагент сказал:

– Ты потомок Германа Мелвилла. Ты должен хотя бы попытаться написать книгу сам.

Если автор сам пишет свою книгу, это не должно быть чем-то необычным, его не нужно за это хвалить и хлопать по спине. Это очень напоминает эпизод с концертом Алиши Киз на церемонии награждения MTV. Она играла на фортепиано. А после ее выступления люди, сидевшие вокруг меня, изумились. «Она играет на фортепиано!» – восклицали они. Мне стало интересно, с каких это пор нужно удивляться, что музыкант умеет играть на музыкальном инструменте. А писатель сам пишет свою книгу.

Если моя книга плохая, в этом виноват я. Больше обвинить некого. Если она хороша, то я, конечно, с удовольствием поблагодарю Дэниэла Гринберга, Скотта Мойерса и Гэвина Эдвардса, которые помогли мне пропустить мою жизнь через сито редактуры и переписывания.

Спасибо вам,

Моби

P.S. Я изменил некоторые имена и характерные черты из уважения к другим людям, а также некоторые последовательности событий и подробности, но все истории, которые описываются в этой книге, произошли на самом деле.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ,
ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

Чуть больше 9 квадратных метров.

2

Церковь, оборудованная в здании, которое изначально было предназначено для коммерческой деятельности.

3

Около 2,5 га.

4

Испанское блюдо из мелких кусочков жареной свинины.

5

Напиток из вина с фруктовым соком или газированной водой.

6

Один из видов религиозной духовной практики, проводящийся обычно вдали от цивилизации.

7

Традиционное английское пожелание удачи на сцене.

8

Кокаин.

9

Непереводимая игра слов: «образцовая гражданка» по-английски звучит как model citizen.

«Эни» = «an E».

11

Непереводимая игра слов. Германия – Germany, «много микробов» – many germs.

12

Непереводимая игра слов. Great white wail звучит точно так же, как great white whale («Большой белый кит»). Прозвище Моби музыкант получил из-за того, что является дальним потомком Германа Мелвилла, автора «Моби Дика».